

Магілёўскі гарадскі выканаўчы камітэт

Упраўленне культуры Магілёўскага гарвыканкама

Установа культуры
«Музей гісторыі Магілёва»

ГІСТОРЫЯ МАГІЛЁВА: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў
XIV Міжнароднай навуковай канферэнцыі
27–28 чэрвеня 2025 г.

Жлобін
2025

УДК 94(476)
ББК 63.3 (4 Бей)
Г51

Навуковыя рэцэнзенты:
Старшыня Пастаяннай камісіі па адукацыі, культуры і навуцы
Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага Сходу Рэспублікі Беларусь
доктар гістарычных навук, прафесар,
член-карэспандэнт НАН Беларусі *І. А. Марзалюк*;
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін і фізічнай культуры
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта харчовых і хімічных тэхналогій
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *І. А. Пушкін*

Укладальнік
С.І. Бяспанскі

На вокладцы: фотаздымкі Буйніцкага поля Г.А. Асіпцова

Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых
Г51 артыкулаў удзельнікаў XIV Міжнар. навук. канф., 27–28 чэрвеня
2025 г., г. Магілёў / уклад. С. І. Бяспанскі. – Жлобін: Государственное
предприятие “Техническая книга”, 2025. – 358 с.
ISBN

У зборнік “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць” увайшлі навуковыя
артыкулы ўдзельнікаў XIV Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыя
Магілёва: мінулае і сучаснасць”, якая адбылася ў г. Магілёве 27–28 чэрвеня
2025 г. і была прысвечана 80–годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. У
зборніку захаваныя погляды, арфаграфія і мова аўтараў, таму за магчымыя
недакладнасці і спрэчныя моманты ў тэксце адказнасць нясуць аўтары.

УДК 94(476)
ББК 63.3 (4 Бей)

ISBN

© Магілёўскі гарадскі выканаўчы
камітэт, 2025
© УК “Музей гісторыі Магілёва”, 2025

Прывітальнае слова старшыні Магілёўскага гарадскога выканаўчага камітэта С. В. Чарткова	8

**Захаванне гістарычнай памяці аб Вялікай Айчыннай вайне – да 80-годдзя
Вялікай Перамогі. Абарона Магілёва, ваенныя падзеі і пасляваеннае
аднаўленне на Магілёўшчыне**

Шершнева О. А. ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО: МОГИЛЕВ – ГОРОД МУЖЕСТВА И ПАМЯТИ»	9
Литвиновская Ю. И. МОГИЛЕВ: ЛЕТО 1941 ГОДА. СОЗДАНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА	14
Голуб В.В. КРЕПОСТЬ НА ДНЕПРЕ – МОГИЛЁВ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПОЗИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)	21
Сугако Л.А. ЛЕТО 1943 Г.: 14-Я ТЁМНОЛЕСКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА В ОСВЕЩЕНИИ РУКОПИСНЫХ ЖУРНАЛОВ	25
Герасимович А.С. ОСИПОВИЧИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОДВИГ ФЁДОРА КРЫЛОВИЧА	32
Беспанский С.И. КАПИТАН ПЕХОТИН	37
Швырёв А.И. ОРГАНИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МОГИЛЕВА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ	45
Петухоў А.В. КАДРАВЫ ПАТЭНЦЫЯЛ МАГІЛЁўСКАГА ЛАКАМАБІЛЬНАГА ЗАВОДАВА ўМОВАХ ПАСЛЯВАЕННАГА АДНАўЛЕННЯ НАРОДНАЙ ГАСПАДАРКІ	49
Быковская Г. А., Ярцева Д.М. ОТ ЗАРИСОВОК ДО ХРОНИКИ: ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ	53
Брыскин Н.М. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА В МОГИЛЕВЕ : СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА	57
Федорчук Е.И. ЭХО МИНУВШИХ ДНЕЙ: ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВОЙНЫ	64

Старажытная гісторыя і археалогія Верхняга Падняпроўя і Пасожжа

Авласович А.М., Логвинова Д.С. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У АГ. ГОРБОВИЧИ, ЧАУССКОГО РАЙОНА.	70
Даниленко С.И. БАЛТСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ГИДРОНИМА БОРИСФЕН (<i>ΒΟΡΥΣΘΕΝΗΣ</i>)	77
Ковалевский Я.В. АНТРОПОМОРФНАЯ СКАНДИНАВСКАЯ ПОДВЕСКА ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЛУДЧИЦЫ БЫХОВСКОГО РАЙОНА	84
Дубицкая Н.Н. МОГИЛЬНИКИ МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В V–VII ВВ. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	87
Поджаров В.М. РИТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАДИМИЧЕЙ	103
Ятин П.Н. КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ С БЕРЕГА РЕКИ ДНЕПРА БУДА-КОШЕЛЁВСКОГО РАЙОНА	108
Мядзведзеў А. М., Мядзведзеў К. А. ВЫВУЧЭННЕ АРХЕАЛАГІЧНАЙ СПАДЧЫНЫ БЯЛЫНІЦКАГА КРАЮ (другая палова XIX – XXI ст.)	112

Сацыяльна-эканамічная, палітычная гісторыя і сучаснасць рэгіёна

Пазднякоў В.С. МАГІЛЁЎСКІ ЭКСЦЭС 1610 ГОДА	119
Заремский В.К. ЗАРОЖДЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ МЕЛИОРАТИВНЫХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВЩИНЫ (1894-1928 гг.)	126
Орос Н.И. ПОЛОЖЕНИЕ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МОГИЛЁВЕ В ФЕВРАЛЕ-СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА	133
Капліеў А. А. САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ЗМЕНЫ НА АКУПРАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1921 ГГ. НА ПРЫКЛАДЗЕ БАБРУЙШЧЫНЫ	137
Грузицкий Ю.Л. МОГИЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	142
Раемский Ю.А. СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В МОГИЛЕВЕ В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОРОДЕ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО	148

Мартыновская А. О. ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ В МОГИЛЕВСКОМ МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	153
Воробьёв А.А. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В МОГИЛЕВСКОМ РЕГИОНЕ БЕЛОРУСИЗАЦИИ (1924-1926 ГГ.)	158
Шелковский Д.Н. ИСТОРИЯ КИНОТЕАТРА «РОДИНА»	161
Тютюнкoв А. Н. О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ МИЛИЦИИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1953 ГОД	165
Пушкін І. А. КАДРЫ І ЎЗРОВЕНЬ ЗАРОБКУ ПРАЦАЎНІКОЎ ПРАМЫСЛОВАСЦІ МАГІЛЁЎСКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў ПЕРЫЯД ПАЛІТЫЧНЫХ І ЭКАНАМІЧНЫХ РЭФОРМ 1985–1994 ГГ.	170
Сімакоў А.В. МАГІЛЁЎ У БЕЛАРУСКА-ІНДЗЕЙСКІХ СУВЯЗЯХ	176
Зиновьева А.А. ФОРМИРОВАНИЕ БРЕНДА МОГИЛЕВА, КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	187
Рудой В.Н. ДАЧА № 33. ИСТОРИЯ КАРАБАНОВКИ ОТ ДЕРЕВНИ ДО ГОРОДА	194

Асoба і Магілёўшчына. Славутыя магілёўцы

Ковалёв Д.В. ФРАНЦ МИХАЙЛОВИЧ ЛЕККЕРТ – БАВАРСКИЙ ПОДДАННЫЙ В Г. МОГИЛЁВЕ	203
Ціхаміраў А. У. ФАТАГРАФІІ СЯМ’І ДАЛІНСКІХ НА ФОНЕ ЭПОХ	209
Кондаков М.С. РОЛЬ Ю.Ф. САМАРИНА В РАСКРЫТІИ ОСТЗЕЙСКОГО ВОПРОСА	214
Петрукович Е.Ю. ОСНОВАТЕЛИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. СЕМЬЯ САРАТОВСКИХ	218
Шимуkenyс М. СЕКРЕТАРИ ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ	223
Петров Д.Н. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ МОГИЛЕВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.С. ДЕМБОВЕЦКОГО (1840-1920) И ЕГО СЕМЬИ	230
Зенько А.Л. ФАКТЫ БИОГРАФИИ Е. В. ПАСТЕРНАК, НАШЕДШИЕ ОТРАЖЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ	236
Мельникова А.С. СОЛОМОН ЯКОВЛЕВИЧ ЛУРЬЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.	243

Марзалюк А. В. - НАВУКОВЫ ДАРОБАК Е. Р. РАМАНАВА Ў БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА	250
Свинтицкий Ф.А. ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ В МОГИЛЕВЕ	253
Жижиан С.Ф. УРОЖЕНЕЦ МОГИЛЁВЩИНЫ – ВОЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ ЕФИМ ТРОФИМОВ	261
Савосина И.И. «ПАРУСА МОЕГО ДЕТСТВА». К ИСТОРИИ СЪЕМОК ФИЛЬМА И СУДЬБЕ АВТОРА СЦЕНАРИЯ	266

Крыніцазнаўства, канфесійныя працэсы і духоўныя традыцыі на Магілёўшчыне

Костеров А.П. ДОКУМЕНТЫ «БЕЛОРУССКОГО АРХИВА» ОБ ИСТОРИИ МОГИЛЕВА 16-17 ВЕКОВ.....	273
Баранов Д.А., Черных В.Д. РОЛЬ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПОДХОДОВ К ОБРАЗОВАНИЮ XVII В	279
Галынский Р.Д. БОЕПРИПАСЫ, СПОСОБЫ ИХ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ В МОГИЛЁВЕ КОНЦА XVI – XVII В	283
Юргенсон В.А. УНИВЕРСАЛЫ 1761 – 1762 ГОДОВ О РЕДУКЦИИ МОНЕТЫ	288
Прачакова Н.А. “ПАМЯТКА ДЛЯ ЯДЗВІГІ З ВЯЗНІЦЫ МАГІЛЁЎСКАЙ 1863 ГОДА” НАТАТНІК, ЯК МЕМУАРНАЯ КРЫНІЦА	292
Буевич Т.В. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА	298
Сидоренко Б.И. ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГУБЕРНСКОГО МОГИЛЕВА НАЧАЛА XX ВЕКА: Н. Н. ОСТАНКОВИЧ И ЕГО «ПОЕЗДКА В МОГИЛЕВСКУЮ ГУБЕРНИЮ»	305
Лагуноўская А.А., Вялічка Н.В. ХРЫСЦІЯНСКІЯ КАШТОЎНАСЦІ Ў САЦЫЯКУЛЬТУРНЫМ РАЗВІЦЦІ СТАРАБЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА X–XVI СТСТ	312
Прасаловіч А.В. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ВІЗІТАЦЫЯ МАГІЛЁЎСКАГА ПАРАФІЯЛЬНАГА КАСЦЁЛА 1654 ГОДА	319
Лагуноўская А.А. ХРЫСЦІЯНСКІЯ КАШТОЎНАСЦІ Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫМ І ПРАВАВЫМ РАЗВІЦЦІ СТАРАБЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ X–XVI СТСТ	324
Сухарьков В.В. БОГОЯВЛЕНСКИЙ БРАТСКИЙ МОНАСТЫРЬ В Г.МОГИЛЕВЕ	332
Старостенко В.В. НОВАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	335

НА МОГИЛЕВЩИНЕ В 2000-Е ГГ	
Юдин В. В., Козлова К. И. РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОГИЛЕВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	342
Лагуновская Е.А., Кирпич А.А. ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	345
Звесткі аб аўтарах	353
Музей гісторыі Магілёва	357

Прывітальнае слова старшыні Магілёўскага гарадскога выканаўчага камітэта Сяргея Валер’евіча Чарткова

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Шчыра вітаю вас на XIV Міжнароднай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць”, якая прысвечана 80-годдзю Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Прыемна адзначыць, што разам з даследчыкамі з розных рэгіёнаў Беларусі свае даклады прадставілі навукоўцы з Расійскай Федэрацыі: Ліпецка, Варонежа, Смаленска. Канферэнцыя стала

паўнаважнай пляцоўкай для абмеркавання важных падзей, звязаных з гісторыяй Магілёва і падзеямі Вялікай Айчыннай вайны, сабрала прадстаўнікоў розных краін,

якія вывучаюць нашу агульную гісторыю і культуру.

Праблемнае поле, заяўленае ў праграме, адлюстроўвае разнастайную палітру гісторыі і сучаснасці Магілёўскага рэгіёна. Упэўнены, што гэта сустрэча будзе надзвычай плённай, дасць новы імпульс для паляпшэння працэсу навуковых даследаванняў у вывучэнні багатай гістарычнай і культурнай спадчыны нашага роднага горада.

Гістарычная памяць аб мінулым Магілёва, ваша руплівая праца па яе захаванні – неабходны падмурак для фарміравання ў маладога пакалення пачуцця гонару за сваю краіну і свой народ. Пазітыўная праца на гістарычнай ніве дазваляе нам упэўнена рухацца наперад, захоўваючы сувязь пакаленняў, а таксама заклікае памятаць пра тых, хто ствараў наш горад, развіваў яго, умацоўваў самабытныя традыцыі, якімі мы карыстаемся ў сучаснай рэчаіснасці.

Дазвольце пажадаць усім удзельнікам канферэнцыі паспяховай працы! Няхай сустрэча ў Магілёве пакіне ў вашых сэрцах самыя добрыя ўспаміны!

Старшыня
Магілёўскага гарвыканкама

С.В.Чарткоў

**Захаванне гістарычнай памяці аб Вялікай Айчыннай вайне – да 80-
годдзя Вялікай Перамогі. Абарона Магілёва, ваенныя падзеі і
пасляваеннае аднаўленне на Магілёўшчыне**

УДК 94(476.5)

**ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО: МОГИЛЕВ – ГОРОД
МУЖЕСТВА И ПАМЯТИ»**

Шершнева О. А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет»
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. В статье исследуется феномен Великой Отечественной войны через призму философского осмысления, раскрывая её как экзистенциальный и этический вызов человечеству. Автор анализирует войну не только как историческое событие, но и как метафору борьбы между созиданием и разрушением, памятью и забвением. В работе поднимаются вопросы о природе зла, роли памяти в преодолении нигилизма и актуальности военного опыта для современного общества. Автор констатирует, что Великая Отечественная война остается трансцендентальным уроком, напоминающим о хрупкости человечности и необходимости сохранять, о чем свидетельствует военно-исторический опыт Могилева.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Могилев, историческая память, цифровое общество, человек войны.

Summary. The article examines the phenomenon of the Great Patriotic War through the prism of philosophical understanding, revealing it as an existential and ethical challenge to humanity. The author analyzes the war not only as a historical event, but also as a metaphor for the struggle between creation and destruction, memory and oblivion. The work raises questions about the nature of evil, the role of memory in overcoming nihilism and the relevance of military experience for modern society. The author states that the Great Patriotic War remains a transcendental lesson, reminding us of the fragility of humanity and the need to preserve, as evidenced by the military-historical experience of Mogilev.

Keywords: The Great Patriotic War, Mogilev, historical memory, digital society, man of war.

Великая Отечественная война - это не только столкновение армий, но и предельная точка напряжения человеческого духа, где обнажаются фундаментальные вопросы бытия. Великая Отечественная война, ставшая для СССР экзистенциальным испытанием, превратилась в метафору борьбы между созиданием и разрушением, памятью и забвением, свободой и порабощением. Её значимость выходит за рамки истории, становясь философским зеркалом, в котором отражаются вечные дилеммы

человечества. Война как экзистенциальный пограничный опыт напоминает, что человек обретает подлинность в ситуациях выбора на грани жизни и смерти. Война превратила миллионы людей в «экзистенциальных героев», вынужденных ежедневно отвечать на вопросы: Что значит остаться человеком, когда вокруг ад? Как сохранить веру в добро, видя зло в его абсолютном проявлении?

Советский солдат, спасающий ребенка под обстрелом, или мать, делящая последний кусок хлеба с чужими детьми в блокадном Ленинграде, - это ответы, данные не словами, а действиями. Как писал Эммануэль Левинас: «Этика рождается в лице Другого, который требует от меня ответственности» [7, с. 185]. Война стала пространством, где этика выживания слилась с жертвенностью.

Парадокс войны в том, что тоталитарный режим, подавляющий свободу, стал защитником свободы как ценности. Советская пропаганда говорила о «свободе от фашизма», но солдаты шли в бой не за абстрактные лозунги, а за конкретное: за родной дом, за мать, за право жить без страха. Здесь возникает вопрос: может ли тоталитарная система породить подлинную свободу духа? Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» отвечает: «Человек не становится рабом от того, что его называют рабом. Он становится рабом, когда забывает, что он человек» [4, с. 356]. Даже в условиях несвободы люди сохраняли внутреннюю автономию - через сострадание, творчество, сопротивление.

Война поставила человечество перед угрозой экзистенциального нигилизма: если массовая смерть становится нормой, то что тогда имеет ценность? Ответом стала память - не как механическое запоминание дат, а как акт сопротивления забвению. Ханна Арендт в «Банальности зла» показала, как систематическое уничтожение памяти (например, стирание имён в концлагерях) было частью нацистской машины уничтожения. Поэтому сохранение имён, писем, дневников - это философский акт утверждения: «Я был - значит, я существую» [2].

Сегодня, когда ветеранов почти не осталось, Великая Отечественная становится не просто прошлым, а метафорой вечных вопросов: Возможен ли прогресс без насилия? Можно ли победить, не став подобным врагу? Цифровая эпоха, с её клиповым сознанием, пытается превратить войну в «контент», но философская задача - вернуть ей статус «экзистенциального урока». Как заметил белорусский писатель Светлана Алексиевич: «Война не уходит, пока о ней спорят» [1]. Великая Отечественная война - это не только историческое эпохальное событие, но и трансцендентальный опыт, выходящий за пределы рационального объяснения. Она напоминает, что даже в самом мрачном хаосе человек способен найти свет - в любви, памяти, сопротивлении. Война, став коллективным опытом смерти, заставила миллионы ощутить хрупкость и ценность жизни. И в этом - её главный парадокс: катастрофа, которая научила человечество надеяться.

Весна 1945-го стала не просто концом войны - она стала началом вечности. Вечности подвига, который нельзя измерить годами. Война научила нас ценить «тишину» - возможность жить без страха. 80 лет спустя мы по-прежнему слышим эхо салюта Победы в каждом шелесте берёз, в каждом детском смехе, в каждом звоне колоколов, напоминающем о кровавых событиях Великой Отечественной войны. Маршал Георгий Жуков писал: «Народ, способный защитить свою землю в таких испытаниях, непобедим» [6]. Эти слова высечены на стеле у мемориала «Родина-мать» в Волгограде - городе, где решалась судьба мира. Но и Могилев, и Брест, и тысячи сёл стали частью этой всеобщей святыни.

27 миллионов жизней - такова официальная цифра потерь СССР. Но за ней стоит незаживающая рана каждой семьи. 4168 Героев Советского Союза получили это звание в годы войны, 900 дней блокады Ленинграда, 250 дней обороны Севастополя - эти даты не просто хроника, это урок стойкости, который сегодня звучит как наказ современникам о необходимости сохранения памяти тех героических подвигов людей, которые сражались за наше светлое и безоблачное будущее. Война, как отметил историк А. Ассман, «становится формированием оперативной памяти общества» [3, с.15]. Война - это противоестественно, но она же научила нас ценить простые вещи. Сегодня это звучит особенно остро: - в школах Могилева ученики сажают «Сады Победы» - яблони в память о погибших, волонтеры восстанавливают письма с фронта, ученики местных школ пишут «письма в прошлое» героям войны.

Город Могилев является ярким примером несокрушимости и мужества. Раскинувшийся на берегах Днепра, Могилев - это не просто точка на карте Беларуси, это живой свидетель истории, хранящий память о подвигах предков, чьи судьбы переплелись с трагедией и героизмом Великой Отечественной войны. Сегодня, спустя десятилетия, мы смотрим на события тех лет глазами современников, пытаюсь осмыслить, как война меняла человека, его ценности, веру и любовь к Родине. В Могилеве, где каждый камень дышит историей, эта тема обретает особую глубину. Летом 1941 года Могилев стал одним из ключевых рубежей обороны на подступах к Москве. Защитники города - солдаты, ополченцы, простые горожане 23 дня сдерживали натиск превосходящих сил вермахта. Их подвиг стал символом негиблемости духа.

Сегодня на Буйничском поле, где шли ожесточенные бои, стоит мемориал с гравировкой: «Здесь не покорился врагу советский солдат». Для молодого поколения это не просто памятник - это повод спросить: «А смог бы я?». Война обнажила в людях как страх, так и невероятную силу. Архивы Могилевского краеведческого музея хранят истории, которые заставляют переосмыслить понятие патриотизма. В этой связи нельзя не сказать про полковника Семёна Кутепова, командира 172-й стрелковой дивизии, чьи тактические решения позволили организовать эффективную оборону, про Марию Грицкова, медсестру, вынесшая с поля боя более 50 раненых. Её

дневник, найденный в руинах госпиталя, стал хроникой человечности среди ада.

Героями можно назвать и учителя Николая Зуева, организовавший подпольную школу в оккупированном городе, и подпольщицу Ольгу Щербакову, которая передавала данные о вражеских эшелонах, и сотни других, которые рискуя жизнью, защищали свою Родину. Сегодня, в эпоху цифровых технологий, подвиги этих людей кажутся почти нереальными. Но разве их выбор - не пример того, как любовь к Родине побеждает инстинкт самосохранения?

Могилев не просто чтит память - он учит помнить. В музее истории Могилева, где экскурсии проводят потомки ветеранов, интерактивные инсталляции переносят посетителей в 1941 год: звуки бомбежек, голоса солдат, запах дыма. Парадоксально, но именно на войне многие обретали смысл существования. Могилев – это мост между эпохами. Прогуливаясь по набережной Днепра, где сегодня смеются дети и шумят фестивали, трудно представить, что здесь когда-то гремели взрывы. Но могилевчане помнят. Помнят, потому что в каждом из них живет генетическая память о тех, кто отдал жизнь за то, чтобы утро было мирным.

Человек на войне – это не абстрактный герой, это наш сосед, чей портрет висит в школьном музее, это дед, чьи ордена хранят в старом комоде, это мы сами, стоящие перед выбором: забыть или передать эстафету памяти дальше. Могилев выбрал второе. И в этом - его главный патриотический подвиг. Могилевская Хатынь, где каждый колокол звонит по сожжённой деревне, - это не памятник смерти, а манифест жизни: «Забвение убивает дважды». В 2024 году в Могилеве открыли «Аллею 80-летия Победы», где каждый камень подписан именами ветеранов. На табличке у входа - строка из стихотворения Роберта Рождественского: «Люди! Покуда сердца стучатся, - помните!».

Взгляд современника на человека войны - это попытка осмыслить опыт прошлого через призму сегодняшних ценностей, знаний и социальных норм [5]. Это не просто реконструкция событий, а диалог с историей, где соединяются уважение к подвигу, критический анализ и попытка понять, как война формирует идентичность общества. Современники видят участника войны не как абстрактного «героя», а как сложную личность, в которой сочетаются: героизм и уязвимость, коллективная судьба и индивидуальная боль, жертвенность и критика.

Нельзя без слез читать воспоминания свидетелей тех ужасных событий: «Радужные надежды на предстоящую жизнь с окончанием войны сменялись пессимистическими настроениями: «Когда вернемся мы обратно, с ума от радости сойдем!...»; «Чем-то эти дни не отвечали нашим фронтовым мечтам о будущем... Мы не ждали молочных рек и кисельных берегов. Своими глазами видели спаленные села, руины городов. Но у нас всё же появились свои, пусть и расплывчатые, представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. Они удручающе не совпадали с тем,

что нас ждало едва не на каждом шагу» [10]. Поэтому неслучайно О. С. Поршнева убедительно выделяет особенность, присущую современникам, обладающим фрагментарным восприятием военных событий: война видится им как «стихийное бедствие, катастрофа, причины которой малопонятны, а последствия ужасны» [8, с. 119].

Фильмы («Спасти рядового Райана», «Довод») и книги про войну (В. Быков) показывают войну без романтизации, акцентируя страх, потери и моральные дилеммы. Но память не статична: каждое поколение пересматривает прошлое, война заставляет переосмысливать и наше настоящее, поскольку война - это не только смерть, это ещё и проверка на человечность. Человек на войне для современника - это мост между эпохами. Его образ помогает не только сохранить память, но и задать вопросы о природе насилия, цене свободы и пределах человеческой стойкости. Понимая, кем был человек на войне, мы лучше понимаем, кем можем стать сегодня: «Смерть делает жизнь подлинной» [9].

Таким образом, Великая Отечественная война, осмысленная через философскую оптику, предстаёт не просто историческим событием, но метафизическим феноменом, в котором сфокусированы вечные противоречия человеческого существования. Её уроки выходят за рамки хроник сражений, превращаясь в призму для анализа фундаментальных вопросов: что делает человека человеком в условиях тотального разрушения? Как память о катастрофе может стать инструментом сопротивления нигилизму?

С одной стороны, война обнажила чудовищную двойственность человеческой природы - способность к массовому насилию и одновременно к жертвенной любви. С другой - она доказала, что даже в аду тоталитаризма возможны проблески свободы, как внутренней (выбор этической позиции), так и коллективной (сопротивление системе). Парадоксальным образом война, став символом смерти, подарила миру образцы бессмертного гуманизма: подвиги, письма, дневники, где зафиксирована победа духа над страхом.

Философская рефлексия, обращаясь к наследию экзистенциалистов и критиков тоталитаризма, позволяет увидеть в войне не только трагедию, но и катарсис. Она напоминает, что человечность - не данность, а ежедневный выбор, требующий мужества сохранять сострадание, критическое мышление и историческую память. В эпоху, когда война вновь становится частью глобальной реальности, этот выбор актуален как никогда.

Великая Отечественная война остаётся не просто страницей учебника, а живым диалогом между прошлым и настоящим. Её осмысление - это не дань памяти, а призыв к ответственности: только признавая хрупкость мира и ценность каждой жизни, человечество может избежать повторения трагедии. Как писал Василий Гроссман: «Вера в добро остаётся добром, даже если все вокруг творят зло». В этом - главный трансцендентальный урок войны, который мы обязаны передать будущим поколениям [4, с. 329].

Литература

1. Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. – М.: Время, 2017. – 352 с.
2. Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 424 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. – 328 с.
4. Гроссман В. Жизнь и судьба. Таллинн: Ээсти раамат. 1990. – 476 с.
5. Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. – № 5. С. 71–85.
6. Курабцев В. Л. Военный и духовно-нравственный путь Маршала Советского Союза Г.К. Жукова / В. Л. Курабцев // Военно-исторический журнал. – 2023. – С. 53-58.
7. Левинас, Э. По другому, чем быть, или по ту сторону сущности / Э. Левинас // Эмманюэль Левинас: Путь к Другому: сб. ст. и пер., посвящ. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. – СПб., 2006. – С. 181-194.
8. Поршнева О. С. Феномен исторической памяти о войне // Урал. вестн. междунар. исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 4. – С. 112-119.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503.
10. Чуркин М. К. Воспоминания «детей войны» (1941-1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). – С. 86-88.

УДК 93/94

МОГИЛЕВ: ЛЕТО 1941 ГОДА. СОЗДАНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

Литвиновская Ю.И.

УО «Белорусский государственный университет информатики и
радиоэлектроники»
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Оборона Могилева летом 1941 г. яркий пример всенародного характера Великой Отечественной войны. Ее без преувеличения можно назвать первым значимым успехом Красной Армии в начальный период войны, общественное и военно-политическое значение которого трудно переоценить. В ходе трехнедельной битвы защитники города, красноармейцы и части народного ополчения надолго сковали

крупную группировку противника, нанесли ей чувствительный ущерб и замедлили ее продвижение к Москве.

Ключевые слова: война; Могилев; оборона; подвиг; ополчение; рубеж.

Summary. The defense of Mogilev in the summer of 1941 is a vivid example of the nationwide character of the Great Patriotic War. Without exaggeration, it can be called the first significant success of the Red Army in the initial period of the war, the social and military-political significance of which is difficult to overestimate. During the three-week battle, the city's defenders, Red Army soldiers and units of the people's militia pinned down a large enemy group for a long time, inflicted significant damage on it and slowed its advance towards Moscow.

Keywords: war; Mogilev; defense; feat; militia; line.

Международная обстановка 20-х – 40-х годов прошлого века в которой происходил процесс становления и развития молодого Советского государства была полна противоречий. С одной стороны укреплялся Советский Союз – государство с принципиально новым общественно-политическим строем и которое было заинтересовано в сохранении международного мира как гарантии для своего существования и развития. С другой стороны замечен был процесс формирования группы стран недовольных итогами Первой мировой войны и желающих их пересмотреть. Мировой экономический кризис 1930-х годов обострил межгосударственные противоречия. В Европе международная ситуация резко осложнилась после прихода в 1933 г. к власти в Германии партии национал-социалистов, которая провозгласила одним из главных своих приоритетов борьбу против Советского Союза. Стремясь избежать новой большой войны в Европе посредством военного столкновения с Германией, СССР 23 августа 1939 г. заключил с ней пакт о ненападении.

1 сентября 1939 г. с нападения гитлеровской Германии на Польшу военный конфликт в Европе стал реальностью, превратившись во Вторую мировую войну. Мог ли Советский Союз в условиях, когда на его западных границах начался пожар войны спокойно заниматься мирным строительством. Очевидно, что главные усилия страна вынуждена была направить на укрепление своей обороноспособности. Договор 1939 г. не вызывал иллюзий. «Наш оперативный план сосредоточения и развертывания вооруженных сил на случай войны, который в обиходе Генерального штаба называли планом отражения агрессии, – писал ответственный работник генерального штаба генерал С.М. Штеменко, – называл наиболее вероятным и главным противником именно гитлеровскую Германию» [10, с. 26].

5 октября 1940 г. план развертывания советских вооруженных сил на случай войны был доложен И.В. Сталину наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К.А. Мерецковым. По свидетельству К.А. Мерецкова Сталин высказал мнение, что «Германия свои основные усилия направит не на западном направлении как было записано в плане, а на юго-западном, с тем чтобы захватить наиболее богатые

промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза» [10, с. 27]. Генеральному штабу было приказано привести план в соответствие с замечаниями И.В. Сталина.

Руководство вооруженных сил допустило просчеты и в оценке действий противника в начале войны. Окрыленные первоначальным успехом, немецкие армии наращивали темпы наступления. Танковые соединения функционировали автономно. Стремительно продвигаясь, они окружали как целые воинские формирования, так и большие разрозненные группы отступающих красноармейцев. Внезапность нанесения удара, стремительность продвижения, создание подавляющего перевеса сил на решающих участках наступления такова была тактика противника в начале войны.

Подготовка немецкой армии к войне против Советского Союза началась задолго до 22 июня 1941 г., вскоре после утверждения окончательного варианта плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. [9, с. 252-253]. Непосредственное развертывание частей вермахта предназначенных для участия в боевых действиях с Красной Армией началось с середины февраля 1941 г. Директивы по этому вопросу были изданы немецким генштабом 1 февраля 1941 г. [6, с. 346]. К слову сказать, к этому времени у советских границ уже находилось 26 немецких дивизий, размещенных летом-осенью 1940 г. Их полную дислокацию планировалось завершить к 15 мая. Немецкая агрессия в Югославии и Греции вызвала необходимость сместить эти сроки на конец июня [3, с. 54-55]. Широкая подготовка вторжения предусматривала заблаговременное оборудование плацдарма будущих военных действий: строительство дорог и мостов, линий связи, возведение складских помещений и создание запасов топлива, продовольствия, технических средств и др.

В апреле 1941 г. был отдан приказ об окончательной дате нападения на СССР – 22 июня [5, с. 439]. Основные события первых дней немецкого вторжения происходили на трех стратегических направлениях – северо-западном, западном и юго-западном, где в первый же день войны были образованы соответствующие фронты. На территории Беларуси через которую пролегалo важнейшее стратегическое направление, открывавшее дорогу на советскую столицу, располагался Западный фронт. С первого же дня войны это направление стало определяющим для советского руководства. С другой стороны, верховное командование Германии спешило воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся на западном стратегическом направлении, и ускорить наступление на Москву.

Учитывая сложность обстановки, образованная 23 июня Ставка Главного командования (с 10 июля Ставка Верховного командования, а с 8 августа Ставка Верховного Главнокомандования во главе с И.В. Сталиным) 25 июня приняла решение о создании в тылу Западного фронта оборонительного рубежа и о сосредоточении на этом рубеже группы армий Резерва Главного командования. Положение войск Западного фронта

осложнялось тем, что к 29 июня на занятой противником территории осталось более 60 фронтовых складов и баз с имуществом и вооружением: артиллерийским, ГСМ, продовольствием и т. д. Фронт потерял от 50 до 90 %, созданных в мирное время, запасов военного имущества [3, с. 74]. 30 июня совместным решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован чрезвычайный орган военного времени – Государственный Комитет Обороны (ГКО). Это был высший орган политического руководства страной в годы войны [4, с. 531].

На Западном фронте одним из наиболее опасных было направление Березина – Могилев, где наступали соединения 2-й танковой группы Г. Гудериана. Отмечая ситуацию вокруг Могилева в начале лета 1941 г., необходимо иметь в виду, что это был не просто крупный промышленный центр Беларуси, узел железнодорожных путей и речных сообщений. В начале войны город стал главным политическим центром Беларуси. С 24 июня в Могилев переехал аппарат ЦК КП(б)Б и СНК БССР, штаб Западного фронта. Учитывая непростую ситуацию на линии боевых действий, здесь постоянно находился член Ставки Главного командования маршал Б.М. Шапошников, а 27 июня к нему на помощь прибыл К.Е. Ворошилов. В этот же день на основании анализа трофейных документов добытых армейской разведкой удалось определить направление главного удара немецких войск. Стало ясно, что он наносится противником на центральном участке фронта, через Беларусь на Москву, а не на южном направлении, как ошибочно предполагалось ранее [3, с. 81].

В эти же дни Ставка Главного Командования, оценив крайне трудную обстановку, сложившуюся в зоне боевых действий, приняла решение изменить способ вооруженной борьбы – перейти на всем советско-германском фронте к стратегической обороне. Для создания устойчивой линии противостояния был избран рубеж по рекам Западная Двина и Днепр, куда после 25 июня из глубинных районов страны начали выдвигаться свежие силы [7, с. 23]. В шифровке на имя Сталина от 28 июня сообщалось: «Принято решение построить 2 тыловых рубежа и один промежуточный: № 1 по р. Березина с опорными пунктами в районе Борисов, Березино и Бобруйск; № 2 – по р. Днепр, с опорными пунктами: Орша, Шклов, Могилев, Ст. Быхов, Рогачев; промежуточный на р. Друть с опорными пунктами Толочино, Круглое и Пильничи. К работам приступили» [2, с. 120-121].

Со 2 июля командующим Западным фронтом был назначен нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. Новое командование предприняло энергичные меры по налаживанию управления войсками и организации обороны, получив значительные дополнительные воинские контингенты. После занятия Минска 28 июня положение советских войск на Западном фронте оставалось критическим. Бои с врагом носили характер очагового сопротивления. Сплошной линии обороны как таковой не было. Танковые части Г. Гудериана оказались перед Бобруйском. Натиск противника сдерживала ослабленная в боях 13-я армия. Ее командование грамотно

организовало сопротивление, используя тактику подвижной обороны, благодаря которой были выиграны 5-6 суток для собирания войск на рубеже Днепра. 28 июня в районе Орши начала выгружаться одна из дивизий резерва – 1-я Московская мотострелковая под командованием полковника Я.Г. Крейзера для усиления обороны на Днепре.

Видное место в создании оборонительного рубежа на Днепре принадлежит крупному советскому государственному деятелю К.Е. Ворошилову. Член Ставки Главного командования он на пятый день войны направляется в район Могилева, где принимает участие в восстановлении управления войсками Западного фронта, строительстве оборонительного рубежа на Днепре, создании плана обороны Могилева, определении задач по развертыванию партизанской борьбы в тылу врага. «Моя поездка, – писал впоследствии Климент Ефремович, – была кратковременной – с 27 июня по 1 июля 1941 года, – но она была настолько тяжелой и напряженной, что стоила мне, по всей вероятности, многих лет жизни» [1, с. 210].

Ставка Верховного главнокомандования дала указание усилить оборону на Березине и Днепре. Партийный актив, собравшийся в штабе Западного фронта, вблизи Могилева, наметил практические меры по выполнению этого указания, а также директивы ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Был принят план обороны Могилева и определены задачи развертывания борьбы на оккупированной территории. Об этом 30 июня было информировано руководство страны. Штаб Западного фронта подчеркивал, что основным рубежом обороны в данном случае может быть только естественная линия проходящая по Днепру [1, с. 211].

Генералу А.И. Еременко, который с 1 июля временно возглавил Западный фронт, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко поручил восстановить управление войсками и форсировать проведение оборонительных работ. Особую актуальность приобретали поиск и содействие выходу из окружения подразделений Красной Армии, оказание поддержки отступающим воинским подразделениям для превращения их в боеспособную единицу [8, с. 64].

По указанию ГКО с 30 июня штаб Западного фронта передислоцировался под Смоленск, пос. Гнездово. Новым командующим фронтом был назначен нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. По замыслам Ставки и ГКО на рубеже Днепра и Западной Двины первоначально планировалось остановить немецкие войска. В лучшем случае на одном из участков фронта следовало создать превосходство в силах и перейти в контрнаступление. В первых числах июля именно здесь и развернулись ожесточенные сражения.

Немецкое командование стремилось в кратчайшие сроки преодолеть непростой с точки зрения коммуникации район междуречья Березины и Друти для более успешного затем прохождения через главное препятствие – реку Днепр. Этой же цели должна была служить и задуманная

перегруппировка сил. 2-я и 3-я танковые группы Г. Гудериана и Г. Гота объединялись в одну – 4-ю танковую армию с включением в ее состав ряда армейских пехотных корпусов. Руководство вновь образованным формированием было возложено на генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге [8, с. 181].

Одной из важнейших задач советских войск на могилевском направлении было минирование транспортных путей. 2 июля в разговоре по прямому проводу с С.К. Тимошенко И.В. Сталин потребовал приступить к минированию дорог идущих к Орше и Могилеву. Обсуждался также вопрос борьбы с танками и формировании партизанских групп из отставших от своих частей красноармейцев [8, с. 181].

В начале войны в Могилев переехало все партийное и советское руководство Беларуси и, естественно, что отсюда в этот период осуществлялся и весь процесс налаживания сопротивления захватчикам на оккупированной территории. Программным документом Советского правительства определявшим характер начавшейся войны, ее цели и задачи была Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским органам прифронтовых областей [7, с. 30]. Директива призывала к мобилизации всех сил народа на борьбу с агрессором. Одной из форм такого сопротивления было партизанское и подпольное движение, различного рода диверсии, борьба на коммуникациях противника.

По всем вопросам, как то: помощь красноармейцам, отставшим от своих воинских частей, формирование партизанских групп и диверсионных подразделений первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко постоянно информировал, как руководство страны, так и представителей Ставки, которые в силу сложности ситуации на этом направлении постоянно держали штаб Западного фронта в сфере своего внимания (К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников).

В конце июня П.К. Пономаренко докладывал Сталину о готовности к отправке на задание в тыл противника группы в 500 человек, заканчивалась подготовка к десантированию (срок готовности 30 июня) 28 специальных групп. Они целенаправленно готовились для борьбы на транспортных путях. Пономаренко информировал, что намечалась подготовка специальных групп по 10-15 человек для диверсий на аэродромах [11, с. 118-119]. На этапе становления борьбы на оккупированной территории особенно ощущались недостатки в подготовке соответствующих кадров в предвоенные годы. В этой ситуации большое значение имела деятельность специальных органов государственной власти – НКГБ, милиции и НКВД. Так, например, для работы в тылу противника в Могилевской области к 26 июня было создано 14 отрядов и групп в количестве 1162 чел. из числа оперативных работников госбезопасности и НКВД. Однако, наиболее уязвимым местом в этой работе, чего в принципе не должно было иметь место в столь ответственное время являлась ведомственность, отсутствие согласованности в действиях органов НКГБ и командования советских воинских частей [11, с. 69].

Штаб Западного фронта совместно с местными органами власти в Могилеве большое внимание уделяли строительству оборонительного рубежа на Днепре. Работы начались уже на пятый день войны – 26 июня. Вести масштабные строительные работы непросто и в мирное время, а во время войны – самый настоящий подвиг. О нехватке рабочей силы (шла мобилизация) и рабочего инструмента говорить не приходится, в строительстве это постоянная проблема. Разработанного проекта естественно не было. Все решалось на ходу по принципу целесообразности. Оборонительная линия это полукольцо траншей вокруг Могилева, обеими концами упирающееся в Днепр, общей протяженностью около 25 км. Оборонительный рубеж заключал в себе противотанковый ров, окопы и ходы сообщения полного профиля, траншеи, блиндажи и командные пункты, основные, запасные и ложные огневые позиции для артиллерии. В самом городе в парковой зоне пролегла вторая линия обороны. В каменных зданиях оборудовались пулеметные гнезда и артиллерийские огневые точки. На строительстве рубежа в первые дни трудились 10-15, затем до 35 тысяч человек, как городских жителей, так и близлежащих деревень. Работы были выполнены за 7 дней [8, с. 72].

В обороне Могилева активное участие приняло местное население. Незадолго до начала боевых действий в городе было создано народное ополчение. Инициатива создания формирований подобного рода принадлежала жителям Москвы и Ленинграда. Она родилась в конце июня 1941 г. и была поддержана руководством страны. В речи И.В. Сталина по радио 3 июля говорилось: «В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину – в нашей отечественной войне с германским фашизмом» [4, с. 35].

6 июля руководство республики направило всем партийным и советским органам директиву об организации отрядов народного ополчения. В директиве были обозначены задачи, содержание деятельности, формы построения ополченческих отрядов, сформулированы основные принципы комплектования, вооружения, снабжения ополченцев главным из которых была опора на собственные силы [4, с. 87].

Незадолго до начала боев за город отряд народного ополчения был создан и в Могилеве. Его ядром стал комсомольско-коммунистический истребительный батальон, сформированный 26 июня. Командиром отряда стал начальник Могилевской школы НКВД Н.И. Калугин. Ополчение приняло активное участие в обороне города, а его численность превысила 12 тысяч человек [3, с. 82].

Оборона Могилева одно из первых военно-политических событий Великой Отечественной войны в подготовке и проведении которого наряду с частями Красной Армии активное участие принимало местное население. Она продемонстрировала возможности успешного использования в боевой

обстановке, в том числе в условиях плотной городской застройки регулярных воинских подразделений, военизированных народных формирований, в том числе истребительных отрядов, диверсионных групп, батальонов народного ополчения.

Могилевская оборона одно из героических свершений Красной Армии летом 1941 г. За три недели борьбы воины 172-й стрелковой дивизии, возглавляемой генералом М.Т. Романовым и отряды народного ополчения сковали крупную группировку противника и нанесли ей чувствительный урон. Это сыграло существенную роль в срыве гитлеровских замыслов по овладению Москвой.

Литература

1. Акшинский, В.С. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк / В.С. Акшинский. М.: Политиздат, 1974. – 287 с.
2. Анфилов, В.А. Крушение похода Гитлера на Москву 1941 / В.А. Анфилов. – М.: Наука, 1989. – 350 с.
3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – Мн.: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1946. – Т. 1. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. – 804 с.
5. Всемирная история войн. – Мн.: ООО «Харвест», 2004. – 640 с.
6. Гальдер, Ф. Военный дневник / Ф. Гальдер. – М.: Воениздат, 1969. – Т. 2. – 628 с.
7. История СССР. В 2-х сериях. В 12 ч. Серия вторая. Т. VII-XII. – М.: Наука, 1973. – Т. X. – 782 с.
8. Костеров, А.П. Бессмертный подвиг защитников Могилева летом 1941 г. / А.П. Костеров. – Могилев, 2004. – 208 с.
9. Проэктор, Д.М. Агрессия и катастрофа / Д.М. Проэктор. – М.: Наука, 1972. – 767 с.
10. Штеменко, С.М. Генеральный штаб в годы войны / С.М. Штеменко. – М.: Вениздат, 1975. «Военные мемуары». – 486 с.
11. Щербаков, Л.А. Первые дни начала войны на Западном фронте // Молодая гвардия. – 1996. – № 6. – С. 98-140.

УДК 94(476.4)

КРЕПОСТЬ НА ДНЕПРЕ – МОГИЛЁВ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПОЗИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Голуб В. В.

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. В начале Великой Отечественной войны, когда силы вермахта стремительно наступали, Могилёв стал символом сопротивления и мужества советских войск. Оборона этого города на Днепре, по праву считающаяся одной из первых значимых линий обороны против фашистских захватчиков, стала примером героизма и стойкости советских солдат. В условиях тяжелейших сражений защитники Могилёва под командованием 172-й стрелковой дивизии отважно сражались за каждую пядь земли, показав всему миру высоту человеческого духа и верность своей Родине.

Ключевые слова: план «Барбаросса», Могилёв, Великая Отечественная война, 172-я стрелковая дивизия.

Annotation: At the beginning of the Great Patriotic War, when the Wehrmacht forces were advancing rapidly, Mogilev became a symbol of resistance and courage for the Soviet troops. The defense of this city on the Dnieper River, rightfully considered one of the first significant defensive lines against the fascist invaders, became an example of the heroism and resilience of Soviet soldiers. In the midst of the fiercest battles, the defenders of Mogilev, under the command of the 172nd Infantry Division, bravely fought for every inch of land, demonstrating to the world the heights of the human spirit and loyalty to their homeland

Key words: Plan "Barbarossa", Mogilev, Great Patriotic War, 172nd Rifle Division.

«Оглядываясь сквозь призму лет, можно сказать: если Брест является образцом беспримерного мужества и стойкости советских людей на пограничном рубеже нашей Родины, то на втором стратегическом рубеже — по реке Днепр — очагом такого же упорного сопротивления стал город Могилёв». (Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов)[1, С. 23].

22 июня 1941 года нападением на Советский Союз началась Великая Отечественная война. Согласно плану «Барбаросса», главные удары немецких войск приходились по трём стратегическим направлениям: группа армий «Север» через Прибалтику наступала на Ленинград, группа армий «Юг» — через Украину на Кавказ, где добывалась большая часть советской нефти. Наиболее мощная группа армий «Центр» через территорию Беларуси и Смоленщины продвигалась к Москве — столице Советского Союза [2, С. 7].

Начальный период войны был крайне тяжёлым. Ведя кровопролитные и изнурительные бои, советские войска вынужденно отступали под натиском численно превосходящего и более опытного противника. Всего за 12 дней гитлеровцы продвинулись от Бреста до Березины и даже переправились через неё. В междуречье Березины и Днепра они столкнулись с подразделениями 172-й стрелковой дивизии. С 3 июля её разведывательные отряды начали встречные бои с передовыми частями 2-й танковой группы под командованием Гудериана[3, С. 222].

Так началась героическая оборона Могилёва — первого в Советском Союзе города, оказавшего организованное и мощное сопротивление врагу.

Город на Днепре стал символом стойкости и мужества советских людей в борьбе с фашистскими захватчиками.

С первых дней войны Могилёв начал готовиться к обороне. В период 26 июня и 10 июля около 30-40 тысяч жителей Могилёва и окрестных деревень активно участвовали в строительстве оборонительных сооружений. За это короткое время был выкопан противотанковый ров длиной более 25 километров, возведены блиндажи, дзоты и траншеи, установлены минные поля. На ряде улиц появились баррикады, в некоторых домах обустроили артиллерийские и пулеметные огневые точки, а в стенах сделали бойницы.

Оборону Могилёва осуществляли части 61-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Ф. А. Бакунина, находившиеся в составе 13-й армии, которой руководили поочередно генералы П. М. Филатов, Ф. Н. Ремизов (с 9 июля 1941 г.), и В. Ф. Герасименко (с 14 июля 1941 г.). Непосредственная защита города была возложена на 172-ю стрелковую дивизию под командованием генерал-майора М. Т. Романова, усиленную приданными частями и отдельными подразделениями.

“Сосредоточение частей и организация обороны 172-й стрелковой дивизии началось 27 июня и закончилось 30 июня 1941” (Черниченко Л. К. полковой комиссар 172-й стрелковой дивизии)[6].

В начальной фазе сражения за Могилёв 2-я танковая группа под командованием Гудериана пыталась стремительно захватить город. Однако эти планы провалились на Буйническом поле. У деревни Буйничи располагался передний край обороны: противотанковый ров, соединяясь с оврагами, упирался в Днепр. С 10 июля противник систематически подвергал позиции 388-го полка массированным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. 12 июля, предвосхитив атаку, советская артиллерия нанесла врагу значительные потери огнем по скоплению немецких танков. В ответ немцы направили через Буйническое поле 70 танков. Бой продолжался 14 часов, в ходе которого советские воины уничтожили 39 танков, применяя бутылки с горючей смесью, и отбили несколько атак противника.

13 июля враг прорвался на позиции 3-го батальона. Воины полка контратаковали и восстановили линию обороны. Бои оставались ожесточёнными и в последующие дни, и советские воины удерживали свои позиции до 22 июля[7, С. 112].

13 и 14 июля на Буйническом поле находился корреспондент газеты «Известия», писатель Константин Симонов. Его сопровождал фотокорреспондент Павел Трошкин, который запечатлел подбитые немецкие танки. Героические события обороны отразились в романе Симонова «Живые и мёртвые» и его дневнике «Разные дни войны».

В это же время на восточном фланге линии обороны бессмертной славой покрыли себя бойцы милицейского батальона под командованием капитана милиции Константина Владимировича. С 13 по 18 июля 1941 года, защищая подступы к Могилёву, батальон шесть суток отважно сражался под постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбардировками немецкой

авиации, отражая атаки немецкой пехоты, поддерживаемой танками. Хотя подразделение было наспех сформировано и слабо вооружено, его бойцы стояли насмерть.

«Мы как бы дали Клятву: стоять насмерть; выполнить поставленную перед нами задачу. Не посраим наши органы милиции и будем стоять до конца. Если нужно значит умрем, но враг не пройдет, пока мы можем держать оружие в руках.»(Калугин Н. И. участник обороны Могилёва)[4].

Батальон Владимирова состоял из трёх рот. Первая рота была сформирована из сотрудников аппарата Управления милиции УНКВД по Могилёвской области и курсантов Могилёвской межкраевой школы Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР. Вторую роту составили представители постоянного и переменного состава Минской школы милиции, а третья была сформирована из состава Гродненской школы милиции.

После шести дней ожесточённых боёв в июле 1941 года в живых из 250 милиционеров осталось всего 19 человек. Судьбы уцелевших сложились по-разному: кто-то попал в плен раненым, а кто-то смог уйти в партизаны и продолжил борьбу против врага.

После неудачной попытки захвата Могилёва с ходу и понесённых значительных потерь, части 24-го и 46-го танковых корпусов Гудериана обошли город с двух сторон и соединились в Чаусах. 16 июля начался самый тяжёлый период обороны: защитники города сражались в полном окружении.

«На протяжении 12 последних суток обороны наши воины отбивали по 6-8 атак. За период этих боев немцы потеряли 50 танков, много орудий, минометов и другой техники. Уничтожили большое количество живой силы противника. Немецкое командование направляло свои войска любой ценой взять Могилёв; так как их передовые части уже захватили Смоленск и двигались на Москву.»(Кузнецов В. Ф. комиссар 747 стрелкового полка 172 стрелковой дивизии)[5].

Сражение за город не утихало ни на минуту. 23–24 июля в Могилеве шли ожесточенные бои за каждый дом. К 26 июля стало очевидно: удержать город будет невозможно. Раненых оставили в больницах, в то время как боеспособные части советских войск начали группами прорываться к своим.

«С боем мы выходили из вражеского окружения. Многие товарищи здесь во ржи, на берегу Днепра положили свои головы. Подавив огневые точки врага, я вместе с товарищами раненый и контуженный в ночь с 25 на 26 июля покинул город Могилёв. Мы темной ночью шли на сборный пункт местечко Сухари для дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками.»(Участник обороны Могилёва Монахов С. П.)[8].

Основное усилие по прорыву произошло у деревни Бруски в направлении Быхова. 26 июля сводная группа из четырёх тысяч бойцов, состоявшая из военнослужащих двух дивизий и народного ополчения под командованием генерал-майора Михаила Романова, атаковала немецкие позиции. Завязался кровавый бой, из которого значительно поредевшие силы

удалось уйти в леса. Во время прорыва генерал Романов был тяжело ранен. Семья Осмоловских из деревни Барсуки укрыла его в своём доме. В конце сентября 1941 года каратели схватили Романова, а почти всех тех, кто его укрывал, расстреляли.

Подвиг защитников Могилёва стал примером мужества и стойкости, который многократно повторялся в ходе Великой Отечественной войны. Именно Могилёв стал одним из первых примеров решимости в самые тяжелые дни войны. Спустя три года Красная армия освободила Могилёв, город, который в 1941 году немецким захватчикам удалось взять только после почти месячной осады, но в 1944 не смогли удержать и суток.

Источники:

1. Солдатами были все / сост.. И. И. Гаврилов, Н. А. Толстик. 2 изд. доп. и исправл. – Минск: Беларусь, 1972. – 558 с.
2. Голицын В. В. «Досье Барбароссы». – М.: Рейтар, 2011. – 202 с.
3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Магілёва / Беларус. Энцыкл.: Г.П.Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. Э.Э.Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 1998. - 496 с.
4. БГМИВОВ. – фонды – КП НВ33954
6. БГМИВОВ. – фонды – КП НВ15117
7. БГМИВОВ. – фонды – КП НВ105685. Могилёв: Энцикл. справ. / Сов. энцикл.; Редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) и др. – Минск: БелСЭ, 1990. – 472 с.
8. БГМИВОВ. – фонды - КП НВ7527

УДК 94(476.2)«1943»

ЛЕТО 1943 Г.: 14-Я ТЁМНОЛЕСКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА В ОСВЕЩЕНИИ РУКОПИСНЫХ ЖУРНАЛОВ

Сугако Л. А.
(Могилёв, Беларусь)

Аннотация: В статье рассматривается содержание двух рукописных партизанских журналов, датированных июнем и июлем 1943 г. Выявлены их структура и основные темы. Документы отражают обстановку войны и советские политико-идеологические императивы той эпохи.

Ключевые слова: партизанский отряд, партизанская бригада, боевые действия, рукописный журнал, рубрика, агитация, оккупационный режим.

Summary: The article examines the contents of two partisan handwritten journals. They appeared in June and July 1943. Their structure and main themes have been identified. The documents reflect the war situation and the Soviet political and ideological imperatives of that era.

Keywords: partisan detachment, partisan brigade, military actions, handwritten journal, heading, agitation, occupation regime.

Некоторое время назад в распоряжении автора данных строк оказались два рукописных журнала «Партизан-диверсант», переданные Натальей Павловной Ясской, к сожалению, ныне покойной. Её отец, Павел Матвеевич Ясский, в годы Великой Отечественной войны командовал подразделениями в 128-м партизанском отряде, а затем стал командиром 126-го партизанского отряда. Оба эти отряда, а также отряды 127-й, 127-А и 129-й, вошли в состав 14-й Тёмнолеской партизанской бригады, созданной в апреле 1943 г. в Кличевском районе. Командовал бригадой С.Г. Елецкий, комиссаром был М.Ф. Сперанский, штаб возглавлял И.П. Сычёв. В мае 1943 г. 14-я Тёмнолеская перебазировалась на восток Могилёвской области и оперировала в основном в Чаусском и Чериковском районах [2, с. 483 ; 3, с. 409].

Журналы увидели свет в июне и июле 1943 г., являясь органом «командования и партийной организации 14-й Тёмнолеской партизанской бригады». Представляют собой альбомы с пронумерованными страницами в твёрдых обложках тёмно-красного (июньский номер) и бордового (июльский номер) цветов. Страницы скопированы с оригинала, написанного аккуратным, разборчивым почерком, одной и той же рукой. Не исключено, что копии сделаны после войны, так как представляется маловероятным наличие у партизан соответствующего оборудования. Отметим относительно небольшое количество грамматических и пунктуационных ошибок, иногда встречаются стилистические погрешности. Почти каждый отдельный материал проиллюстрирован соответствующими его содержанию рисунками Л.А. Астафьева. Кроме него, в состав редакции входили Б.Т. Шумилин и В.Ф. Хухряков.

Структура журналов одинакова. Включает передовицы, написанные на злобу дня, а также постоянные рубрики («отделы»), статьи, заметки, сатиру, официальную информацию. Во многих материалах авторство не указано.

Редакционная передовица «На разгром врага» июньского номера посвящена итогам двухлетней борьбы народов Советского Союза против гитлеровской Германии и её союзников. Кратко излагается ход военных действий от трагических летних боёв 1941 г. до зимней кампании 1942–1943 гг., уже тогда названной в тексте «поворотным пунктом в ходе войны. Красная Армия уничтожила две отборные фашистские армии под Сталинградом, разбила гитлеровских вассалов, откинула немцев от Волги и Терека на 600–700 километров на запад». Но «впереди ещё тяжёлые бои и великие испытания. Потребуется напряжение всех наших сил и железная стойкость в борьбе с врагом». Статья заканчивается призывом к партизанам усиливать «свои удары по врагу», мстить «гитлеровским гадам за кровь и страдания наших людей» [4, с. 6–7]. Если июньская передовица отражает проникнутые патриотическим пафосом общесоветские агитационные нарративы, то заголовок июльской – «Жестоко карать мародёров» – красноречиво указывает на «изнанку» партизанского движения. «Отдельные партизаны, – отмечает редакция – ...своими преступлениями, враждебными

Родине, наносят иногда труднопоправимый вред нормальным и любовным отношениям между населением и партизанами». И далее следует целый ряд примеров с фамилиями «исполнителей», замешанных в «незаконных обысках», «взламывании печей, подымании полов» и т.д. «Хуже того – констатируется далее – ряд наших товарищей, к сожалению, иногда командиров, примиренчески относятся к подобным фактам». Следует «повести самую решительную борьбу, невзирая на заслуги, абсолютно со всеми фактами и проявлениями неправильного отношения к населению. Необходимо жестоко карать мародёров, любителей обысков и избиений мирных жителей, изгонять их из нашей среды, а если потребуется, то и уничтожать их без жалости и пощады» [5, с. 2–5].

В обоих журналах есть так называемые «отделы», имеющие, полагаем, характер постоянных редакционных рубрик. Таковых шесть: «Лучшие люди бригады»; «Делимся опытом. Советы молодым партизанам»; «Партийно-комсомольская жизнь»; «Фашистские звери»; «Вот они»; «На международные темы».

Героем июньской рубрики «Лучшие люди бригады» стал её комиссар Михаил Фёдорович Сперанский. Начинается рассказ кратким описанием боевого пути комиссара. Войну он встретил политруком в одной из частей на западной границе. Попал в окружение, с четырьмя товарищами лесами и болотами пробирался на восток. Оказавшись во главе нескольких групп «окруженцев», М.Ф. Сперанский решил перейти к партизанской борьбе. Пришлось много и упорно поработать, «чтобы создать из маленьких групп партизанский отряд, ...чтобы дисциплинировать его и превратить в боеспособную силу. Помогло Сперанскому в этой работе то, что он пользовался огромным авторитетом среди партизан. Все любили комиссара и часто приходили к нему поговорить по душам. Боялись его только нарушители дисциплины, трусы. Но и их он не считал потерянными для отряда людьми. Терпеливо работал над ними, находил для них нужные слова и с радостью замечал, как они менялись, становились хорошими партизанами. Сотни советских патриотов в нашей бригаде. И положил ей начало коммунист, комиссар бригады Михаил Фёдорович Сперанский», – этими словами завершается рассказ [4, с. 82–85]. В июльской рубрике «Лучшие люди бригады» представлен командир взвода Василий Тихонович Вороненко. Родом он из Сибири, также из «окруженцев», вначале был в отряде пулемётчиком. «Все знают, – отмечается в тексте – что Вася и его пулемёт в бою не подведут... Ни у кого не содержался в таком порядке пулемёт, как у Вороненко. Оружие он любил и любит больше всего на свете... Прекрасный товарищ, на которого можно положиться», – так характеризуется Вороненко. Но не для всех. «Когда с ним пытается завести тесное знакомство какой-либо партизан, опозоривший себя трусливым поведением в бою, Вася... поворачивается и уходит... Некоторые считают его замкнутым и неотзывчивым. Но если бы такие люди увидели его около раненых товарищей, если бы они увидели в тот момент, когда он о них заботится,

стремясь исполнить каждую просьбу раненого, то они переменили бы своё мнение». Вместе с тем Василия не превращают в икону, намекая на имевшиеся ранее проблемы с дисциплиной. «Трудный путь, – констатируется в тексте – прошёл комсомолец-боец В. Вороненко до командира-коммуниста. И трудность заключалась в борьбе с самим собой, в борьбе за перемену своего характера. И из этой борьбы он вышел победителем... Срывы в поведении Вороненко замечались всё реже и реже, и сейчас его взвод является одним из самых дисциплинированных в отряде № 128» [5, с. 24–27].

Если рубрика «Лучшие люди бригады» не лишена некоторой высокопарности, то материалы следующей – «Делимся опытом. Советы молодым партизанам» – характерны полным отсутствием «воды», представляют собой чёткие рекомендации, основанные как на успешном, так и неудачном опыте из боевой работы партизан. В июньском номере рассматриваются действия в засаде, одном из основных партизанских тактических приёмов: – «Располагайся в засаде скрытно, с таким расчётом, чтобы враг сразу попал в огневой мешок и подвергся ударам неожиданно с нескольких сторон. Помни: действуя из засады, ты сильнее противника, хотя бы он численно превосходил тебя в несколько раз. На твоей стороне – внезапность удара и это преимущество используй со всей партизанской силой» [4, с. 86–87]. Июльская рубрика учит правильным действиям при проведении диверсий – также важнейшем направлении в боевой деятельности народных мстителей. Важными являются указания, как избежать ошибок при организации диверсий на железных дорогах: – «Помни: основное внимание обращай на маскировку рапеды (место установки мины под рельсы – *прим. авт.*). Оттого, насколько хорошо ты её замаскируешь, зависит, обнаружит патруль рапеду или нет». И далее следуют конкретные советы: руками и веником выровнять землю в районе рапеды, полить её водой, уничтожить за собой следы [5, с. 35–38]. Общеизвестно, что удары по железнодорожным коммуникациям были основной формой боевой деятельности белорусских партизан. Не была исключением и 14-я бригада. Так, в сводке «Хроника боевой жизни бригады за июль 1943 г.» – начинался 1-й этап общебелорусской «рельсовой войны» – сообщается, что из 10 проведённых в этом месяце операций 9 были осуществлены на железных дорогах (в основном на трассах Могилёв – Чаусы и Орша – Кричев) [5, с. 56–57]. А из 6 развёрнутых рассказов, освещающих боевую работу подразделений бригады, 5 были посвящены «рельсовой войне», 1 – действиям в засаде [4, с. 64–66, 78–79; 5, с. 6–11, 15–20, 21–23, 31–34].

Ценный материал изложен в июньском и июльском номерах под заголовком «Итоги нашей работы» в «отделе» партийно-комсомольской жизни. Автор М.С. Середюк освещает историю отряда № 128, на основе которого впоследствии были развёрнуты другие отряды, составившие 14-ю Тёмнолескую бригаду. Из «славной пятёрки» (М. Сперанский, П. Евсеев, Л. Баранов, Л. Астафьев, И. Сычёв) к зиме 1941–1942 гг. образовался отряд

численностью 30–50 человек, начавший боевую деятельность в Кличевском районе. Первоначально он состоял из бойцов и командиров Красной Армии («окруженцев»), затем стал пополняться местными жителями. 20 марта 1942 г. отряд, вместе с другими формированиями, принял участие в знаменитом бою, результатом которого стало освобождение райцентра Кличев от оккупантов. Наряду с ростом численности отряда усиливалась его огневая мощь. В течение года, с мая 1942 г. по май 1943 г., количество винтовок увеличилось на 85 %, ручных пулемётов – на 125 %, автоматов – на 78 %, миномётов – на 83 %, ручных гранат – на 120 %. Вооружались в основном «за счёт противника». Кроме того, судя по содержанию заметки В.Ф. Хухрякова «Первый самолёт», оружие доставлялось и по воздуху с «Большой земли». Вместе с тем ощущался недостаток боеприпасов. Иногда на одного партизана приходилось не более 15 патронов. Лучшими командирами подразделений названы Евсеев, Фёдоров, Чернов, Калабин, Ясский, лучшими диверсантами – Градунов, Копчиков, Ульянов, Лященко, Астафьев (инициалы в тексте не указаны). К лету 1943 г. результаты боевой деятельности 128-го отряда были следующие: – «принято 20 боёв с немцами, полицией и изменниками; уничтожено 18 полицейских участков и волостных управлений...; на минах и в засадах уничтожены 21 автомашина и одна бронемашина противника; сожжён один немецкий самолёт; взорван железнодорожный мост и 17 деревянных мостов; уничтожены 8 складов с зерном, предназначенного для отправки в Германию; спущено под откос 25 вражеских эшелонов. Разбиты 25 паровозов, 164 платформы с техникой врага, 444 товарных и классных вагонов, 44 цистерны с горючим. Уничтожено при этом 3650 немецких солдат и офицеров. Непосредственно в боях уничтожено: немцев – 835; полицейских, шпионов и других прихвостней фашистов – 531; изменников из так называемой «Народной армии» – 118. Всего же уничтожено в боях и во время взрыва эшелонов 5134 человека. Благодаря умелым боевым действиям и партизанской смекалке наши потери составляют 28 человек убитыми» [4, с. 54–55, 96–101; 5, с. 48–52]. Последние из приведённых данных, о нанесённых и понесённых потерях в живой силе, особенно их соотношение, нуждаются, на наш взгляд, в критическом осмыслении. Вспоминается осторожное высказывание полковника А.И. Брюханова, возглавлявшего в годы войны оперативный отдел Белорусского штаба партизанского движения, о том, что партизанские командиры «при определённых обстоятельствах» вольно обращались с цифрами, и что «эту особенность следует иметь в виду» [1, с. 252]. От себя добавим, что точно подсчитать вражеские потери в бою или при крушении эшелона весьма проблематично, тем более что партизанская тактика требовала быстрого выхода из операции и отрыва от противника. Определённое недоумение в содержании материала «Итоги нашей работы», да и некоторых других, вызывает то обстоятельство, что важная информация (фамилии бойцов и командиров, сведения о вооружении, тактике и т.д.) находилась в открытом

доступе. Ведь нельзя было исключить возможность попадания журналов в руки врага.

Название рубрики «Фашистские звери» говорит само за себя. Её материалы призваны разоблачать политику нацистского оккупационного режима. Одним из её преступных проявлений являлся насильственный угон населения на работу в Германию. Об этом идёт речь в обоих журналах. Приведём фрагмент заметки Б.Т. Шумилина «Сквозь цензуру» из июньского номера: – «Мамочка! Я живу так хорошо, так хорошо» – у женщины, читающей эти строки, выпало письмо из рук, – «Доченька, прошептала она – прощай». Её дочь У.К. была весной 1943 г. отправлена из деревни Устанное Пропойского района на фашистскую каторгу в Германию. «Если я буду писать «хорошо» – на прощание сказала матери дочь, – Тогда, значит, прощай, не жди меня живой». В конверте письма, полученном Зиной К. от своей угнанной в Германию сестры, лежало несколько лепестков какого-то странного засушенного цветка. Как рассказала Зина, сестра обещала положить в конверт цветы, если ей в Германии будет очень плохо. «Немецкая цензура, – подчёркивается в тексте – прилагает все усилия к тому, чтобы правда о жизни этих девушек в неволе не дошла до их матерей и отцов. Но и сквозь цензуру прорываются стоны замученных людей, умирающих голодной смертью вдалеке от родных». Заметка заканчивается призывом: – «Партизан, возьми и прочти эти письма! Они скажут тебе, как нужно бороться, как нужно ненавидеть фашистского зверя...» [4, с. 91–92]. В июльском номере в материале под заголовком «Повестка на каторгу» сообщается, что шестнадцатилетние юноши и девушки Могилёва получили от немецких властей повестки, с которыми они должны были явиться на сборный пункт для отправки в Германию. Звучит призыв не верить «лживым фашистским листовкам и брошюрам, описывающим жизнь угнанных людей в Германии как самые счастливые минуты в их жизни». Ведь многие могли видеть больных чахоткой, ещё недавно здоровых и жизнерадостных юношей и девушек, вернувшихся с чужбины «только затем, чтобы умереть» [5, с. 39–41].

Если в рубрике «Лучшие люди бригады» были представлены её герои, то в рубрике «Вот они» в обоих номерах фигурируют антигерои, то есть те, кто своим поведением компрометировал партизан (материалы подготовлены Б.Т. Шумилиным). В основном это мародёры, такие, как партизаны 129-го отряда Кудрявцев («напившись пьяным, в деревне А. занимался мародёрством, стрелял в печку и т.д.»), Решетников («увидев, что его разоблачили как мародёра, дезертировал, но был пойман и расстрелян»), Хуторцов («лазил по бочкам и сундукам, занимался мародёрством»), партизан 128-го отряда Козин («забрал у женщины штаны и ботинки»). Встречались и иные грубые нарушения дисциплины. Так, партизан 129-го отряда Петиков занимался самогонокурением, о чём сообщает сатирическое четверостишие:

Ремней любитель и лихой рубака

Цепочки золотом на нём горят
Но больше любит Петиков ходить в атаку
На самогонный аппарат

Постоянство этой рубрики (кроме того, как упоминалось выше, передовица июньского номера называлась «Жестоко карать мародёров») свидетельствует, что, с одной стороны, «дисциплинарная» проблема имела место быть, с другой стороны, командование бригады настойчиво стремилось искоренить позорящие партизан явления [4, с. 106; 5, с. 58–59].

Рубрика «На международные темы» освещает боевую работу западных союзников – высадку англо-американских войск в Италии, приведшую к падению фашистского режима Муссолини, массированные бомбардировки военно-промышленных объектов Германии. Материалы снабжены рисунками. На одном из них угадывается застывший на морском берегу Гитлер, взирающий на приближающуюся огромную волну с надписью «Второй фронт». «Это что, – спрашивает он стоящего рядом генерала, – тот Атлантический вал, который нас защитит? – Никак-с нет-с, фюрер, это тот вал, который нас раздавит» [4, с. 108; 5, с. 60–61]. Примечательно, что действия западных союзников освещаются в весьма позитивном ключе. Время для критических оценок их усилий, столь характерных для послевоенной советской пропаганды и историографии, ещё не наступило. «Холодная война» была впереди.

Несмотря на то, что бригада оперировала в глубоком тылу противника (в июне – июле 1943 г. от района её боевых действий до линии фронта было 250–300 километров), сохранялась непрерывная связь с жизнью на «Большой земле». Об этом свидетельствовала, например, представленная на страницах журналов официальная информация, такая, как сводки Совинформбюро, постановление СНК СССР от 4 июня 1943 г. «О выпуске 2-го Государственного военного займа», приказ Верховного Главнокомандующего И. Сталина от 24 июля 1943 г. о провале немецкого наступления на Курской дуге (к слову, имя Сталина упоминается в материалах журналов в разных контекстах 19 раз – своего рода маркер эпохи). Откликнулась редакция и на 7-ю годовщину со дня смерти А.М. Горького, и на 50-летие со дня рождения В.В. Маяковского (статьи Б.Т. Шумилина соответственно в июньском и июльском номерах) [4, с. 59, 68–69, 102; 5, с. 12–14, 44–47]. В июньском номере помещена таблица, освещающая ход сбора средств на постройку танковой колонны «Белорусский партизан». Всего на тот момент партизанами бригады собрали средств на сумму 103 131 руб. (24 971 – деньгами, 79 160 – облигациями). Лидерами по сбору средств были М. Синюкаев – 27 459 руб. (3979 – деньгами, 23 480 – облигациями), И. Милицкий – 17 413 руб. (3153 – деньгами, 14 260 – облигациями), М. Ульянов – 10 266 руб. (1516 – деньгами, 8950 – облигациями), П. Ясский – 7 526 руб. (1691 – деньгами, 5835 – облигациями), В. Козленко – 7395 руб. (1440 – деньгами, 5955 – облигациями) [4, с. 103].

Бесспорно, рукописные журналы 14-й Тёмнолеской партизанской бригады являются ценным, весьма информативным источником, отражающими разные стороны её жизни на коротком временном отрезке: боевую деятельность и повседневный быт, человеческие судьбы и советские политико-идеологические установки военной эпохи. Разумеется, в условиях войны агитационно-пропагандистский дискурс красной нитью проходит через всё содержание журналов. Отметим, что некоторые изложенные на страницах журналов сюжеты нуждаются в критическом осмыслении.

Литература

1. Брюханов, А.И. В штабе партизанского движения / А.И. Брюханов. – Минск : Беларусь, 1980. – 256 с.
2. Памяць Беларусі : Рэспубліканская кніга / Мін-ва інфарм. Рэсп. Беларусь ; рэдкал.; Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – 592 с.
3. Партизанская бригада 14-я Цёмналеская / Беларусь у Вял. Айчынай вайне, 1941 – 1945 : энцыкл. / гал. рэд. П. Шамякін. – Мінск, 1990. – С. 409.
4. Партизан-диверсант, июнь 1943 г. / Личный архив автора.
5. Партизан-диверсант, июль 1943 г. / Личный архив автора.

УДК 355.425

ОСИПОВИЧИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОДВИГ ФЁДОРА КРЫЛОВИЧА

Герасимович А.С.

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

(г. Минск, Беларусь)

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Острога В.М.

Аннотация. В статье рассматривается история Осиповичей в годы Великой Отечественной войны. Автором представлены основные события этого периода на территории Осиповичского района; охарактеризованы формы и методы партизанского движения и подпольной борьбы; а также показан вклад Федора Крыловича и жителей Осиповичского района в Великую Победу над фашизмом. Сделан вывод о необходимости сохранения исторической памяти, которая в настоящее время является важнейшим фактором консолидации нашего этноса, фундаментом для будущего развития.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Осиповичский район, подпольная и партизанская борьба, диверсия, Ф. Крылович, подвиг.

The article examines the history of Osipovichi during the Great Patriotic War. The author presents the main events of this period in the Osipovichi district; describes the forms and methods of the partisan movement and underground struggle; and shows the contribution of Fyodor Krylovich and residents of the Osipovichi district to the Great Victory over fascism. The conclusion is made

about the necessity of preserving historical memory, which is currently the most important factor in the consolidation of our ethnic group, the foundation for future development.

Key words: Great Patriotic War, Osipovichsky district, underground and partisan struggle, sabotage, F. Krylovich, feat.

День Победы – героическая дата, которой мы гордимся. Миллионы солдат и мирных жителей ценой своих жизней освобождали страну от немецко-фашистских захватчиков. Плечом к плечу сражались с врагом люди разных национальностей, их фамилии и имена сегодня высечены в граните на мемориалах и обелисках практически в каждом населенном пункте. И ежегодно в эти списки добавляются новые, ведь война не закончена, пока не увековечен последний солдат, а герои живы, пока о них помнят и рассказывают подрастающим поколениям.

Для нас, белорусов, тема войны всегда остается актуальной. Историческая память общества – условие его стабильности и духовно-нравственного здоровья. Знание героического прошлого своей страны, истории места, где родился, семьи, предков – это фундамент, на котором формируется национальная и культурная идентичность.

Война, которую вероломно начала 22 июня 1941 фашистская Германия против Советского Союза, стала суровым испытанием для нашего народа, в том числе и для жителей Осиповичского района. О ее начале узнали в 12 часов из выступления по радио наркома иностранных дел В.М. Молотова. Жизнь города и района резко изменилась. На предприятиях и во всех сельсоветах были проведены митинги и собрания, на которых рабочие выражали гнев и возмущение нападением фашистских захватчиков, уверенность в скором разгроме агрессоров на их же территории. Тогда, в первые дни войны, никто еще не знал, даже не мог и предугадать, какие тяжелые страдания, испытания, жертвы ждут впереди.

В Осиповичах и районе были реализованы срочные меры по переводу всей жизни на военный лад, и прежде всего железнодорожного узла. 23-25 июня райвоенкоматом была организована и проведена мобилизация военнообязанных. Но завершить мероприятия по переводу всей жизни на военный лад из-за быстрого продвижения вражеских войск не удалось. Первые удары по Осиповичскому железнодорожному узлу и военному городку немецкая авиация нанесла в ночь с 22 на 23 июня. За Осиповичи больших боев не было, потому что соединения 2-й танковой группы Гудериана обошли город и район с юга и севера и стремительно двинулись на Бобруйск и Могилев. Утром 28 июня они вошли в Бобруйск, а в Осиповичах еще продолжала существовать советская власть. Город гитлеровцы заняли 30 июня, а до 2 июля был оккупирован весь район [2, с. 191].

На территории района был установлен жесткий оккупационный режим, в ответ на который развернулась всенародная борьба с немецко-

фашистскими оккупантами. Уже в июле 1941 г. в урочище «Рассоха» Осиповичский подпольный райком КП(б)Б стал боевым штабом по организации и руководству подпольем и боевыми партизанскими действиями.

30 июля 1943 г. ночное небо над белорусским городом Осиповичи стало красным от огня. На железнодорожной станции один за другим взрывались вагоны с горючим. Огонь охватил вагоны с боеприпасами и техникой, которые фашисты ждали на Курской дуге. Охрана станции в панике палила в воздух, думая, что это налет русских бомбардировщиков. Никто и поверить не мог, что эту диверсию устроил один человек - Федор Крылович.

Родился Федор Крылович в Минске 23 марта 1916 г. в семье Андрея Андреевича, работавшего в Минске железнодорожником, кондуктором поездов. Когда мальчику было 12 лет, от тяжелой болезни умерла мама. Старший брат и сестра уже жили отдельно, а младшего взяли на воспитание родственники, и когда отца перевели в Осиповичи, с ним отправился только Федр. Окончив семилетнюю школу, Фёдор поступил в Витебский электротехникум, но жить в чужом городе приходилось в тяжело, так что, отучившись всего год Крылович вернулся домой и сразу пошел работать на станцию электромонтером, а вскоре стал местной знаменитостью. В Осиповичах стояла высокая пожарная каланча, и там решили повесить красное знамя, никто не полез, кроме Крыловича. После этого юного комсомольца назначили помощником уполномоченного по делам физкультуры и спорта в райисполкоме [3].

С 1937 по 1940 г. служил в рядах РККА. Окончив школу связистов в Ульяновске, сержантом воевал на Халхин-Голе и у озера Хасан. Участник советско-финской войны (1939–1940). После демобилизации вернулся в Осиповичи. Бывший подпольщик Леонид Верещагин рассказывал о Крыловиче: «Фёдора знали и любили в городе. Высокого роста, широкоплечий, он был необыкновенно подвижным, общительным, смелым и решительным парнем. В военной гимнастёрке, подтянутый и стройный, он мог посоперничать с любым в весёлом танце на предвоенной вечеринке. Всем этим он притягивал к себе молодёжь. Те, кто помладше, стремились подражать ему. Для нас слово Фёдора было законом».

С началом войны сержант запаса Крылович отправляется в военный комиссариат. Как и многие другие советские мужчины, он просит отправить его на фронт. Но железнодорожные рабочие нужны стране не меньше, чем боевые штыки. На специальность Крыловича распространяется бронь Наркомата путей сообщения. Тогда Крылович решает уйти из города. Но покинуть Осиповичи путейцы не успели. 30 июня в город вошли немцы. Для немцев захват этой крупной железнодорожной узловой станции, где располагались склады вооружения, останавливались для отдыха армейские части, пересекалось множество военных эшелонов, стал настоящей удачей. Они крепко вцепились в это место и не собирались его отдавать обратно. Немцы выявили всех оставшихся в городе железнодорожников и обязали их

вернуться на рабочие места. Так Федор Крылович остался электромонтёром и после прихода немцев, занявших 30 июня 1941 г. город Осиповичи – узловую станцию, ставшую во время оккупации важной базой Вермахта. Здесь располагались склады, формировалось или разгружалось множество вражеских военных эшелонов.

Уже в июле Крылович налаживает связь с партизанами. И вскоре организывает подпольную комсомольскую ячейку, которая влилась в состав Осиповичского коммунистического подполья, потом – связным у секретаря Могилевского подпольного обкома комсомола П.Ф. Воложина, а с 20 августа 1943 по 2 июля 1944 г. – членом подпольного райкома ЛКСМБ. Свою работу Крылович использует как прикрытие. На первых порах он и его группа занимаются преимущественно саботажем – выводят из строя подвижной состав, а также печатают и распространяют листовки. Разумеется, в партизанские штабы своевременно поступает информация о проходящих через станцию немецких эшелонах.

Вот что писал о нем 2 июля 1943 г. П. Воложин в справке, направленной секретарю ЦК ЛКСМБ Кириллу Мазурову: «Подобрался прекрасный парень. Он у меня уполномоченный по г. Осиповичи - Крылович Ф. А. Он по моему поручению создал 9 комсомольских организаций по 3-4 человека. Ребята толковые и энергичные. Только нужен материал. Стыдно признаться, что нет тола и мин. Жду. Этот Крылович Федя прекрасный парень, энергичный, инициативный, старательный... Кроме 9 организаций у него имеется еще 11 диверсантов и 5 распространителей печати. Одна эта группа уничтожила за время своего существования 13 паровозов противника, 21 цистерну с горючим, дизель электростанции выведен из строя на 6 месяцев. Переправил в партизанские отряды 52 человека молодежи. Парень хорошо знает работу подполья и конспирации» [2, с. 281].

Подпольщики Осиповичей имели связь с партизанским отрядом бригады под командованием В.И. Ливенцева. В период курской битвы линия Минск-Осиповичи была главной артерией снабжения, а затем и эвакуации частей и соединений 2-й танковой армии противника. Из-за взрывов пути, произведенными гомельскими партизанами, на ст. Осиповичи задерживалось отправление на восток вражеских эшелонов [4, с. 274].

Секретарь Могилёвского подпольного обкома ЛКСМБ, уполномоченный ЦК ЛКСМБ в зоне Осиповичи – Бобруйск Павел Воложин, из партизанского отряда «Храбрецы» НКВД БССР (руководитель – Александр Рабцевич), действовавшего тогда в Бобруйском и Осиповичском районах Белоруссии, весной 1943 г. встретился с Фёдором Крыловичем и поручил ему расширить масштаб диверсий и акций саботажа на станции и в городе, взорвав эшелон с горючим в Могилёвском (Северном) вагонном парке станции Осиповичи.

Вечером 29 июля Крылович заступил на дежурство станционным монтером. Мины лежали на дне переносного ящика с инструментом. Ближе к полуночи в Осиповичи пришел эшелон с бензином – вскоре он должен был

отправиться на юг, в сторону Курска. Федор решил, что цель подходящая – план действий у него уже был заготовлен. Он незаметно вывел из строя семафор в вагонном парке, куда отогнали состав, а затем по команде дежурного по станции уже официально отправился его чинить. Его сопровождал немецкий солдат, но подпольщик улучил момент и прикрепил мины к двум цистернам. Сработать они должны были, когда поезд уйдет со станции. Устранив неисправность, монтер вернулся на свой пост, а после смены ушел домой.

Войти в историю мировых диверсий Федору помогла случайность: немцы вернули в вагонный парк уже готовый к отправлению состав. Часовой механизм мин был поставлен на раннее утро. По соседству с «бензиновым поездом» стояли еще три состава. Прогремел страшный взрыв. Горели все четыре эшелона с военными грузами. Пожар длился около десяти часов и потушить его было невозможно. Сгорели четыре эшелона, 5 паровозов, 5 танков «Тигр» и «Пантера», 63 вагона с боекомплектами, 12 – с продуктами питания. Также были разворочены от взрыва рельсы и шпалы, разрушен угольный склад и водокачка. Станция Осиповичи практически была полностью уничтожена. В результате взрывов боеприпасы разбросаны по всей территории. Срочно затребованы пиротехники из Минска и Могилёва для обезвреживания всюду разбросанных снарядов и бомб [1, с. 2].

После совершения диверсии Федору Крыловичу оставаться в Осиповичах стало опасно, и он ушел в партизанский отряд вместе с родственниками и своей группой, которая и в дальнейшем совершила ряд дерзких диверсий. Так, 2 октября 1943 г. Крылович осуществил еще одну крупную диверсию - подорвал блокпост минского парка станции Осиповичи, который обслуживал свыше двухсот стрелок.

Тяжело давила на Федора семейная трагедия. Брат Федора, Алексей Крылович, воевал в партизанской бригаде им. Фрунзе, возглавлял взвод разведки, а затем и роту. Героически погиб в бою в январе 1944 г. Сестра Софья Андреевна была связной бригады им. Фрунзе. По заданию передавала партизанам необходимые разведданные, медикаменты, перевязочные материалы, боеприпасы, оружие. Немцы с помощью предателей выследили отважную подпольщицу, и в январе 1944 г. она погибла [1, с.2]:

Осиповчане не покорились немецким оккупантам. Они внесли достойный вклад в освобождение родной земли от захватчиков. За время оккупации в районе партизанами и подпольщиками было уничтожено около 15 тысяч гитлеровцев, разгромлено 13 гарнизонов врага, разрушены десятки километров железнодорожного пути, перебито более 5000 рельсов, вырезано около 70 километров телефонно-телеграфной связи. Патриоты пустили под откос сотни вражеских эшелонов, разбили и повредили более 300 паровозов, сожгли 2235 тонн горючего. Освобожден район 28 июня 1944 г. войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов в ходе операции «Багратион».

Подвигами и мужеством партизан и подпольщиков-осиповчан гордятся и сегодня жители района. Многие воины Красной Армии, партизаны и

подпольщики награждены орденами и медалями. В славной когорте Героев Советского Союза 8 осиповчан. 2 февраля 2024 г. Осиповичи награждены вымпелом «За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны». Соответствующий указ № 44 2 февраля подписал Глава государства А Лукашенко. Было подчеркнуто, что Осиповичи являются достойным примером боевого и трудового подвига, всенародного сопротивления, проявленного в годы Великой Отечественной войны [5, с. 1, 5]. В историю войны золотыми буквами вписан и подвиг Федора Крыловича. Эта диверсия по праву считается одной из крупнейших в годы второй мировой войны. Начальник Центрального штаба партизанского движения, первый секретарь КП(б)Б П.К. Пономаренко назвал ее «самой отличной и результативной операцией, которую осуществили партизаны во время Великой Отечественной войны» [2, с. 281]. Ф. А. Крылович за мужество и героизм в борьбе с врагом был награжден орденом Ленина.

Таким образом, глубокий след в истории родного Осиповичского района оставила Великая Отечественная война. Моя малая родина, как и вся наша Беларусь, оказавшись под оккупацией. Стала ареной страшного геноцида. Но город и район не стали на колени. Развернулось мощное всенародное движение (партизанская и подпольная борьба), которое отвлекало значительные силы германских войск. Война вошла в историю белорусского народа как небывалый по жестокости, трагизму и героизму период борьбы. Она затронула каждую белорусскую семью, каждого человека, независимо от пола и возраста.

По этой причине события 1941–1945 г. занимают важное место в коллективной памяти белорусов – мы отдаем дань глубочайшего уважения Подвигу во имя жизни и прогресса. Именно поэтому в Республике Беларусь никогда не будут забыты мужества и страдания нашего народа во время одного из самых жестоких и кровавых периодов истории. Память о Великой Отечественной войне и цене добытой Победы для белорусского народа является священной. Изучение событий Великой Отечественной войны, биографий ее участников, встречи с ветеранами демонстрируют нам, молодым людям, что преданность Родине, чувство патриотизма, верность гуманистическим идеалам и ценностям сыграли определяющую роль в достижении Великой Победы.

Литература:

1. Мартынов, И. «Тигры до Курска не дошли» / Мартынов И. // Асіповіцкі край. 2007. 26 чэрвеня. № 51. С. 2.
2. Памяць. Асіповіцкі раён. / гал. рэд. Г.К. Кісялёў. – Мінск: БелТА, 2002. – 720 с.
3. Подвиг железнодорожника Федора Крыловича. URL: <https://docs.google.com/document/d/1RQ7QAp8B6rMTmUMkh71WMZaHajPhkZeYqPgo6CHXcCc/edit?usp=sharing>

4. Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941 – 1944. М.: Наука, 1986. – 438 с.

5. Саврицкий, Д. За мужество и стойкость / Д. Савицкий // Асіповіцкі край. – 2024. – 3 лютага. – С. 1, 5.

УДК 94(476.4)

КАПИТАН ПЕХОТИН

Беспанский С.И.

Учреждение культуры «Музей истории Могилева»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье отражены материалы из архивных источников, отражающие публичную казнь подпольщиков в Могилеве 25 апреля 1942 года. Даны личные данные на капитана РККА помощника начальника штаба 649 -го стрелкового полка 210-й моторизованной дивизии 20-го мехкорпуса Пехотина П.А., по учетным документам до сих пор числящимся пропавшим без вести.

Ключевые слова: подполье, казнь, Могилев, война.

The article reflects materials from archival sources, reflecting the public execution of underground fighters in Mogilev on April 25, 1942. Personal data is given on the captain of the Red Army, assistant to the chief of staff of the 649th rifle regiment of the 210th motorized division of the 20th mechanized corps Pekhotin P.A., who is still listed as missing in action according to the registration documents. Key words: underground, execution, Mogilev, war.

В интернете в доступе находится фотоотчет публичной казни в Могилеве 25 апреля 1942 г. из немецкого архива. Понятно, что в противостоянии разведок и контрразведок легендированно всё -имена, фамилии, организации, документы. И все-таки попробуем разобраться, насколько это возможно из слегка приоткрытых источников, в персоналиях и некоторых подробностях того события.

Город Могилёв был оккупирован нацистами 26 июля 1941 г. До декабря 1943 г. в городе действовала служба безопасности (СД-8) (Siherheidienst - сокр. SD). СД объединяла гестапо, криминальную полицию и другие карательные органы и руководила массовым уничтожением советских граждан. Ее сменила команда СД-76. Она имела статус государственной политической разведслужбы. В городе Могилёве находилась и германская полевая полиция (ГФП-570), осуществлявшая функции военной контрразведки.

За охрану общественной безопасности и поддержание порядка среди местного населения в городе отвечала, созданная в августе 1941 г., «Служба порядка» (ОД), т.е. местная вспомогательная полиция. «Служба порядка» подчинялась немецкой «Службе безопасности» (СД-8). 22 июня 1942 г. из

подчинения «Службы порядка» были выведены 1-й и 2-й отделы и переданы в СД. Их возглавил Андрей Лазаренко. Это было почти самостоятельное учреждение под названием «Уголовно-розыскная и политическая полиция». Жители города знали ее как «русское гестапо». В конце сентября 1943 г. 1-й и 2-й отделы были переименованы в «Стражу безопасности», которая именовалась «Siwa». Функции ее оставались прежними. На временно оккупированной гитлеровцами территории Могилёвщины действовали специальные карательные формирования: 322-й (сформированный в Австрии) полицейский батальон, казачий полк Кононова, казачий эскадрон Тихонова, французский добровольческий легион, 51-й украинский националистический батальон, 1-я Русская национальная бригада СС «Дружина» Гиль-Родионова и др. В разные периоды в Могилев направлялась для проведения антипартизанских операций особая команда, - «Штурмбригада» СС Оскара Дирлевангера, состоявшая из трех немецких рот (кроме немцев – штрафников СС, австрийские, словацкие, латышские, мадьярские, французские фашисты), роты Барчке (Август Барчке – фольксдойч, начальник кличевской районной полиции) и роты Мельниченко (Иван Мельниченко - украинский националист). Всего головорезы Дирлевангера уничтожили в Беларуси свыше 186 деревень и десятки тысяч человек.

В Могилеве в 1941-1942 гг. находился штаб СС и полиции тыла группы армий «Центр», которым руководил группенфюрер СС и генерал полиции фон Бах-Зелевски. Для усиления борьбы с подпольем сюда перевели ряд опытных сотрудников службы безопасности РСХА. В их числе Хелену (Генриетту) Боос. Следователями «русского» могилевского СД, были» - Е.Костин (расстрелян бывшими подпольщиками на допросе в партизанском отряде при его попытке перехода на сторону партизан), В.Курочкин (арестован чекистами после освобождения Могилева), Колтунович, Семенюк. В городе была создана специальная группа по борьбе с подпольем и партизанами, входившая в структуру зондеркоманды СД. Работой этой группы руководили Ганс Кульман и Генриетта Боос. Местная полиция порядка была подчинена и выполняла задания спецгруппы. Среди тайных осведомителей СД были П.Степанов, Каснаки, бывший сержант РККА Русаков (расстрелян особым отделом партизанского отряда), выдавшими подпольную группу в могилевском госпитале.

Очевидно, что проводить подпольную диверсионно-разведывательную работу спецгруппам по линии ГРУ и НКВД-НКГБ СССР в таких условиях было крайне сложно и смертельно опасно. Тем не менее, насчитывается более 40 подпольных групп в Могилеве в состав которых входили бывшие военнослужащие РККА, патриотически настроенное местное население, активно сопротивлявшихся кровавому новому порядку гитлеровцев.

В конце апреля 1942г. жители города могли прочитать листовку такого содержания: *«Жители г.Могилева! В субботу 25 апреля в 16 часов после*

обеда будут на площади против местной комендатуры публично повешены следующие партизаны:

1 Метелкин (Коровин)

2 Рожков Анатолий

3 Хохлов Павел

Жители гор. Могилева собирайтесь на площади к вышеуказанному времени посмотрите на этих преступников...»

Казнь Г. Метелкина, П. Пехотина, А. Рожкова 25.04 .1942

Вот цитаты о ней из популярных воспоминаний , изданных спустя двадцать лет после войны о могилевском подполье: «25 апреля 1942 г. вновь на главной площади был сооружен эшафот и согнаны жители города. На этот раз были повешены подпольщики и партизаны товарищи Михаил Метелкин, Анатолий Рыжков, Павел Пехотин (Хохлов) – офицеры Красной Армии. (...) Впоследствии было установлено, что под именем Хохлова скрывался бывший помощник начальника штаба 649-го мотострелкового полка 210-й мотострелковой дивизии 20-го механизированного корпуса капитан Павел Арсентьевич Пехотин. О работе этой группы свидетельствуют и документы гитлеровцев. Так, в донесении в Берлин полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР за № 193 от 17 апреля 1942 г. сообщается: «В городе Могилеве в последнее время снова были распространены и расклеены в общественных местах листовки, изготовленные организацией «Гимн». Листовки призывают к активной борьбе против германских властей. Установлено, что изготовлением листовок занимался бывший капитан Красной Армии Метелкин Георгий, уроженец города Красноярска,

проживавший в гор. Могилеве под вымышленной фамилией. Метелкин и его жена арестованы». [1,с.56]. «С госпиталем была связана подпольная группа, состоящая из военнослужащих и местных жителей под руководством П. А. Пехотина. Коммунист Пехотин был начальником штаба 649-го стрелкового полка 210-й мотодивизии. Вырвавшись из плена, он выдал себя за часового мастера и открыл часовую мастерскую. С ним были связаны военнослужащие М. Метелкин (Коровин), А. Рожков и некоторые местные жители. С помощью работников госпиталя Зубкова, Безрученко, Иваночкина, Тарелкина они организовали вывоз спрятанного в госпитале оружия на кладбище, где его хранил сторож «дядя Вася» [2 , с.241–242].

Руководитель «Комитета содействия Красной Армии» Мэттэ К.Ю. в своих воспоминаниях отмечает: «В ноябре 1941 года они публично повесили капитана Юрова, военврачей В.А Кузнецова, Ф.И.Пашанина и А.И.Паршина, а в апреле 1942 года капитана П.А.Пехотина (Хохлова), лейтенанта Метелкина (Коровина) и Анатолия Рожкова [3, с.280]. Как пишет Мэттэ, приговоренные к казни не входили в состав «Комитета», а действовали самостоятельно, но неудачно пытались установить связь с Мэттэ через Ольгу Карпинскую. Мэттэ на встречу не согласился. В данном случае речь шла об Анатолии Рыжкове. Вот что о нем писал Мэттэ в своей книге «Верность»: «Анатолий Рыжков - старший лейтенант Красной Армии, летчик бомбардировочной авиации, из Ташкента. Среднего роста, широкоплечий, атлетического телосложения. Широко и косо поставленные глаза, выпуклые скулы выдавали его азиатское происхождение. Работал теперь электриком на немецком аэродроме на Луполово. Жил неподалеку от Ольги Николаевны Карпинской... Пока палач набрасывал ему петлю, успел крикнуть: «Да здравствует Красная Армия!». Кто-то из его товарищей поддержал: «Да здравствует комсомол! ». [4, с .213-214]. Собственно немецкое служебное донесение по делу Метелкина: СД №193, Ereignismeldung UdSSR от 17.04.1942 «Айнзацгруппа Б. Смоленск. В Могилеве последнее время были снова распространены и открыто расклеены листовки, выпущенные организацией «ГИМ», в которых призывают к решительной борьбе с фашизмом. В ходе расследования установлено, что изготовлением листовок занимался бывший капитан Красной Армии Георгий Метелкин, родившийся в 1912 г. в Красноярске, и проживавший в Могилеве под фальшивым именем. Метелкин и его супруга задержаны и признались, что за два месяца изготовили и распространили ок. 50 листовок. При обыске квартиры обнаружен крупный объем нелегальных материалов. Помимо супругов Метелкиных задержаны 32 человека. Часть из них призналась, что участвовала в распространении листовок, остальные состояли в непосредственной связи с Метелкиными. Метелкин, лидер «ГИМ» в Могилевском районе, на допросе заявил следующее: «ГИМ» (Интернациональные народные силы, Internationale Volksstarke) прежде всего борется как против кровавого фашизма и его фюрера, так и против Сталина. Мы хотим освободиться из-под ига фашизма. Наша высшая цель —

объединение немецкого и русского народов под новым руководством. При этом для такого объединения Германия должна очистить все захваченные территории и ликвидировать нынешний режим. Чтобы прийти к нашей цели, мы откроем второй фронт и силой оружия прогоним немцев с нашей земли. В качестве сигнала к выступлению будут повсеместно устроены крупные пожары. Наша организация уже закрепились во всех русских городах. Лидер организации «ГИМ» - некий Богов, живущий на неоккупированной территории России, а именно в Нижнем Новгороде. С ним через парашютистов и радио состоит на связи некий Громов, руководитель в Белоруссии. В Могилеве наша организация только формировалась. Чтобы силой проводить наши планы в жизнь, мы уже установили связь с партизанами». Далее Метелкин показал, что сам дважды устанавливал связь с партизанскими командирами и сообщал им о подготовке в Могилеве. У Метелкина были найдены записи о количестве немецких войск в разных пунктах и перечень зданий в Могилеве, которые должны быть атакованы первыми во время восстания. А также – рукописное обращение к командиру украинского батальона в Могилеве с призывом переходить вместе со своими людьми на сторону «ГИМ». В противном случае он будет расстрелян. Следствие пока не закончено.» [5].

В послевоенной мемуарной литературе существование «ГИМа», «Богова» и «Громова» больше нигде не подтверждается. Было ли это оперативной разработкой советской разведки, либо немецкой контрразведки- не ясно. Довоенные судьбы военнослужащих - Михаила (Георгия) Метелкина (Коровина) и Анатолия Рожкова (Рыжкова) проследить пока не удалось.

Пехотин П.А. и Метелкин числятся захороненными (условно авт.) на месте шталага 341. В паспорте захоронения они проходят по списку подпольщиков под №49 и 50. Место захоронения: страна: Беларусь, область: Могилёвская, район: город Могилёв, сельсовет: - (не изв.), Шмидта проспект, номер захоронения: 2753. Место захоронения А. Рожкова не известно.

По Павлу Пехотину (Хохлову) имеются архивные данные Центрального Архива Министерства обороны Российской Федерации:

- Фамилия Пехотин
- Имя Павел
- Отчество Арсентьевич
- Дата рождения/Возраст __.__.1906
- Место рождения УССР, Каменец-Подольская обл., Меджибожский р-н
- Дата и место призыва __.__.1928
- Последнее место службы ЗапФ 649 сп 20 мд
- Воинское звание капитан
- Причина выбытия пропал без вести
- Дата выбытия Между __.10.1941 и __.12.1941
- Место выбытия Смоленская обл.
- [6].

Пехотин П.А. (довоенное фото из личного дела офицера РККА)

Украинец, член ВКП (б). Образование -общее, военное - кавалерийская школа. Дата начала службы в Красной армии: 06.11.1928, женат, двое детей. Дата рождения 06.07.1906. Место рождения: Украинская ССР, Каменец-Подольская обл., Меджибожский р-н, с. Требуховцы, воинское звание-капитан. Место службы: 649 сп.,210-я моторизованная дивизия 20-й мехкорпус ЗапОВО, прибыл в Белоруссию 10 апреля 1941 г из 8-го кавалерийского полка

В июле 1941 г. Дивизия с боями отходила из района Минска на восток. Участвовала в тяжелых оборонительных боях в междуречье Березины и Друти и северо-восточнее Могилева. После разгрома части, при попытке выхода из окружения в районе Могилева, попал в плен. При помощи сестры Евгении Васильевой, передавшей гражданскую одежду, бежал из лагеря для военнопленных. Участник антифашистской подпольной группы в г. Могилеве. Арестован в марте 1942 г. Обстоятельства его ареста и поведения под следствием советской контрразведке стали известны сразу после освобождения Могилева Красной армией.

Из протокола допроса следователя СД , который проводил 3-4 июля 1944 начальник 2-го отдела УМКГБ Могилёвской обл. майор госбезопасности ***: «Куручкин Василий Васильевич -1917 г.р., уроженец г. Гжатск Смоленской области, русский, беспартийный, образование семь классов, профессия паровозный машинист ,следователь СД в г Могилёве, ранен 16.06. 44 в бою с партизанами, с октября 1941по 16 июня 1944 г служил у немцев в полиции г.Гжатск и следователем СД в гор. Могилёве *«Хохлов –повешен за то, что хотел подорвать кино «Родина», где шла кинокартина для немцев , но был схвачен преждевременно около кино с 2-мя ящиками гранат. При следствии признался, что у него было намерение уничтожить всех немцев. У него спросили от кого имел задание. ответил, что от правительства. Какую имел связь с правительством. ответил, через рацию, которая находится в Печерске. Один из немецких следователей*

решил его повести, чтобы он показал рацию. Взяли Хохлова в наручники и повезли. Не доезжая Печерска, он сломал наручники и одним ударом убил следователя и тот выбросился в кювет вместе с дверкой от машины. Шофер остановил машину и начал драться с Хохловым, но подоспела машина с немцами и Хохлов был схвачен и повешен»

На наш взгляд имя Павла Арсентьевича Пехотина можно и должно увековечить на плитах каплицы мемориального комплекса «Буйничское поле», как участника обороны Могилева в июле 1941 г. и героя -подпольщика.

Литература:

1. Еременко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1965. гл. 4. «Героический Могилев»
2. Быстров В.Е. Герои подполья. Выпуск первый. Сборник воспоминаний – Минск, 1969.
3. Солдатами были все – Минск, «Беларусь», 1968–408 с.
4. Мэттэ К.Ю. Верность Издательство: Минск: Беларусь, 1989– 239 с.
5. NARA (Национальное управление архивов и документации США) T175 R235 fr. 4265-4266
6. ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Фонд 33. Опись 11458. Единица хранения 98
7. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 84;
8. Фонды УК «Музей гісторыі Магілёва Мэттэ К.Ю. – калекцыя фатаздымкаў, кніг і дакументаў з асабістага архіва. якія маюць дачыненне да гісторыі Магілёва ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны. КП 2334-2409
9. Могилёвский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова, коллекция «Военная история», КП 40714;
10. Дюков А.Р. и др. Научное издание. Без срока давности. Беларусь. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область. Сборник архивных документов и материалов. ГУ «Национальный архив Республики Беларусь Москва-Минск ОДО «Нова Принт», 2021. –519 с.
11. Материалы по геноциду населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны из архива УКГБ Республики Беларусь по Могилевской области, переданные УК «Музей истории Могилева» в 2022 году
12. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии. 1941–1944 / В.Е. Лобанок и др. – Минск: «Беларусь», 1984. – 272 с.;
13. Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Минск, 1998.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОССТАНОВЛЕНИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МОГИЛЕВА ПОСЛЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Швырёв А.И.

Учреждение «Государственный архив Могилевской области»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация: На основе архивных документов рассматриваются меры, принимавшиеся Могилевским городским Советом депутатов трудящихся, по привлечению населения к восстановлению социально-экономической жизни Могилева в первые месяцы после освобождения от нацистской оккупации. Представлены данные, характеризующие ущерб, нанесенный Могилеву и его жителям за время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: архивные документы, Могилев, городской Совет депутатов, послевоенное восстановление, промышленность, жилье.

Summary: Based on archival documents, the article examines the measures taken by the Mogilev City Council of Workers' Deputies to involve the city's population in the restoration of the socio-economic life of Mogilev in the first months after liberation from Nazi occupation. Data is presented that characterize the damage inflicted on Mogilev and its residents during the Great Patriotic War.

Keywords: archival documents, Mogilev, City Council of Deputies, post-war reconstruction, industry, housing.

Фонды органов местной исполнительной власти являются одними из наиболее важных среди находящихся на хранении в Государственном архиве Могилевской области. Документы, содержащиеся в них, позволяют наиболее полно и достоверно изучить события, происходившие в регионе, а также роль в них представителей государственной власти.

Архивные документы Могилевского городского Совета депутатов отражают различные этапы истории города. В их числе и период восстановления социально-экономической жизни после освобождения от нацистской оккупации.

До Великой Отечественной войны в Могилеве проживало 112 тысяч человек. Действовали педагогический институт, медицинская школа, педагогическое и дошкольное училища, 23 средних и неполных средних школы, где обучалось 17 500 учащихся. В городе было 2 театра, 2 кинотеатра, 4 клуба, 5 городских библиотек, 12 лечебных учреждений, среди которых самые крупные – психиатрическая и городская больницы, 4 поликлиники. Жилищный фонд города составлял 333 700 кв. метров, протяженность водопровода – 55,5 километров, канализации – 3,5 километра. Протяженность замощенных улиц составляла 89,5 километров. В городе действовало 53 промышленных предприятия, из них 3 – союзного подчинения, 21 – республиканского. [4, с. 25-26]

Первое после освобождения города заседание VII-й сессии Могилевского городского Совета депутатов трудящихся состоялось 27 октября 1944 года. [6, с.1] С момента прекращения нацистской оккупации прошло четыре месяца, еще продолжались активные боевые действия Второй мировой войны. Городские депутаты возобновили исполнение своих обязанностей после трехлетнего перерыва. Из 248 членов городского Совета, избранных в 1939 году, на сессию собралось лишь 28. [5]

Председателем на VII-й сессии была Е.П. Воронова, секретарем Павел Епифанович Терентьев. Единственным вопросом, который стоял на повестке дня, был «О восстановлении г. Могилева и трудовом участии населения в восстановлении города». С докладом перед собравшимися выступил председатель Могилевского горисполкома, Герой Советского Союза, генерал-майор Николай Филиппович Королёв. В начале выступления состоялась «минута молчания» в память о депутатах горсовета, погибших в годы войны. Среди них прозвучало имя Ивана Федосеевича Терехова – бывшего председателя Могилевского облисполкома и депутата городского Совета накануне войны. В ходе доклада председатель горисполкома озвучил цифры, характеризующие ущерб, который был нанесен городу за военные годы – более 70 тысяч погибших «женщин, детей, стариков и военнопленных» [4, с.24], уничтожены 43 предприятия, 3 230 жилых зданий, 15 школ, педагогический институт, 4 техникума, 14 библиотек, железнодорожный узел, дворец пионеров, 2 больницы, водопровод, радиоузел, электростанция. Комиссия по учету злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, обнаружила «сотни могил в Польшковичах, Пашкове и на Луполовском аэродроме». [4, с.13]

Н.Ф. Королёв сформулировал основные задачи, которые стоят перед городскими властями и жителями города: «ликвидировать последствия хозяйничания немецких извергов, очистить площадки от развалин, накопить стройматериалы и приступить к восстановлению и новому строительству». [4, с.15] Кроме того, необходимо было восстановить производство для поставок продукции в вооруженные силы, продолжающие борьбу с гитлеровской Германией. А также обеспечить «нормальные бытовые условия» инвалидов войны, научных сотрудников, рабочих и служащих. Для этого требовалось, «чтобы каждый рабочий и служащий наших предприятий и учреждений, каждый ученый и учащийся, каждый мужчина и женщина внесли свою частицу личного труда на восстановление наших промышленных предприятий, коммунального хозяйства, социально-культурных, лечебных учреждений и жилищного фонда». [4, с.15]

К концу октября 1944 года уже возобновили работу 10 школ, педагогическое и дошкольное училища, школа политпросвещения, действовали кинотеатр, областная и городская библиотеки, 14 мелких библиотек на предприятиях и в учреждениях. Заканчивалось восстановление моста через Днепр. Начали работу 9 предприятий, 9 артелей. Было восстановлено 14 325 кв. метров жилья. [4, с.26-27] В своих выступлениях

депутаты давали конкретные примеры участия жителей города в его восстановлении: «рабочие швейной фабрики создали 10 бригад и уже восстановили цех индивидуального пошива». [2, с.2], «наши женщины отремонтировали 1 520 кв. м. жилья или 76 квартир» [3, с.3]

Однако, для активизации восстановительных работ в условиях приближающейся зимы требовалось принятие комплексных мер. В качестве выхода из ситуации на заседании депутатов было предложено перенять опыт Минска, где 3 октября 1944 года депутаты городского Совета приняли решение об организации участия в восстановлении города всего трудоспособного населения.

В результате обсуждений подобное решение было принято и в Могилеве. Первоочередными задачами ставились «разборка разрушенных зданий, расчистка строительных площадок, сбор строительных материалов – кирпича, балок, кровельной жести, радиаторов, водопроводных труб, печных приборов и прочего». [8, с.5] Организацией привлечения населения к работам должны были заняться городской исполнительный комитет, профсоюзные и комсомольские организации, уличные комитеты. Создавался специальный строительный участок по разборке разрушенных зданий и восстановлению строительных материалов, который брал на себя руководство практическими работами.

Для жителей города устанавливались нормы выработки: для рабочих и служащих, вольнонаемного состава воинских частей с 8-ми часовым рабочим днем – 30 часов в месяц; для рабочих и служащих с удлинённым днем, студентов и учащихся – 15 часов в месяц; для граждан не работающих на предприятиях и в учреждениях – 60 часов в месяц. Горожане привлекались к восстановительным работам во вне рабочее и свободное от занятий время.

Время, затраченное могилевчанами на самостоятельное восстановление своих разрушенных квартир, засчитывалось как работы по восстановлению городского хозяйства.

Каждый трудовой коллектив, привлекавшийся к восстановительным работам, получал план-наряд, в котором указывались адрес, объем и сроки выполнения работ. После введения в эксплуатацию восстанавливаемого объекта, с работниками, из числа привлекавшегося городского населения, проводился расчет в соответствии с «существующими сдельными расценками». [8, с.6] Для «учета личного участия граждан в работах по восстановлению г. Могилева» [8, с. 7] вводились книжки единого образца, в которые вносились «объекты восстановления, характер выполняемых работ и количество отработанных часов» [8, с.7]. Кроме того, в домоуправлениях, коллективах предприятий, организаций и учреждений велся ежедневный табельный учет выходов на восстановительные работы.

К участию привлекалось не только население, но и техника – каждое городское предприятие и учреждение, имеющее автомобильный или гужевого транспорт, должно было предоставить его в свободное от работы время для

восстановления города. Устанавливалась норма в 15 поездок с грузом в месяц для каждой автомашины и рабочей лошади.

Для популяризации и поощрения наиболее активных участников восстановительных работ устанавливались переходящее знамя Могилевского горисполкома, городская доска и книга почета. Совет депутатов трудящихся проводил награждение грамотами с опубликованием в местной печати.

Началом массового участия населения в работах по восстановлению г. Могилева было объявлено 5 ноября 1944 года. [8, с.8]

На первой сессии второго созыва Могилевского городского Совета депутатов трудящихся, состоявшейся 24-25 января 1948 года, обновленный после выборов состав депутатов среди прочего обсуждал и ход восстановительных работ в городе. [7, с.1] Отмечалось участие населения в строительстве. Например, с помощью горожан была построена насосная станция на Карабановке и водопровод, прилегающий к ней. Это позволило обеспечить водоснабжение железнодорожного поселка. В это же время указывалось на отставание в темпах и недочеты при восстановлении ряда объектов. На некоторых из них не хватало рабочих рук. Так, в 1947 году на строительстве моста у труболитейного завода работало лишь два подростка [1, с.14], в результате мост остался недостроенным. Задерживались выплаты горожанам, восстанавливающим жилье собственными силами. Так, за 1947 год квартиросъемщикам была возмещена лишь половина суммы, потраченной на ремонтные работы. [1, с.14]

В планах городского Совета на 1948 год всеобщего обязательного участия горожан в благоустройстве уже не предусматривалось. Весь объем работ возлагался на существующие в городе профильные организации, а также промышленные предприятия.

Таким образом, документы из архивного фонда Могилевского городского Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета позволяют изучить планы и ход восстановления социально-экономической жизни города в первые месяцы после завершения нацистской оккупации, а также роль в этом процессе местных властей. Для активизации темпов восстановительных работ городским Советом было принято решение о всеобщем участии трудоспособного населения Могилева в этом процессе. Жители областного центра участвовали в восстановлении предприятий, благоустройстве города, самостоятельно выполняли ремонт своего жилья.

Участие населения хоть и не было решающим в послевоенном восстановлении городского хозяйства, но внесло свой вклад в общие усилия белорусского народа по скорейшей ликвидации последствий войны и налаживанию мирной жизни.

Литература:

1. Выступление депутата Губанова // Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМог). – Ф. 11. Оп. 5. Д. 10.
2. Выступление депутата Цикуновой // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 1.

3. Выступление секретаря Обкома КП(б)Б, депутата Макарова // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 1.
4. Доклад о восстановлении города Могилева и трудовом участии населения в восстановлении города // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 1.
5. Иванов, С. Созидательный путь народных избранников: [Могилевскому городскому Совету депутатов – 100 лет] / С. Иванов // Веснік Магілёва. – 2017. – 6 снежня. – С. 4-5.
6. Протокол № 1 заседания VII сессии Могилевского городского Совета депутатов трудящихся от 27 октября 1944 года // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 1.
7. Протокол заседания I-й сессии второго созыва Могилевского городского Совета депутатов трудящихся от 24-25 января 1948 года // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 10.
8. Решение VII-й сессии Могилевского городского Совета депутатов трудящихся // ГАМог. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 1.

УДК 94(476):331.108

КАДРАВЫ ПАТЭНЦЫЯЛ МАГІЛЁЎСКАГА ЛАКАМАБІЛЬНАГА
ЗАВОДА ВА ЁМОВАХ ПАСЛЯВАЕННАГА АДНАЎЛЕННЯ
НАРОДНАЙ ГАСПАДАРКІ¹

Петухоў А.В.

Установа «Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці»
(г. Магілёў, Беларусь)

Анатацыя. На падставе дакументаў установы «Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці» зроблена справа рэканструяваць дзейнасць кіраўніцтва Магілёўскага лакамабільнага завода па развіцці уласнага кадравага патэнцыяла.

Ключавыя словы: Магілёў, БССР, кадры, кадравы патэнцыял.

Summary: Based on the documents of the institution «State Archive of the Mogilev Region», a task was undertaken to reconstruct the activities of the management of the Mogilev Locomotive Plant to develop its own human resources.

Keywords: Mogilev, BSSR, personnel, personnel potential

Святкаванне сёлета 80-й гадавіны Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне і 90-й гадавіны з дня урачыстага запуску вытворчасці прадпрыемства добрая нагода ўзгадаць, якім быў яго шлях пасляваеннага аднаўлення [1, С. 2].

¹ Работа выполнена в рамках задания «Кадры промышленности Беларуси как фактор трансформации политической системы и экономических моделей (1945–2019)» (науч.рук. – к.и.н., доц. Пушкин И.А.) ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг., задание 12.1.3.

Варта адразу адзначыць, што завод № 459 увайшоў ў лік тых, якім пашчасціла быць эвакуяваным ўлетку 1941 года. Вагоны з абсталяваннем, а таксама супрацоўнікі былі вывезены ўглыб Савецкага Саюза ў горад Куйбышаў (цяпер - Самара). Акалічнасці эвакуацыі прыгадвае ў сваіх пазнейшых успамінах апошні перадваенны парторг завода Рувім Якаўлевіч Шуб [2]. Вызначальным матывам для дэмантажу і эвакуацыі была ведамасная прыналежнасць да наркамату авіяцыйнай прамысловасці СССР і статус «завода саюзнага значэння».

Пасля вызвалення горада Магілёва ў чэрвені 1944 года на месцы былога завода быў фактычна створаны новы завод з аналагічным (авіярэмонтным) профілем, але ўжо пад нумарам № 795, якім паранейшаму падпарадкоўваўся народнаму камісарыяту авіяцыйнай прамасловасці СССР. Але завод, як і горад таксама, сутыкнуўся з кадравым голадам.

Дастаткова прыгадаць, што з больш чым 110 тысяч насельніцтва даваеннага горада Магілёва, на момант вызвалення ў горадзе засталася ўсяго 10102 жыхара [3, Арк. 101-102]. Прычым пераважна гэта былі дзеці, жанчыны і людзі сталага ўзросту. Істотна пацярпеў жылы фонд, як ўласна завода, так і горада агулам.

Істотна нехапала прафесійных кадраў, якія былі б здольныя працаваць з наяўнымі станкамі і абсталяваннем. Падчас вайны кадравы патэнцыял завода быў знішчаны: частка супрацоўнікаў загінула у барацьбе з немецка-фашысцкімі захопнікамі на фронце і ў партызанах, істотную ролю ў зніжэнні кадравага патэнцыялу адыграла і эвакуацыя ў савецкі тыл. Зразумела далёка не ўсе вярталіся ў знявечаны акупантамі горад.

Менавіта адсутнасцю профільных кадраў тлумачыцца перадача завода у лютым 1946 года ў склад народнага камісарыята цяжкага машынабудавання СССР з прысваеннем наймення - Дзяржаўны Саюзны Магілёўскі лакамабільны завод [4, Арк.1]. Як след завод стаў спецыялізавацца ў галіне машынабудавання.

Стабільнай крыніцай атрымання спецыялістаў з сярэдне-спецыяльнай адукацыяй для Магілёўскага лакамабільнага завода стала рамеснае вучылішча № 10. Яно хоць і падпарадкоўвалася Галоўнаму упраўленню працоўных рэзерваў пры СНК СССР (з траўня 1946 года Міністэрству працоўных рэзерваў СССР), але было шчыльна павязана з заводам [5, Арк.22-22 адв.].

Магілёўскі лакамабільны завод выступаў ў ролі базавай вытворчасці для навучэнцаў гэтага рамеснага вучылішча. Дастаткова адзначыць, што вучэльна месцілася на тэрыторыі прадпрыемства, і менавіта завод шмат у чым забяспечваў гаспадарчыя патрэбы навучэнцаў.

Згодна са справаздачай Магілёўскага абласнога упраўлення працоўных рэзерваў за 1944/1945 год ў жніўні 1945 года ў ёй навучалася 336 чалавек, пры кантынгенце 300 чалавек [6, Арк.3]. Пры гэтым асобна адзначалася, што Магілёўскае абласное упраўленне працоўных рэзерваў

планавала на базе завода № 795 стварыць дадаткова яшчэ адно спецыяльнае рамеснае вучылішча з кантынгентам навучэнцаў 400 чалавек.

Стварэнне дадзенага тыпу навучальнай установы было прадугледжана яшчэ сумеснай пастановай СНК СССР і ЦК ВКП(б) ад 21 жніўня 1944 года «Аб неадкладных мерах па аднаўленні народнай гаспадаркі ў раёнах вызваленных ад нямецкай акупацыі». У межах рэалізацыі гэтай пастановы, 25 верасня 1944 года, была прынята сумесная пастанова выканаўчага камітэта Магілёўскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных і бюро абкама КП(б) Беларусі «Аб падрыхтоўцы арганізацыі спецыяльных рамесных вучылішчаў для дзяцей франтавікоў і партызан» было прынята рашэнне аб стварэнні спецыяльных рамесных вучылішчаў на 400 навучэнцаў у кожным у Магілёве і Бабруйску.

Асобы, якія скончылі рамесныя вучылішчы, лічыліся мабілізаванымі, абавязаны былі прапрацаваць 4 гады запар на дзяржаўных прадпрыемствах па ўказанні Галоўнага ўпраўлення працоўных рэзерваў пры СНК СССР (з забеспячэннем ім зарплаты па месцы працы на агульных падставах) і карысталіся адтэрміноўкамі па прызыву ў Чырвоную армію і Ваенна-марскі флот на час адпрацоўкі [7, Арк.147-147 адв.]. Пры гэтым выпускнікі атрымлівалі не толькі прафесію, але і пасведчанне аб сканчэнні сямігодкі [8, С.78].

Завод забяспечваў новую вучэльню пяціпавярховым цагляным будынкам (вул. Першамайская, 141). На дырэктара завода ускладалася адказнасць «за бесперабойнае забеспячэнне вучылішча палівам, асвятленнем, вадой і транспартам». Спецыяльная камісія пры абкаме КП(б)Б павінна была адабраць 400 вучняў ва ўзросце 12-13 гадоў, а Магілёўскае абласное ўпраўленне працоўных рэзерваў – падабраць штат ды забяспечыць спецыяльнае рамеснае вучылішча мяккім інвентаром (матрацы, прасціны, коўдры, падушкі і ручнікі), вырабіць 400 шынэляў, 400 пар форменнага абмундзіравання і 400 працоўных гарнітураў, забяспечыць увесь кантынгент навучэнцаў хромавай і працоўным абуткам і сподняй бялізнай, забяспечыць своечасовае атрыманне і завоз жорсткага інвентара, мэблі, абсталявання і інструментаў, якія адпускаюцца для спецыяльнага рамеснага вучылішча [8, С.78].

Варта таксама адзначыць, што кіраўніцтва завода не хавала ў сваіх справаздачах, што значная частка кваліфікаваных кадраў трапляла на вытворчасць з рамесных вучылішч. Так, у гадавой справаздачы па асноўнай дзейнасці за 1948 год адначасеца, што цягам года калектыў завода папоўніўся 113 выпускнікамі РУ № 10, акрамя таго за кошт працаўладкавання гарадской і вясковай моладзі прынята на працу 283 чалавекі, з якіх значная частка гэта работнікі падсобнай гаспадаркі і асобы занятыя ў галіне торфараспрацовак ды сацыяльна-бытавой сферы [9, Арк.137-138].

Для параўнання за той жа 1948 год выбыла з ліку працуючых 126 чалавек. Сярод іх 42 ў сувязі з прызывам ў войска, і пераходам на вучобу, 44 па рашэнні адміністрацыі, 26 па стане здароўя ды інш.

**Дынаміка росту колькасці работнікаў
Магілёўскага лакамабільнага завода за 1946-1949 гг.**

	1946	1947	1948	1949
рабочыя	125	312	425	682
ІТР	20	72	93	120
невыворччая група	132	103	96	86
Усяго	357	586	727	1034

Крыніца: [9, Арк.137; 10, Арк.168].

У той жа час варта ўлічваць, што дакументы архіўнага фонда завода цалкам ігнаруюць пытанне аб колькасці асоб з вышэйшай і сярэдне-спецыяльнай адукацыяй, і іх дынаміку. Забяспечванне вытворчасці высокакласнымі і кампетэнтнымі спецыялістамі адбываліся вельмі павольна, не выпадала чакаць прыбыцця вялікай колькасці асоб з вышэйшай тэхнічнай адукацыяй. На наш погляд, кадравая сітуацыя на Магілёўскім лакамабільным заводзе была досыць характэрнай з'явай для большасці заводаў і фабрык БССР. Так, ў межах плана межведамаснага размеркавання маладых спецыялістаў, скончыўшых ў 1948 годзе вышэйшыя і сярэдне-спецыяльныя навучальныя установы СССР, завод атрымаў 1 з 590 спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй і 18 з 1193 чалавек з сярэдне-спецыяльнай. Пры гэтым міністэрства цяжкага машынабудавання СССР патрабавала забяспечыць маладых спецыялістаў жылём і працоўнымі месцамі, каб выключыць выпадкі адмовы ад працы [11, Арк.26-27].

Пры гэтым адпаведны гл.к міністэрства добра бачыў, што колькасць кадраў рабочых, у тым ліку ІТР, па заводу адносна плана складае 97,7%, а па ІТР на 88,6 % [9, Арк.122]. У прыватнасці не хапала фармоўшчыкаў і майстраў у чугуна-ліцейнага цэху.

Для параўнання прывядзем, дадзеныя дзяржаўнай статыстыкі на 1 лістапада 1947 года: з 66914 рабочых і служачых Магілёўскай вобласці толькі 2083 асобы мелі вышэйшую адукацыю, а 10560 – сярэдне-спецыяльную. Пры гэтым сярод асоб з вышэйшай адукацыяй 866 былі педагогамі, 339 – медыцынскімі работнікамі і 142 – аграномамі. Прадстаўнікі інжынерных спецыяльнасцяў не вылучаліся шматлікасцю: механікі, металургі, харчавікі, хімікі, тэкстыльшчыкі, – 38, 15, 6, 5 і 5

адпаведна. Сярод кадрэў з сярэдне-спецыяльнай адукацыяй – больш 6 тысяч чалавек былі педагогамі, а 1811 - медычнымі работнікамі [12, Арк.1].

Як бачым нават праз 4 гады пасля вызвалення горада ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў кадравы патэнцыял завода быў не вялікі. Што можна казаць пра іншыя заводы і фабрыкі горада Магілёва рэспубліканскага і мясцовага значэння, калі чакаць дапамогі ад саюзнага цэнтру не выпадала нават кіраўнікам прадпрыемстваў саюзнага значэння. Вядома, даводзілася чакаць і прыстасоўвацца да дзеючага стану рэчаў.

Пры гэтым дзякуючы напружанай, самаахвярнай і цяжкой працы жыхароў Магілёва шлях аднаўлення роднага горада ад разбуральных наступстваў Другой сусветнай вайны адбылося падчас чацвертай пяцігодкі. Назапашаны кадравы патэнцыял дазволіў заводу наладзіць вытворчасць лакамабіляў.

Спіс крыніц і літаратуры:

1. Галаков, А.У. Краткий исторический очерк о Могилевском автомобильном заводе имени С.М.Кирова / А.У.Галаков. – Могилев: Б.и., 1976. – 82 с.
- 2.Шуб, Р.Я. Эвакуация авиомоторного завода / Р.Я.Шуб URL: <https://sites.google.com/view/living-memory/я-помню/фронтовики/шуб-рувим-яковлевич> (дата обращения: 19.05.2025).
- 3.Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (далей – ДАМаг). – Ф.11. Воп.2 Спр.3 Арк.101-107.
- 4.ДАМаг. – Ф. 2768. Воп. 2. Спр. 1. Арк. 1.
- 5.ДАМаг. – Ф. 814. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 22-22 адв.
- 6.ДАМаг. – Ф. 896. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 1-30.
- 7.ДАМаг. – Ф. 11. Воп. 3. Спр. 1. Арк. 147-147 адв.
- 8.Опиок, Т. В. Рабочие предприятий г. Могилева: источники и пути пополнения (1944–1945 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 1 (257). С. 75–79.
- 9.ДАМаг. – Ф. 2768. Воп. 2. Спр. 19. Арк. 1-167.
- 10.ДАМаг. – Ф. 2768. Воп. 2. Спр. 36. Арк. 1-194.
- 11.ДАМаг. – Ф. 2768. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 26-27.
- 12.ДАМаг. – Ф. 812. Воп. 1. Спр. 98. Арк. 1.

УДК 93/94

ОТ ЗАРИСОВОК ДО ХРОНИКИ: ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Быковская Г.А., Ярцева Д.М.

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Россия)

Аннотация. Авторы анализируют проблему сохранения исторической памяти, которая является актуальным вектором развития в современном мире. В статье отмечается, что в этой связи очень важно напоминать людям о роли искусства в сохранении исторической памяти, которое эмоционально передает правду о Великой Отечественной войне. Авторы констатируют тот факт, что в наше время актуально как никогда напоминать о преступлениях нацизма в войне, а потому исследовать вклад творческой интеллигенции в сохранение памяти о Нюрнбергском процессе. При этом целесообразно изучить как деятельность журналистов, так и работу художников и кинематографистов.

Ключевые слова: фашизм, суд истории, Нюрнбергский процесс, журналистика, военная документалистика, историческая память.

Abstract. The authors analyze the problem of preserving historical memory, which is a current vector of development in the modern world. The article notes that in this regard, it is very important to remind people of the role of art in preserving historical memory, which emotionally conveys the truth about the Great Patriotic War. The authors state the fact that in our time it is more relevant than ever to remind about the crimes of Nazism in the war, and therefore to study the contribution of the creative intelligentsia to preserving the memory of the Nuremberg Trials. In this case, it is advisable to study both the activities of journalists and the work of artists and filmmakers.

Keywords: fascism, court of history, Nuremberg Trials, journalism, military documentaries, historical memory.

Нюрнбергский процесс (1945–1946) – это одно из ключевых событий в истории XX столетия после окончания Второй мировой войны. Нюрнбергский процесс был проведен Международным военным трибуналом с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. Нюрнбергский процесс – это первый трибунал, который судил нацистских преступников. На скамье подсудимых – 24 высших руководителя нацистов. Тогда впервые на скамье подсудимых оказались первые лица целого государства, обвиняемые в совершении военных преступлений и геноциде. Это дает право называть Нюрнбергский трибунал главным судом, который поставил фактическую точку в истории Второй мировой войны и отправил на виселицу ее главных виновников [1, с.8].

Нюрнбергский процесс дал чёткую юридическую и моральную оценку преступлениям нацизма, заложив основу для дальнейшего международного права, включая понятия «преступления против человечности» и «геноцид». Процесс установил ответственность за преступления против человечности.

СССР играл ключевую роль в судебном разбирательстве, представив убедительные доказательства зверств нацистов. Обвинение, доказательства, судейский состав – вклад СССР.

Судебные заседания проходили в здании Дворца правосудия в Нюрнберге. Нюрнбергский процесс был уникален тем, что четыре державы –

СССР, США, Великобритания и Франция – объединились для проведения справедливого суда над нацистами. СССР был одним из главных инициаторов процесса, и его представители сыграли важную роль в обеспечении справедливого приговора. Главным обвинителем от Советского Союза выступил Роман Андреевич Руденко, а в состав судей входил генерал-лейтенант юстиции Иона Тихонович Никигченко. Советская сторона предоставила большое количество доказательств преступлений нацистов.

Однако, важность Нюрнбергского процесса заключалась не только в вынесении приговоров, но и в его документировании. Советская творческая интеллигенция – журналисты, художники и кинематографисты – оставили наглядное свидетельство этих исторических событий, обеспечив сохранение памяти об этом процессе для будущих поколений. Они документировали процесс в рисунках, статьях и фильмах, создавая уникальные свидетельства, которые помогают осознать масштаб преступлений нацистов.

Информационное освещение процесса было столь же важной задачей, как и само судебное разбирательство. Сталин лично утвердил список из 24 советских журналистов, которые были отправлены в Нюрнберг. Позже их число увеличилось до 45 человек. В Нюрнберг, чтобы освещать ход процесса, отправилась целая группа известных советских корреспондентов. Среди них: Всеволод Вишневский, Леонид Леонов, Константин Федин, Семен Кирсанов, Борис Полевой и другие. Лучших публицистов страны, направили туда, чтобы объяснить всему миру, почему Нюрнбергское правосудие так важно. Их статьи в «Правде», «Известиях» и других крупных газетах формировали общественное мнение и в СССР, и за границей. Советские журналисты и писатели создавали репортажи, которые доносили миру правду о преступлениях Третьего рейха.

Представленные на Нюрнбергском процессе доказательства нацистских деяний, были настолько ужасными, что даже видевшие многое в жизни мужчины не могли заснуть без снотворного. Борис Полевой писал, что слова второго лица Германии Геринга о «загадочном» советском человеке, которого не понимала Европа, заставили его вспомнить о своем фронтовом знакомом, летчике-истребителе Алексее Маресьеве. «Повесть о настоящем человеке» – произведение, ставшее символом негибаемого духа советского народа, была написана за 12 дней до Нюрнбергский процесса. Именно Нюрнберг окончательно превратил Полевого из очеркиста в известного всей стране прозаика [2, с.415].

Одним из значимых направлений сохранения памяти о Нюрнбергском процессе стали судебные зарисовки. Фотосъёмка в зале суда была ограничена, поэтому художники выполняли важную задачу: они передавали атмосферу заседаний, изображая подсудимых, судей, прокуроров и свидетелей. Художники и карикатуристы внесли значительный вклад в визуальную хронику процесса. Советская пресса уделяла особое внимание процессу. В газете «Известия» публиковалась серия карикатур Бориса Ефимова

«Фашистский зверинец», в которой подсудимые изображались как жалкие, трусливые преступники, потерявшие былую надменность.

Одним из художников был Николай Жуков – советский график и живописец, работавший непосредственно на процессе. Его рисунки, выполненные быстрыми, но выразительными штрихами, позволили запечатлеть не только лица обвиняемых, но и их эмоции: напряжённые взгляды, растерянность, надменность или полное безразличие. Работы Жукова стали ценным историческим источником, показывающим живую реакцию подсудимых на предъявляемые им обвинения [3, с. 116].

Помимо Николая Жукова, который делал детальные зарисовки заседаний, в состав советской делегации также вошли трое знаменитых карикатуристов из творческой группы «Кукрыниксы» – Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов. Кукрыниксы, известные своими сатирическими плакатами во время войны, создали серию карикатур, в которых разоблачали нацистских преступников. Их работы высмеивали нацистских лидеров, показывая их не как всесильных военачальников, а как смешных и презренных преступников, оказавшихся перед лицом возмездия [4, с.827].

Наряду с журналистами и художниками важную роль в сохранении памяти о Нюрнбергском процессе сыграла кинодокументалистика. Документальные съёмки суда стали не только историческим свидетельством, но и инструментом антифашистского воспитания.

Роман Кармен, один из лучших военных кинорежиссёров СССР, был среди операторов, снимавших процесс. Его работа в составе международной группы хроникёров позволила создать уникальные кадры, ставшие частью официальной хроники Нюрнбергского трибунала. Фильм «Суд народов» (1947), снятый режиссёром стал одним из первых полнометражных документальных фильмов о Нюрнбергском процессе. В основе картины лежали не только судебные съёмки, но и кадры, зафиксировавшие ужасы концлагерей, что усиливало эмоциональное восприятие преступлений нацистов. Этот фильм показал миру ужасающую правду о нацистских преступлениях и стал важным элементом международной информационной политики [5, с.141]. «Суд народов» стал одним из первых антифашистских документов.

Публикации советских корреспондентов вызвали огромный резонанс. В СССР газеты с репортажами о Нюрнберге расходились миллионными тиражами, а в домах культуры и вузах проходили лекции и обсуждения.

Военные корреспонденты выполняли не только свой профессиональный долг, но и участвовали в сражениях. Важной задачей также было зафиксировать сам процесс осуждения, донести правду о преступлениях нацистов до общественности, чтобы эта память сохранялась и передавалась следующим поколениям. Здесь особую роль сыграла советская творческая интеллигенция – журналисты, писатели, художники и кинематографисты.

Рисунки Николая Жукова и карикатуры Кукрыниксов были представлены на выставке 1947 года в Москве, посвященной Нюрнбергскому процессу. Позже эти работы стали частью коллекции Центрального музея вооруженных сил и Государственного исторического музея.

Нюрнбергский процесс – стал не только возмездием за прошлое, но и предупреждением для будущего. А вклад советской творческой интеллигенции в его освещении доказал, что искусство и журналистика способны не только отражать реальность, но и формировать общественное сознание, защищая правду от искажения и забвения.

Процесс в Нюрнберге показал миру, что существует глобальная ответственность за человеческие жизни, и что никто не может укрыться от правосудия, если он совершил преступление такого масштаба. Так уроки Нюрнберга оказались актуальными в современном мире в условиях возрождения фашистской опасности.

Список литературы

1. Звягинцев А. Нюрнбергский процесс. – М.: Рипол Классик, 2018. – 160 с.
2. Слизов С.С. Военные корреспонденты в Великой Отечественной войне и роль военкоров в ходе Сталинградской битвы // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2023. – С. 413-417.
3. Бочаров Т.С., Козорезенко П.П. Великая Отечественная война в графике советских художников // Декоративное искусство. – 2020. – № 3. – С. 103-121.
4. Родионова З.К. Кукрыниксы и их вклад в творчество военных лет // Война и мир в Отечественной и мировой истории: сб. науч. ст. – М.: Изд-во МГУ, 2020. – С. 826-830.
5. Савельев Н.С. Военная кинохроника как культурно-историческое и журналистское наследие // Актуальные проблемы современной журналистики и медиакоммуникаций: материалы междунаро. науч. конф. – СПб., 2020. – С. 141-142.

УДК 94(476.4)"1941/1944"

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА В МОГИЛЕВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА

Брыскин Н.М.

Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования

«Белорусско-Российский университет»

(г. Могилев, Беларусь)

Научный руководитель – ст. преподаватель Канашевич Д.А.

Аннотация. Статья исследует потенциал, а также необходимость дальнейшего развития мемориального туризма для сохранения памяти о проводимом немецкими нацистами геноциде в Беларуси (1941-1944 гг.), особо выделяя Холокост как наиболее масштабное проявление этой политики. На примере мемориалов Могилева показана необходимость увековечивания памяти всех жертв – как еврейского населения, которое во время немецкой оккупации Беларуси массово уничтожалось (600–800 тысяч евреев), так и других этнических групп белорусского народа, также пострадавших от террора нацистской Германии.

Ключевые слова: Могилев, мемориальный туризм, памятники жертвам Холокоста, братские могилы, евреи, Холокост, Великая Отечественная война.

Abstract. The article examines the potential and need for further development of memorial tourism to preserve the memory of the Nazi genocide in Belarus (1941–1944), focusing on the Holocaust as its most extreme manifestation. Using Mogilev's memorials as an example, it highlights the importance of commemorating all victims—Jews (600,000–800,000 murdered) and other ethnic groups targeted by Nazi terror.

Keywords: Mogilev, memorial tourism, Holocaust memorial sites, mass graves, Jewish population, Holocaust, The Great Patriotic War.

В законе «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З под белорусским народом законодатели понимают всех советских граждан, проживавших на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны и (или) в послевоенный период. В их числе и советские граждане еврейской национальности, которые подверглись со стороны немецких нацистов и сформированных ими коллаборационистских отрядов, массовому уничтожению, осуществляемой в рамках политики, называемой Холокостом.

Первые упоминания о евреях на территории Беларуси известны со времён правления великого князя Гедимина, управлявший Великим Княжеством Литовским (1324 г.), а самих белорусских евреев в ВКЛ называли литваками (идиш ליטוואק). В ходе присоединения белорусских земель к России (1772-1795 гг.) в 1791 г. Екатериной II введена черта оседлости, которая законодательно ограничила проживание для большинства евреев в пределах западных губерний, соответствующие современным Беларуси, Украине, Литве, Молдове и части современной Польши (восточной Польши). По переписи 1897 г. в Беларуси проживало свыше 900 тыс. евреев – вторая по численности этническая группа после белорусов, превосходившая польское население и составлявшая большинство в большинстве городов и местечек белорусских земель.

Могилев исторически являлся городом, имевшим значительное и растущее еврейское население. Согласно ревизии 1847 г. в Могилевской губернии (в составе Российской империи), функционировали «еврейские общества» в составе 20783 человек, в том числе крупные по численности:

Могилевское – 7897 человек, Шкловское – 9677. [4, с. 12]. В 1867 г. в Могилеве из общего количества населения города в 40536 человек, евреев официально насчитывалось 17 038. По переписи 1897 г. в Могилеве проживало 43119 жителей, в том числе евреев 21539, то есть евреи составляли уже 50% населения. Влияние этого очага еврейства на развитие Могилева трудно переоценить.

Еврейское население Могилева состояло преимущественно из предприимчивых торговцев, трудолюбивых ремесленников. В Могилеве в 1867 г. имелось 1100 еврейских магазинов. В могилевском еврейском предместье Луполово действовали заводы Леккерта (пивоваренный, кожевенный) и Янника (пивоваренный), а также многочисленные еврейские ремесленные мастерские [4, с. 12]. Ремесло в регионе тогда было преимущественно еврейской сферой деятельности. К 1909 г. в Могилевской общине насчитывалось 219 фабрично-заводских предприятий с 667 рабочими [4, с. 12].

В 1911 г. в Могилеве действовали: 38 синагог и молитвенных домов; 45 хедеров (начальные религиозные школы для мальчиков из обеспеченных семей); Талмуд-Тора (аналогичное учреждение для малоимущих), в которых обучались 350 учеников; иешива (высшее религиозное училище); начальное; еврейское училище (45 учащихся); частная женская прогимназия (4 класса), а также еврейская сельскохозяйственная ферма. В 1915-1917 гг. Могилев стал важным политическим центром. Около 90% каменных зданий в центре города (преимущественно еврейская собственность) использовались для размещения иностранных посольств и военных советников государств Антанты.

В период революционных событий большевики еврейского происхождения сыграли значительную роль в Могилеве. В ноябре 1918 г. был создан городской Совет, а 22 декабря было принято решение о слиянии городского и уездного исполкомов в один уездно-городской исполком с единым президиумом и аппаратом управления. 63% от всего состава Совета составляли евреи (44 человека). Председателем городского Совета был избран большевик еврейского происхождения – Иосиф Борисович Геронимус, получивший большой опыт политической работы, находясь в эмиграции [4, с. 12]. В начале 1920-х гг. в Могилеве при активной поддержке Еврейского распределительного комитета «Джойнт» функционировали 3 еврейских детских дома, 8 еврейских детских садов, 6 начальных школ, а в 1925 г. открылась еврейская библиотека [4, с. 12].

В послеоктябрьский период жизнь белорусских евреев определялась теми процессами, которые были характерны для советского государства в целом. Летом 1920 г. идиш был признан одним из четырёх официальных языков БССР, что было закреплено в Конституции БССР 1927 г. (в 1936 г. статус официального языка был утрачен). К 1929 г. в Могилеве обучалось около 9 тыс. детей. Было создано 10 семилетних и 9 начальных школ, в их числе две семилетки и четыре начальные школы на еврейском языке (идише),

еще в двух семилетних школах обучение велось на русском и польском языках, в остальных – на белорусском. Организаторами советской школы в Могилеве были в основном депутаты уездно-городского Совета, руководители отдела народного образования еврейского происхождения И. А. Перель, З. Б. Лозинский и др [4, с. 12]. В 1930-х гг. в городе был еврейский сельскохозяйственный техникум. Однако к концу 30-х гг все хедеры, еврейские учебные заведения, библиотеки, общества и синагоги были закрыты.

Постепенно изменялся уклад жизни и в местечках. До конца 30-х гг. религиозная жизнь здесь продолжалась: евреи посещали синагоги, за счёт местечковых евреев содержались раввины, продолжалось обучение детей меламедами в хедерах и на дому, произносились проповеди магидами (еврейские религиозные проповедники), продолжали действовать старые религиозные общества (самые распространенные – благотворительные и погребальные «Хевре-Кадышо»). Однако под контролем Еврейской секции большевистской партии религиозная жизнь начала постепенно сворачиваться [4, с. 12]. В период индустриализации местечки стали бурно перестраиваться, создавались артели, коммуны, совхозы и промышленные предприятия. На 1 марта 1929 г. в Могилевском округе из 39 национальных колхозов 36 были еврейские, и по одному – латышскому, литовскому и польскому. Однако многие еврейские хозяйства были упразднены в период репрессий 1936-1939 гг.

Согласно последней предвоенной Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. численность еврейского населения Могилева составляла 19715 человек или 19,83 % [5, с.142-143]. Имеются также данные, что на самом деле процент евреев в населении Могилева был выше [4, с. 12]. В период индустриализации в 30-х гг. могилевские евреи принимали самое активное участие в развитии экономики Могилева. Они сыграли большую роль в возведении и пуске первенца белорусской химии – Могилевской шелковой фабрики, первенца автомобильной индустрии – Могилевского авторемонтного завода им. Кирова и других предприятий. Таким образом, в довоенный период еврейское население Могилева активно включилось в создание советской государственности, способствовало строительству новых социально-культурных и экономических учреждений.

Вероломное нападение Германии на СССР стало началом катастрофы для советских граждан еврейского происхождения, проживавших на белорусских землях. Основная масса еврейского населения западных районов БССР не успела эвакуироваться и практически целиком погибла. Роковую роль сыграла скорость продвижения германских войск. В восточной части была проведена достаточно масштабная эвакуация промышленных предприятий и населения, благодаря чему определенная часть евреев оказались вне досягаемости нацистов, но и здесь, как показывает ситуация, сложившаяся в Могилеве, потери еврейского населения были огромны.

Политику нацистской Германии по массовому преследованию и истреблению евреев обозначают термином Холокост (от др.-греч. ὁλοκαύστος – «всесожжение»). В Израиле принят также термин Шоа (Катастрофа). Гибель более 6 млн. евреев от рук фашистских палачей в годы Второй мировой войны обозначается как Катастрофа Европейского Еврейства. Действиям под названием Холокост подвергались не исключительно евреи (больные, цыгане, другие группы), но ее антисемитская направленность была преимущественной. Высказывается точка зрения, что начало Холокосту было положено именно в Беларуси. Здесь фашисты стали быстрыми темпами осуществлять чудовищную политику «окончательного решения еврейского вопроса». В самой Германии лагеря еще только строились, а в Беларуси уже летом 1941 г. (в июле) началось массовое уничтожение евреев – коренных, еврейских беженцев и депортированных евреев в гетто, концентрационных лагерях («лагеря смерти»), газовых камерах и крематориях.

Немецкие войска вступили в Могилев 24-25 июля 1941 г. и начался период немецкой оккупации, который продолжился до 1943 г. В августе 1941 г. по правому и левому берегам реки Дубровенки было создано еврейское гетто. За время оккупации Могилева было уничтожено более чем 10500 евреев города и его окрестностей, еврейских беженцев и депортированных евреев из Слонима [4, с. 12]. Наиболее массовые организованные убийства евреев, которые у немецких оккупантов назывались «акциями», проводились в октябре 1941 г. и марте 1942 г. в районах Пашково, Казимировка, Кадино и Польшовичи. Октябрьские «акции» 1941 г. привели к убийству около 6500 человек. Осенью 1943 г. для сокрытия следов преступлений немцы извлекли останки погибших из могил и сожгли у деревень Польшовичи, Новопашково, Казимировка [5, с. 144].

В Могилевском областном краеведческом музее создана музейная экспозиция о трагедии Холокоста в Могилеве. Здесь представлены материалы, включающие фотографии, документы и личные вещи жертв Холокоста. Отдельный раздел посвящён истории гетто и подвигам Праведников народов мира. В Могилеве есть военно-исторические объекты памяти жертв Холокоста, сохраняющие историческую память о геноциде белорусского народа в «материальном» виде. После окончания войны стали возводить мемориалы, увековечивающие память о тех зверствах, которые немецкие нацисты и их пособники проводили по отношению к населению Могилева. Однако в тот период, в СССР доминировала идеология интернационализации, и не придавалось большого значения национальному моменту. Поэтому погибших не различали по национальному признаку и жертв геноцида обозначали «советскими гражданами» или «советскими «людьми».

В качестве примера укажем на другой памятник советской эпохи, именуемый Братской могилой на месте массового уничтожения мирных жителей, д. Большая Боровка. Братская могила на месте массового уничтожения мирных жителей в д. Большая Боровка представляет из себя

надгробный комплекс, на котором захоронено 2500 человек, убитые немецкими нацистами. Мемориальная стела, выполненная из гранита, содержит лаконичную эпитафию: «Советским гражданам – жертвам фашизма» [7]. Периметр памятного пространства маркирован четырьмя кирпичными ограждениями, обозначающими места массовых погребений [7]. На Еврейском кладбище в Могилеве находится мемориал «Могила жертв фашизма», где похоронено 2208 евреев из могилевского гетто [2]. Мемориал воздвигнут в 1965 г. в виде мраморного обелиска высотой 4 метра [2]. Надпись на памятнике говорит о «советских гражданах», не уточняя обстоятельств и национальности погибших [2].

Однако в общем контексте обличения политики геноцида, проводившейся фашистскими оккупантами по отношению к белорусскому народу, нельзя забывать о её последствиях по отношению к советским гражданам еврейского происхождения – геноциду евреев в рамках проводимой немцами политики Холокоста, которая имела первоочередную направленность именно против евреев. Внимание к мемориализации мест массового уничтожения жертв Холокоста на территории Беларуси (с учётом этнического признака) начали уделять в 90-е гг. XX в., когда в 1991 г. распад СССР привёл к образованию независимой Республики Беларусь [6]. Так, на ул. Лазаренко 12 ноября 2008 г. установлен памятный знак «В память о евреях Могилева – жертвах нацизма». Памятник-мемориал установлен на месте массовых расстрелов евреев, а сам памятник-мемориал указывает на место входа в гетто. Здесь в 1941-1943 гг. были убиты около 10-12 тысяч человек, включая узников Могилевского гетто. Внешний вид памятного мемориала представляет собой камень, содержащий многочисленные оттиски ладоней. Оттиски ладоней символизируют связь поколений. Ритуальное прикосновение к ним интерпретируется как акт сохранения исторической памяти [3] [9].

В агрогородке Польшковичи (пригород Могилёва) в 1967 г. был установлен мемориальный комплекс на месте массовых расстрелов мирного населения в 1941-1944 гг [1]. Архитектурный ансамбль представляет собой гранитный обелиск на железобетонном постаменте, а на лицевой стороне присутствует пятиконечная звезда [1]. На монументе закреплена алюминиевая мемориальная плита с текстом: «Братья и сестры! Склоним головы перед памятью расстрелянных, замученных и сожжённых на этом месте фашистскими захватчиками более 10 тысяч наших соотечественников в 1941-1944 гг.» [1].

Мемориальный комплекс «Луполовский лагерь смерти» расположен в Могилеве на проспекте Шмидта. Мемориальный комплекс «Луполовский лагерь смерти» был открыт в 1984 г. в честь 40-летия освобождения Могилева [8]. На территории бывшего Луполовского лагеря смерти располагается мемориальный комплекс, созданный архитектором Н. Янчик в честь погибших советских военнопленных и мирных граждан. Ансамбль символизирует память, скорбь и победу жизни над смертью [8].

Мемориальный комплекс «Луполовский лагерь смерти» внешне представляет собой некоторую территорию, где находится скульптура из бетона высотой 2 метра, а также постамент из кирпича высотой 1,2 метра. На могиле воинов – скульптура солдата с автоматом [8].

Осознавая весь трагизм геноцида, совершенного нацистскими немецкими захватчиками по отношению к белорусскому народу, могилевчане возводили и продолжают возводить памятники его жертвам на местах массовых расстрелов населения, в том числе и граждан еврейского происхождения, уничтоженных в рамках политики Холокоста. Возведение памятников в честь жертв нужно для того, чтобы сохранить и передать ныне живущим и будущим поколениям всю историческую правду о геноциде на территории Беларуси в период немецкой оккупации. Мемориализированные места захоронений жителей Могилева, принадлежавших к различным этническим группам, которые стали жертвами немецких палачей в период оккупации, нужно бережно сохранять, чтобы никогда не допустить повторения подобных злодеяний на белорусской территории и территории любого другого государства.

Согласно переписи населения Беларуси 2019 г., в республике сегодня проживает 13705 евреев. Однако представить историческую и современную Беларусь без еврейского наследия, впрочем, как США и Израилью без белорусского, очень сложно. Для сохранения в мировой общественности памяти о геноциде белорусского народа, важным направлением деятельности государственных и общественных организаций, а также общественных объединений республики может стать рекламирование и стимулирование ностальгического и мемориального туризма белорусских евреев, проживающих ныне за рубежом. Многие из них стремятся посетить родные с детства места и могилы предков, почтить память невинных жертв Холокоста.

Для развития миграционного ностальгического туризма белорусских евреев Могилев представляет также интерес и в культурно-историческом плане. Это один из значимых центров европейского и белорусского еврейства, имеющий глубокие исторические корни, выражающиеся в многочисленном постоянном еврейском населении и его деятельности, которая оказала значительное влияние на многие социально-культурные, а также экономические процессы на различных этапах развития белорусской государственности.

Нельзя не учитывать и то, что как показывает опыт ряда стран, развитие миграционного ностальгического, в том числе мемориального туризма, может внести свой вклад в формирование (то есть привести к увеличению) местных бюджетов.

Литература

1. БРСМ. Место массового уничтожения мирных жителей (аг. Польшковичи, Могилевский район) // Цифровая звезда. Список памятников.–

Режим доступа: <https://izvezda.by/ru/monuments-ru/getElement/6457/>.– Дата доступа: 08.04.2025.

2. БРСМ. Могила жертв фашизма на Еврейском кладбище // Цифровая звезда. Список памятников.– Режим доступа: <https://izvezda.by/ru/monuments-ru/getElement/6288/>.– Дата доступа: 18.05.2025.

3. БРСМ. Памятный знак «В память о евреях Могилева – жертвах нацизма» // Цифровая звезда. Список памятников.– Режим доступа: <https://izvezda.by/ru/monuments-ru/getElement/6928/>.– Дата доступа: 08.04.2025.

4. Галаков А. Летопись о Могилевской еврейской общине // Могилевские ведомости.– 2017.– 5 сент.– С. 12.

5. История могилевского еврейства: Документы и люди: науч.-попул. очерки и жизнеописания. В 2 кн. Кн. 2, ч. 2 / сост.: А. Литин, И. Шендерович.– Могилев: АмелияПринт, 2009. – 396 с. : ил.

6. Левин Л.М. К вопросу о мемориализации мест массового уничтожения жертв Холокоста на территории Беларуси // Уроки Холокоста: история и современность : сб. науч. работ / сост. Я.З. Басин.– Минск: Ковчег, 2010.– Вып. 3.– С. 174.– ISBN 978-985-6950-05-9.

7. РОО «Патриоты Беларуси». Братская могила. Место массового уничтожения мирных жителей, д. Б. Боровка, Могилевский район, Могилевская область // Сохраним историю.– 2023.– Режим доступа: <https://www.savehistory.by/karta/7451-d-b-borovka-bratskaya-mogila-mesto-massovogo-unichtozheniya-mirnykh-zhiteley/>.– Дата доступа: 08.04.2025.

8. РОО «Патриоты Беларуси». Мемориальный комплекс «Луполовский лагерь смерти» (г. Могилёв) // Сохраним историю.– Режим доступа: <https://savehistory.by/karta/memorialnyy-kompleks-lupolovskiy-lager-smerti-mogilev/>.– Дата доступа: 18.05.2025.

9. Хитрикова Г. В Могилеве почтили память жертв Холокоста // MogilevNews.– 2019.– Режим доступа: <https://mogilevnews.by/news/28-01-2019-12-18/55159#bounce>.–

УДК 908

ЭХО МИНУВШИХ ДНЕЙ: ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВОЙНЫ

Федорчук Е.И.

ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей»
(г. Быхов, Беларусь)

Аннотация: в данной статье рассматривается влияние субъективных источников на восприятие и изучение военных событий через призму эмоционального воздействия, также приводятся факты и события с личностным окрасом из зафиксированных воспоминаний.

Ключевые слова: война, воспоминания, военные действия, оккупация, Холокост, Быхов, евреи, Германия.

Annotation: this article examines the influence of subjective sources on the perception and study of military events through the prism of emotional impact, and also provides facts and events with a personal coloring from recorded memories.

Keywords: war, memories, military actions, occupation, Holocaust, Bykhov, Jews, Germany.

Великая Отечественная война – событие, навсегда изменившее ход истории и оставившее неизгладимый след в памяти поколений. Изучение военных лет опирается на множество источников: официальные документы, статистические данные, архивные материалы. Однако, пожалуй, ничто не способно передать всю трагедию и героизм того времени так ярко, как воспоминания очевидцев – людей, переживших войну на передовой, в тылу, в оккупированных городах. Эти рассказы – бесценный источник, позволяющий взглянуть на войну глазами простого человека. Они наполнены деталями, которые не найти в сухости официальных сводок. Воспоминания передают не только факты, но и чувства, переживания, моральные дилеммы, с которыми сталкивались люди в условиях войны. Они позволяют понять, как война влияла на повседневную жизнь, на взаимоотношения между людьми, на их мировоззрение. Особенно ценны эти свидетельства для изучения истории родного края. Война коснулась каждого уголка страны, и каждая местность имеет свою уникальную историю сопротивления, героизма и трагедии. Воспоминания местных жителей, их рассказы о жизни в оккупации, о партизанском движении, о работе на заводах, выпускавших продукцию для фронта, позволяют воссоздать картину событий, происходивших именно здесь, на этой земле. Они наполняют исторические факты человеческим содержанием, делают историю более живой и понятной.

В фондах Быховского районного историко-краеведческого музея находятся воспоминания быховчан, собранные и зафиксированные местным краеведческим сообществом. В данной статье мы рассмотрим воспоминания о Великой Отечественной войне жителя города Быхова, учителя Меншагина Георгия Дмитриевича, детские годы которого прошли в Быхове, мать его Елизавета Ивановна была коренной быховчанкой, окончившей женскую гимназию (по воспоминаниям Георгия Дмитриевича, родители его проживали на улице Дорохова, тогда она называлась Рогачёвская. Дом №64 (или 62) находился на левой стороне улицы).

Воспоминания одного человека отражают его индивидуальный опыт войны, его личные впечатления и переживания. Они позволяют понять, как война повлияла на его мировоззрение, ценности и убеждения. В воспоминаниях Меншагина много ценной краеведческой информации: названия улиц и переулков, фамилии местных жителей, отношение нееврейского населения к евреям Быхова, истории школьных дней. Сведения, которые касаются Великой Отечественной войны, также обширны. Сперва Георгий Дмитриевич вспоминает обстановку накануне оккупации Быховского района, приводит фамилии и имена людей, которые готовились к

сопротивлению, описывает моральное состояние жителей (орфография и пунктуация автора воспоминаний сохранены):

«Перед самой войной в райисполкоме было совещание, на котором присутствовал я, будучи начальником ОСВОДа. Нам дали указания, как нужно действовать в случае вступления немцев в Быхов. Как и куда эвакуировать население и предприятия, как вести оборону, уничтожать стратегические объекты, чтобы они не достались врагу. Склады надо было перевезти в Дедово. Тот, кто останется на оккупированной территории, должен внедриться в систему власти немцев, вести разведывательную работу и результаты докладывать Красной Армии. Сташкевичу нужно было внедриться в полицию. И он в начале войны стал начальником полиции. Во время его правления массовых расстрелов не было. Он умел сгладить обстановку, за что подозрительные немцы его потом и расстреляли. Я лично знал Сташкевича, дружил с его сыном. Помню, что Сташкевич жил на нынешней улице Француза (между улицей Никитинской и улицей Подоляна; а улица Подоляна до войны называлась Мокрянская).

И вот прошло более недели от начала войны. Фашисты теснили Красную Армию у Бобруйска, где шли кровопролитные бои. Оттуда через Быхов шло много беженцев» [2, л. 17].

Описывает Меншагин и утро, когда немецкие войска зашли в Быхов:

«Однажды около 9 часов утра я шёл от своей станции ОСВОДа вверх по Днепровскому спуску (*Куйбышевскому*), чтобы купить папирос. Прошёл мимо школы №3, повернул около церкви к Сенной площади, где находились магазины. Вдруг увидел четыре немецких танка, движущихся к днепровскому мосту. Пехотинцев нигде не было видно. Танки повернули у школы №3 на Днепровский спуск (*Куйбышевский*). Я же купил пачку папирос «Красная звезда» и стал думать, как вернуться к лодочной станции, чтобы затопить лодки и уничтожить мелкокалиберные винтовки (по предписанию они не должны достаться врагу).

Вдруг в центре города начали рваться снаряды. Это со стороны Таймоново наши войска стреляли, пытаясь помешать фашистам. Но враги пришли как к себе домой, нагло и уверенно. Быхов был захвачен за 30 минут. От снарядов не пострадали только окраины – Сабиловка, Белая Гора, Заюровцы (от Вильни и по улице Пушкина), а также железнодорожный вокзал.

Когда я приблизился к лодочной станции, то увидел, как средний пролёт моста поднялся и рухнул в воду. Через несколько секунд я услышал звук взрыва. Мост взорвали подчинённые люди моего отца, бойцы понтонного батальона. Это случилось в 10-11 часов дня. Взрыв был подготовлен заранее.

Один из немецких танков сгорел во дворе евреев, слева от моста. Там он простоял всю войну. Второй танк, что контролировал Вокзальную улицу, был взорван на Пяти углах. Третий расстрелян под Мокром в лесу. Четвёртый уничтожен за колхозной фермой на улице Дорохова.

А случилось так. Я возвращался с разведки по городу и встретил лейтенанта и солдата. Они спросили, как пройти к Днепру. Я повёл их через Вильню, затем через колхозный двор. Подходя к кладбищу, мы увидели: немец сидит на выступе люка танка и играет на губной гармошке. Тогда солдат берёт у меня одну гранату, вторую у лейтенанта, связывает их и идёт к танку. Взрыв – и тишина. Произошедшее видела со своего огорода тёща Цыбульского, потом она сама рассказывала.

Вместе с беженцами я пошёл в сторону Славгорода (Пропойска в те времена). В Приборе пришлось вплавь преодолевать Днепр. Над нами кружили немецкие самолёты. Они заняли Быховский аэродром. На аэродроме наши не оставили никакой техники. Все военные, их жёны и дети были эвакуированы. Мне удалось дойти до Кричева. Но немцы, перемещавшиеся на машинах и мотоциклах, обогнали нас. Мы оказались в тылу захватчиков и вынуждены были вернуться обратно» [2, л. 18-19].

Особое место в воспоминаниях Меншагина занимает Холокост. Евреи составляли значительную часть населения Быховщины с XVII века. Наиболее точную картину о проценте еврейского населения нам дают данные переписи населения: по переписи населения 1766 г. в Быховском кагале числилось 887 евреев. С 1784 по 1805 гг. число евреев-мещан изменилось от 873 до 1244. Вместе с этим в податных книгах христиане-мещане Быхова отмечены в 1787 г. в количестве 132 человек. Таким образом, можно говорить о значительной части еврейского населения Быховщины. В последующих столетиях их процентный состав колебался, тяготея к уменьшению. Накануне Великой Отечественной войны нам доступны следующие данные: перепись населения 1939 г. предоставляет данные по БССР: всего населения – 5568994, евреи составляли 375092 (6,74%) [1]. Таким образом, естественным является тот факт, что местное нееврейское сообщество находилось в дружеских и близких отношениях с евреями Быхова. И те события, которые разворачивались в годы войны, не могли оставить равнодушными жителей Быховщины. Так, Георгий Дмитриевич вспоминает:

«В августе 1941 года немцы приступили к осуществлению плана Гитлера по уничтожению еврейского населения. Немцы вывесили объявление явиться всем в замок, а на одежде каждого должна быть нашита жёлтая шестиконечная звезда Давида. Согнали несколько сотен евреев, не давали пищи. Женщин и детей отделили от мужчин. Кто из женщин пытался удрать – расстреливали. Ждан Евгения Григорьевна, да и многие другие, рискуя жизнью, пытались носить еду несчастным узникам.

Первые жертвы были расстреляны возле замка и брошены в подвалы.

Затем евреев вывозили за Днепр и расстреливали во рву справа от дороги, ведущей в Воронино. Всего погибло больше 4 тысяч евреев. С ними были убиты и начальник НКВД Сурто, начальник полиции Сташкевич (не еврей). Убийства продолжались до октября» [2, л. 19].

В воспоминаниях также есть сведения о партизанском движении на Быховщине:

«Росло сопротивление народа. Организовывались партизанские отряды. Я знал Николая Павловича Куракина, его семью. Они все ушли в партизаны. Дочь Валя была медсестрой, погибла от рук врагов, когда они ворвались в избу, где лежала больная тифом Валя, и нашли пистолет у неё под подушкой. Её сестра Клара (училась с Верховцовым Виктором Кирилловичем в одном классе) умерла от туберкулёза в 7 или 8 классе (1951 г.) после войны» [2, л. 22].

Воспоминания о войне дают представление о том, как эти события пережили отдельные люди. Они рассказывают о героизме, страданиях, но и также об обыденных вещах - как люди пытались выжить в условиях войны, сохранять человечность. Особый пласт воспоминаний Георгий Дмитриевича – жизнь в Берлине, когда он был угнан на работы в Германию.

«Я же был в 1942 году угнан в Германию вместе со многими молодыми людьми. Попал на мелиоративные работы (осушение болот) в сельской местности, километрах в 40 от Берлина. Хозяину принадлежал замок и дом. Для нас был установлен режим. Кормили по норме: утром три картофелины размером в кулак. В обед получали отвар травы шпината. На ужин – обрат молока с мукой – жидкий кисель. Мы всегда хотели есть. Весной, когда расцвела акация, мы объели все цветы. На болоте ели аир. Даже после войны я долго не мог насытиться хлебом, мог за один раз съесть целую буханку.

Немец-хозяин заставлял нас работать с утра до ночи. Если кто-то провинился - били всех подряд. Это был настоящий лагерный режим. Как ни странно, никто из нас не болел. А если кто-нибудь слабел от недоедания и тяжёлой работы, его начинали побольше кормить, приводили в норму – и снова на каторгу» [2, л. 23].

И в заключение, воспоминания о днях Победы:

«Когда Берлин штурмовала Советская Армия, мы хорошо слышали взрывы, гул боя, видели самолёты. Научились по выстрелам определять, кто стреляет – русские или немцы. Когда нас освободили, несколько дней мы ещё участвовали в боях, а затем поступил приказ: всех бывших военнопленных пропустить через Смерш. Мы должны были явиться на сборный пункт в качестве репатриантов. И в течение полутора месяцев, обычно в 24 часа ночи, нас вызывали на допрос, задавали одни и те же вопросы. Наконец один из офицеров сжалился надо мной и говорит: «Поглядите, он же наш до мозга костей!» И отправили меня на все четыре стороны. Вслед я услышал: «Ты долго будешь помнить меня, смершевца!» [2, л. 23].

Но в Советский Союз я вернулся только в 1947 году, прислужив два года в советской воинской части в качестве вольнонаёмного».

Каждый человек имеет свой уникальный взгляд на историю, события, которые происходили. Воспоминания Георгия Дмитриевича – это субъективный источник информации. Он может содержать неточности, преувеличения или искажения. Но вместе с тем, изучение воспоминаний

разных людей позволяет получить более полную и многогранную историческую картину.

Воспоминания свидетелей Великой Отечественной войны представляют собой уникальный источник, который позволяет углубить наше понимание исторических событий, произошедших в это тяжелое время. Они содержат личные переживания, эмоции и детали, которые не всегда могут быть найдены в официальных документах и хрониках. И это предоставляет возможность глубже понять не только события той эпохи, но и человеческие судьбы, которые были затронуты войной.

Литература:

1. Институт демографии имени А.Г. Вишневского [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=5–

Дата доступа: 17.05.2025

2. Научно-вспомогательный архив ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей». – П. №67. – 27 л.

УДК 903.5 + 393.92 (476.4) «09/12»

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У аг.
ГОРБОВИЧИ ЧАУССКОГО Р-НА

Авласович А. М., Логвинова Д.С.

Государственное научное учреждение «Институт истории НАН Беларуси»,
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. В статье представлены результаты исследований трёх курганов могильника у аг. Горбовичи, полностью раскопанных в 2024 году. Во всех случаях погребения были совершены по обряду трупосожжения на стороне с размещением останков в деревянных ящиках. На основании погребального обряда и сопровождающего инвентаря комплексы датированы серединой – концом X века.

Ключевые слова: могильник, погребальный обряд, кремации, X век.

Summary. The article presents the results of the study of three burial mounds near the village of Gorbovichi, completely excavated in 2024. In all cases, the burials were performed according to the cremation rite on the side with the remains placed in wooden boxes. Based on the burial rite and accompanying inventory, the complexes are dated to the middle – end of the 10th century.

Keywords: burial mound, burial rite, cremation, 10th century.

Первые археологические исследования курганного могильника у аг. Горбовичи были проведены в 1965 г. научным сотрудником Могилёвского областного краеведческого музея Т.Д. Елисеевой. Отчёт о раскопках исследовательницей не был сдан в Институт истории Академии наук Белорусской ССР. Однако, по сведениям Я.Г. Риера¹, работавшего с полевым дневником Т.Д. Елисеевой, известно, что при раскопках восьми насыпей обнаружены захоронения, как по обряду трупосожжения (выше и на уровне горизонта), так и парное трупоположение с западной ориентировкой. Зафиксирован один кенотаф. Погребения датированы концом X – XI веками [18, с. 172].

В 1972 г. памятник обследовал старший научный сотрудник Могилёвского областного краеведческого музея Я.Г. Риер [5, с. 356]. О сохранившихся к 1978 г. трёх насыпях также упоминается в издании «Гарады і вёскі» [1, с. 256]. В 1991 г. памятник обследовал, а также составил инструментальный и топографический планы В.Ф. Копытин [10, с. 38].

¹ В личной картотеке Я.Г. Риера имеется фото погребального инвентаря, которое было предоставлено в наше распоряжение [фото 30:3]. Авторы высказывают искреннюю благодарность уважаемому профессору Я.Г. Риеру за возможность работы с личной картотекой и предоставление материалов для печати.

Летом 2023 г. данный памятник был обследован авторами настоящей статьи (рис. 1). В декабре 2024 г. три оставшиеся насыпи полностью исследованы археологической экспедицией под руководством А.М. Авласовича.

Курган № 1 располагался в восточной части могильника, целиком уцелел лишь северный край насыпи. Максимальная высота составляла 1,6 м, длина по линии запад – восток – около 8 м. Оставшаяся часть кургана имела дугообразную форму, с задернованной поверхностью и оголённой южной стороной. Погребение было выявлено уже на стадии зачистки профиля: плотное скопление угля и кальцинированных костей, локализованное на высоте 0,7 м от древней дневной поверхности. Обряд – трупосожжение на стороне. Кости (вес около 900 г.) размещались в пределах остатков деревянного ящика размерами не менее $1 \times 0,8 \times 0,25$ м, ориентированного с отклонением на северо-восток – в сторону р. Рудея.

В составе инвентаря обнаружена бронзовая трутовая палочка с орнаментом и двумя пробитыми отверстиями (фото 1:1). В северной части насыпи, на расстоянии 0,85 м, найдены две стенки раннекругового сосуда. До размещения погребения, под ним было разведено локальное кострище (0,14 м толщиной), имевшее, вероятно, ритуальный характер. Ещё одно кострище с обилием пепла обнаружено на северном склоне насыпи.

Хронологически комплекс датируется серединой – концом X в. Обряд трупосожжения практически исчезает в регионе после 990-х гг. в связи с принятием христианства. Форма и орнаментация керамики, а также аналогии к бронзовой фитильной трубке позволяют уточнить датировку: сосуды этого типа фиксируются в погребениях уже с середины X в. [4, с. 75; 15, с. 71], а аналогичные трубки известны на памятниках Бирули I, II и Гольшаны¹, где они датированы X в. [7, с. 24, рис. 47: 9; 8, с. 12, 17, рис. 29: 13; 46: 3].

Курган № 2 располагался в центральной части группы между курганами №1 и №3. Насыпь полусферической формы, высотой до 2,8 м, диаметром около 10 м.

Погребение по обряду трупосожжения на стороне располагалось выше уровня зольника, на северном склоне насыпи. Останки помещались в деревянную конструкцию, от которой сохранились лишь угольные контуры. Размеры ящика – около $1,6 \times 0,95$ м, высота до 0,35 м. Все кальцинированные кости (323 г.) находились внутри конструкции.

Сопровождающий инвентарь включал железную фитильную палочку со следами огня, бронзовую орнаментированную поясную накладку и перстнеобразное височное кольцо с заходящими концами (фото 1:5-7). В северной части ящика зафиксирована стеклянная масса с фрагментом кости (фото 1:8). В насыпи также найдены фрагменты круговых сосудов, в том числе стенка с орнаментом из косоугольного штампа и опоясывающих линий (фото 1:2,3,9). В теле насыпи (сектор 1) обнаружена бронзовая треугольная подвеска милоградско-юхновского типа VI–V вв. до н.э. [12, с. 219]. Это

¹ Неоценимую помощь в идентификации пострадавших в огне артефактов, поиска аналогий и датировке нам оказал научный сотрудник отдела археологии Средних веков и Нового времени П.М. Кенько.

артефакт, не связанный с погребением, вероятно, попал в насыпь случайно (фото 1:4).

Набор находок содержит признаки как мужского, так и женского костюма. Это позволяет предположить, что погребение могло быть двойным.

Хронологически комплекс синхронен кургану №1. Как уже отмечалось, круговые сосуды появляются с середины X века [4, с. 75; 15, с. 71], а железные фитильные палочки типичны для X – начала XI вв. [3, с. 79]. Перстнеобразные височные кольца в ингумационных захоронениях датируются XI – XII вв. [2, с. 18], но в курганах с кремациями аналогичные находки относятся ко второй половине X века [13, с. 11]. Поясная накладка соотносится с аналогиями из Десятинной церкви в Киеве (X–XI вв.) [6, рис. 13: 3; 3, с. 87, рис. 76: 13]. Более узкая датировка, 2й пол. X века, дана В.В. Мурашёвой [16, с. 53, 120, рис. 77: О12]. Среди бус особенно выделяется лимоновидная, датируемая концом X – серединой XI вв. [9, с. 167-168; 20, с. 101; 21, с. 178]. Таким образом, сооружение кургана №2 относится к середине – второй половине X века.

Курган № 3 располагался в западной части могильной группы. Насыпь полусферической формы, высотой до 1,8 м, диаметром около 10 м. Поверхность задернована, зафиксированы следы выкорчеванных деревьев. Погребение по обряду трупосожжения на стороне располагалось выше уровня зольника, на северном склоне насыпи. Останки помещались в деревянный погребальный ящик, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток (в сторону р. Рудея). Его размеры – 1,26 × 0,88 м, высота до 0,18 м. Все кальцинированные кости (226 г) находились в пределах конструкции.

Среди останков кремации обнаружена стеклянная спекшаяся масса с фрагментом кости (фото 2:3). Ритуальные элементы представлены ведёрной дужкой, ножом и фрагментами круговых горшков (фото 2:1,4,5). Также обнаружены фрагменты лепной посуды (фото 2:2).

По аналогиям ведра, ножа и украшений курган датируется серединой – концом X века. Подобные дужки от вёдер зафиксированы в погребениях в Солтановке¹ и Сычково-II (конец X – XI в.) [14, с. 4–5; фото 9:6–10; фото 11:1; 11, рис. 13, 14]. В целом же вёдра на территории Руси известны начиная с IX в. [19, с. 43]. Наиболее ранние ножи в данном регионе зафиксированы в Чаусском курганном могильнике и датированы концом X – началом XI века [18, с. 14]. Стеклянная спекшаяся масса указывает на женское погребение. Вместе с тем, характер сопровождающего материала и структура насыпи позволяют считать, что курган №3 является синхронным с двумя предыдущими.

¹ Авторы высказывают искреннюю благодарность своему наставнику профессору И.А. Марзалюку за возможность работы с научными отчётами и поддержку в научных исследованиях.

Літэратура:

1. Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Т. 7. Кн. 3. Магілёўская вобласць / рэдкал. : Т.У.Бялова (дырэктар) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі, 2009. – 544 с.
2. Дучыц, Л.У. Справаздача: аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Клічаўскага і Бабруйскага раёнаў Магілёўскай вобласці ў 1997 г. / Л.У. Дучыц. Архіў Інстытута Гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1676. – Мінск, 1998.
3. Зайцева, И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра / И.Е. Зайцева // Археология севернорусской деревни X-XIII веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2007. Т. 2 : Материальная культура и хронология. – С. 57–141.
4. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1995. – 207 с.
5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць, (АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; Рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: Беларус. Сав. Энцыкланедыя, 1986. – 408 с.
6. Івакін, Г.Ю. Першыя падсумкі вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. / Г.Ю. Івакін, О.М. Іофнісіян // Дьвісьлово: збірка праць на пошану дійсного члена національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-риччя / Національна Академія Наук України Інститут Археології – Кіпв, 2008. – С. 191–213.
7. Кенько, П.М. Отчёт о раскопках селища и курганного могильника возле д. Гольшаны и проведении археологических разведок в Ошмянском районе Гродненской области и в Докшицком районе Витебской области в 2010 г. / П.М. Кенько // Архив Института истории НАН Беларуси. – Д. № 2823. – Минск, 2011.
8. Кенько, П.М. Отчёт о раскопках селища, городища и курганного могильника возле д. Гольшаны Ошмянском районе Гродненской области и раскопок селища возле д. Бирули Докшицкого района Витебской области в 2011 г. / П.М. Кенько // Архив Института истории НАН Беларуси – Д. № 2883. – Минск, 2012.
9. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука, 1982. – С. 156–177.
10. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Чаусского района Могилёвской области / В. Ф. Копытин. – Могилёв : Изд-во Могилев. гос. пед. ин-та им. А. А. Кулешова, 1992. – 104 с.
11. Коробушкина, Т.Н. Отчёт о полевых работах. Проведённых в Бобруйском районе в 1989 году / Т.Н. Коробушкина. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Д. № 1175. – Минск, 1990.
12. Лошенко, М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси / М.И. Лошенко. – Мн.: МФЦП, 2011. – 408 с.

13. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля водасховішча “Рудэя” у Чавускім раёне Магілёўскай вобласці ў 2012 г. / І.А. Марзалюк. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Д. № 3088. – Могилёў, 2013.

14. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка каля вёскі Салтанаўка ў Магілёўскім раёне Магілёўскай вобласці ў 2012 г. / І.А. Марзалюк. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Д. № 3108. – Могилёў, 2013.

15. Мурашева, В. В. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения / В. В. Мурашева, Н. В. Ениосова, А. А. Фетисов // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. – СПб, 2007. – С. 31 – 77.

16. Мурашева, В.В. Древнерусские ремённые наборные украшения (X – XIII вв.) / В.В. Мурашева – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.

17. Рьер, Я. Г. Отчет об археологической разведке в Чаусском и Славгородском районах Могилёвской области в 1972 г. / Я. Г. Рьер // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 392. – Могилёв, 1972.

18. Рьер, Я. Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным : монография / Я. Г. Рьер. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 176 с.

19. Розенфельд, Р. Л. Бытовые изделия: деревянная тара и посуда / Р. Л. Розенфельд // Древняя Русь. Культура и быт. – М. : Наука, 1997. – С. 43–46.

20. Френкель, Я. В. Опыт датирования пойменной части гнездовского поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус : (по материалам раскопок 1999-2003 гг. / Я. В. Френкель // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. – М., 2007. – С. 78–117.

21. Щапова, Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 210 с.

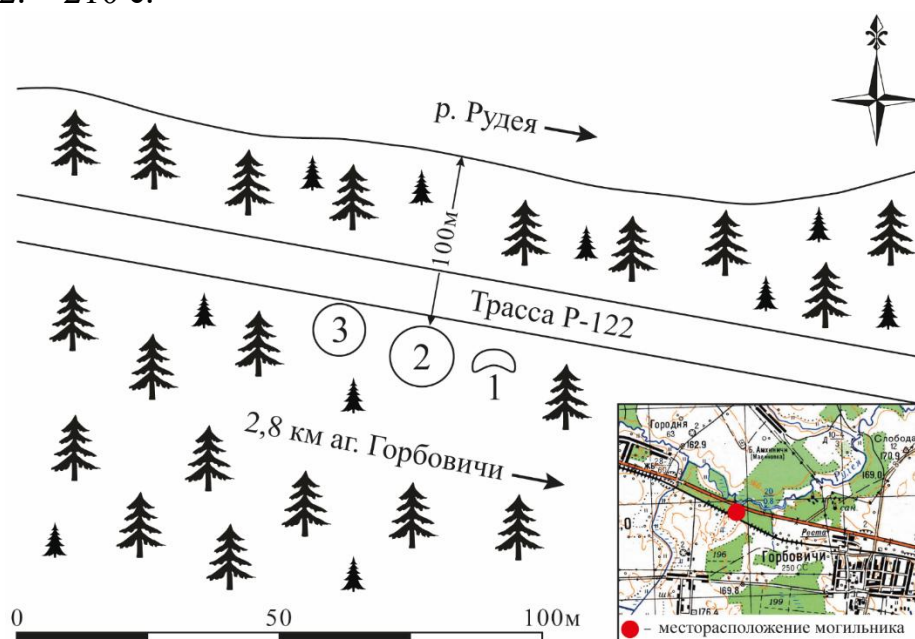
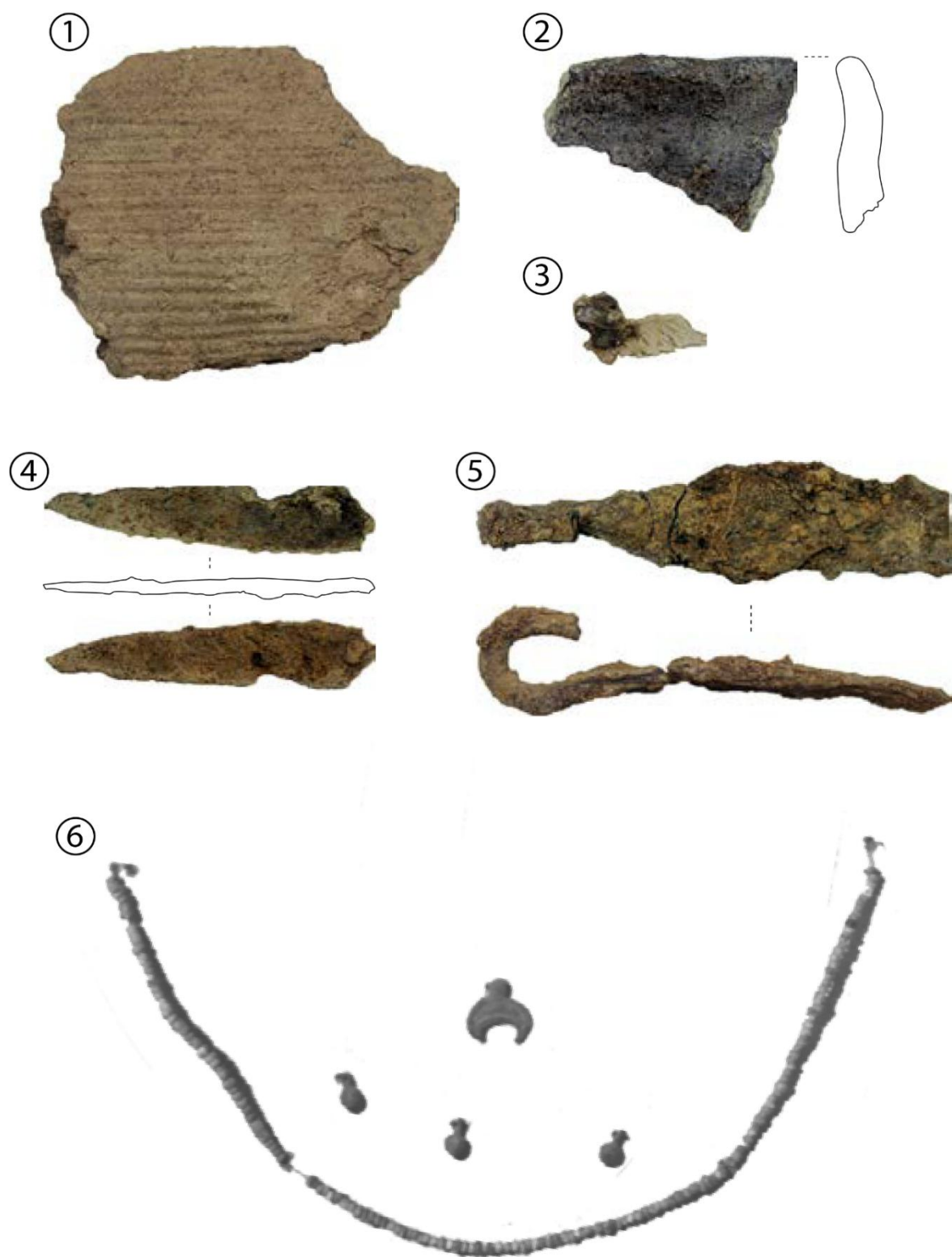

Рис. 1. Ситуационный и топографический планы курганного могильника. аг. Горбовичи (планы авторов).

0 1 2 3 4 5cm

Фото. 1. Погребальный инвентарь. Могильник у аг. Горбовичи (Чаусский р-н), 2024: 1 – курган №1; 2-9 – курган №2.

0 1 2 3 4 5см

Фот

о. 2. Погребальный инвентарь. Могильник у аг. Горбовичи (Чаусский р-н), 1965 и 2024: 1-5 – курган №3; 4 – курган №1 (нумерация Т.Д. Елисеевой).

УДК 94(3)

БАЛТСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ГИДРОНИМА БОРИСФЕН (*ΒΟΡΥΣΘΕΝΗΣ*)

Аннотация: Материал посвящен рассмотрению этимологии гидронима Βορυσθένης, которым древние греки обозначали реку Днепр. Она возводится к балтской форме *B(o)ruštn ‘набухший [поток, который] стремительно двигается, прыгает, развеивается’, обозначавшей первоначально участок реки в районе Кобеляцких порогов.

Ключевые слова: этимология, ономастика, гидроним, балты, среднеднепровская культура.

Summary: The material is devoted to the consideration of the etymology of the hydronym Βορυσθένης, which the ancient Greeks used to designate the Dnieper River. It is traced back to the Baltic form *B(o)ruštn ‘swollen [stream that] moves rapidly, jumps, dissipates’, which originally designated a section of the river in the area of the Kobelyak rapids.

Keywords: etymology, onomastics, hydronym, Balts, Middle Dnieper culture.

До сего времени не существует общепринятой этимологии гидронима Борисфен (Βορυσθένης)¹, под которым древние греки знали современный Днепр. Это наиболее архаичный из всех известных вариантов днепровского названия, и первое его упоминание датируется V в. до н.э., связываясь с Геродотом (Hdt. IV. 5, 17, 18, 24, 47, 53, 54, 56, 71, 81, 101).

Попытки этимологизации гидронима Βορυσθένης являются достаточно многочисленными, однако все они основываются *a priori* на убеждении, что он связан со скифами и поэтому имеет иранское происхождение. В русле такого подхода были предложены варианты *varu-stāna- ‘широкое место’; *vār-ustāna- ‘протяжённая вода’; *varu-θana-/ *varaus-θana- ‘пойма [реки] Вару’.

При всей своей семантической привлекательности данные варианты все же являются проблематичными, так как в греческой транслитерации они должны были давать форму, близкую к *O(α)ρυσθένης. Фонетическими особенностями греко-иранской транслитерации объясняется также маловероятность вариантов *paru-stana- ‘мощно ревущий’ и *uaru-fstānā ‘полногрудая’. Поэтому единственным приемлемым иранским вариантом остается *bauru-stāna- ‘место[, где водится] бобр’ [4, с. 56].

Между тем никаких весомых оснований считать гидроним Βορυσθένης скифским (*resp.* восточноиранским) по происхождению не существует, поскольку для данной реки существует особый скифский гидроним с очень прозрачной этимологией Днепр (Dān-Āpr/Δάναπρις) ‘глубокая вода’ [9, с. 315].

¹ Более точная транслитерация будет иметь вид Барустен, поскольку греческая ипсилон (ῥ *ψιλον*) звучала как [u], а тета (θητα) – как [tʰ].

Вместе с тем неизвестно, как называли Днепр балты, столетиями жившие на его берегах задолго до скифов. Между тем, скорее всего гидроним *Borvoθévης* имеет именно балтскую природу, являя собой композит, семантика которого приобретает прозрачность при сопоставлении его с балтским лимнонимом Маркатенец¹ [11, с. 184] – результатом сочетания балтского корня *mark-* : *mork-* ‘влага’ с формой *tinti II* ‘набухать, напиваться, раздуваться’ (анг. ‘swell, bloat’) [16, с. 467]. Отсюда следует **Marktinti* ‘напитанное, набухшее влагою [озеро, место]’.

Корень *mark-* : *mork-* демонстрирует большую продуктивность в качестве средства генерирования балтской гидронимии, и наиболее расширенным дериватом от него является форма *marka* ‘место для мочки льна, углубление для мочки, мочило, замочивание; влажное место; замоченный предмет, влага, сырость’ (анг. ‘place for retting flax, retting-pit, retting; humid spot; soaked object, humidity’), которая в зоне балтско-славянского языкового диалога дало, например, украинский диалектный апеллятив *morokvá* ‘болото, трясина’ (анг. ‘quagmire, swamp’) [16, с. 306].

В ряду рефлексов формы *marka* в балтском этническом ареале кроме лимнонима Маркатенец в бывшей Витебской губернии [11, с. 184] можно упомянуть котайконимы Марковишки в Мариампольском уезде бывшей Сувалкской губернии [7, с. 82], Марквяны : Марквяново, Марки, Маркаўшчына Марковщина, днепровские гидронимы Моркость² [10, с. 196], Морква³ [5, с. 209], Морковка⁴ [5, с. 209], Марковка⁵ [5, с. 6], Марковка⁶ [5, с. 17], Марковка⁷ [5, с. 20], Марковка⁸ [5, с. 186].

Вся приведенная ономастика этимологически принадлежит к специфическому семантическому полю, связанному с унифицированной технологией обработки таких технических культур, как лен и конопля. Одной из основных операций этого процесса является холодноводная мочка, когда собранный с поля урожай на 10–15 суток помещают в водоем⁹. Под воздействием воды постепенно происходит ферментация, в результате которой волокнистая часть стебля начинает отслаиваться от костры и иных неволокнистых примесей. Далее после предварительной сушки начинается

¹ Маркатенец (бел. *Маркатэнец*) – озеро в Полоцком районе Витебской области (55°23'15"N 28°48'19"E).

² Моркость – левый приток Сновы из бассейна рек Тускар, Сейм, Десна, Днепр. Исток: 52°08'06"N 36°34'41"E. Устье: 52°00'01"N 36°22'20"E. Еще одним притоком Сновы является река Полевая Снова. При этом и Снова, и Полевая Снова имеют своими притоками реки под одинаковым названием Брусовец [14, с. 15].

³ Морква : Шапоревка – левый приток реки Трубеж из бассейна рек Снов, Десна, Днепр. Исток: 52°17'19"N 32°09'54"E. Устье: 52°13'43"N 32°06'11"E.

⁴ Морковка : Медведка – левый приток реки Трубеж из бассейна рек Снов, Десна, Днепр. Исток: 52°13'34"N 32°12'08"E. Устье: 52°11'42"N 32°07'15"E.

⁵ Марковка – возможно современная река Мелховка, которая является правым притоком реки Лужня из бассейна Вязьмы и Днепра. Исток: 55°27'41"N 33°53'02"E. Устье: 55°26'26"N 33°49'44"E.

⁶ Марковка – правый приток реки Вопь, правого притока Днепра.

⁷ Марковка – правый приток реки Вотра из бассейна Вопи и Днепра.

⁸ Марковка – правый приток реки Ломпадь из бассейна Болвы, Десны и Днепра.

⁹ Мочка льна и конопли может быть росая или холодноводная, причем росая дает волокно худшего качества. Для холодноводной мочки растения могут помещаться и в стоячую, и в проточную воду. Выдержка в проточной воде дает лучшее качество окончательного продукта, хоть и более продолжительна.

этап трепания. Ручное трепание льна и конопли представляет собой тяжелый трудоемкий процесс, осуществляемый при помощи трепала – большого ножа, изготовленного из твердой породы дерева. Этим трепалом по отдельной связке растений наносится ряд частых и резких ударов, после чего эту связку старательно проколачивают, положив на твердую поверхность, и наконец провеивают.

Деревянное трепало в балтских языках имело название *brauktas* ‘деревянный нож для очистки льна’ (анг. ‘*wooden knife for cleaning flax*’), и это название является *nomina agentis* от глаголов *braukti* ‘тереть, мять, трепать (лен); гладить, ходить, приводить в движение’ (анг. ‘*erase, scutch (flax); stroke, go, drive*’) [16, с. 98–99] и *brukti* ‘тыкать, толкать, колотить, давить, трепать (лен)’ (‘*poke, thrust, press, scutch (flax)*’). Они, в свою очередь, происходят от более архаичной прабалтославянской формы **bruś/k* [16, с. 103], непосредственно восходящей к *PIE* корню **b^hreuk-* ‘ходить, блуждать, весть, дотрагиваться’ (нем. ‘*streichen, streifen*’) [18, с. 97] ~ *breuq-* ‘прыгать, лопаться, трескаться; стремительно двигаться’ (ням. ‘*springen; schnellen*’) [17, с. 103]. В результате архаичное балтославянское **bruś/k* имеет семантику, близкую к ‘стремительно двигаться, блуждать, весть, прыгать, тыкать, трепать (лен/коноплю)’.

Именно этим динамическим модусом обусловлена семантика ряда днепровских гидронимов с основой на **bruś/k*, охватывающих практически весь ареал среднеднепровской культуры ахопліваючых практычна ўвесь абшар сярэднедняпроўскай культуры (2800–1800 гг. до н.э.): Брусня¹ [5, с. 8], Брусы² [5, с. 36], Брусенка³ [5, с. 39], Брусніца⁴ [5, с. 45], Брусова⁵ [5, с. 71], Брусята⁶ [5, с. 99], Брусок⁷ [5, с. 131], Брусна⁸ [5, с. 154], Брусавец : Брусна : Брусня : Брусін⁹ [5, с. 180], Малая Брусна¹⁰ [5, с. 203], Брус¹¹ [5, с. 208], Брусовец : Брусец¹² [5, с. 216], Брусовец : Брусовой Колодезь¹³ [5, с. 216], Брус¹⁴, Бруса¹⁵.

¹ Брусня – правый приток реки Лемня из бассейна Большой Вержи, Дымы, Днепра.

² Брусы (бел. *Брусы*) – рукав Днепра в Быховском районе рукаў Дняпра Могилевской области.

³ Брусенка (бел. *Брусенка*) – левый приток реки Должанка (устье: 53°36'25"N 29°49'19"E.) из бассейна Друти и Днепра.

⁴ Брусница – левый приток реки Хиневки из бассейна Лесной Каменки, Тетерева, Днепра.

⁵ Брусова – правый приток реки Хорол из бассейна Псела, Днепра.

⁶ Брусята (бел. *Брусята*) – левый приток Березины из бассейна Днепра. Исток: 54°06'53"N 29°06'51"E. Устье: 53°53'22"N 29°00'08"E.

⁷ Брусок – правый приток реки Олешинка из бассейна Вороницы, Ипути, Сожа.

⁸ Брусна – левый приток реки Хотоза (укр. *Хотоза*), либо Хотова в варианте, поданном Петром Маштаковым, из бассейна Ужа, Припяти.

⁹ Брусавец : Брусна : Брусня : Брусин – правый приток реки Белизна из бассейна Десны и Днепра. Исток: 53°30'48"N 33°27'09"E. Устье: 53°32'12"N 33°30'41"E.

¹⁰ Малая Брусна – правый приток реки Улычка (укр. *Уличка*) из бассейна Знобовкиі, Судости, Десны, Днепра.

¹¹ Брус (укр. *Брус*) – приток реки Солова, из бассейна Снова, Десны, Днепра.

¹² Брусовец : Брусец – правый приток реки Снова из бассейна рек Сейм, Десна, Днепр. Исток: 52°17'05"N 36°06'29"E. Устье: 52°12'31"N 36°12'35"E.

¹³ Брусовец : Брусовой Колодезь – правый приток реки Полевая Снова из бассейна рек Снова, Сейм, Десна, Днепр. Исток: 52°16'17"N 36°17'38"E. Устье: 52°09'53"N 36°24'24"E.

¹⁴ Брус (укр. *Брус*) – левый приток реки Турчанки из бассейна Десны и Днепра. Исток: 51°50'42"N 32°21'09"E. Устье: 51°52'29"N 32°14'50"E.

Существенно то, что отмеченный здесь ареал практически полностью совпадает с тем сельскохозяйственным ареалом, на котором во времена Российской империи наибольшее распространение получили традиция культивирования конопли: Орловская, Калужская, Курская, Черниговская, Могилевская и часть Минской губерний [3, с. 23]. Такая зависимость, вероятно, свидетельствует о том, что балтославянская форма **bruś/k* прежде всего являлась маркером распространения именно этой культуры.

Пахоже на то, что связанная с этой специфической производственной сферой лексика входила в корпус племенного сакрума балтославянских групп из ареала среднечепельской культуры, поскольку отмеченное модусом экстатической деструкции и ярким психоактивным элементом трепание конопли содержало в себе очевидную милитаристскую коннотацию. Одной из форм ее более является славянское поверье о том, что “в ночь накануне Духова дня ведьмы воруют деревянные мѣчики, которыми поселянки трут конопли [*brauktas* ‘трепало, деревянный нож для очистки льна’ [16, с. 98–99]. – С.Д.]; затыкают их за пояс и, слетаясь на лысую гору или пограничные места, рубятся ими, как саблями” [1, с. 452]. Подобный шабаш с громогласной имитацией грозových раскатов отражает архаичный ритуал вызывания дождя, демонстрирующий исключительную роль включенной в военный экстатический дискурс топики волокнистых культур как одного из ключевых элементов дождевой магии в балтославянской традиции.

Так, например, название льна, который балтославяне сначала называли **līnum*, а разделившись на балтов и славян, *linas* и **lǫnъ* соответственно [16, с. 287], обуславливалось процессом его мочки, поскольку происходило от *PIE* формы **līno-* ‘намоченный’, связанной с корнем **lei-* ‘лить’. То же характерно и для древнеиндийского *umā* ‘лѣн’, образованного из *PIE* *u̯to-* ‘сырой, намоченный’, родственного балтскому *u̯mēre* ‘быть влажным’ [13, с. 89–90].

Этимология, связанная с названием конопли в индоевропейских языках, остается неизвестной, однако выводится она обычно откуда-то из Восточной Европы, локализуясь несколько севернее ареалов фракийцев и скифов. Особенно показательной здесь является параллель между славянскими формами **kan(a)p-* ‘конопля’ и **kupati* ‘купаться’ [12, с. 189–190], связывающая данное растение с дискурсом гумидности. Поэтому, подобно стремительным рекам мигрировали с берегов Днепра отдельные мобильные дружины “трепальщиков” и “мочильщиков” ради поисков военной добычи, считая войну единственным возможным для себя способом существования.

Подобный сакрум действительно должен был найти отражение в племенной ономастике такого рода мобильных групп из бывшего ареала шнуровых культур, и наибольшую продуктивность здесь демонстрирует, как видится, балтославянская форма **bruś/k*, отмеченная семантикой

¹⁵ Бруса (бел. *Бруса*) – правый приток реки Лань из бассейна Припяти и Днепра. Исток: 53°05'41"N 26°30'58"E. Устье: 53°05'51"N 26°37'10"E.

травматичной тактильности и стремительного движения. Так, производный от этой формы балтский глагол *brukti* ‘тыкать, толкать, колоть, давить, трепать (лен/коноплю)’ трансформировался в германский этноним бруктеры, который в латинских источниках зафиксирован как *Bructeri*, а в греческих – как *Βροῦκτεροι*. Первые упоминания этого племени датируются самым концом I в. до н.э., и оно имеет бесспорную германскую атрибуцию. Однако четким балтским генезисом характеризуется не только этноним этой группы, но и единственный племенной антропоним, дошедший до нашего времени. Так, Корнелий Тацит в “*Historiae*” (IV, 61) и “*De origine et situ Germanorum*” (8) упоминает обожествленную германцами пророчицу из числа бруктеров, имя которой имеет форму Веледа (*Veleda*), прозрачно связанную с балтским *veldeiti* ‘быть наследником, авладевать, властвовать’ (анг. ‘*inherit, acquire, attain, rule*’) [16, с. 496]. Поэтому бруктеры, очевидно, представляли собой либо онемеченное балтское племя, либо германскую группу, ощутившую мощное балтское влияние.

От балтославянского **bruś/k* происходит также и упомянутый Клавдием Птолемеем этноним боруски (*Βοροῦσκοί*) (*Cl. Ptol.* III. V. 22) [15, с. 172]. Ареал этой общности очевидно совпадал с ареалом соответствующих гидронимов в Верхнем Поднепровье, а один из бывших политических центров борусков маркируется современным белорусским комонимом Боруск¹. Именно этноним боруски (*Βοροῦσκοί*) – здесь был пра Любор Нидерле [6, с. 138] – трансформировался позже в суперэтноним пруссы (*Bruzi* ~ **Prūsai*)², общий для всех западнобалтских племен.

Подобно балтской форме *marka* балтославянская форма **bruś/k* была тесно связана с технологией обработки технических волокнистых культур. Однако она характеризовалась дополнительной коннотацией психоактивной динамики и деструкции, которые манифестировались в образах, связанных с принадлежностью к сфере индоевропейского сакрума синкретической топикой грозы и боевой экстастики.

Такая генетическая общность семантического поля, обусловила очевидную продуктивность обеих данных форм в сфере гидрологической ономастики, характерной для ареала среднеднепровской культуры. В этой связи ближайшим морфологическим соответствием балтскому лимнониму Маркатенец (*mark-* + *tinti II* = **Marktinti*) ‘напитанное, набухшее влагой [озеро, место]’ будет являться гипотетический балтский композит, в котором к элементу **bruś* ‘стремительно двигаться, блуждать, веять, прыгать, тыкать, трепать (лен/коноплю)’ придается более архаичный, чем балтская форма *tinti II*, балтославянский вариант **tn-* [16, с. 468]. В результате генерируется архаичный реконструкт **B(o)ruśtn* ~ *Βορυσθένης* ‘набухший [поток, который] стремительно движется, прыгает, развеивается’ ~ ‘набухшая стремнина’.

¹ Боруск (бел. *Боруск*) – деревня в Калинковичском районе Гомельской области (52°05'03"N 29°35'58"E).

² Брен, вождь кельтов толистобогов, разграбивших в III в. до н.э. Дельфы, происходил из какого-то неизвестного племени праусы (*Πραῦσοι*), которое кроме Страбона (IV. I. 13) больше никто не упоминает.

“Набухшесть” реки (*resp.* ‘насыщенность влагою’), обозначенная в данном случае элементом **tn-*, фиксирует очевидный факт полноводности Днепра. Однако подобно другим большим рекам Русской равнины Днепр не отмечен особой быстротечностью, которая могла бы маркироваться элементом **bruś*. В этой связи семантика ‘набухший [поток, который] стремительно двигается, прыгает, развеивается’ ~ ‘набухшая стремнина’ плохо сочетается с его реальным гидрологическим режимом. Поэтому весьма вероятно то, что первоначально эта семантика была связана с каким-то локальным участком фарватера, подобным Днепровским порогам. Однако этот гипотетический участок вряд ли можно отождествить со знаменитым каскадом Великих порогов, поскольку район их локализации не совпадает как с ареалом среднеднепровской культуры вообще, так и с ареалом гидронимов, образованных от формы **bruś/k*, в частности. Поэтому здесь особый интерес представляет так называемый Кобыляцкий или Кобеяцкий порог, который находится в верховьях Днепра, входя в границы отмеченного ареала.

Свое название он получил от деревни Кобылякі¹ и сейчас известен как памятник природы местного значения, локализованный на участке днепровского русла протяженностью 1240 м². По описаниям, датированным XIX в., Кобыляцким порогом назывался участок реки от деревни Сяглово³ до Орши, отмеченный крутыми и обрывистыми берегами. Возле Кобыляк река пересекается со слоем песчаника и доломита девонского периода, причем, в этом же месте ее русло, которое прежде достигало ширины в 60 саженей (около 128 м), сужается до 10 саженей (около 21 м). В результате скорость ограниченного высокими берегами течения увеличивается в два с половиной раза: с 0,32 саж/сек (0,66 м/сек) до 5 фут/сек (1,52 м/сек). Протяженность самого порога составляла 150 саженей (около 320 м). При этом он разделялся на две части. Первая представляла собой сплошной пласт песчаника, который пересекал все русло, а вторая находилась на 0,22 сажени (около 0,5 м) ниже первой и состояла из отдельных осколков песчаника и гранитных валунов [2, с. 796]. Естественно, что именно в этом месте относительно тихий Днепр представлял собой настоящий **B(o)ruśtn* ~ *Ворвѣѣнѣс* ‘набухший [поток, который] стремительно двигается, прыгает, развеивается’ ~ ‘набухшая стремнина’. Очевидным указанием на это является название деревни Берестеново⁴ у северного входа в фарватер Кобыляцкого порога, которое еще в XIX в. имело форму Бористеново [8, с. 108, № 63].

В данном случае очевидно, что актуализация греческого гидронима *Ворвѣѣнѣс* обусловлена архаичным балтославянским гидронимом **B(o)ruśtn*, связанным как непосредственно с районом Кобыляцкого порога, так и со

¹ Кобыляки (бел. *Кабылякі*) – деревня в Оршанской районе Витебской области, которая в 1965 г. получила название Приднепровье (54°33'42"N 30°30'15"E).

² Южной границей памятника считается мост на автомобильной дороге М–8 (54°32'42"N 30°27'52"E).

³ Сяглово (бел. *Сяглава*) – деревня в Оршанском районе Витебской области (54°32'13"N 30°32'21"E).

⁴ Берестеново (бел. *Берасценава*) – деревня в Оршанском районе Витебской области (54°32'20"N 30°33'14"E).

всем верхним течением реки. Именно на это указывает локализованный на берегу Днепра комоним Борствиново¹, который еще в XIX в. имел форму Барестеново [8, с. 64, № 47].

Литература:

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Том III. – Москва: К. Солдатенков, 1869. – 840 с.
2. Белявский П.Е. Днепр // Энциклопедический словарь. Том ХА. Десмургия – Домициан. – Санкт-Петербург: Брокгауз – Ефрон., 1893. – С. 791–808.
3. Д. К-ий Конопля // Энциклопедический словарь. Том XVI. Конкорд – Коялович. – Санкт-Петербург: Брокгауз – Ефрон., 1895. – С. 22–26.
4. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 232 с.
5. Маштаков, П.Л. Список рек Днепровского бассейна: С картой и алф. указателем / П.Л. Маштаков. – Санкт-Петербург: Состоящая при Имп. Акад. наук Комис. по вопросу о геогр. номенклатуре, 1913. – 292 с.
6. Нидерле Л. Славянские древности. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. – 450 с.
7. Памятная книжка Сувалкской губернии на 1888 год. – Сувалки: Типография губернского правления, 1888. – 412 с.
8. Пожаров Г.П. Список населенных мест Могилевской губернии. – Могилев: Могилевский губернский статистический комитет, 1910. – 250 с.
9. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 1. а–я. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 327 с.
10. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962. – 271 с.
11. Трусман Ю.Ю. Этимология местных названий Витебской губернии. – Ревель: Г.Матизен, 1897. – 331 с.
12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 10. (**klerasъ* – **konь*). – Москва: «Наука», 1983. – 198 с.
13. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 17. (**lъzъ* – **matješъnъjъ*). – Москва: «Наука», 1990. – 272 с.
14. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. – С. 3–118.
15. Claudii Ptolemaei Geographia. Tom I. – Lipsiae: Caroli Tauchnitii, 1843. – 323 p.

¹ Борствиново (бел. *Барсцвінава*) – деревня в Дубровенской районе Витебской области (54°39'55"N 31°07'35"E).

16. Derksen R. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. – Leiden–Boston: Brill, 2015. – 684 p.

17. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. I. Band. – Bern–München: Francke Verlag, 1959. – 348 p.

18. Rix H. Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen (LIV). – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. – 823 p.

УДК 94:602(476)

**АНТРОПОМОРФНАЯ СКАНДИНАВСКАЯ ПОДВЕСКА ИЗ
КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЛУДЧИЦЫ БЫХОВСКОГО РАЙОНА**

Ковалевский Я.В.

УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

(г.Могилёв, Беларусь)

**Научный руководитель Галынский Р.Д. – кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО
«Могилевский институт МВД Республики Беларусь»,**

Аннотация. В статье рассматривается скандинавская подвеска из курганного могильника около агр.Лудчицы. Приводится ее описание и интерпретация сюжета, а также высказывается предположение о социальном статусе вероятного владельца.

Ключевые слова

Подвеска, украшение, мифы, Локи, Фрейя, Один, кольцо, меч, скальд.

Annotation.

The article considers a Scandinavian pendant from a burial mound near the village of Ludchitsa. Its description and interpretation of the plot are given, as well as an assumption about the social status of the likely owner.

Keywords.

Pendant, jewelry, myths, Loki, Freya, Odin, ring, sword, skald.

На территории Беларуси выявлено множество находок, которые были созданы в Скандинавии или являются копиями скандинавских предметов. Исследователям не всегда удастся выяснить, были ли эти изделия привезены на нашу территорию, или выполнены в нашем регионе. К сожалению, и контекст находок не всегда прослеживается (особенно, когда речь идет о находках так называемых «любителей приборного поиска»). Вызывают дискуссии и назначение некоторых предметов металлопластики.

Об одном из них, об антропоморфной фигурке, найденной около агр.Лудчицы, Быховского района, Могилевской области и пойдет речь в данной статье. Исследование данных предметов помогает изучать культурные и религиозные аспекты не только скандинавского общества,

но и наших предков, проживавших на территории современной Беларуси. Данные артефакты служат мостами между прошлым и настоящим, что бы мы могли понимать прошлое и познавать самих себя во времени пространстве.

Особенность данного артефакта заключается в том, что мы не можем точно определить стиль, к которому он относится, равно как и его назначение. Это ювелирное изделие (рядом исследователей атрибутировано как подвеска) выполнено предположительно из бронзы [1, 40, 84].

Сам предмет имеет размеры 3,2х3,5 см и представляет из себя ростовую фигуру человека с разведенными руками. В правой руке он держит большое перекрученное «кольцо», левая рука пуста. Человек одет в длиннополую одежду, подол весь в складках и доходит до середины бедра. Рукава в накидке оснащены выраженными манжетами. Прослеживается пояс. На ногах – штаны с широкими штанинами (напоминают шаровары) и невысокие сапоги. Человек коротко стрижен, имеет подкрученные усы и остроконечную бороду. На поясе подвешен меч с мощным перекрестьем и ярко выраженным шарообразным навершием.

Подвеску нашли в результате археологических раскопок М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский в кургане северо-восточнее агр.Лудчицы в 1892 г. Датируется артефакт XI в. белорусский археолог С. Д. Дернович связывает данный предмет с скандинавским миром эпохи викингов [1, 40, 84; 2, с. 9].

Подобный комплекс верхней одежды напоминает собой облачения, скандинавов.

Зная про особое отношение к кольцам в скандинавской мифологии и эпосе, мы можем предположить, что это Драупнир – кольцо, принадлежавшее самому Одину. Но так как мы видим, что данный предмет по размерам значительно больше предплечья мы можем прийти к выводу что это не кольцом в нашем современном понимании. Это может быть гривна – шейное украшение из длинного прута. По своей морфологии оно напоминает кольцо, надеваемое на палец. Драупнир – специфическое магическое золотое кольцо, изготовленное и подаренное гномами Одину. Оно создавало восемь таких же (но не волшебных) колец каждую девятую ночь. При этом, эти кольца могли быть вставлены в пояс и надевший этот пояс становился невидимым.

Если принять допущение того, что у рассматриваемого персонажа в руке гривна, то выступает допустимым, что это ожерелье. В таком случае, человек держит Брисингамен – ожерелье/пояс/украшение (зависит от перевода и прочтения) которое было выковано четырьмя гномами для богини Фрейи (богиня брака, семьи, любви, покровительница воинов и валькирий) – супруги Ода.

На подвеске несомненно изображен мужчина, по этому, не смотря на то, что у персонажа в руке Брисингамен это не Фрейя. В качестве

наказания за супружескую измену, у Фрейи, по приказу Одина (верховный бог, покровитель мудрости, воинов, поэтов, правителей) было похищено это украшение. Данное дело было поручено одной из самых значимых фигур в скандинавском пантеоне, а именно богу Локи, который превратился в блоху и украл Брисингамен у Фрейи.

Обратим внимание также и на тот факт, что кольцо Драупнир также попало к Асам (Одину, а позже Бальдру (бог весны и света)) при посредничестве Локи (бог хитрости, коварства, обмана, веселья и перевоплощений).

Теперь обратимся к мечу, который висит у нашего персонажа на поясе. Предполагая, что это Локи, мы можем сказать, что это не обычный меч, а Леватейнн. Данный меч был создан Локи для победы над Видофниром, птицей (золотой петух) которая обитает на вершине мирового дерева, Иггдрасиля.

Так же изучая данную подвеску можем увидеть, что у персонажа (на наш взгляд) отсутствуют четкие черты лиц, однако, видна прическа, усы и борода с носом. Именно это наблюдение может натолкнуть нас то что эта подвеска изображает бога Локи, который согласно Скандинавской мифологии очень любил изменять свой внешний облик или даже превращаться в различных животных. Хотя, возможно, это специфика изготовления ювелирного изделия.

Используя все вышеперечисленное можно предположить, что данная подвеска принадлежала человеку, который почитал Локи как своего покровителя. Хотя, в ряде мифов этот бог выступал в качестве антагониста, но при этом ему приписывались изворотливость, хитрость, прозорливость и широкий веер качеств, связанных с удачей и интеллектом. Следовательно, данный человек мог отделять себя от традиционного Скандинавского общества (на пример, он был скальдом.). Скальды, как известно, входили в свиту конунгов и воспринимались как одно из воплощений ярости и приближенными к Одину. Так как складывание вис (форма рифмования, часть саги/песни) – удел мудрых и особое умение не доступное большинству людей (требовало феноменальной памяти и запаса слов с абстрактным мышлением).

При этом, остаются открытыми вопросы: верны ли наши выводы и действительно ли древнее население современных белорусских земель и северной Европы в это верили?

Литература

1. Дернович, С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси / С.Д. Дернович. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 86 с.
2. Жижиан, С.Ф. 101 занимательный факт из истории Быховщины / С. Жижиан. – Могилев : АмелияПринт, 2013. – 84 с. : ил.

МОГИЛЬНИКИ МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В
V–VII ВВ. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ.

Дубицкая Н. Н.

ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Статья посвящена особенностям погребальной обрядности населения колочинской археологической культуры Белорусского Поднепровья (V –VII вв.). Основным типом погребения продолжали оставаться грунтовые кремации. Погребения осуществлялись в основном в круглых ямах. Погребения были безурновые, смешанные и урновые. Количество смешанных и урновых погребений возрастало. Кости в урнах очищенные, в безурновых погребениях – перемешаны с остатками кострища. Относительно курганных захоронений, очевидно, это проявление традиции мощинской археологической культуры.

Ключевые слова: Могилевское Поднепровье, Гомельское Поднепровье, колочинская культура, могильники, погребальная обрядность.

Summary N. Dubitskay

Burial grounds of the Mogilev and Gomel regions in the 5th-7th centuries.

Funeral rites.

Key words: Mogilev Dniper region, Gomel Dniper region, Kolochin culture, burial grounds, burial rituals.

The article is devoted to the peculiarities of the burial rituals of the populations of the Kolochin archaeological culture of the Belarussian Dnieper region in the 5th-7th centuries. The main type of burial continued to be ground burials. Burials were carried out by sel mainly in round pits. The burials were urnless, mixed and urn. The number of mixed and urn burials increased. The bones in the urns were cleaned, in urnless burials they were mixed with the remains of the fire. With regard to the burial mounds, this may be a manifestation of the traditions of the Moshchin archaeological culture.

Введение. Древности Могилевского и Гомельского Поднепровья V–VII вв. представлены памятниками колочинской культуры. Основными исследователями колочинских могильников (середина V–VII вв.) на территории Гомельского и Могилевского Поднепровья являются Г. Ф. Соловьева [24, с. 187–198], В. В. Богомольников [3, с. 382], В. Н. Рябцевич [20, с. 369], О. А. Макушников [11, с. 16 –17; 12, с. 26–27]. Колочинские могильники, по мнению О. А. Макушниковой, представлены как грунтовыми могильниками (Демьянки, Колосы, Чистые Лужи), так и курганными (Колос, Мохов) [11, с. 16–17; 12, с 26–27] (рис. 1). Хотя большинство исследователей полагает, что колочинские погребения представлены исключительно грунтовыми могильниками по обряду кремации совершенными на стороне [21, с. 32; 25, с. 18]. Все могильники, как, впрочем, большинство

колочинских памятников, расположены на Левобережье Днепра и Посожье, либо, если на Правобережье Днепра, то тяготеют к коренному берегу Днепра [11, с. 12, рис. 2] (рис. 1).

Основная часть. Большинство российских и украинских исследователей к колочинским памятникам на территории Белорусского Поднепровья относят не только собственно колочинские памятники, но и более ранние (Тайманово, Нижнюю Тощицу, Новый Быхов) [21, с. 30; 23, с. 164–170; 4, с. 10–17]. В этой связи сложно отделить собственно колочинские памятники от более ранних памятников. Не совсем правомерное включение вышеуказанных памятников в состав колочинских древностей сказалось на характеристике особенностей топографии верхнеднепровских колочинских древностей по отношению с колочинским памятникам из других регионов и раннесредневековых культур в целом (пражской, пеньковской) [23, с. 164–170]. Относительно вышеуказанных верхнеднепровских памятников, то могильник Тайманово расположен северо-западнее поселения, на левом берегу р. Белолички при впадении ее в старицу Днепра [17, с. 28–60]. Такое же топографическое расположение грунтовых могильников Нижняя Тощица [15, с. 159–180; 16, с. 393–394; 14, с. 132–133; 6, с. 247–284], Новый Быхов [15, с. 159–180; 16, с. 393–394; 6, с. 247–284].

О. А. Макушников на территории Белорусского Поднепровья к колочинским грунтовым могильникам с кремацией относит три могильника (Демьянки, Колосы, Чистые Лужи) [11, с. 16–17; 12, с. 26]. В могильнике в д. Демьянки Добрушского р-на Гомельской обл., по мнению О. А. Макушникова, имеются ямные и урновые погребения [12, с. 26]. Все кремации совершены на стороне, бывают ямные и урновые. В ямном погребении кости покойного не очищены от погребального костра, в урновых погребениях, как очищенные, так неочищенные. Очевидно, самое древнее сожжение – это грунтовое погребение на стороне под древнерусским курганом № 1. Там, помимо кремации в ямке, в центральной части найдены обломки бронзовой крестовидной подвески с эмалью, обломки лепного нелощеного и лощеного ребристого сосудов [24, с. 187, рис. 2, 1, 2, 3; 3,1]. Аналогии подвеске Г. Ф. Соловьева тогда нашла в крестовидной подвеске из Стаек Киевской области и по этим материалам датировала погребение серединой I тыс. н.э. [24, с. 187, рис. 2,3]. В настоящее время такие подвески достаточно хорошо представлены, в том числе и на территории Беларуси [19, с. 91, рис. 20: 1,4]. На наш взгляд, погребение датируется более ранним временем и может отношение к колочинской культуре не иметь. Основание – не только подвеска с эмалью, главный признак – лощеный биконический горшок, лощеная посуда в колочинском керамическом комплексе уже не встречается.

К грунтовым погребениям в могильнике Демьянки относятся и остальные два курганных захоронения, одно из них ямное погребение, второе урновое. Ямное погребение (курган № 2) – кремация также совершена на стороне, кости ссыпаны в две круглые ямы, из инвентаря найдены железная

пряжка, трехгранный наконечник стрелы, обломок лепного горшка с прямым венчиком. Г. Ф. Соловьева датирует это погребение VII–VIII вв. [24, с. 189, рис. 2, 4, 5]. Фактически, судя по находкам, это погребение более раннее – IV–V вв. и, возможно, отношение к колочинской культуре также не имеет. Второе урновое захоронение (курган № 14) – содержит три горшка-урны, заполненные пережеванными костями. Два горшка, по мнению исследовательницы, типичные колочинские сосуды, третий сосуд имеет аналогии в пражской посуде [24, с. 189, рис. 3, 2, 3]. В. В. Седов считал, что все три кургана из Демьянок (№№ 1, 2, 14) были насыпаны в древнерусское время над более ранним грунтовым могильником [21, с. 32]. О. А. Макушников полагал, что курганные насыпи также позднейшие, насыпанные на месте грунтового могильника, такой вывод он высказывает исходя из данных стратиграфии [11, с. 16].

Позднейшая насыпь, по мнению О. А. Макушникова, насыпана над урновой кремацией V–VII вв. у д. Колосы Рогачевский р-н Гомельской обл., правый берег р. Друть (курган № 2) (раскопки В. Н. Рябцевича) [20, с. 369; 11, с. 17, 210; 12, с. 26, 552]. В погребении урна с костями перекрыта другим сосудом. Обычай перекрывать урну другим сосудом либо днищем другого сосуда, а также переворачивать урну вверх дном, известен на могильниках первой половины I тыс. н.э. (Юрковичи, Тайманово, Нижняя Тошица, Новый Быхов). Этот обычай имеет корни в предшествующих западноевропейских культурах, откуда был заимствован. В погребении кроме лепной урны, перекрытой крупным лепным сосудом (клошем), никаких предметов не найдено, поэтому точно датировать не получается. Скорее всего, если и предположить, что погребение относится к колочинской культуре, то это ранний этап культуры, либо поздний этап культуры Абидня, тем более хронологическая граница между этими культурами размытая.

Остатки грунтового могильника известны у д. Чистые Лужи Ветковского р-на Гомельской обл. В 1980 г. О. А. Макушников нашел остатки грунтовой кремации, перекрытой лепным сосудом, и отнес его к колочинской культуре [11, с. 16, 192; 12, с. 26, 509].

Также О. А. Макушников выделяет курганные колочинские захоронения. Примером такого погребения является курган с безурновой кремацией у д. Колос Жлобинского р-на Гомельской обл. (раскопки В. В. Богомольникова) [3, с. 382; 11, с. 17, 200; 12, с. 27, 527]. Особенностью данного захоронения является наличие столбовой кольцевой оградки вокруг погребения. В насыпи найден типично колочинский сосуд [11, с. 17, рис. 14, 15; 12, с. 27, рис. 2.15, 2.16].

Интересными являются результаты последних раскопок О. А. Макушникова Моховского курганного могильника в ур. Могильцы (Лоевский район Гомельская область). В одном из погребений с кремацией найдена В-образная пряжка с рифлением, которую автор раскопок хронологически связывает с пражской керамикой, датирует V–VI вв. [10; 11, с. 17, рис. 16; 12, с. 27, 537, рис. 2. 17]. Ближайшая подобная пряжка

происходит из городища Лямница Бельничского района Могилевской области, которую автор раскопок А. М. Медведев относит к IV в. [13, с. 110–120]. Пряжка относится к типу Притцир-Полибино, группа V. На северо-запад Восточной Европы В-образные пряжки этого типа проникают от конца IV до начала VI вв., наиболее распространены в V в. [2, с. 28–35]. В. В. Седов датирует пряжку из Полибино не позднее первой половины V в. [22, с. 300–301, рис. 110: 2]. Моховский могильник расположен на территории культуры Абидня (III–V вв.), для которой не характерны курганные захоронения. К сожалению, полностью материалы могильника не опубликованы, поэтому сложно интерпретировать находку данной пряжки. Пряжка найдена вместе с мелкими обломками лепных сосудов. Возможно, не исключен вариант Демьянок (курганные захоронения произведены поверх более ранних грунтовых погребений).

В полевом отчете О. А. Макушникова за 1986 г. на территории посада древнего Гомеля упоминается ямное грунтовое погребение, которое автор относит к колочинской культуре на основании находок развалов двух сосудов [9]. На наш взгляд, эти горшки имеют более раннее происхождение (тип I по классификации керамики Тайманово). Впрочем, в своей монографии за 2009 г. в разделе, посвященной колочинской культуре, он этот памятник уже не упоминает [11, с. 17].

Таким образом, отношение к колочинской культуре данных грунтовых кремаций спорное. Относительно тех погребений, в которых присутствуют датирующие вещи, то они относятся к колочинской культуре, очевидно, не имеют, что касается тех погребений, где выявлены только керамические сосуды, то их датировка размыта. Указанные выше элементы погребальной обрядности (сосуды-клеши, переворачивание урн вверх дном), как уже указывалось, присутствуют не только в более ранних могильниках, но и продолжают встречаться в самих колочинских могильниках (Княжинский) и, по-видимому, являются заимствованием из ранних культур.

В целом, как полагает ряд исследователей, погребальный обряд колочинской культуры изучен хорошо и основывается, прежде всего, на материалах Княжинского и Лебяжинского могильников в Курском Посемье (Днепровское Левобережье) [7, с. 136–152], правда они считают, как уже было сказано, что колочинскими являются могильники в Тайманово, Новобыхове и Нижней Тощице, что не совсем достоверно. Только на Новобыховском могильнике отдельные захоронения производились после 450 г. (погребение № 1) [5, с. 90], погребения на могильниках Тайманово и Нижняя Тощица производились до 450 г. и с носителями колочинской культуры не связаны. Таким образом, результаты изучения Княжинского и Лебяжинского могильников можно взять за основу изучения погребальной обрядности носителей колочинской культуры и распространить на Белорусское Поднепровье с учетом имеющихся материалов (рис. 1).

Княжинский могильник расположен на надпойменной террасе правого берега р. Суджи. Изучено 22 грунтовых погребения на стороне (табл. 1).

Более представителен Лебяжинский могильник, где изучено 104 грунтовых погребения. Могильник расположен на дюне правого берега р. Сейм (табл. 2). По характеру погребальной обрядности захоронения на этих могильниках действительно близки к погребениям на могильниках культуры Абидня Белорусского Поднепровья, хотя наблюдается большее разнообразие, связанное как с развитием во времени, так разным культурным влиянием. Все погребения относятся к трем типам: безурновые, смешанные и урновые. Погребения совершены, преимущественно, в круглых ямах. На Лебяжинском могильнике из 104 погребений определена форма ям у 72 погребений, из них круглая форма у 62 погребений (86 %), овальная – у 11 погребений (15,8 %), 2 погребения имеют прямоугольную форму ямы (2,7 %) (табл. 2). На Княжинском могильнике также доминирует круглая форма погребальных ям (табл. 1), т. е. тенденция к росту круглых форм ям, которая прослежена еще в погребальной обрядности носителей культуры Абидня, налицо. Следует отметить, что прямоугольная форма ям, зафиксированная на Лебяжинском могильнике, в Белорусском Поднепровье не встречена. На Лебяжинском могильнике прямоугольная форма ям встречена в одном безурновом погребении (№ 49), во втором случае – это смешанное, очевидно, парное погребение (№№ 70, 70а), в котором был также найден фрагмент стеклянной бусины.

Количество безурновых и урновых погребений на данных могильниках различное. На Лебяжинском могильнике безурновых погребений – 73 (70,1 %) (табл. 2), исследователь памятника, полагает, что их половина [7, с. 142]. На Княжинском могильнике, наоборот, преобладают урновые и смешанные погребения, из 24 погребений только 2 погребения были безурновыми. Кости в безурновых погребениях были неочищенные от погребального костра и очищенные от остатков костра, например, на могильнике Лебяжий в 40 безурновых погребений (57%) кости были очищены от остатков костра (табл. 1, 2). Кости в урновых погребениях обычно очищены от погребального костра. В смешанных погребениях в урнах кости обычно очищены, рядом рассыпаны перемешанные с углями кости другого человека (табл. 1, 2). Зафиксировано несколько погребений, где в урнах не отмечено кальцинированных костей (погребения №№ 10, 13, 15 могильника Княжий). Не исключено, что это детские захоронения, где кости просто не сохранились, например, в урновом погребении № 17 Княжинского могильника сохранился только один обломок детской косточки (см. табл. 1). В отдельных случаях не исключен другой вариант – урна без костей, покрытая клошем, рядом урна с сожжением ребенка (погребение № 59 Лебяжинский могильник). Урна без костей может являться символическим погребением родителя ребенка. Постановка символических урн в погребение – древняя традиция, ведущая свою историю с эпохи неолита. Следует отметить, что урны, покрытые клошем, не редкость на данных могильниках. В качестве клоша выступают другие сосуды (погребение № 43 могильник Лебяжий, погребения №№ 8,9, 18 Княжинского могильника), нижняя часть либо днище другого сосуда

(погребения №№ 1, 2, 26 могильник Лебяжий), обломки сосудов (погребение № 59 могильник Лебяжий), в отдельных случаях урна была закрыта дисковидной крышкой (погребение № 46 могильник Лебяжий). Обычно урны стоят вертикально, но в отдельных случаях урна перевернута вверх дном (урновое погребение № 52, могильник Лебяжий), перекрывая остатки кремации. Такие элементы погребальной обрядности встречаются и на могильниках культуры Абидня Белорусского Поднепровья [5, с. 94]. Истоки этих традиций, очевидно, следует искать в западноевропейских культурах (лужицкой, затем поморской и пшеворской культурах).

Погребения, где присутствуют несколько урн с остатками кремации, парные (погребение №№ 20, 20а, 68, 83, 104 Лебяжинского могильника, причем погребение № 83 – семейное, по-видимому, матери и ребенка). Парные погребения отмечены и среди смешанных погребений Лебяжинского могильника (погребения №№ 70, 70а, 72, 73), из них погребения №№ 72 и 73 – семейные, причем в погребении № 73 урночка с костями ребенка находилась в урне с костями взрослого. Вариант, когда в урне вместе с костями взрослого, присутствует другая маленькая урночка с костями ребенка, не является редкостью, в частности, это еще урновое погребение № 83 (табл. 2). Два семейных погребения выявлены на могильнике Княжий. Это урновое погребение № 20, в котором помимо урн с костями взрослого и ребенка присутствует еще одна урна без костей. Присутствие урны без костей вместе с урнами с костями отражает своеобразную погребальную традицию, когда урна без костей может отражать символическое погребение либо в ней погребение, скорее всего, детское не сохранилось. Урна с костями ребенка находилась в раздавленной урне смешанного погребения № 21 могильника Княжий, под ней находились перемешанные с углем кости взрослого человека (табл. 1). Не исключено, что семейные погребения, присутствуют и среди безурновых захоронений. На могильнике Княжий – это, очевидно, погребение № 1 (см. табл. 1). На могильнике Лебяжий – погребения №№ 10, 10а, 11, 11а, 17, 17а, 64, 64а, 103 (табл. 2). Высокий процент парных, в том числе семейных, захоронений на данных могильниках отражает не только определенную погребальную традицию, но и сложную политическую ситуацию расположения памятников. Это косвенно подтверждает тот факт, что для предыдущей культуры Абидня на белорусской территории, где политическая ситуация была спокойнее, характерны одиночные погребения. Известно только одно групповое ямное захоронение (погребение № 116 могильника Тайманово – взрослый и ребенок) [5, с. 83].

В качестве урн на могильниках использовались лепные горшки. На могильнике Княжий это горшки I и II типов по классификации колочинской керамики, очевидно, II тип преобладает [11, с. 18, рис. 18]. На могильнике Лебяжий помимо горшков I и II типов встречаются ребристые сосуды III типа [11, с. 18–19, рис. 18].

Особенностью отдельных безурновых погребений на могильнике Лебяжий (погребения №№ 89, 91) является утрамбованная (сцементированная) песчаная площадка, на которой в ямке помещались кальцинированные кости (табл. 2). Такая особенность погребального обряда не характерна для соседних культур. Кремация в материковых ямках, но под насыпью курганов, характерны для тушемлянской культуры (Заозерье), но там не говорится про утрамбованную площадку [26, с. 29].

Для могильников культуры Абидня характерны безинвентарные погребения, особенно это относится к безурновым погребениям. Незначительный погребальный инвентарь характерен для могильников, интерпретируемых как колочинские, в Белорусском Поднепровье [11, с. 17]. Могильники Княжинский и Лебяжий выделяются на их фоне количеством погребений с инвентарем и его разнообразием. На могильнике Лебяжий таких 38 погребений (36,5 %), на могильнике Княжий 5 погребений (20,8 %) (табл. 1, 2). Как правило, они определяют половую принадлежность погребенного или погребенных, если это парные захоронения – оружие и предметы упряжи или части мужского пояса (мужские), украшения и бытовые изделия, например, пряслица (женские). В некоторых погребениях могильников Княжий и Лебяжий присутствуют кремневое кресало или обработанный кремль. Обычай помещать кремневые орудия или отщепы характерны для более раннего времени, в частности, у верхнеднепровских зарубинцев в могильнике Чаплин находки кремневых изделий известны в 18 погребениях, находили их позже (могильники Абидня, Новый Быхов). В погребении № 30 могильника Новый Быхов найден обожженный камень, который, по-видимому, выполнял те же функции, что и кремль [5, с. 88]. Обработанные кремни иногда встречаются как погребальный инвентарь в черняховских захоронениях [8, с. 30]. Как черняховское влияние можно рассматривать присутствие в погребальном инвентаре глиняных пирамидальных грузил (керамических блоков). Они появляются в киевской и культуре Абидня в IV–первой половине V вв. Предшествующему населению такие типы грузил не известны. Не исключено, что появление пирамидальных грузил и появление пряслиц с большими отверстиями взаимосвязаны между собой [5, с. 143].

В отдельных случаях по погребальному инвентарю можно судить об этнической принадлежности погребенного, в частности, на Лебяжинском могильнике, в разрушенном безурновом захоронении № 92, судя по миниатюрному сосуду с тремя ручками, погребен, скорее всего, представитель черняховской культуры [7, с. 92, рис. 5, 6]. Такой специфический вид посуды как трехручные вазы или горшки в черняховском ритуальном обряде считался сакральным [8, с. 30] и выполнял роль лампы в загробном мире. По-видимому, аналогичную функцию выполняли просто миниатюрные сосуды в погребальном инвентаре (безурновое погребение № 42 могильник Лебяжий) (табл. № 2).

На пограничное расположение могильников между колочинским и пеньковским культурными ареалами указывают находки бронзовых бляшек из поясных наборов по «азиатским» мотивам, стилистически близкие находкам из Мартыновского [18, с. 97, рис. 60, 17–43], Хацковского [18, с. 97, рис. 60, 1–16], Вилиховчиковского [18, с. 97, рис. 51, 1–15] и кладов из других мест. Суммарно эти клады датируются VI–VII вв. [21, с. 25].

Заключение. Расположение могильников Лебяжий и Княжий на пограничной территории и присутствие инокультурных компонентов не дает основание рассматривать их как эталонные колочинские памятники несмотря на то, что они лучше всего изучены. Тем не менее, анализ всех погребений достоверно, относящихся к колочинской культуре, позволяет сделать следующие выводы. Основным видом погребений на протяжении бытования всей культуры продолжали оставаться грунтовые кремации. Захоронения осуществлялись, преимущественно, в круглых ямах, овальные ямы практически не встречались. Изредка, в частности на могильнике Лебяжий, отмечены захоронения в прямоугольных ямах, очевидно, как следствие пшеворской традиции. Погребения были безурновыми, смешанными и урновыми. Количество смешанных и урновых погребений по сравнению с предыдущим периодом возрастало. Как правило, в урнах кости были очищены, в безурновых погребениях кости перемешаны с остатками костра или очищены, но чаще всего неочищены. Иногда урны были перекрыты другими сосудами (клошами) или перевернуты вверх дном – также влияние пшеворской традиции. Особым элементом является наличие сцементированной погребальной площадки в отдельных погребениях (Лебяжий), такой элемент в погребальной обрядности соседних культур не встречается.

Относительно появления курганных погребений, то к колочинским по наличию сосуда колочинского облика относят только курган в Колосах Гомельского Поднепровья [11, с. 17]. Однако особенностью колосовского кургана является сожженная столбовая кольцевая оградка вокруг захоронения, что характерно для мощинских курганов, да и сам сосуд напоминает мощинский [21, с. 42, табл. XIII: 19]. О. А. Макушников обнаруживает его близкое сходство с ранними курганами в Кветуни [1, с. 85–96], а также мощинскими и пражскими [12, с. 27]. Можно предположить инфильтрацию мощинского населения так далеко на юго-запад в зону расселения колочинских племен, однако наличие только одного кургана не позволяет окончательно подойти к такому выводу.

Табл. 1. Лебяжинский могильник.

№ п.	форма	размер	глуб	б/ур	Урн	смеш	к.очищ +кер.	к.неочищ +кер.	ур. пер.	урн.в урне	клош	крышка	ур.взр. +ур. ребенок	парн.	инвентарь
1.	круг.	0,55-0,6				+		+			+				
2.	круг.	0,65-0,7				+		+			+				
3.	круг.	0,55-0,6			очищ.	+		+							2 фр. бронз. бляшки, шпора, нож
4.				+				+							
5.				+				+							
6.				+				+							
7.	круг.	0,6	0,4	+				+							
8.	круг.	0,65	0,7	+			+								фр.донца
9.	круг.	0,55	0,65	+			+								
10,10a	круг.	0,8, 0,79	0,5	+				+						+	
11,11a				+				+						+	пряжка, бр. булав.?
12	круг.	0,55-0,6	0,3	+				+							кост. украш. пояса
13	круг.	0,5	0,75	+				+							
14	круг.	0,55		+				+							бусы, фр. бр. изделий
15	круг.	0,5-0,55	0,45		+					+			+		
16	круг.	0,35	0,45		Очищ	+		+							
17,17a			0,85	+				+						+	
18,18a	круг.	0,35, 0,45	0,35- 0,55	+		+		+						+	
19	круг.	0,55-0,6	0,3					+							
20,20a	круг.	0,55, 0,35	0,5		+, 2 урны									+	
21	круг.	0,45	0,4	+			+, фр.сосуда								
22	круг.	0,3	0,85	+			+								фр. бр. украш.
23	круг.	0,5	0,5	+			+								
24	круг.	0,5	0,5	+			+								
25	круг.	0,45	0,5	+			+								пряслице
26	круг.	0,2-0,22			+		+				+				
27	овал.	0,8x0,65	0,7	+			+								
28				+			+								фр. бр. украш.
29				+			+								
30				+			+								
31	овал.	1x0,75		+			+								
32	овал.	1x0,65	0,65		очищ.	+		+							кольчуж. кольца
33	круг.	0,4	0,7	+			+								пряслице, фр. бронз.
34	круг.	0,5	0,5	+			+								
35		0,25-0,35		+			+								
36				+			+								
37	круг.	0,55	0,75		очищ.	+		+							
38	круг.	0,3	0,55			+									
39	круг.	0,5	0,75	+			+								нож, пряжка, 2 оселка, фр.брас.
40	круг.	0,5	0,5	+			+								
41	круг.	0,5	0,5	+			+								

42	овал.	1,1x0,95	0,4	+				+							пряслище, фр. брас., сосудик
43	круг.	0,5	0,4		+						+				нож
44	круг.	0,5		+				+							пряслище, фр. браслета утолщ. концами
45	круг.	0,35	0,3	+			+								пряслище, фр. бронз. изделия
46	круг.	0,5	0,4		+							+			
47	круг.	0,5	0,8		очищ.										фр. бр. браслета
48					+										фр. бр. браслета
49	прямоуг	1,1x0,9	0,9	+			+								
50	круг.	0,3-0,35		+			без кер.								
51	круг.	0,3-0,35		+			+								
52	круг.	0,45	0,7		+				+						фр. керам. Блока
53			0,25-0,35	+				+							
54	овал	1,25x0,8	0,85	+				+							пряслище, нож
55	круг.	0,8	0,6		+										
56	круг.	0,4	0,45	+	очищ.			+							фр. бр. браслета
57	круг.	0,5	0,5	+			+								
58	круг.	0,45	0,45	+			+								фр. бусины, фр. брасл. с утолщ. концами
59	круг.	0,2			+	без кост.					+			урна без кост	

					+									урна	
					ребен.									реб.	
60	овал	0,5x0,75	0,65		+										пряслище
61	круг.	0,4-0,45		+			+								
62			0,65		+									+	
63	овал	1x0,75		+			+							+	пряслище, фр. бронзового браслета, железн. кольцо
64,64a	овал	1,3x0,6	0,6	+				+						+	пряслище, бр. кольцо, фр. сосуда
65	круг.	0,4	0,8	+			+								фр. бр. браслета
66	круг.	0,45	0,9	+			+								пряслище
67	круг.	0,65	0,8	+			+								фр. брон. пояса, фр. бронзового браслета
68	овал	1,1x0,8			+	2урны								+	2 брон. бляшки пояса
69	круг.	0,36	0,75	+			+								пряслище, фр. браслета
70,70a	прямоуг	2x1,75	0,8		Урна без кост.	+								+	фр. бусины
71	круг.	0,5-0,55	0,7	+			+								фр.бр.браслетов
72	круг.	0,4	0,7			+		+							железн. кольца
73	круг.	0,65-0,7	0,8		Урна очищ.	+		+					+		
74	круг.	0,55-0,6	1,0	+			+								
75	круг.	0,45	0,65	+			+								железн. пряжка, фр. бр. украш.
76			0,55	+			+								
77	круг.	0,4	0,55		+										фр.бр.браслета

78	круг.	0,6	0,87	+	очищ.			+							
79			0,8		Урна на поддон. без костей	+									
80	круг.	0,4	0,75	+			+								
81	круг.	0,5-0,6	0,4	+				+							
82	круг.	0,4	0,6	+				+							фр. бусины
83			0,67		+								+		
84	круг.	0,3	0,85		очищ.	+									
85	круг.	0,4	0,95		очищ.	+									
86					+										
87	круг.	0,8	0,5		очищ.	+									
88,88a	круг., круг.	0,45, 0,3	0,6	+			+						+		жел. пряжка, фр. бр. браслета
89	круг.	1,35-0,55		+			+								
90	круг.	0,55		+			+	?							фр. бр. браслета
91			0,7	+			+								бронз. пряжка, желез. изд., кер. блок
92					+		+	?		+					фр. бронз. изд., сосуд с 3 ручками
93				+			+	?							
94				+			+	?							
95				+			+	?							
96					+										
97					+										
98				+			+	?							
99				+			+	?							
100				+			+	?							
101				+			+	?							
102					+					+					
103	овал	0,85x1,35	0,91	+			+							+	
104	овал	1,2x0,8	0,9		+									+	

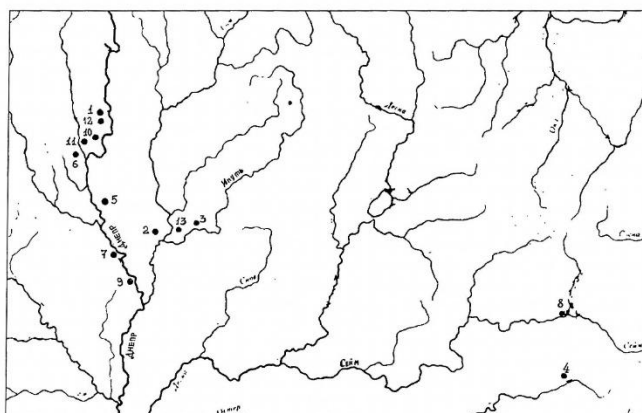
Табл. II. Княжинский могильник

№ п. п.	фо рм а	раз ме р	глу бин а	б / у	урн ов.	см еш .	к.о чи щ. +ке р.	к.не очи щ. +кер .	кл о ш	урна взр. +ур на ребен ок	урн а нак лон .	П а р но е	Инвен тарь
1.	кр уг.	0,9	0,6	+				+				+	жел. након еч, копья, крем. креса

													ло, фр. бусин ы, фр. сосуд ов
2 .	кр уг.	0,7	0,1- 0,5		фр. сос.	+		+					
3 .	кр уг.	0,6			раз бит ы	+							обр. креме нь
4 .	кр уг.	0,1 5			раз бит ы	+							
5 .			0,28 -0,3		+								
6 .	кр уг.	0,4 5- 0,5	0,4		+								
7 .			0,3		+								
8 .			0,46		+				+				
9 .			0,45		+				+				
1 0 .	ов ал.	0,8 5	0,4		+								
1 1 .			0,6		+								бр.вис .кольц о
1 2 .	кр уг.	0,9 5	0,4	+				+					жел. пряжк а
1 3 .			0,32		+								
1 4 .			0,22		+	+		+					

1 5 .			0,25	+ без кост т.								
1 6 .			0,28	раз бит. очи щ.	+		+					
1 7 .			0,28	+								
1 8 .	кр уг.	0,4 5- 0,5	0,38	+ 2 урн ы				+				
1 9 .			0,5	+						+		
2 0 .			0,35 -0,4	+ 3 урн ы					урна с кост ями, в ней урна с ребен ком +ур н. без кост ей			
2 1 .	кр уг.	8,0	0,35	+ 2 урн ы	+		+взр ос.		урн. без кост ей +ур н.реб. б.			
2 2 .		0,3 8	0,38	+	+		+					пряс лице

A					+									
B					+									

Карта могильников второй и третьей четвертей I тыс. н.э. Могилевского, Гомельского Поднепровья, Курского Посеймья:
1 – Аламенка, 2 – Гомель, 3 – Демьянки, 4 – Книжнй (Курское Посеймье), 5 – Колос, 6 – Колосы, 7 – Колочин, 8 –
Лебяжий (Курское Посеймье), 9 – Мохов, 10 – Нижняя Тошина, 11 – Новый Быхов, 12 – Тайманово, 13 – Чистые Луки.

Литература:

1. Артишевская, Л. В. Могильник раннеславянского времени на р. Десне / Артишевская Л. В. // Славяне накануне образования Киевской Руси. – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – № 108. – С. 85–96.
2. Бажан, И. А. В-образные рифленные пряжки как хронологический индикатор синхронизации / И. А. Бажан, С. Ю. Каргопольцев // Средневековая археология восточной Европы. – М.: Наука, 1989. – С. 28–35. – (Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Вып. 198).
3. Богомольников, В. В. Работы в Жлобинском районе / В. В. Богомольников // Археологические открытия 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 382.
4. Горюнов, Е. А. Могильники колочинской культуры / Е. А. Горюнов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени в раннем Средневековье. – Спб: «Петербургское востоковедение», 2004. – С. 10–17.
5. Дубицкая, Н. Н. Древности Могилевского и Гомельского Поднепровья в I– V вв. // Н. Н. Дубицкая. – Минск: Беларуская навука, 2023. – 449 с.: ил.
6. Ильютик, А. В. Могильники второй четверти I тысячелетия н.э. в Белорусском Поднепровье / Ильютик, А. В., Дубицкая Н. Н. // Могилевское Поднепровье в римское время / Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н.э. / Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. – Кн.1. – Минск: Беларуская навука, 2016. – С. 247–284.

7. Липкинг, Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н.э. в Курском Посемье / Липкинг Ю. А. // Раннеславянские восточнославянские древности. – Л.: Наука, 1974. – С. 136–152.

8. Магомедов, Б. В. Черняховская культура. Проблемы этноса / Б. В. Магомедов. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. – 276 с.

9. Макушников, О. А. Отчет младшего научного сотрудника Гомельского областного краеведческого музея Макушникова Олега Анатольевича об охранных археологических исследованиях 1986 года в городе Гомеле / О. А. Макушников // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 971. – 75 с., 79 рис., 11 слайдов, 15 с. колл. оп.

10. Макушников, О. А. Отчет обследованиях средневековых памятниках возле д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл. в 2005 г. / О. А. Макушников // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2271. – 52 с., 5 с. чер.-гр. и фото док., 46 рис., 32 фото, 45 с. пол. оп., 1 акт.

11. Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V–середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.

12. Макушников О. Гомельское Поднепровье в V–середине XIII вв.: Социально-экономическая, этническая, культурная история / О. А. Макушников. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 566 с.

13. Медведев, А. М. Раскопки городища в Бельничском районе / А. М. Медведев // Гістарычны лёс Верхняга Падняпроўя. – Магілёў, 1995. – Ч. 1: Археалогія. – С. 110–120.

14. Побаль, Л. Д. Ніжняя Тошчыца / Л. Д. Побаль, Н. М. Дубіцкая // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя у 2-х тамах. – Т. 2. – Мінск, 2011. – С. 132. – 133.

15. Поболь, Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье / Л. Д. Поболь // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 159–180.

16. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с., илл.

17. Поболь, Л. Д. Могильник у д. Тайманово / Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая, В. В. Пилипцевич // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 28–60.

18. Приходнюк, О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.э. / О. М. Приходнюк. – Київ: Наукова думка, 1980. – 152 с.

19. Радюш, О. Новые данные о распространении вещей круга выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга. Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) / О. Радюш // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік

навуковых арыткулаў памяці Аляксандра Плавінскага. – Мінск: Колоград, 2021. – С. 59–105.

20. Рябцевич, В. Н. Раскопки могильника у д. Колосы / В. Н. Рябцевич // Археологические открытия 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 369.

21. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

22. Седов, В. В. Славяне в древности / В. В. Седов. – М. 1994. – 343 с.

23. Синица, Е. В. Топографія слов'янських поховальних пам'яток V–VII ст. у Південно-Східній Європі / Е. В. Синица. – Vita antiqua. – Київ: ВПЦ «Київський університет, 2003. – № 5–6. – С. 164–170.

24. Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы близ села Демьянки / Г. Ф. Соловьева. – Советская археология. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – № 1. – С. 187 – 198.

25. Терпиловский, Р. В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. н.э. / Р. В. Терпиловский. – Киев: Наукова думка, 1984. – 125 с.

26. Шмидт, Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XIII веков, Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2008.

Подписи к рисункам.

Рис. 1. Карта могильников второй и третьей четвертей I тыс. н.э. Могилевского, Гомельского Поднепровья, Курского Посеймья: 1 – Адаменка, 2 – Гомель, 3 – Демьянки, 4 – Княжий (Курское Посеймье); 5 – Колос, 6 – Колосы, 7 – Колочин, 8 – Лебяжий (Курское Посеймье); 9 – Мохов, 10 – Нижняя Тощица, 11 – Новый Быхов, 12 – Тайманово, 13 – Чистые Лужи.

РИТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
РАДИМИЧЕЙ

Поджаров В.М.

Учреждение культуры «Могилёвский областной краеведческий музей
им. Е.Р. Романова»

(г. Могилёв, Беларусь)

Аннотация. Данная статья посвящена погребальной обрядности радимичей. Приводятся основные ритуальные элементы, которые характерны для данного племенного союза на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья.

Ключевые слова: радимичи, кремация, ингумация, ритуальные элементы.

Summary: this article is devoted to the burial rites of the Radimichi. The main ritual elements that are characteristic of this tribal union in the territory of the Mogilev Dnieper and Sozh regions are given.

Keywords: radimichi, cremation, inhumation, ritual elements.

Среди ритуальных элементов для радимичского обряда кремации можно выделить традиционные для этого типа захоронения особенности: применение огня, использование жертвенных животных, ровики рядом с курганным могильником, деревянные изделия.

В первую очередь стоит начать с внешних и заметных ритуальных элементов. Ровики являются углублениями продолговатой формы вокруг кургана. Однако, в редких случаях, они могут сливаться в сплошной ров. Перемычки между ровиками интерпретировались как вспомогательный пункт для подъёма на курганный насыпь [4, с. 25-33]. В дореволюционных трудах чёткого и прямого объяснения ровиков в литературе не было, так как их природа непонятна для исследователей той эпохи. Они склонялись к случайности данного явления и не видели в нём сакрально-религиозного контекста [1, с. 151-152].

Курган № 4 могильника Грязивец (Чаусский р-н) при высоте около 3,5 м, по Е. Р. Романову, имел пять входов и, соответственно, пять ровиков, которые учёный обозначил в качестве «охранных». Три ровика были зафиксированы при исследовании кургана №33 могильника Студёнка (Быховский р-н). Они находились с юго-восточной, северо-восточной и западной сторон. У кургана №51 три ровика располагались с юго-западной и юго-восточной и северной сторон [2, с. 11]. Два ровика (с северо-западной и юго-восточной сторон) прилегали к кургану № 35 этого же могильника.

Исходя из приведённых сведений, можно провести параллели с современными традициями погребения человека по этнографическим данным. Ровики у древних славян выступали как охранная зона между миром живых и миром мёртвых, а также могла выступать оградой от новых

захоронений. По мнению исследователей XX и XXI вв. параллель прослеживается в возведении забора между кладбищем и другой территорией, а также на территории кладбища между разными погребениями – оградки.

Жертвенные животные в погребениях не являются чем-то новым для погребального обряда. Такие тенденции переключались от культур раннего железного века. В могильнике Палуж 1-й (Краснопольский р-н), по свидетельству С. Ю. Чоловского, на глубине 70 см от вершины кургана находились фрагменты пережжённых костей животных [7, с. 23-27]. Исследователь не сообщает о фиксации в кургане человеческого трупосожжения, однако ряд учёных относят данный курган к погребениям, содержащим кремацию на горизонте.

Деревянные сооружения в кремациях радимичей можно проследить сразу в нескольких погребениях. Два погребения в ящиках обнаружены Авласовичем А.М. при исследовании могильника Студёнка (Быховский р-н). В кургане № 33 ящик с кремацией располагался на высоте 1 м. Сохранившиеся фрагменты конструкции позволяют установить его первоначальные размеры 0,54 х 0,87 м при высоте 0,3 м. Конструкция состояла из плах 0,08 – 0,1 м и имела верхнее перекрытие. В кургане № 51 этого некрополя на высоте 0,6 м. зафиксировано впускное погребение кремации в деревянном ящике. Зольно-угольное пятно и фрагменты обгоревших плашек на фоне жёлтого песка дали возможность установить примерные размеры. Конструкция не превышала в длину 1,2 м и имела ширину не более 0,4 м. [2, с. 16-27].

Использование огня является необходимым элементом для обряда кремации. Также для погребений в ящиках характерно очищение места погребения ритуальным огнём, о чём свидетельствует наличие зольных слоёв. В некоторых случаях деревянные ящики находились на песчаной подсыпке.

Последним ритуальным элементом является использование огня. При воздействии огня тело умершего подвергалось кальцинированию. В некоторых радимичских погребениях на территории Могиловского Поднепровья можно реконструировать, какими были размеры погребального костра.

Наиболее информативным является погребение кургана №4 могильника Грязивец (Чаусский р-н), которое позволяет в полной мере реконструировать конструкцию погребального костра. В западной части кургана зафиксированы обгоревшие сосновые плахи. Продольные имели длину 2,49 – 2,84 м, поперечные – около 1,4 м, высота самой конструкции составила 0,7 м. При разборе кострища был обнаружен сожжённый костяк [3, с. 25-31].

В кургане №111 могильника Взмутное (Славгородский р-н) на погребальной площадке был разведён костер. Кострище имело овальную, вытянутую с севера на юг форму. При зачистке поверхности прослежены дугообразные зольные пятна, окружавшие центральную зольную площадку,

– «кольца-крады». В семи могильниках обряд кремации был совершён на стороне, но перед возведением насыпи дневная поверхность была очищена огнем. [3, с. 25-31].

Для всех типов погребения в зависимости от территории проживания характерно особенности в погребальном обряде. Среди ритуальных элементов обряда ингумации у радимичей можно выделить несколько характерных элементов: огонь, камни, гробы и теремки.

Использование дерева в погребальной обрядности является частым явлением. Из дерева изготавливались гробы двух типов: 1) долблённые (колоды) и 2) состоящие из отдельных элементов (плах, досок, брусьев). Помимо гробов, встречаются отдельные элементы досок, плахи, колоды, куски бересты. Они располагаются под головой, на костяке, под костяком, сбоку. В связи с плохой сохранностью дерева в изучаемом регионе, приходится изучать «следы» дерева по стратиграфии. В частности, идёт речь о тёмных полосах от перегнивших досок у костяков или куски древесины [4, с. 41].

Гробы встречаются в каждом четвёртом погребении. Ориентировка гроба в большинстве случаев направлена на запад, в редких случаях встречается восточная ориентировка. Таким образом, погребения с западной ориентировкой встречаются 2,5 раза чаще. Стоит отметить, что гробы применялись по всей территории Могилёвского Поднепровья [4, с. 41-43].

В курганном могильнике Восход (Могилевский р-н) при погребении №31 зафиксированы остатки гроба. В центре кургана, на уровне дневной поверхности, обнаружено мужское погребение. Рядом с правой ногой костяка находились остатки деревянного гроба. В погребении №40 того же могильника остатков гроба не зафиксировано, однако была найдена заклепка от гроба [6, с 26-27, с. 33].

Применение огня остаётся важным символом в погребальной процессии, но тело умершего не подвергалось сжиганию. Вместо тела, огню подвергается погребальная площадка, происходит так называемое очищение огнём.

Примером применения огня в погребальной обрядности радимичей является такой пережиток язычества как «крады» – огненные круги в виде кольца, когда толщина зольно-угольной прослойки постепенно уменьшается по направлению к центру насыпи [1, с. 151-152]. Данное явление зафиксировано Г.Ф. Соловьёвой в ряде могильников: Белые Могилы, Сиянск и тд. В Кветуни исследовано несколько погребений с кольцевыми земляными оградами, напоминающие «крады». Также подобные зольно-угольные свойства были зафиксированы А.М. Авласовичем в курганном некрополе Взмутное (Славгородский р-н) при погребении №111 [2, с. 25-31].

Безусловно, такой элемент как «крады» имеет сугубо ритуальное значение. Данные кольца-крады, вероятно, являются эволюционировавшим элементом погребальной обрядности Боршевской и культуры типа Луки-

Райковецкая, в курганных могильниках которых применялись кольцевые столбовые оградки [7, с. 42].

На территории всего Белорусского Поднепровья встречаются случаи применения камня в ингумациях. При исследовании некрополя Прудки (Шкловский р-н) Г.Ф. Соловьёвой зафиксированы несколько случаев применения камней в ритуальных целях (погребения №2,4,6,8). Особенностью является размещение камней вокруг выжженной погребальной площадки и костяка умершего [8, с. 27-30].

В курганном могильнике Восход (Могилевский р-н) также зафиксированы случаи применения камня. При исследовании кургана №2 выявлено, что при насыпи кургана использовались камни. Небольшие камни фиксировались и в самой насыпи, а также на уровне древнего горизонта, на одном уровне с костяком, в секторах насыпи [6, с. 7].

Погребение тела с использованием деревянных теремков можно расценивать как предшествующий ритуальный элемент деревянных гробов. Хотя по сравнению с гробами, теремки являются более прочной и сложной конструкцией. При использовании столбовых конструкций и балок люди строили места для погребения умершего. Проследить данный элемент можно только по столбовым ямам или остаткам дерева в культурном слое.

Таким образом, погребальная обрядность племенного союза радимичей делится на кремации и ингумации. При кремации тело умершего помещали в центр ритуального кострища, где по итогу и происходил сам процесс трупосожжения. Тело клали на вымощенную площадку. Кремация проходила на месте будущего захоронения, либо за его пределами. Затем кальцинированные кости очищались от золы и пепла. Далее они помещались в глиняный сосуд или же просто ссыпались на дно погребения. По месту расположения костные останки могли находиться на горизонте, выше уровня горизонта, ниже уровня горизонта и т.д. Помимо помещения кальцинированных костей в глиняный сосуд, их могли класть в деревянный ящик, который так же мог подвергаться воздействию ритуального костра. На территории расселения радимичей имеются случаи, где удалось выяснить, каким именно был костёр для сожжения тела умершего. Приведенные данные помогают выяснить, как именно происходил процесс кремации и сколько времени он занимал. Стоит так же отметить наличие внутри могильника камней и ровиков.

Ингумация у радимичей является более сложным процессом, чем трупосожжение. Благодаря сохранности тела умершего можно определить ориентировку костяка, которая определяла вероисповедание умершего человека. Так же важно отметить и расположение рук на теле покойника. Положение рук у покойного зависело от региона проживания. К ритуальным элементам можно отнести и очищение площадки огнём.

Тело располагалось в погребении выше, ниже и на уровне древней поверхности. С принятием христианства в погребальную культуру проникает и использование деревянных гробов. Их сохранности в зоне проживания

радимичей минимальна. Элементы христианства прослеживаются так же и в инвентаре – железные и каменные кресты.

Особенностью региона так же считается наличие сидячих погребений и «огненные крады». Такие захоронения являются уникальными случаями на территории Беларуси. Среди этих погребений есть случаи, где тело покойника в сидячем положении находилось в деревянной «избе». Понятие «изба» в данном контексте используется не как традиционный дом с наличием трубы для дымохода, окон и двери. В данном случае зафиксированы стены и каркас деревянной крыши с перекрытием. К концу XIII века все племенные союзы начинают переходить от курганной культуры к грунтовым захоронениям.

Выделение ритуальных элементов у радимичей помогают определить особенности их погребальной обрядности, но в основном эти элементы схожи с особенностью захоронений у других племен. Среди отличительных черт можно выделить отсутствие или единичное присутствие камней в погребениях, что более характерно для погребений дреговичей.

Литература:

1. Авласович, А. М. История изучения курганных некрополей эпохи Древней Руси на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья в межвоенный период. Историографический аспект / А. М. Авласович // Раманаўскія чытанні – XI : зб. арт. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 лістапада 2015 г. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. – С. 150–152.
2. Авласович, А. М. Отчёт об археологических работах в Быховском и Могилёвском районах Могилёвской области в 2015 г. / А. М. Авласович. – [Рукопись].
3. Авласович, А. М. Отчёт об археологических работах в Быховском, Славгородском и Могилёвском районах Могилёвской области в 2014 г. / А. М. Авласович // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 3247.
4. Богомольников, В. В. Радимичи : (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников ; под научн. ред. О. А. Макушникова ; ГГУ им. Ф. Скорины, Науч.-исслед. ин-т восточнославянских народов при ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2004. – 226 с.
5. Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі X– XIII стст. : (паводле археалагічных звестак) / Л. У. Дучыц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 80 с.
6. Марзалюк І. А. Археалагічнае вывучэнне курганнага могільніка Усход [Электронны рэсурс] / І. А. Марзалюк. – Электрон. даныя. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 205 с.
7. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным: монография / Я. Г. Риер. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 176 с.
8. Соловьёва, Г.Ф. Раскопки курганов в Белоруссии / Г.Ф. Соловьёва // Археологические открытия 1965 года. – М., 1966. – С. 152 – 154.

УДК: 903.02 (476.2) "637"

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ С БЕРЕГА РЕКИ ДНЕПРА БУДА-
КОШЕЛЁВСКОГО РАЙОНА

Ятин П.Н.

ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»

(г. Минск, Республика Беларусь)

Научный руководитель – кандидат исторических наук Езепенко И.Н.

Аннотация: В данной публикации будет представлен керамический материал который был собран в ходе археологической разведки на берегу Днепра на границе Жлобинского и Буда-Кошелёвского районов Гомельской области в декабре 2024 г.

Ключевые слова: керамика, курганный могильник, посуда.

Summary: This publication will present ceramic material that was collected during archaeological exploration on the bank of the Dnieper on the border of the Zhlobin and Buda-Koshelevo districts of the Gomel region in December 2024.

Keywords: ceramics, burial mound, dishes.

В ходе археологической разведки в декабре 2024 г. автором совместно с археологом О.В. Вороненко и краеведом А.А. Гордеевым была осуществлёно обследования окрестностей вблизи д. Щитное и отрезок левого берега р. Днепра на территории Буда-Кошелёвского района Гомельской области, между пос. Губичский Кордон Буда-Кошелёвского района и д. Скепня Жлобинского района (рис.1). Целью разведки было выявления новых памятников бронзового века на данной территории. В ходе осмотра западнее, в 2,73 км от д. Щитное нами было обнаружено 4 насыпи (предположительно курганы) полусферической формы, округлые в плане, высотой от 0,5 м до 1,2 м, диаметром от 12 до 17 м, на расстоянии от 30 до 50 м один от другого, насыпи без повреждений, поросшие деревьями (рис. 2).

В разорах вблизи насыпей какого-либо археологического материала выявлено не было.

Южнее, в 8,17 км от д. Щитное на берегу Днепра, напротив д. Верхняя Олба в разоре (пункт 1), был обнаружен развал глиняного горшка Нового времени, (рис. 3). Помимо обломков горшка на протяжении всего разора присутствовали фрагменты ожелезнений. Горшок состоял из 55 фр., из которых: 43 фр. стенок, 9 фр. донцев, 3 фр. венчиков. Венчик горшка высокий, не имеет шейки, переход к тулову резкий, по форме напоминает перевёрнутую литеру «Г» (рис. 3, В). Орнамент на поверхности отсутствует, цвет внешней стороны светло-коричневый, внутренняя поверхность чёрного цвета. Внутри следы от сглаживания пальцами. Керамика хорошо обожжена, средней размер стенок варьируется от 0,2 до 0,5 см, с утолщениями к донцу и венчику. Диаметр донца 11, 5 см, венчика – 12,3 см. По сохранившимся фрагментам можно предположить, что его высота составляла около 20 см. Большую часть горшка удалось реконструировать (рис. 3, А).

Юго-восточнее по течению Днепра, в раздуве (пункт 2) было обнаружено глиняное изделие по форме напоминающее «мыльницу» неизвестного назначения. Формовочная масса глины тёмно-коричневого цвета с крупными включениями дресвы. Данная «мыльница» при извлечении частично раскрошилась на 3 фр., которые составляют цельную форму. Размеры глиняного изделия в длину 10,2 см, в ширину 5,1 см и высоту 2,5 см (рис. 3, Б). Предназначение и аналогии данной глиняной форме выявить не удалось. По составу глины «мыльница» очень похожа на керамические изделия железного века. Рядом находилось 8 фр. стенок гончарной керамики Нового времени и 1 фр. лепной обожжённой глины.

В ходе разведки на берегу р. Днепр был обнаружен развал горшка Нового времени и интересное керамическое изделие неизвестного назначения предположительно железного века. Недалеко от д. Щитное были обнаружены ранее неизвестные насыпи, которые по форме и размерам могут относиться к бронзовому веку.

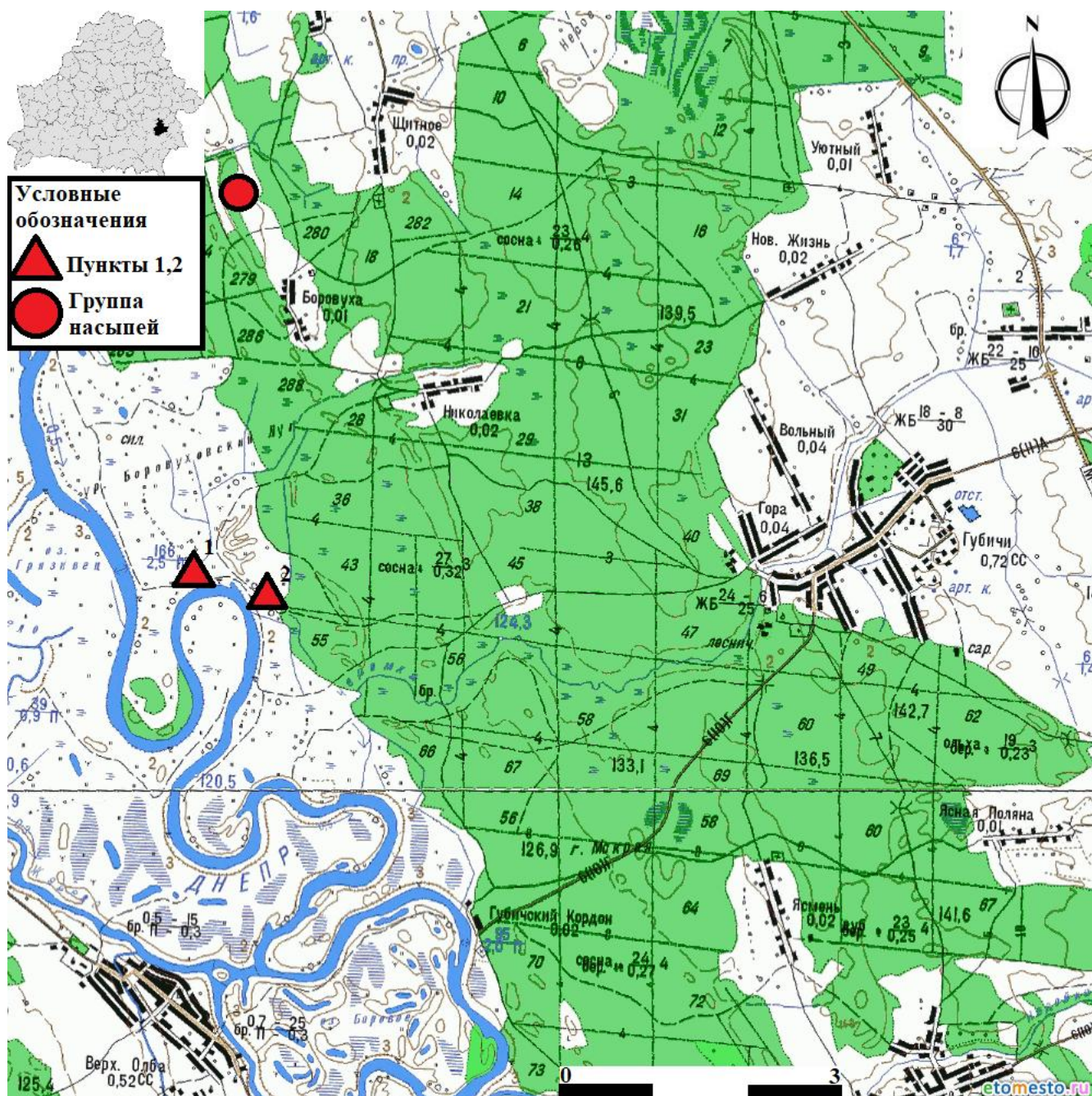

Рис. 1. Локализация археологических объектов в Буда-Кошелёвском районе Гомельской области на топографической карте.

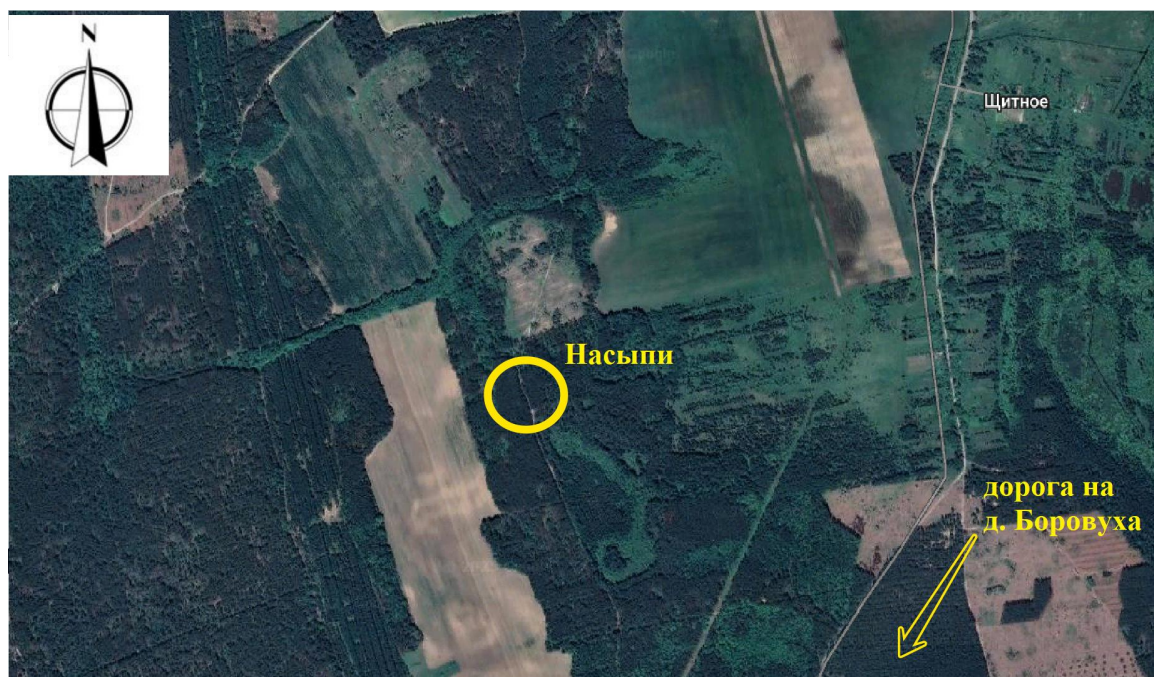

Рис. 2. Локализация насыпей в Буда-Кошелёвском районе Гомельской области согласно спутниковому снимку Google Earth.

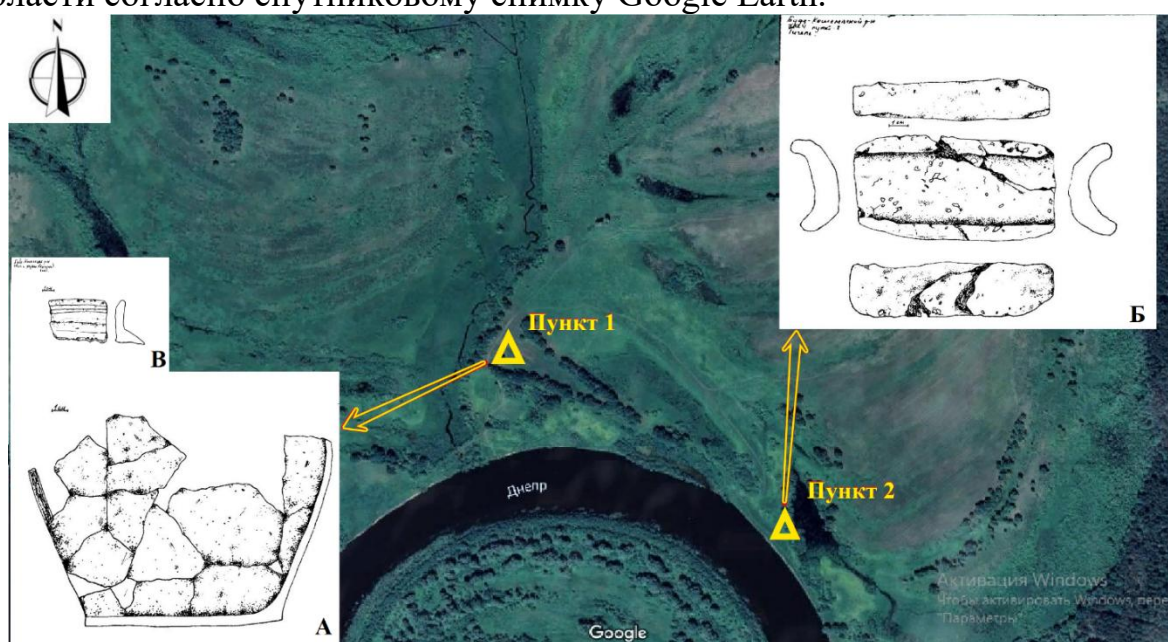

Рис. 3. Локализация мест находок керамического инвентаря в Буда – Кошелёвском районе Гомельской области согласно спутниковому снимку Google Earth.

Рис. 3, А – Горшок нового времени из пункта 1, рисунок и реконструкция Коноваловой Е.С.

Рис. 3, Б – Неизвестное глиняное изделие из пункта 2, рисунок и реконструкция Коноваловой Е.С.

Рис. 3, В – Венчик от горшка нового времени из пункта 1, рисунок Коноваловой Е.С.

ВЫВУЧЭННЕ АРХЕАЛАГІЧНАЙ СПАДЧЫНЫ
БЯЛЫНІЦКАГА КРАЮ (другая палова XIX – XXI ст.)

Мядзведзеў А. М., Мядзведзеў К. А.
ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі»
(г. Мінск, Беларусь)

Анатацыя. Дадзены артыкул прысвечаны вывучэнню розна тыповых і розна часовых археалагічных помнікаў, размешчаных у межах сучаснага Бялыніцкага раёна Магілёўскай вобласці. Працы былі распачаты яшчэ ў другой палове XIX ст., плённа працягваліся ўсё XX ст. і актыўна праводзяцца ў нашы дні.

Ключавыя словы: Бялыніцкі раён; археалагічныя помнікі; культавыя аб'екты; адзінкавыя знаходкі; даследчыкі; вывучэнне.

Summary: This article is devoted to the study of diverse and diverse archaeological sites located within the modern Bialynichy district of the Mogilev region. The works were initiated in the second half of the XIX century, the whole of the XX century continued and actively conducted today.

Keywords: Bialynichy district; archaeological sites; iconic objects; single finds; researchers; study.

На 2025 год на тэрыторыі Бялыніцкага раёна Магілёўскай вобласці выяўлены:

- 1) 187 археалагічных помнікаў каля 72 населеных пунктаў;
- 2) 6 культавых аб'ектаў каля 4 населеных пунктаў;
- 3) 123 адзінкавыя знаходкі каля 4 населеных пунктаў.

У «Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь» (2009 г.) унесены 74 помнікі, якія лакалізаваны каля 70 населеных пунктаў [4, с. 474–479].

Помнікі маюць самыя шырокія храналагічныя рамкі – ад каменнага веку да сярэдзіны XX ст. Самым старажытным археалагічным аб'ектам Бялыніцкага краю з'яўляецца стаянка каля пасёлка Монеўка, якая адносіцца да эпохі неалітычнай днепра-данецкай культуры і датуецца IV–II тыс. да н. э.

Вывучэнне археалагічных старажытнасцей на тэрыторыі Бялыніцкага раёна можна храналагічна падзяліць на тры перыяды:

- 1) 1860–1930-я гг. – пачатак і развіццё археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Бялыніччыны;
- 2) 1950–1990-я гг. – працяг маштабнага археалагічнага вывучэння рэгіёна беларускімі і расійскімі навукоўцамі;
- 3) з 2000-х гг. і да цяперашняга часу – археалагічныя працы на найбольш знакавых аб'ектах, а таксама выяўленне новых помнікаў.

У першы перыяд быў закладзены трывалы падмурак для развіцця археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Бялыніцкага краю. Так, шэраг даследчыкаў праводзілі абследаванні комплекса з чатырох помнікаў

(гарадзішча і трох курганных могільнікаў) каля в. Эсьмоны. У 1863–1864 гг. дадзеныя аб’екты вывучаў Л. Спічагаў, на працягу 1879, 1887 і 1889–1890 гг. – М. П. Авенарыўс, У. Г. Краснянскі і Ф. І. Шыманоўскі, у 1892 г. – М. В. Фурсаў і С. Ю. Чалоўскі. У 1873 г. гарадзішча каля в. Буда, курганныя могільнікі каля вёсак Забалотце, Курганне і Пустаселы, а таксама комплексы помнікаў каля вёсак Пільшычы і Свяцілавічы абследаваў Д. Я. Самаквасаў. Абследаванні комплекса з шасці помнікаў (двух гарадзішчаў, селішча і трох курганных могільнікаў) каля в. Карытніца, гарадзішча каля в. Ланькова і курганнага могільніка каля в. Стадолішча ў 1883 г. праводзіў Е. Р. Раманаў. Гарадзішча каля в. Буднікі абследавалі М. П. Авенарыўс, У. Г. Краснянскі і Ф. І. Шыманоўскі (1889–1890 гг.), а гарадзішча (замчышча) каля в. Галоўчын вывучаў Д. Я. Данілевіч (1904 г.). У 1924 г. І. А. Сербай праводзіў абследаванні комплексаў помнікаў каля вёсак Дзевашычы, Заазер’е, Карытніца і Эсьмоны, а ў 1930 г. А. Д. Каваленя і А. І. Рынейскі разам і паасобку даследавалі комплексы помнікаў каля г. Бялынічы, вёсак Вугольшчына, Дзевашычы, Зарэчча, Лубяны (Лубяное), Падзевічы, Пільшычы, Прыбар, Эсьмоны і Станцыя Друць, гарадзішчаў каля вёсак Буда, Ланькова, Прыгань і пас. Дальні, стаянкі каля в. Гута [8, с. 42–43; 9, с. 145–148; 10, с. 187–190; 14, с. 121–123; 24, с. 45; 27, с. 478; 30, с. 86–94; 31, с. 8–9; 39, с. 240–243].

Ажыццяўлялася таксама і вывучэнне адзінкавых знаходак. Так, М. П. Авенарыўс у 1889 г. апісаў знойдзеныя ім або перададзеныя яму мясцовымі жыхарамі 120 каменных свідраваных сякер з ваколіц в. Эсьмоны. Абследавалі ў дадзены перыяд і культавыя аб’екты: у 1924 г. І. А. Сербай вывучаў каменны крыж каля в. Дзевашычы, а ў 1930 г. два аналагічныя помнікі каля в. Лубяны (Лубяное) даследаваў А. Д. Каваленя [8, с. 42–43; 9, с. 145–148; 10, с. 187–190; 15, с. 26, 41; 24, с. 45].

Другі перыяд характарызаваўся выяўленнем раней недаследаваных помнікаў і больш грунтоўным вывучэннем вядомых раней аб’ектаў. Так, у 1950, 1958 і 1964 гг. А. Р. Мітрафанаў абследаваў гарадзішчы каля вёсак Гуры, Лямніца, Малы Кудзін (Пабеда), Паўлінка, Прыгань і Старое Сяло, курганны могільнік каля в. Таргоншчына, комплексы помнікаў каля вёсак Станцыя Друць (2), Заполле (2), Зарэчча (2), Ігліца (4), Малатоўкі (2), Свяцілавічы (3) і пас. Старына (2). К. М. Палікарповіч вывучаў комплексы помнікаў каля в. Ігліца (4) і Лубяны (Лубяное) (13) (1952 г.), В. В. Сядоў – комплекс помнікаў каля в. Эсьмоны (3) (у 1962 г.), І. І. Арцёменка – комплекс помнікаў каля в. Лубяны (Лубяное) (13) (1968 г.). У 1969, 1975 і 1977 гг. Я. Р. Рыер абследаваў комплексы помнікаў каля вёсак Вугольшчына (6), Дзевашычы (4), Заполле (2), Ігліца (4), Карытніца (6), Кіраўка (2), Малатоўкі (2), Падзевічы (2), Парахоўка (2), Прыбар (7), Эсьмоны (4) і пас. Старына (2), а таксама курганныя могільнікі каля вёсак Глыбокі Брод, Клява, Краснае (Чырвонае), Стараселле, Старая Клеўка і пас. Курганне, гарадзішчы каля пас. Дальні, вёсак Лямніца і Малы Кудзін (Пабеда). У 1969 г. Л. В. Аляксееў праводзіў даследаванні комплексаў помнікаў каля вёсак Дзевашычы (4),

Свяцілавічы (3), Туалін (2) і Эсьмоны (4), а Г. В. Штыхаў ажыццяўляў вывучэнне гарадзішчаў каля в. Галоўчын (3), вёсак Буда, Гуры, Лямніца, Паўлінка, Старое Сяло і пас. Дальні, комплексаў помнікаў каля в. Дзевашычы (4), Заазер'е (4) і Заполле (2). Л. Д. Побаль у 1974, 1977 і 1986 гг. абследаваў комплексы помнікаў каля вёсак Аксеньковічы (2), Асавец (3), Асман-Касаева (7), Барсукі (2), Вугольшчына (5), Вялікая Машчаніца (3), Дзевашычы (4), Заполле (2), Ігліца (4), Ігліца (6), Кіраўка (3), Лубяны (Лубяное) (13), Падзевічы (2), Парахоўка (2), Паліўнікі (3), Пільшычы (4), Прыбар (7), Чырвоны Бор (Красны Бор; 2) і Эсьмоны (4), гарадзішчы каля вёсак Буда, Буднікі, Малы Кудзін (Пабеда) і в. Галоўчын, селішча каля в. Гута, курганныя могільнікі каля вёсак Дручаны, Забавы, Забалоцце, Навасёлкі, Пустаселы, Стараселле, Сямікаўка і пас. Ленінскі, адзіночны курган каля в. Замачулле.

На працягу 1975, 1978, 1980–1985 і 1990–1991 гг. В. Ф. Капыцін ажыццяўляў абследаванні на стаянках каля пас. Монеўка і в. Красная Слабада (Чырвоная Слабада), на комплексах помнікаў каля г. п. Бялынічы (4), вёсак Асавец (3), Асман-Касаева (7), Барсукі (2), Вугольшчына (5), Вялікая Машчаніца (3), Дзевашычы (4), Заазер'е (4), Заполле (2), Зарэчча (2), Ігліца (4), Карытніца (6), Кіраўка (3), Лубяны (Лубяное) (13), Малатоўкі (2), Падзевічы (2), Парахоўка (2), Паліўнікі (3), Пільшычы (4), Прыбар (7), Сякерка (4), Чырвоны Бор (Красны Бор) (2), Эсьмоны (4), в. Галоўчын (6) і пас. Старына (2), на гарадзішчах каля вёсак Буднікі, Лямніца, Малы Кудзін (Пабеда), Паўлінка і пас. Дальні, а таксама на курганных могілніках каля вёсак Дручаны, Забалоцце, Клява, Краснае (Чырвонае), Навасёлкі, Пральня, Рудня, Стараселле, Сямікаўка, пасёлкаў Курганне, Ленінскі, Лебядзянка і адзіночных курганах каля вёсак Замачулле і Сіпайлы.

У 1982 г. Э. М. Зайкоўскі абследаваў комплексы помнікаў каля г. п. Бялынічы (4) і вёсак Вугольшчына (6), Заазер'е (5), Лубяны (Лубяное) (13) і Пільшычы (4), селішча каля в. Алешкавічы, курганны могільнік каля в. Навасёлкі. У 1983 г. Н. М. Дубіцкая праводзіла абследаванні гарадзішчаў каля в. Галоўчын (2) і вёсак Буда, Гуры, Лямніца, Малы Кудзін (Пабеда), Паўлінка, Старое Сяло і пас. Дальні, комплексаў помнікаў каля в. Дзевашычы (4), Заазер'е (4), Заполле (2), Кіраўка (3), Лебядзянка (3), Лубяны (Лубяное) (13), Падзевічы (2) і Эсьмоны (4). На працягу 1987 і 1991 гг. А. А. Седзін даследаваў гарадзішчы каля в. Галоўчын (3). В. Л. Ліпніцкая у 1988 г. абследавала стаянкі каля вёсак Барок і Чырвоная Слабада (Красная Слабада).

У 1990 г. М. А. Ткачоў ажыццяўляў абследаванні гарадзішча (замчышча) каля в. Галоўчын. Ю. Ф. Чарнагалаў у 1991 г. і У. М. Чарняўскі ў 1991 і 1993–1994 гг. праводзілі абследаванні на комплексах помнікаў каля вёсак Асман-Касаева (6), Вугольшчына (6), Гута (3), Заазер'е (5), Ігліца (4), Карытніца (6), Кіраўка (3), Лебядзянка (3), Паліўнікі (3), Пільшычы (4) і пас. Старына (2), на гарадзішчы каля в. Галоўчын, на курганных могілніках каля вёсак Дручаны, Пральня, Рудня і Стараселле, а таксама адзіночнага кургана каля в. Сіпайлы. У 1991–1992 гг. А. У. Салапонаў вывучаў гарадзішчы каля в.

Галоўчын (3) і комплекс помнікаў каля в. Зарэчча (2). У 1993 г. А. М. Мядзведзеў абследаваў гарадзішчы каля вёсак Лямніца і Паўлінка [3; 6; 7; 12, с. 20–44; 13; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 22; 23, с. 13; 25; 26; 28; 29; 32; 37, с. 147; 39; 40; 41].

Актыўна вывучаліся таксама і культавыя аб'екты. Так, каменны крыж каля в. Лубяны (Лубяное) абследавалі І. І. Арцёменка (1968 г.), Э. М. Зайкоўскі (1982 г.) і Н. М. Дубіцкая (1983 г.), каменны крыж каля в. Дзевашычы – Г. В. Штыхаў, Л. В. Аляксееў і Я. Р. Рыер (1969 г.), каменны крыж каля в. Заазер'е – Э. М. Зайкоўскі (1982 г.), каменны крыж каля в. Заполле – Л. Д. Побаль (1986 г.) і В. Ф. Капыцін (1991 г.), валун каля в. Заазер'е – Н. М. Дубіцкая (1983 г.). Даследчыкі таксама вывучалі і адзінкавыя знаходкі: Я. Р. Рыер – каменную свідраваную сякеру з ваколіц пас. Адраджэнне (1975 г.), Л. Д. Побаль і В. Н. Рабцэвіч – клад залатых і срэбраных манет XV–XVII стст., які складаўся з 225 экзэмпляраў і быў знойдзены каля в. Карытніца (1977 г.), А. Г. Калечыц – каменную свідраваную сякеру з прысядзібнага ўчастка каля в. Свяцілавічы (1986 г.) [3; 4, с. 169; 6; 7; 11, с. 144; 12, с. 23; 20; 21; 22; 25; 26; 41].

У трэці – сучасны перыяд – працягваюцца абследаванні на шэрагу вядомых раней аб'ектаў, а таксама на кардынальна новых помніках Бялыніцкага краю. Так, у 2009–2011 гг. А. М. Вашанаў абследаваў комплекс помнікаў (4 стаянкі, 9 месцазнаходжанняў) у ваколіцах г. п. Бялынічы і касцёл-царкву ў пасёлку, а таксама месцазнаходжанні каля в. Малы Трылесін (1) і пасёлкаў Міхалоў (Міхайлоў) (2) і Няропля (7). А. М. Аўласовіч вывучаў гарадзішчы каля аг. Галоўчын і каля в. Дзевашычы, а таксама тры курганныя могільнікі каля в. Эсьмоны (2012–2013 гг.), а І. М. Спірын абследаваў гарадзішча каля аг. Галоўчын (2013 г.). У 2017 г. руіны кляштара кармелітаў у цэнтральнай частцы г. п. Бялынічы даследаваў К. С. Нікончык [1; 2; 18; 33; 33; 34; 35].

Такім чынам, падводзячы агульныя вынікі, з упэўненасцю можна канстатаваць, што вялікая колькасць розначасовых і рознатыповых археалагічных помнікаў, культавых аб'ектаў і адзінкавых знаходак, а таксама іх шматлікія даследаванні на працягу XIX–XXI стст. на тэрыторыі Бялыніцкага краю заклалі трывалы фундамент для грунтоўнага вывучэння на сучасным этапе дадзенага рэгіёна ў прыватнасці, а таксама Магілёўшчыны і ўсёй Беларусі ў цэлым.

Літаратура:

1. Авласович А. М. Отчёт об археологических исследованиях в Бельничском районе Могилёвской области в 2013 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 3182.
2. Авласович, А. М. Отчёт об археологических разведках на городище Головчин-2 Бельничского района Могилёвской области в 2012 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 3104.

3. Артеменко, И. И. Отчет о работе Среднеднепровской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1968 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 314.
4. Бялыніцкі раён // Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – Мінск, 2009. – С. 474–479.
5. Бялыніцкі раён // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць. – Мінск, 1986. – С. 157–169.
6. Дубицкая, Н. Н. Отчет об археологических исследованиях в 1983 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 853.
7. Зайкоўскі, Э. М. Справаздача аб палявых даследаваннях у 1982 годзе / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 794.
8. Заметка Н. П. Авенариуса об его раскопках в Минской губернии в 1889 и 1890 годах // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству въ Вильне IX Археологического съезда. – Вильна, 1893. – С. 42–43.
9. Каваленя, А. Дз. Археолёгічныя разведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах / А. Дз. Каваленя // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Менск, 1930. – Кн. 11. – Т. II. – С. 145–155.
10. Каваленя, А. Дз. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі / А. Дз. Каваленя // Працы сэкцыі археолёгіі. – Менск, 1932. – Т. III. – С. 187–196.
11. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск: «Наука и техника», 1987. – 158 с.: ил.
12. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Бельничского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилёв: Могилёвское управление по печати, 1992. – 110 с.: ил.
13. Копытин, В. Ф. Отчет об изучении археологических памятников в бассейне р. Друть (1981–1982 гг.) / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 783.
14. Краснянский, В. Г. О курганах Минской губернии / В. Г. Краснянский // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. – Вильна, 1907. – С. 117–128.
15. Липницкая, О. Л. Отчет о полевых исследованиях 1988 г. в бассейне р. Березины (разведки) и в г. п. Красносельский / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1069.
16. Лошенко, М. И. Отчет об исследованиях летом 1992 года в Бельничском, Бобруйском и Глусском районах Могилевской области / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1430.
17. Митрофанов, А. Г. Отчет об экспедиционных исследованиях группы по изучению археологических памятников центральной и северной Белоруссии в 1964 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 248.
18. Научный отчет Никончика К. С. О проведении археологических разведок и поиске памятников сакральной архитектуры XVII–XVIII стст. на

территории г. Могилёва (Бернардинский кляштор), Могилёвского района (д. Княжицы (костёл св. Антония)), г. Быхова (синагога), г. Бельнич (кляштор кармелитов), г. Мстиславля (кляштор кармелитов, иезуитский кляштор, церковь св. Александра Невского), Мстиславского района (д. Онуфриево (Онуфриевский монастырь), Кричевского района (д. Малятичи (костёл св. Станислава)) Могилевской области / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 3596.

19. Отчёт Медведева А. М. о полевых исследованиях в Бельничском районе Могилёвской области в 1993 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1472.

20. Поболь, Л. Д. Отчет о работах в Белорусском Поднепровье в 1977 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 558.

21. Поболь, Л. Д. Отчет об обследовании археологических памятников в междуречье Днепра и Березины в 1986 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 983.

22. Поболь, Л. Д. Отчет об обследовании археологических памятников в междуречье Днепра и Березины в 1986 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 2030.

23. Поликарпович, К. М. Археологические исследования в БССР в 1945–1953 гг. / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Минск, 1957. – Т. I. – С. 5–29.

24. Раскопки в Северо-Западном крае: В Минской губернии // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 год. – СПб., 1892. – С. 38–50.

25. Риер, Я. Г. Отчет о раскопках курганов в д. Эсьмоны Бельничского района Могилевской обл. в сентябре 1969 года / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 340.

26. Риер, Я. Г. Отчет об археологических исследованиях в Бельничском р-не Могилевской обл. в 1975 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 480.

27. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского. – СПб.: Тип. А. Ф. Девриена, 1905. – Т. IX. – 642 с.: ил.

28. Салапонаў, А. У. Справаздача аб выніках археалагічнага сезону 1992 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1423.

29. Салопонов, А. В. Отчет об археологических разведках в Могилевской обл. в 1991 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1350.

30. Самоквасов, Д. Я. Могилы русской земли: Описание археологических раскопок и собрания древностей / Д. Я. Самоквасов // Труды Московского Комитета по устройству XIV Археологического съезда. – М.: Синодальная тип., 1908. – 276 с.: ил.

31. Самоквасов, Д. Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей / Д. Я. Самоквасов. – М.: Синодальная тип., 1908. – 24 с.: ил.
32. Седин, А. А. Отчет об исследованиях на городище у д. Никодимово Горецкого района и разведках в Могилевской области в 1991 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1372.
33. Спирин, И. В. Отчёт об археологических исследованиях на Городище-2 в д. Головчин Бельничского района Могилёвской области в 2013 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 3177.
34. Справаздача Вашанава А. М. аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Бялыніцкага раёна ў 2010 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 2781.
35. Справаздача Вашанава А. М. аб археалагічных даследаваннях у Івацэвіцкім раёне Брэсцкай вобласці і Бялыніцкім раёне Магілёўскай вобласці ў 2011 годзе / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 2841.
36. Справаздача Вашанава А. М. аб археалагічных разведках на тэрыторыі Бялыніцкага раёна ў 2009 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 2696.
37. Ткачоў, М. А. Замкі і людзі / М. А. Ткачоў. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1991. – 182 с.: іл.
38. Фурсов, М. В. Курганные раскопки в пяти уездах Могилёвской губернии в 1892 году / М. В. Фурсов // Труды Девятого Археологического съезда в Вильне, 1893. – М., 1895. – Т. 1. – С. 236–245.
39. Чернявский В. М. Отчет о раскопках неолитического поселения Угольщина-II Бельничского района в 1993 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. Спр. 1480. – Спр. 1480.
40. Чернявский, В. М., Черногалов, Ю. Ф. Отчет об обследовании археологических памятников Бельничского района в 1991 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 1895.
41. Штыхов, Г. В. Отчет об исследованиях Полоцко-Витебского археологического отряда в 1969 году / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Спр. 350.

УДК 930

МАГІЛЁЎСКІ ЭКСЦЭС 1610 ГОДА

Пазднякоў В.С.

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут
дакументазнаўства і архіўнай справы»
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Анатацыя. У артыкуле асвятляюцца падзеі падчас Магілёўскага эксцэсу 1610 г., калі незадаволеныя колы гараджан імкнуліся навязаць сваю волю гарадскім органам самакіравання. У 1610 г. адбыўся суд над эксцэсантамі, пяць з іх былі пакараны смерцю. Судовыя спрэчкі, выкліканыя эксцэсам, цягнуліся прынамсі да 1615 г., калі пяць удоў пакараных смерцю гараджан рабілі спробу вярнуць сваю маёмасць, канфіскаваную судом.

Ключавыя словы. Магілёў, эксцэс 1610 г.

Summary. The article covers the events during the Mahilioŭ riots of 1610, when disgruntled groups of citizens sought to impose their will on the city's self-government bodies. In 1610, a trial was held over the rioters, five of whom were executed. Judicial debate caused by the riots lasted at least until 1615, when five widows of the executed citizens attempted to return their property confiscated by the court.

Keywords. Mahilioŭ, Mahilioŭ excess of 1610.

Ход трагічных падзей у Магілёве ў 1610 гг. вядомы толькі ў агульных рысах. У асноўным пра канфлікт паведамляюць матэрыялы судовага працэсу [2, с. 305-310]. 23 ліпеня 1610 г. адбылося пасяджэнне суда, які ўзначальваў магілёўскі вайт Яраш Валовіч (ён жа - падскарб земскі і пісар ВКЛ). Судовы працэс распачалі бурмістры Іван Тарасавіч і Ярмола Анапрэевіч са сваімі калегамі - гарадскімі радцамі і лаўнікамі мінулага году. Яны скардзіліся на цэлую групу гараджан: Івана Харкавіча, Мікіту Мількавіча, Максіма Тальбыша, Гаўрылу Іванавіча, Міхала чабатара, Лавара Міхайлавіча, Ісая Шчэнснага. Размова шла пра бунт і парушэнні паспалітага спакою ў Магілёве. У той жа дзень у Магілёве пачаліся новыя беспарадкі, білі ў зvon, нападalі на слуг Валовіча.

Войт Яраш Валовіч не стаў адразу ўнікаць у довады бакоў, а прызначыў следчую камісію для выслухоўвання ўпаўнаважаных ад бакоў. У камісію ўвайшлі: Ян Гумоўскі, Мацей Сухадольскі (лентвойт магілёўскі), Мікалай Жук (пісар войтаўскі), Яцка Канановіч (бурмістр), Павел Анапрэевіч і Кірыла Сямёнавіч (радцы магілёўскія).

Следчыя (інквізітары) даследавалі гэтую справу, склалі пісьмовую справаздачу, якую прадставілі войту. Тэкст яе да нашага часу не дайшоў. 27 ліпеня 1610 г. вайт Яраш Валовіч на судовым пасяджэнні азнаёміўся са

справаздачай. Змест справаздачы не быў выкладзены ў судовым пратколе. Указаваецца толькі, што войт пагадзіўся з яе абвінавачваннем, якое сцвярджала: «абвінавачаныя бунты строілі, паспалітага чалавека ад паслухмянасці ўраду адводзілі, забаранялі даваць раскладкі і ўрадавыя ўхвалы, чынілі пагрозы ўраду і верхавенству, званілі ў звон на гвалт супраць рады, да гвалту заклікалі і ёй словамі пагражалі, на ратушу з шумам нападзілі і дзверы да яе гвалтоўна выламалі, і гэтымі і іншымі спосабамі паспаліты пакой парушалі» [2, с. 307].

Войт на падставе нормаў магдэбургскага права, пагадзіўшыся з радай, вырашыў прысудзіць да смяротнага пакарання пяць асобаў: Івана Харкавіча, Мілюту Мількавіча, Гаўрылу Іванавіча, Міхала чабатара і Лавара Міхайлавіча. На 29 ліпеня 1610 г. была прызначана прысяга абвінаваўцаў у сваёй праваце, пасля чаго абвінавачаныя павінны былі быць абезгалоўлены, а іх маёмасць рухомая і нерухомая забраная ў скарб караля і ВКЛ. Яшчэ двум удзельнікам эксцэсу - Максіму Тальбышу і Ісаю Шчэнсному было прысуджана іншае пакаранне - 12 тыдняў турмы, лупцаванне розгамі, выгнанне з Магілёва і забарона жыць бліжэй 30 міль ад горада; сваю гарадскую маёмасць яны павінны былі распрадаць.

Пасля такога прыговору абвінавачаныя заявілі, што то, што яны рабілі, было з ведама і па рашэнні ўсяго міру, і жадалі апеляваць да караля. Валовіч адмовіў ім у праве на апеляцыю,

29 ліпеня 1610 г. абвінаваўцаў прынесці прысягу, што казалі праўду. Абвінавачаныя зноў дамагаліся апеляцыі, але Валовіч адмовіў ім, бо «рэч крывакая ідзе». Пасля была праведзена экзекуцыя.

Новыя дэталі да гэтых пазей падае яшчэ адзін дакумент са складу Метрыкі ВКЛ - пратэстацыя Я.Валовіча на магілёўскіх мяшчан, зробленая пры каралеўскім двары 30 ліпеня 1610 г. (гл. Дакумент № 1) У пратэстацыі ў агульных выказах адзначаны канфлікт з мяшчанам, войт скардзіцца ўвогуле на магілёўцаў, абвінавачвае іх ва ўсякіх злачынствах і пакідае за сабой права пачаць супраць іх судовы працэс. Зноў жа, канкрэтнага апісання эксцэсу дакумент не ўтрымлівае, але называе некаторыя новыя факты.

Імёны эксцэсантаў, якіх судзіў войт, дадзены ў наступным выглядзе: Ян Хракавіч (відавочнае памылковае напісанне замест Харкавіч), які тут названы кавалём, Міхал Рэўт (чабатар?), Мікіта Мількавіч Гескі (прозвішча чытаецца няўпэўнена), Гаўрыла Іванавіч, Лявон саленік, Максім Гаркевіч кушнер. Разам іх шэсць асобаў, што не адпавядае матэрыялам магілёўскага працэсу, бо там фігуруюць сем падсудных.

Дакумент указвае некаторыя канкрэтыку: эксцэсанты часта нападзілі на ратушу з «арматамі», збівалі месцкіх (гарадскіх) слуг і ўраднікаў; пры судовым разглядзе казак (слуга) магілёўскага войта атрымаў ад парушальнікаў спакою каменем у галаву; каб арганізаваць напад на войта, эксцэсанты бачалі біць у звон царквы святых Кузьмы і Дзямяна.

Яшчэ адзін дакумент з Метрыкі ВКЛ - пратакол разгляду судовай справы паміж удовамі пакараных эксцэсантаў і двума магілёўцамі (гл.

Дакумент № 2). Сутнасць справы заключалася ў тым, што маёмасць эксцэсантаў была канфіскаваная ў дзяржаўны скарб, але 13 снежня 1611 г. кароль Жыгімонт III загадаў вярнуць канфіскаваную маёмасць удовам (у цэлым судовы вырак ад 29 ліпеня 1610 г. быў каралём пацверджаны) [1, с. 95]. Два магілёўцы маёмасць, захопленую імі пасля суда, удовам і дзецям асуджаных не вярнулі, і ўдовы пачалі з імі судовую справу. 1 жніўня 1615 г. справа дайшла да каралеўскага суда ў Варшаве. Але ўдовы (ці іх прадстаўнікі) на суд не з'явіліся, справу яны прайгралі. Гэты казус цікавы тым, што кожная ўдава павінна была прынесці прысягу не асабіста, але на пару з мужчынам-сваяком ці сваім апекуном.

Такім чынам, судовыя спрэчкі пасля магілёўскага эксцэсу 1610 г. цягнуліся прынамсі пяць гадоў, а мо нават і болей.

Дакументы

№ 1

1610 VII 30, каралеўскі абоз пад Смаленскам.

Запіс у кнізе канцылярыі ВКЛ ад імя Жыгімонта III, караля польскага і вялікага князя літоўскага, скаргі Яраша Валовіча, падскарбія земскага і пісара ВКЛ, войта магілёўскага, на мяшчан Магілёва, якія чынілі беспарадкі.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 292. Арк. 249—250 адв. (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага, кніга судовых спраў 78).

Публікацыі. Невядомы.

Друкуецца ўпершыню на аснове копіі з Метрыкі ВКЛ.

Protestatia je(g)o m(iło)sci pana Jarosza Wołowicza, podskarbiego ziemskiego W(ielkiego) X(iąstw)a Lit(ewskiego)o, na mieszczany mohilewskie.

Zygmunt III, z Bozey laski krol polski, w(ielki) x(ią)ze.

Oznaimuiemy tem listem naszym, iz przed nami y xięgami || [249 v] cancelarij naszej oblicznie stanowszy urodzony Jan Pierszko, sługa wielmoznego Jarosza Wołowicza, podskarbiego ziemskiego y pisarza W(ielkiego) X(iąstw)a Lit(ewskiego)o, ciwuna poiurskiego, starosty opickiego, dzierzawce rudnickiego, woita mohilewskiego, obciążliwie protestował y załował się na mieszczany y pospolstwo miasta naszego Mohilewskiego o to, iz gdy w roku terazniejszym tysiąc sześćset dziesiątym przerzeczony wielmożny podskarbi y pisarz ziemski W(ielkiego) X(iąstw)a Lit(ewskiego)o s powinności urzędu swego woytowskiego tak dla wybierania burmistrza, radziec, ławnikow, iako y sądenia spraw, urzędowi iego należących, y dla obmyślania inszych potrzeb miasta tego do przerzeczonego miasta naszego Mohilewskiego ziechał y tam po odprawieniu pomienioney electey na sprawach sądowych, w ratuszu zasiadłszy, miedzy inszemi sprawami dnia dwudziestego trzeciego lipca roku wyszey pomienionego, gdy za instantią wszytkiej rady starey kazał przed sobą stanąć pewnym osobom, a mianowicie

Janowi Chrakiewiczowi kowalowi, Michałowi Reutowi, Mikicie Milkowiczowi Geskie(m)u, Hawryłowi Iwanowiczowi, Lawonowi solenikowi, Maximowi Harkiewiczowi kuszniarzowi, ktorzy obwinieni byli o to, yz miasto od kilku lat buntuiąc, ze private autoritate podatki na się s pospolstwa wybieraiąc, posłuszenstwa zadnego urzędowi nie czynią || [250] y czynić zakazuia, na ratusz z armatami nachodzą często, sługi y urzędniki mieśckie biią y szarpaia y innych niemało występkuw czynią.

W takim tedy obwinieniu, gdy oskarzeni w ratuszu in arce sprawowali się, a pospolstwa się wiele nacisnęło, tam naprzod toż pospolstwo, ktore przy tym sądzie przypatruiać y przysłuchiwaiąc się stało, kozaka wielmoznego podskarbiego kamieniem w głowę uderzywszy, inszych sług szarpać y bic poczeli. A potem z ratusza kupą y gromadą wypadszy, ieli na gwałt na samego wielmozne(g)o podskarbiego wołać y we dzwon w cerkwi s(więtych) Kuzmy y Damiana uderzyli. Y tak przez dzien cały, a nawet y w noc zupełną tumulty y sędzie kupami stroiać chodzili, jakoż y teraz tych ze tumultow y buntow co godzina to więcej miedzy niemi przybywa y pokazuie się.

O ktory tak skaradny exes y występек swowolny gotow iest pomieniony podskarbi nasz z niemi y s tym, s kim prawo drogę ukaże, w sądzie należącym czynic. Y prosił, aby ta protestatia y opowiedanie jego było do xiąг cancelarij naszej przyięte. Ktorą my przyiać y pod pieczęcią wielmoznemu Jaroszowi Wołowiczowi, podskarbie(m)u ziemskiemu y pisarzowi W(ielkiego) X(iąstw)a Lit(ewskiego)o, woitowi mohilewskiemu, wydać roskazalismy.

Pisan w obozie naszym pod Smolenskiem, dnia XXX m(ie)s(ią)ca lipca roku Panskiego MDCX, panowania krolewstw naszych polskiego dwudziestego czwartego || [250 v] dwudziestego czwartego, a szwedzkiego osmnastego roku.

Leo Sapieha, cancelarius.

Jan Sokolinski, pisarz.

Пераклад

Пратэстацыя яго міласці пана Яраша Валовіча, падскарбія земскага Вялікага Княства Літоўскага, на магілёўскіх мяшчан.

Жыгімонт III, з Божай ласкі кароль польскі, вялікі князь.

Абвяшчаем гэтым нашым лістом, што перад намі і кнігамі нашай канцылярыі стаў шляхетны Ян Першка, слуга вяльможнага Яраша Валовіча, падскарбія земскага і пісара Вялікага Княства Літоўскага, цівуна паюрскага, старасты опсаўскага, дзяржаўцы рудніцкага, войта магілёўскага, жаласліва пратэставаў і скардзіўся на мяшчан і паспольства нашага горада Магілёва пра тое, што калі ў цяперашнім 1610 годзе названы вяльможны падскарбі і пісар земскі Вялікага Княства Літоўскага з абавязку свайго войтаўскага ўраду як для абрання бурмістра, радцаў, лаўнікаў, так і для суджэння спраў, належных яго ўраду, і для абмеркавання іншых патрэб гэтага горада ў вышэйсказаны наш горад Магілёў прыехаў і там пасля адпраўлення названай элекцыі на справах судовых у ратушы засядаў, паміж іншымі справамі дня 23 ліпеня ў год вышэй названы, калі за інстанцыяй усёй старой рады загадаў стаць перад

сабой пэўным асобам, а менавіта Яну Харкавічу кавалю, Міхалу Рэўту, Мікіце Мількавічу Гескаму, Гаўрыле Іванавічу, Лявону саленіку, Максіму Гаркевічу кушніру, якія абвінавачаны былі ў тым, што горад на працягу некалькіх гадоў бунтуюць, што прыватным парадкам падаткі на сябе збіраючы, ніякага паслушэнства ўпаду не аказваюць і аказваць забараняюць, на ратушу з арматамі часта нападаюць, слуг і ўраднікаў гарадскіх б'юць і шарпаюць і іншых нямала злачынстваў робяць.

Пры такім абвінавачванні, калі абскаржаныя ў ратушы ў замку справаваліся, паспольштва вялікае націснула, там спярша тое паспольштва, якое пры тым судзе прыглядалася і прыслухвалася, казака вяльможнага падскарбія каменем у галаву ўдарыўшы, іншых слуг шарпаць і біць пачалі. А потым з ратушы купой і грамадой выйшаўшы, пачалі на гвалт на самога вяльможнага падскарбія заклікаць і ў звон царквы святых Кузьмы і Дзямяна білі. І так цэлы дзень і нават цэлую ноч беспарадкі чынілі і купамі хадзілі, як і цяпер тых жа беспарадкаў і бунтоў з кожнай гадзінай пабольшвае паміж імі і паказваецца.

Пра каторы брыдкі эксцэс і свавольнае злачынства гатоў памянёны наш падскарбі з імі і з тым, на каго права пакажа, у належным судзе чыніць. І прасіў, каб гэта яго пратэстацыя і апавяданне было ў кнігі нашай канцылярыі прынята. Якую мы загадалі прыняць і пад пячаткай вяльможнаму Ярашу Валовічу, падскарбему земскаму і пісару Вялікага Княства Літоўскага, войту магілёўскаму, выдаць.

Пісаны ў абозе нашым пад Смаленскам, дня 30 месяца ліпеня ў год Пана 1610, панавання нашага польскага 24, а шведскага 18.

№ 2

1615 VIII 1, Варшава.

Дэкрэт асэсарскага суда ад імя Жыгімонта III, караля польскага і вялікага князя літоўскага, якім магілёўскія мяшчане Павел Ахверавіч і Васіль Дашкевіч, пакліканыя ў суд пяццю ўдовамі пакараных магілёўскіх мяшчан, вызваляюцца ад абвінавачванняў у забранні рухомах рэчаў удоў.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 294. Арк. 109—110 адв. (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага, кніга судовых спраў 80).

Публікацыі. Невядомы.

Друкуецца ўпершыню на аснове копіі з Метрыкі ВКЛ.

Między pięcią wdow a Pawłem Ochwierowicem y Wasilem Daskiewiczem.

Zygmunt etc.

Oznaymuiemy etc.

Isz gdy sie do nas y sądu naszego przytoczyła sprawa przez appellatią od pewnych commis || [109 v] sarzow naszych między ucciwemi Zienową Iwanową,

Hawryłową Marią, Lubką Mikiciną, Steszą Ławrową a Mariną Michajłową, pięciu wdow po ich mężach za pewne excessy, bunty pokaranych pozostałych, powodami, a ucciwemi Pawłem Ochwierowicem y Wasilem Daskiewiczem, pozwanymi, o zabranie im rzeczy niemało ruchomych, toresmy my za decretem naszym tym wdowom ze wszytką maietnością wrocic byli nakazali.

W ktorey sprawie, gdy ten pozwany Ochwierowicz, będąc przez commissarze nasze pytany, wprzod powiedział, że on, spisawszy registr rzeczy ruchomych, oddał ten registr do pisarza mieyskiego Nicodema Topczewskiego, do czego się ten pisarz nie znał. A potym zas, odstępując tych słow swoich, powiedział, że on pospołu z Wasilem Daszkiewiczem ławnikiem, domy pieczętując, żadnych rzeczy y ruchomych tam nie zastał ani znalazł. Co także y Wasil Daszkiewicz zeznał, biorąc się do przysięgi.

Commissarze nasze, bacząc to, iż ten Ochwierowicz dwojąc rzecz swoje, w samey rzeczy || [110] czy upadł, nakazali tym pięciu wdowom kazdey samowtorey z mężczyzną powinnym albo opiekunem swoim przysiądz, iż tak wiele tych rzeczy jest zabrano przez Pawła Owchierowica y Wasila Daskiewica, iako w registrze swym mianowali. A po przysiędze na odprawę do sądu należnego, na tych obu pomienionych osobach odesłali. Od ktorego decretu pozwany do nas y sądu naszego appellowały, iako o tym extract tego actu commissarskiego, pod pieczęcia z ksiąg mieyskich mohilewskich wydany, szerzey obmawia.

Na roku tedy dzisiejszym z appellathey przypadającym, strona pozwana przez słachetnego Marcina Swiezynskiego, umocowanego swego, przed sądem naszym stanąwszy, tego roku pilnowała. A powodowa, pięć wdow, będąc po cztery kroc nad prawo przez woznego ziemskiego słachetnego Mikołaja Jabłonskiego do sądu naszego przywołane, ani same przez się, ani przez umocowanego swego nie || [110 v] stanęły.

My przez pany rady y assessory nasze, wysłuchawszy relathey woznego o przywołaniu strony powodowey uczyniony, za niestaniem iey decret przerzeczony commissarski podnosimy y cassuiemy, a pozwanych od sprawy, załoby y trudności wszelakiey strony rzeczy ruchomych wolnych czyniemy mocą tego decretu naszego.

Co dla lepszey wiary etc.

Dan w Warszawie dnia pierwszego miesiąca augusta roku Panskiego tysiąc szescset piętnastego, panowania etc.

Пераклад

Паміж пяццю ўдовамі і Паўлам Ахверавічам і Васілём Дашкевічам.

Жыгімонт і г.д.

Абвяшчаем і г.д.

Што калі да нас і нашага суда прыйшла справа па апеляцыі ад пэўных камісараў нашых паміж пачцівымі Зяновіяй Івановай, Гаўрылавай Марыяй, Любкай Мікіцінай, Сцешай Лаўровай і Марынай Міхайлавай, пяццю ўдовамі, застаўшыміся па іх мужах, за пэўныя эксцэсы, бунты пакараных, і пачцівымі Паўлам Ахверавічам і Васілём Дашкевічам, пакліканымі, пра забранне ў іх

нямала рэчаў рухомых, якія мы дэкрэтам нашым тым удовам з усёй маёмасцю вярнуць загадалі.

У якой справе, калі той пакліканы Ахверавіч, будучы нашымі камісарамі запытаны, спярша паведаміў, што ён, напісаўшы рээстр рухомых рэчаў, аддаў той рээстр гарадскому пісару Нікадэму Тапчэўскаму, што той пісар абвергнуў. А пасля, адступіўшы ад тых слоў сваіх, паведаміў, што ён разам з Васілём Дашкевічам лаўнікам, дамы запячатваючы, ніякіх рэчаў і рухомых не застаў, ані знайшоў. Што таксама Васіль Дашкевіч паведаміў, гатовы прысягнуць.

Нашы камісары, бачачы тое, што той Ахверавіч, двоячы свае паказанні, у самой рэчы заняпаў, загадалі тым пяцём удовам, кожнай сама-другой з мужчынам-сваяком або апекуном сваім прысягнуць, што столькі тых рэчаў было ўзята Паўлам Ахверавічам і Васілём Дашкевічам, колькі ў сваім рээстры паказалі. А пасля прысягі адаслалі да належнага суда для спагнання з тых названых асобаў. Ад якога дэкрэту пакліканых апелявалі да нас і нашага суда, як пра тое экстракт таго камісарскага акта, выдадзены пад пячаткай з магілёўскіх гарадскіх кніг, шырэй паведамляе.

На сесіі сённяшняй, якая адбываецца з апеляцыі, пазваная старана ў асобе шляхетнага Марціна Свяжынскага, свайго ўмацаванага, перад судом нашым стаўшы, гэтай сесіі пільнавала. А павадовая, пяць удоў, будучы па чатыры разы звыш права земскім возным шляхетным Мікалаем Яблонскім да суду нашага пакліканымі, ні самі сабой, ні праз умацаванага свайго не сталі.

Мы праз паноў рады і асэсараў нашых, выслухаўшы рэляцыю вознага пра пакліканне павадовай стараны, за яе нез'яўленне названы камісарскі дэкрэт адмяняем і скасоўваем, а пазваных ад справы, скаргі і ўсялякай цяжкасці адносна рухомых рэчаў вольнымі робім моццу гэтага нашага дэкрэта.

Што для лепшай веры і г.д.

Дадзены ў Варшаве, дня 1 месяца жніўня ў год Пана 1615, панавання і г.д.

Літаратура:

1. Беларускі архіў. – У Менску: Кошам Інстытуту беларускае культуры, 1927. – Т. 1 : (XVI-XVII ст.). – XXXII, 267 с.

2. Историко – юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1877. – Вып. 8. – 530, VII с.

УДК 377.36.61(476.4-25)

ЗАРОЖДЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ МЕЛИОРАТИВНЫХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВЩИНЫ (1894-1928 гг.)

Заремский В.К.

Учреждение образования «Могилевский государственный
медицинский колледж»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап развития мелиорации в Могилевской области. Рассматриваемая тема ограничена 1928 годом и в ней рассмотрены частная, земская и государственная инициативы в этом деле.

Ключевые слова: мелиорация, осушение, строительство каналов, гидротехника.

Annotation. The article discusses the initial stage of the development of land reclamation in the Mogilev region. The topic under consideration is limited to 1928 and considers private, zemstvo and state initiatives in this matter.

Keywords: land reclamation, drainage, construction of canals, hydraulic engineering.

Развитие человека немыслимо без водных ресурсов. Издревле человек использует любую возможность использовать воду для своей жизни и деятельности. Мелиоративные работы известны уже тысячи лет. Древний Египет, Междуречье, Древний Рим – вот места первых массовых работ по урегулированию воды. История развития мелиорации в Беларуси неразрывно связана с Полесьем. Полесье расположено в южной части Беларуси (Брестская, Гомельская, Могилевская и Минская области) и северо-западной части Украины (Волинская, Ровенская, Житомирская и Киевская области). Это огромная заболоченная площадь в виде треугольника, по углам которого находятся Могилев, Киев и Брест. Первые письменно известные попытки мелиоративной деятельности на территории современной Беларуси относятся к XVI веку. Эти работы связаны с именем Боны Сфорца.

В 1873 году на Полесье были начаты мелиоративные работы, которые продолжаются и поныне. Связаны они с именем профессионального военного, геодезиста, генерал-лейтенанта Иосифа Ипполитовича Жилинского (1834-1916), который возглавлял Западную экспедицию. За 25 лет под его руководством осушением было затронуто 2,5 млн. гектаров земли, построено 4367 верст каналов, 549 мостов, 30 шлюзов. На все это ушло 2,8 млн. рублей. Одновременно исследовались возможности пескования осушенных болот. Следствие осушительных работ стал рост лесных насаждений и лугов в Полесье. А стоимость мелиорированных земель выросла в 7 – 10 раз. Также проводились исследования по выращиванию на мелиорированных землях озимых и яровых культур, кормовых трав и овощей, «чтобы на деле показать полесскому крестьянину способы и приемы

разработки болот под пашню и огороды, хорошим примером вызвать у него охоту к перениманию». Первое упоминание о посевах на осушенном болоте на территории Беларуси относится к 1851 году: у села Дубрейка Могилевского уезда (ныне Добрейка Шкловского района) выращивалась сахарная свекла. В 1883 году И.И. Жилинским были заложены опытные посевы на низинном болоте в урочище Василевичской волости, где испытывался метод выращивания смешанной культуры с использованием навозенного минерального грунта.

Мелиоративные работы в белорусском Полесье дали еще один положительный эффект. В результате работы Западной экспедиции в Беларуси оздоровился климат, утратили эпидемический характер болезни, практически исчез свойственный данной местности «каўтун».

Работы под руководством Жилинского были высоко оценены руководством Российской империи, их распространили на другие регионы государства и им придали организованный характер. В 1894 году при Министерстве земледелия и государственных имуществ, был создан Отдел земельных улучшений (далее - ОЗУ), который стал первым государственным учреждением по мелиорации в Российской империи. Понятие "мелиорация" в качестве синонима «земельных улучшений» в науке и практике утвердилось несколько позднее. В ведение отдела находились орошение и обводнение земель, осушение болот и добыча торфа, гидротехнические и противоэрозионные работы, регулирование рек, строительство водозаборных скважин и другие виды мелиораций, выполнявшихся за счет государственных средств, а также управление водохозяйственными организациями на местах. Первыми руководителями этого отдела стали генерал И. П. Жилинский и князь В. И. Масальский. В 1902 г. был принят первый в России мелиоративный закон - "Правило об устройстве канав и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных целей". В 1913 г. были подготовлены и приняты Государственной Думой постановление о включении мелиораций в число важнейших направлений деятельности государства, проекты законов о мелиоративных товариществах (кооперативах крестьян для совместного проведения мелиоративных работ) и об утверждении уездных организаций ОЗУ.

Отделу подчинялись местные структуры. Могилевщина вошла в состав Могилевско-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ (то есть оно управляла работами в двух губерниях). Управление располагалось в Могилеве на Днепровском проспекте в доме Ш. Ханина и в нем работали 15 специалистов. Возглавлял его выпускник земледельческой и лесной академии действительный статский советник В. А. Розанов [1; с. 36-37]. В 1910-е годы нем работали инженеры-гидротехники В. В. Шпаковский, В. Ф. Богданович, Садовский, Скугарь, К. Ф. Тесман и другие [2; л. 1, 15]. Основные работы по мелиорации проводились в Сенненском и Быховском уездах. Однако в течение 1910 года были разработаны 58 проектов по

проведению мелиоративных работ на 198 объектах, и к началу Первой Мировой войны по всем им провели изыскания [2; л. 2 об, 3, 38-42 об, 83, 84]. Масштабные работы по этим проектам будут проводиться уже в советское время. Могилевское управление располагало не только хорошими специалистами, но и большой специализированной библиотекой (586 книг) и необходимым набором инструментов, оборудования и механизмов. В том числе: нивелирами Роде, Герляха, фирмы Септер; гониометрами; рейками: раскладными на три части, раздвижными, вытяжными; метеоинструментами; полевой для воды лабораторией в деревянном ящике, буром фирмы Воислава лит. Б и другими. Имелись модели Капра, автоматических шлюзов, брусковых запруд, бетонных колодцев, буровых скважин на досках [2; л. 16, 17].

Создание земства Могилевской губернии в 1912 году позволило расширить работы по мелиорации. 13 июня 1914 года при Могилевской губернской земской управе создали культур-гидротехническую комиссию [3; № 1-2, с. 24] и Могилевское земское показательное поле (руководитель Каптелев). Первоочередной задачей поставили осушение болот, для чего создали еще и Болотную комиссию [3; № 10, с. 20-22]. В Земстве за гидротехнические работы отвечал Н. Г. Гортынский, а непосредственно руководил ими инженер-гидротехник А. Я. Ветров, в подчинении которого трудились гидротехники Гончаров, Крейер, «специалист по кормодобыванию» А. П. Черный, специалист по культуре болот и луговодству А. А. Шумер и другие специалисты [2; л. 8, 8 об]. В 1914 году ряд специалистов был направлен непосредственно в уезды: в Быховский, Климовичский (до 10 июля) , Могилевский и Сенненский техник В. А. Садовский с помощником Д. А. Вороновым; в Гомельский и Рогачевский уезды техник Н. В. Пеляшенко с помощником В. М. Маслаковым; в Климовичский (с 10 июля) и Рогачевский А. Ф. Шебеко с помощником К. Д. Боченковым и в Быховский, Могилевский, Оршанский и Чериковский техник Н. И. Лукашенко с помощником Н. Е. Ходосовым [3; № 10, с. 23-24]. Годовое жалование в 1914 году составляло: инженера-гидротехника 3000 рублей в год, старшего техника 1800 руб., торфмейстера 2400 руб. и так далее. Работникам выплачивали и столовые деньги [4; с. 5, 10, 11].

Одним их важных решений болотной комиссии стало определение важности торфоразработок. «Быстро идущее вперед истребление лесов, в связи со все возрастающим вывозом лесных материалов за пределы губернии, ведет к непомерному вздорожанию дровяного топлива в то время, как тут же рядом втуне лежат колоссальные залежи торфа, совершенно не эксплуатируемого..., - подчеркивал в своем отчете А. Ветров. - ...Разработка торфа в самом близком будущем могла бы много дать не только для удовлетворения местных нужд, но и приобрести крупное местное значение» [3; № 1-2, с. 39]. Широкомасштабные работы по использованию торфа развернутся только во второй половине XX века.

Первая Мировая войны не только остановила мелиоративные работы в Беларуси, но в военных целях в Полесье провели заболачивание, чтобы затруднить передвижение войск противника. Война изменит жизнь и могилевских мелиораторов. А. Я. Ветров возглавит Гидротехническую организацию отдела земельных улучшений для потребностей Западного фронта, главной задачей которого на Могилевщине станет обеспечение водой действующей армии и населения. Только в Могилеве будут построены шесть колодцев в 1915 и 17 колодцев в 1917 годах [5; с. 67, 68]. На фронтах Первой Мировой войны сражались гидротехники: Быховского и Рогачевского уездов П. М. Апалько, Горецкого и Оршанского В. Ф. Карягин, помощник гидротехника культурно-гидротехнического бюро И. Ф. Шебеко, надсмотрщик Я. И. Михайлов, сезонный работник-мелиоратор мстиславец А. П. Козловский и другие [6; л. 8, 10, 20, 21, 50 и др.].

Советское правительство возродило мелиоративные работы уже в первый год своего существования. В мае 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и это стало началом советского мелиоративного строительства. Большое значение мелиорации крестьянских земель отмечено в резолюции 8-го съезда партии по отчетному докладу В. И. Ленина в 1919 году и в плане ГОЭЛРО в декабре 1920 году. В плане электрификации России - ГОЭЛРО имелся специальный раздел «Мелиорация и электрификация», подготовленный профессорами А. М. Дмитриевым и А. Н. Костяковым. Важное значение для мелиорации земель имело апрельское постановление Совета Труда и Оборона СССР «О борьбе с засухой» (1924).

Надо отметить и такие факты в истории могилевских мелиораторов первых послереволюционных лет.

С марта по октябрь 1918 года большая часть Могилевщины находилась в оккупированной германскими войсками зоне. Линия разграничения проходила по реке Днепр. Советские губернские власти переехала в Мстиславль. В оккупированной части губернии мелиорация германскими властями не проводилась. Большая часть работников ОЗУ и имущество отдела остались в Могилеве. И остались без работы и без средств к существованию. Сохранилось архивное дело с просьбами гидротехников о трудоустройстве их в неоккупированной части Могилевщины. Благодаря этому нам известны имена работников гидроотдела П. М. Апалько, Г. Ф. Ермолаева, К. Е. Задирко, В. Ф. Карягина, А. А. Кирсона, А. П. Козловского, Н. О. Лукашенко, Я. М. Михайлова, С. М. Мошковского, К. М. Подгайского, И. Ф. Шебеко [6; л. 1, 2, 4, 5, 7, 6, 10 и др.]. Имущество сохранилась и в его сохранении большую роль исполнил Н. О. Лукашенко. В период оккупации он проживал в Луполово, на советской территории. Ему стало известно, что инженер-гидротехник Садовский распродает имущество ОЗУ. Это имущество привлекло внимание и германских властей. Лукашенко подобрал верных помощников и вместе с ними ночью перепрятали архив, библиотеку и имущество в полуразрушенный сарай, где их германцы не нашли, и

организовал охрану имущества. Оккупантами были вывезены только 50 теодолитов [7; л. 9]. Садовский же сбежал на Украину. После восстановления Советской власти Лукашенко передал сохраненные ценности советским властям и это позволило полноценно организовать мелиоративные работы уже в 1919 году. Сам Лукашенко трудился Чериковским уездным гидротехником [6; л. 1, 2, 4]. В советской части Могилевской губернии мелиоративные работы также сократились до минимума. Как констатируют документы «заявок на осушение и водоснабжение с деревень и хуторов не поступило, за исключением Кричевской волости» [7; л. 9, 20]. Вместе с тем для сохранения кадров и важности подобных работ в будущем 5 сентября 1918 года в Мстиславле был проведен губернский съезд гидротехников [7; л. 25]. Из всех видов мелиоративных работ в этом году власти могли оказать помощь лишь в осушении болот открытыми каналами и «по строительству буровых и бетонных колодцев в целях водоснабжения для нужд агрономического, санитарного и противопожарного характера» [7; л. 6, 6 об].

Мелиоративное строительство на Могилевщине в период после октября 1917 года развивалось на базе материалов и с использованием проектов, разработанных дореволюционными специалистами ОЗУ. Этот отдел, просуществовавший полгода и в советское время, проделал огромную работу по пропаганде и научному обоснованию комплексных мелиораций, а также в области мелиоративных изысканий и разработки проектов, многие из осуществлялись уже в годы Советской власти после прекращения работы отдела. По словам Наркома земледелия БССР Д. Ф. Прищепова вплоть до 1922 года «советской властью мало что сделано в этом отношении, потому что не было средств. Производился ремонт каналов». Основная нагрузка по мелиорации легла на мелиоративные товарищества, которые создавали крестьяне на свои средства, и они же своими силами осуществляли необходимые работы. О понимании крестьянами важности этой работы свидетельствует тот факт, что к 1922 году в БССР работало уже 234 таких товарищества. С 1922 года Наркомзем БССР приступил к большим мелиоративным работам по разработанному десятилетнему плану, согласно которому подлежало мелиорированию 250 000 десятин и такой план уже требовал новых подходов в его решении. Одним из первых результатов запланированных работ, начатых в 1923 году, стало строительство в этом году по просьбе крестьян деревни Прибор Быховской волости и на государственные деньги в пойме реки Ухлясть канала имени 6-летия Октябрьской революции [8; л. 119]. Большой популярностью у крестьян пользовалось и Глуское мелиоративное товарищество, о чем рассказывают архивные документы [9; с. 190].

В марте 1924 года в результате первого укрупнения Могилевщина вошла в состав Белорусской ССР и вопросы мелиорации в ней отныне решали только белорусские власти. Летом этого года проведенные мелиоративные работы в Бельничском и Чаусском районах вошли в

трудовую историю белорусской земли. Символом новых изменений стал результат работы двух мелиоративных товариществ.

В период с 1 июня по 27 июля 1924 года силами крестьян 26 деревень, объединенных в 18 мелиоративных обществ проведены осушительные работы по реке Сметанке притоку реки Вабич. Главный канал длиной около девяти километров получил имя В. И. Ленина. Всего крестьянами вручную вырыт основной и 138 боковых каналов общей длиной почти 40 километров. На торжествах по завершению работ в деревне Васильки присутствовал председатель ЦИК Белорусской ССР А. Г. Червяков. Этим же летом крестьяне мелиоративного общества деревни Астрени Чаусского района в бассейне реки Друть построили канал имени А. Г. Червякова. 19 декабря 1924 года ЦИК БССР по ходатайству Могилевского окружного комитета КП(б)Б принял решения о награждении мелиоративных товариществ Васильки и Астрени только что утвержденным орденом Трудового Красного Знамени БССР за № 1 и № 2.

Мелиоративные работы организовывали и отвечали за их результат райгидротехники. В 1920-е годы, как и до революции каждый из них обслуживал два района и подчинялись они Могилевскому окружному гидротехнику. В Могилевском округе им был Ф. Г. Колодкин [8; л. 163]. В Калининском округе – Б. И. Кашо-Згерский [8; л. 119]. В 1927 году в мелиоративных товариществах Могилевского округа имелось два трактора, 18 луговых борон, 23 катка, 19 болотных плугов, 30 дисковых борон и другое имущество [8; л. 108]. В годы первой пятилетки должность райгидротехника ввели в каждом районе. Непосредственно работы вели сами крестьяне, выступившие с инициативой о проведении мелиоративных работ. Так как требовалось много рабочей силы и материальных средств на такие работы, то создавались мелиоративные товарищества крестьянами нескольких деревень. Райгидротехник следил за ходом работ. Акт приёмки вместе с ним подписывали председатель сельсовета и руководитель товарищества. С образованием колхозов (совхозов) последнего заменил председатель колхоза (совхоза) [10; л. 10, 11, 12 и др.]. В 1920-е годы результатами мелиоративных работ крестьяне пользовались по своему усмотрению. По мере завершения коллективизации на таких землях, чаще всего, стали создавать новые совхозы.

В 1920-е годы мелиоративные проводились как за государственный счет, так и на деньги населения. Новые магистральные каналы, строительство которых было не под силу населению, прокладывали за счет государства в водосборах урегулируемых рек. Осушительные работы требовалось проводить силами крестьянских обществ [8; л. 503]. Как правило, работы планировались на один сезон. Если объем работ был большим – то на два сезона, и крестьяне стремились сделать их как можно быстрее.

Мелиоративные товарищества, в основном, проводили работы по осушению болот. Но к концу 1920-х годов товарищества справлялись и с более сложными задачами. «Самім насельніцтвам», как отмечает документ были созданы каналы имени В. И. Ленина и А. Г. Червякова, соответственно

[8; 522, 522 об]. Благодаря этим работам за первое десятилетие советской власти на Могилевщине в сельхозоборот были введены 160645,0 га земли. Для повышения квалификации низовых работников в 1928 году организовали и провели 3-месячные курсы десятников для членов-активистов мелиоративных товариществ и курсы трактористов. На каждого, за государственный счет с отрывом от производства, прошли обучение по 30 человек [8; л. 515, 520].

Объем работа выполненный мелиоративными товариществами [8; л. 522]

Года	Длинна каналов (км)	Площадь осушенных болот (га)
1923	4	1582,0
1924	37	32445,0
1925	57	44914,0
1926	63,5	39619,0
1927	106,83	42086,0

Таким образом, в первой четверти XX века, несмотря на тяготы Первой Мировой войны, были заложены основы и проведены первые успешные современные мелиоративные работы. По мере роста объемов работ уменьшалось количество выделенных средств крестьянами, и наоборот, росли государственные средства. В результате чего мелиорация стала одним главных способов развития социалистического хозяйства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Памятная книжка Могилевской губернии на 1895 год. – Могилев, 1895;
2. Копия инструкции Наркозема по учету земель // ГАМог. – Ф. 79. Оп. 1. Д. 7;
3. Вестник Могилевского земства. – 1914;
4. Ветров, А. Я. Земские гидротехнические работы в Могилевской губернии в 1914 году. Отчет. – Могилев: Тип. Подземского, 1914. – С. 34 с.;
5. Заремский, В.К. Могилевскому водопроводу 140 лет : Жизни основа /В.К. Заремский. – Могилев: АмелияПринт, 2018. – 374 с.;
6. Заявления граждан // ГАМог. – Ф. 79. Оп. 1. Д. 12;
7. Переписка гидротехника // ГАМог. – Ф. 79. Оп. 1. Д. 10;
8. Отчет о болотоосушительных работах в Могилевском округе за 1928 год // ГАМог. – Ф. 338. Оп. 1. Д. 54;
9. Память. Глусский район – С. 190;
10. Постановления СНК БССР о ходе выполнения мелиоративных работ и планы мелиорации колхозов // ГАМог. – Ф. 84. Оп. 1. Д. 61;

ПОЛОЖЕНИЕ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МОГИЛЁВЕ В ФЕВРАЛЕ-СЕНТЯБРЕ 1917
ГОДА

Орос Н.И.

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
(г. Липецк, Россия)

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Петришина И.Д.

Аннотация. статья посвящена изучению роли Ставки Верховного главнокомандующего в Могилёве в период с Февральской революции по начало осени 1917 г. Рассматривается история взаимоотношений Ставки с Временным правительством, Петроградским Советом, а также её взаимодействие с командным составом армии. Особое внимание уделено анализу преобразования Ставки в центр притяжения различных политических сил в условиях кризиса 1917 г.

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего, Могилёв, разложение армии, политическая нестабильность, Временное правительство, летнее наступление, выступление Корнилова.

Summary: The article is devoted to the study of the role of the Stavka of the Supreme Commander in Mogilev in the period from the February Revolution to the early autumn of 1917. The history of relations between the Stavka and the Provisional Government, the Petrograd Soviet, as well as its interaction with the command staff of the army is considered. Particular attention is paid to the analysis of the transformation of the Stavka into a centre of attraction for various political forces in the crisis of 1917.

Keywords: Stavka of the Supreme Commander, Mogilev, decay of the army, political instability, Provisional Government, summer offensive, Kornilov putsch.

1917 г. – трагичный, кровавый и бесспорно переломный год в Отечественной истории. Шаткая власть Временного правительства, пришедшая на смену свергнутой в результате Февральской революции монархии, раз за разом вынуждена, была принимать на себя удары судьбы и проходить сквозь тяжёлые испытания: это и продолжавшаяся мировая война, и экономический кризис с нарастающим по всей стране политическим хаосом. В рамках этих обстоятельств Могилёв, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, под командованием которой находилась одна из великих армий Европы – становится одним из центров притяжений внимания участников политической игры того времени. Будучи ключевой точкой в выстраивании взаимоотношений между властью и армией, деятельность Ставки в Могилёве представляет собой важнейший пункт для исследования и понимания всей сложности и особенности политической

нестабильности 1917 г., ведь самым губительным для России станет именно развал армии [10, с.152].

После событий Февраля высшему командованию в Могилёве пришлось адаптироваться к новым реалиям. Учитывая тот факт, что армия превращалась в мощный резонатор общественных движений ещё в середине Первой мировой войны, командованию в хаотичном 1917 г. необходимо было с хирургической точностью разрешать возникающие на фронте задачи [3, с.429]. Особенно сложным это видится с учётом фактора, на который указывает А.И. Деникин в своих воспоминаниях: «Ставка вообще не пользовалась расположением. В кругах революционной демократии её считали гнездом контрреволюции, хотя она решительно ничем не оправдывала это название...» [5, с.84]. Важно отметить, что Ставка ВГК своей единственно верной целью видела сохранение боеспособности армии и стремление к успешному ведению борьбы на фронтах Первой мировой войны. Именно решение необходимых для этого задач занимало армейское руководство больше всего, что в конечном счёте приводило к нарастанию напряжённости и прямым конфликтам с Временным правительством, которое в свою очередь преследовало идею всё большего контроля над армией и развития её самосознания.

Одним из камней преткновения между Ставкой и властью, безусловно, стал «Приказ №1». Его издание Петроградским Советом Рабочих и Солдатских депутатов привело к, фактически, одномоментному разложению, вполне боеспособной на тот момент, армии. Тщетные попытки высшего командования отменить действие приказа ни к чему не привели, для восстановления порядка необходимы были жёсткие меры, пойти на которые Временное правительство не решалось. «Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно и определённо шли к намеченной цели. Временное правительство, в правой его части, наоборот, всё время явно избегало решительных действий и слов, искало «компромисса» и подыгрывало под «революционную демократию»...» - такую точную характеристику даёт сложившейся ситуации в своих мемуарах генерал П.Н. Врангель [2, с.35]. Демократизация армии и попытки балансировать между интересами Ставки и Петросвета оказывались безуспешными и, в конечном счёте, приводили лишь к увеличению пропасти между офицерством и солдатами, а также ослаблению самой центральной власти. Не стоит забывать и про негативное влияние пропаганды на уставших от войны русских солдат, которые, по большей части, были наспех обученными выходцами из крестьянской среды, и которые становились лёгкой добычей немецких и большевистских махинаций на фронте [9, с.181]. Стремление Временного правительства сгладить нарастающее недовольство в военных кругах отлично отражает смена лиц, занимавших пост Верховного главнокомандующего. Например, смещение с поста М. В. Алексева и назначение в мае 1917 г. на эту должность, пользовавшегося колоссальной популярностью среди солдат генерала А.А. Брусилова – есть ничто иное как,

отчасти, наивная попытка оживления армии и поднятия её боевого духа, так как на тот момент боеспособность полностью перестала существовать [1, с.283]. Но результат предпринятых мер вскоре померк на фоне окончательно деморализовавшего армию и ещё сильнее усугубившего политический кризис катастрофического провала «летнего наступления». Череда этих, поистине, дискредитирующих власть Временного правительства и командующего фронтом эпизодов, породили идеи об установлении в стране диктатуры для наведения порядка и «реанимации» боеспособности армии. Неудивительным кажется и то, что судьба избрала на роль лидера движения за установление твёрдой власти человека именно из числа членов высшего командования.

Губернский город Могилёв – небольшой, тихий – стал средоточием военной жизни страны [5, с.96]. Расположение же в нём Ставки, поодаль от столичных революционных потрясений, способствовало притяжению к ней оппозиционных, по отношению к Временному правительству, сил, выступавших с консервативных позиций. Офицеры, не оставлявшие веры в сильную центральную власть и необходимость иерархического подчинения в армии, окончательно разочаровывались в, проводимых правительством, мерах по «демократизации армии» находили сторонников в лице формировавшихся групп и организаций тех, кто видел в армии единственную и последнюю реальную силу, которая способна побороть хаос в стране. Здесь важно отметить, что для высшего командования главной задачей было установление порядка в обществе и армии, а не борьба с революционными завоеваниями Февраля 1917 г., как это воспринималось Советом и Исполнительным комитетом [4, с.6].

Поистине, переломным моментом стало назначение Верховным главнокомандующим Л.Г. Корнилова – человека волевого и решительного, чьё вступление в должность сопровождалось ликованием со стороны большинства представителей офицерства и командования, а некоторые министры видели в нём фигуру способную, наконец, должным образом организовать армию [7, с.69]. Корнилову в кратчайшие сроки удаётся, казалось бы, вернуть утраченную дисциплину и боеспособность на фронте. Действуя радикальными методами, минимизировав деятельность солдатских комитетов, а иногда вовсе их игнорируя, Корнилов раз за разом доказывал эффективность такого подхода и его спасительный для армии и всей России эффект – в правильности этого направления он был убеждён. Однако, трения между правительством, которое стремилось установить среди солдат «дисциплину разума и совести» и Ставкой при руководстве Л.Г. Корнилова со временем лишь усиливались [8, с.3]. Временное правительство, дискредитирующее свою власть ранее и находящееся под давлением со стороны Петросовета, не допустит законного претворения в жизнь большинства идей главнокомандующего, что в конечном счёте приведёт к прямому конфликту между «корниловцами» и властью уже в августе 1917 г. Провал движения Корнилова привёл к окончательному падению авторитета

правительства Керенского, напротив, укрепив позиции большевиков. Развал же армии возобновился с новой силой, командный состав ощущал себя всё более подавленно [6, с.149].

Таким образом, проследив за деятельностью Ставки Верховного главнокомандующего в Могилёве, мы видим, что в небольшой период с февраля по сентябрь 1917 г. губернский город стал одним из важнейших политических центров страны, в котором принимались исторические, по своей сути, решения. Метаморфоза Ставки от аполитичного оплота стабильности к флагману консервативной борьбы – отражает всю глубину и силу катастрофического кризиса, охватившего российское общество того времени. Рассматривая роль Ставки в ходе событий 1917 г., мы имеем возможность лучше понять причины будущего Октябрьского переворота и разгоревшейся, в последствии, Гражданской войны в России.

Литература:

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары / А. А. Брусилов. – Минск: Харвест, 2003. – 432 с.
2. Врангель, П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916 – 1920 / Биографические справки С. В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 783 с.
3. Головин, Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М.: Вече, 2014. – 544 с.
4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. / А. И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 400 с.
5. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. / А. И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 464 с.
6. Какурин, Н. Е. Разложение армии в 1917 году / Н. Е. Какурин. – М., Л.: Гос. изд-во, 1925. – 190 с.
7. Керенский, А. Ф. Дело Корнилова / А. Ф. Керенский. – М.: Типография Т-ва Печатного и Издательского Дела "Задруга", 1918. – 194 с.
8. Керенский, А. Ф. Об армии и войне / А. Ф. Керенский. – Пг.: Народная воля, 1917. – 16 с.
9. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. / Керенский А. Ф. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
10. Шарков, А. В. Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны в событиях и лицах / А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. – Минск: Звезда, 2017. – 256 с.

УДК 355.483(476.4)«1919/1920»

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ЗМЭНЫ НА АКУПІРАВАНАЙ
ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–
1921 ГГ. НА ПРЫКЛАДЗЕ БАБРУЙШЧЫНЫ

Капліеў А. А.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Аннотацыя. Артыкул раскрывае асаблівасці акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі падчас польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. на прыкладзе Бабруйшчыны. Паказаныя падыходы польскіх уладаў да адміністравання на захопленай тэрыторыі, асаблівасці фінансавай і сацыяльнай палітыкі.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна, акупацыя, польскія ўлады, Бабруйск.

The article reveals the features of the occupation policy on the territory of Belarus during the Polish-Soviet war of 1919–1921 using the example of Bobrujsk region. The approaches of the Polish authorities to administration in the occupied territory, the specifics of financial and social policy are shown.

Keywords: Polish-Soviet war, occupation, Polish authorities, Bobruisk.

Пры навуковым вывучэнні польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. як для беларускай, так і замежнай гістарыяграфіі ўласцівае нераўнамернае рэгіянальнае асвятленне падзей на акупіраваных беларускіх землях. Так, адносна падрабязна ахарактарызавана акупацыйная палітыка на тэрыторыі, якая па Рыжскай дамоў 1921 г. увайшла ў склад міжваеннай Польшчы (будучая Заходняя Беларусь), у той час як у 1919–1920 гг. пад акупацыяй апынулася і значная частка зямель на ўсход ад Мінска, якія па выніках баявых дзеянняў засталіся ў складзе Савецкай Беларусі, аднак іх становішча ў рамках акупацыйнага Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель (ГУУЗ) вывучана ў значна меншай ступені [8, с. 66–68]. Дадзены артыкул мае на мэце ахарактарызаваць сацыяльна-эканамічныя змены на беларускіх землях, што былі звязаныя ўсталяваннем польскага акупацыйнага рэжыму, на прыкладзе Бабруйшчыны.

Улетку 1919 г. пагаршэнне стратэгічнага становішча Чырвонай Арміі на франтах польска-савецкай вайны прывяло да акупацыі значнай часткі тэрыторыі Беларусі, у тым ліку Бабруйшчыны. У выніку захоплены палякамі 28 жніўня 1919 г. Бабруйск і прылеглы павет да восені ўвайшлі ў склад Мінскай акругі польскага Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель [27, с. 66].

Усталяванне акупацыйнага рэжыму было звязана са станаўленнем новых органаў улады – грамадзянскіх і ваенных. Грамадзянская ўлада была прадстаўлена магістратам Бабруйска, а ваенная – камендантам горада. У кампетэнцыі магістрата ўвайшло рэгуляванне гаспадарча-побытавых,

камерцыйных, культурных і іншых аспектаў жыцця горада, а пад кантролем каменданта заставаліся найбольш важныя з пункту гледжання акупацыйных уладаў пытанні ваеннага характару, каменданцкай гадзіны, пошуку і пакарання злачынцаў, барацьбы з эпідэміямі [28, с. 1]. Аднак у рэчаіснасці сферы адказнасці ўмоўных грамадзянскай і ваеннай галін польскай улады на акупаваных тэрыторыях нярэдка перасякаліся. Напрыклад, у сферу адказнасці каменданта ўваходзіла аднаўленне інфраструктуры падвойнага прызначэння, перш за ўсё дарог. У прыватнасці адно з першых распараджэнняў каменданта Бабруйска тычылася аднаўлення тратуараў у горадзе, што было ўскладзена на домаўладальнікаў. Выкананне ж загаду кантралявалася магістратам: ухіленне ад выканання ўказа каменданта цягнула за сабой штраф у 10 тыс. рублёў або да 6 месяцаў арышту [24, с. 2].

Перыяд усталявання польскага акупацыйнага рэжыму ў Беларусі характарызаваўся перадусім імкненнем дэмантаваць сістэму ўлады бальшавікоў. У грамадска-палітычным сэнсе пры акупацыйнай адміністрацыі ўзялі верх тэндэнцыі да аднаўлення дарэвалюцыйных парадкаў паралельна са спробамі ўкаранення польскай палітычнай, ідэалагічнай, культурнай, моўнай кампаненты ў розныя сферы жыцця рэгіёну. Так, у межах насаджэння «польскасці» ў Бабруйску хутка з'явіліся новыя назвы вуліц: Вялікапольская, Пілсудскага, Пазнаньская і інш. Мясцовае насельніцтва заклікалася да ўдзелу ў дабрачынных зборах на карысць Войска Польскага, у друку сталі рэгулярнымі паведамленні аб правядзенні «спектакляў на карысць польскага жаўнера», даход ад квіткоў на якія ішлі на забеспячэнне войска. У прэсе старанна рэкламаваўся прыезд польскіх артыстаў і калектываў, спектакляў франтавых тэатраў. Спробы паступовага ўкаранення польскай мовы ў дакументаабарот, эканамічнае і культурнае жыццё выклікалі значныя цяжкасці, абумоўленыя яе слабым валоданнем пераважанай большасцю насельніцтва, што паказвае ўзросшая папулярнасць паслуг разнастайных бюро перакладу [10, с. 2; 11, с. 2].

Вялікую ўвагу польскія ўлады надавалі і грашова-крэдытнай палітыцы. Так, з абарачэння канфіскоўваліся савецкія грошы, а разлікі прадпісвалася вырабляць у польскіх марках, афіцыйна прыраўнаваных па курсе да дарэвалюцыйнага «царскага» рубля, што было значным завышэннем рэальнага кошту польскіх грошай (усе валюты новых краін, утвораных на абломках Расійскай імперыі, у тым ліку савецкая, шанаваліся значна менш «царскіх» рублёў нават праз тры гады пасля падзення манархіі). Пры гэтым польскія ўлады ведалі пра нярыначны характар устаноўленага курсу і яго адрозненні ад рэальнага, таму ўвялі адказнасць за парушэнні абвешчанага парадку абмену валют у выглядзе штрафу ў 30 тыс. руб. або турэмнага зняволення да 6 месяцаў [15, с. 2]. У маштабах усёй польскай дзяржавы праблема ўмацавання курсу польскай маркі вырашалася радыкальнымі метадамі: у насельніцтва ў прымусовым парадку выкуплялася золата і срэбра з 20% дыскамтам ад рэальнага кошту для папаўнення золатавалютных рэзерваў краіны [16, с. 1].

У той жа час эканамічная сітуацыя на акупіраванай тэрыторыі працягвала пагаршацца. Так, прыкметнай з'явай стаў рост коштаў, перш за ўсё на паліва і ежу, у выніку чаго ўжо ў кастрычніку 1919 г. загадам каменданта Бабруйска ў мэтах эканоміі была ўведзена забарона на выкарыстанне электрычнасці ў прыватных дамах пасля 23:00, а выключэнне рабілася для кватэр, дзе пражывалі польскія вайскоўцы, дзяржаўных устаноў, шпіталей і аптэк, якія мелі права карыстання электрычнасцю да паўночы [29, с. 1]. У канцы кастрычніка цэны на электрычнасць адчувальна выраслі да 1,5–1,75 руб. за ват у месяц, што рабіла электрычнасць «прадметам раскошы» для гараджан [12, с. 2]. Насельніцтва было не ў стане нават ацяпляць уласнае жыллё ва ўмовах зімы, што хутка насоўвалася: ужо ў пачатку акупацыі паведамлялася аб масавых крадзяжах драўляных тарцовых маставых, якія выкарыстоўваліся насельніцтвам для ацяплення [21, с. 1].

Аб маштабах росту коштаў на акупіраваных тэрыторыях сведчыць рашэнне польскіх уладаў даручыць старостам Усходніх зямель выплаціць усім дзяржаўным чыноўнікам «чатырнаццаце жалаванне» (дадатковую зарплату за 2 месяцы) з-за дарагавізны. Пазней, у пачатку 1920 г., з той жа прычыны зарплату чыноўнікам былі зноў павышаны [9, с. 2; 26, с. 2]. Аднак дадзеныя захады распаўсюджваліся толькі на абмежаваную колькасць насельніцтва, між тым як рост коштаў закранаў усіх грамадзян. Сітуацыя пагаршалася і поўнай адсутнасцю сродкаў у мясцовых акупацыйных уладаў: так, кіраўнік Мінскай акругі ГУУЗ у канцы снежня 1919 г. звярнуўся да Генеральнага камісара Усходніх зямель з запытам тэрмінова накіраваць 1 млн польскіх марак для ўплаты жалавання настаўнікам гарадскіх школ жалавання з-за «...цяжкага матэрыяльнага становішча, у якім апынуліся настаўнікі» [6, с. 2].

Адным з маркёраў пагаршэння сітуацыі стаў пераход з грашовых да таварных зносін у рэальным сектары эканоміцы. Ва ўмовах вайны сувязь вёскі і горада паступова распалася, бо замест грошай, што імкліва гублялі рэальную вагу, сяляне патрабавалі разліку за прадукты прамысловымі таварамі, якіх з-за разбурэння прамысловасці не хапала, што прыводзіла да недахопу прадуктаў у гарадах і амаль поўнаму прыпыненню паставак прамысловай прадукцыі на вёску [14, с. 2]. У сувязі з гэтым побытавыя і харчовыя звычкі насельніцтва дэградавалі, што прыводзіла да пагаршэння санітарнага стану. Так, з-за заняпаду прамысловасці ў гарадах сяляне замянялі якасныя вырабы сурагатамі: замест мыла людзі мылі бялізну пяском, агонь здабываўся з дапамогай крэсіва і крэменю, самавары замяняліся гаршкімі, шкло замянялася бычынай бурбалкай, а нярэдка разбітыя вокны проста забіваліся. Замест гарбаты сяляне ўжывалі бруснічны ліст, пялёсткі шыпшынікі, сушаную моркву, замест цукру выкарыстоўвалі мёд і цукровую жыжку з бульбянога крухмалу [7, с. 2].

Ужо ў кастрычніку 1919 г. адзначаліся цяжкасці з падвозам харчавання ў акупіраваны Бабруйск, а ў цэлым па Мінскай акрузе адзначаўся недахоп нават цукру і солі [18, с. 2; 23, с. 2]. У сувязі з дэфіцытам кошт прадуктаў

харчавання рэзка павышаўся, што рабіла іх маладаступнымі для значнай колькасці насельніцтва [5, с. 2]. Ужо ў кастрычніку 1919 г. планавалася ўвядзенне размеркавання хлеба ў Мінску па карткам па цане 1,6 руб. за фунт. З 1920 г. уводзілася карткавая сістэма размеркавання харчавання [19, с. 1; 20, с. 2].

У гэтых умовах значную ролю ў харчаванні гарадскога насельніцтва адыгрывалі дабрачынныя ўстановы, якія разгортвалі танныя сталовыя, раздачу ежы і інш., аднак з цягам часу фінансавы крызіс звужаў і іх магчымасці па дапамозе насельніцтву: напрыклад, утрыманне таннай сталовай для яўрэйскай абшчыны ў Бабруйску каштавала 100 тыс. польскіх марак, што ва ўмовах нізкіх датацый з месцаў не пакрывала нават дапамога амерыканскага камітэта з-за мяжы [4, с. 2].

У той жа час прывілеяваныя прадстаўнікі польскай адміністрацыі, а перадусім – вайскоўцы, – не падзялялі адзначаныя цяжкасці с большасцю насельніцтва. Так, ва ўмовах кватаравання значнай колькасці афіцэраў бабруйскія рэстараны, недаступныя пераважнай колькасці насельніцтва, карысталіся папулярнасцю ў палякаў. Для задавальнення запытаў патрабавальнай публікі рэстаран «Еўропа» А. Зельдовіча арганізаваў нават выступленні аркестра з выкананнем бальнай музыкі падчас абедару і вячэр [22, с. 1].

Дэмантаж савецкай сістэмы назіраўся і ў сацыяльнай сферы, напрыклад, у падыходах да медыцынскага абслугоўвання насельніцтва. У адрозненне ад бясплатнай савецкай медыцыны, у перыяд акупацыі лячэнне ў бальніцах ажыццяўлялася на платнай аснове, таксама з'явілася некалькі прыватных клінік і ўрачэбных кабінетаў. Так, да кастрычніка 1919 г. у Бабруйску ўжо працавала прыватная клініка дактароў А. Паперна, М. Зельдзіна і Л. Бараша па вул. Таццянінскай з радзільным і хірургічным аддзяленнямі і клініка доктара Альтшулера па вул. Шашэйнай, якая таксама мела радзільнае і хірургічнае аддзяленні, а акрамя таго – масажны і зубалечэбны кабінеты [13, с. 2; 25, с. 2]. Пры гэтым дзяржаўная і муніцыпальная лячэбная сетка горада ўключала толькі адну павятовую бальніцу, а сукупны патэнцыял па аказанні медыцынскай дапамогі насельніцтву абмяжоўваўся толькі 200 бальнічнымі ложкамі, якія абслугоўвалі 188 976 чалавек, што пражывалі на акупаванай тэрыторыі Бабруйскага павета (у пераліку 1 ложка даводзіўся на 1000 чалавек [30, с. 320]. У дачыненні да пазабальнічнай дапамогі праводзілася палітыка скарачэння фельчарскіх і ўрачэбных амбулаторый, што звужала магчымасці атрымання насельніцтвам медыцынскай дапамогі, асабліва ў сельскай мясцовасці [17, с. 2].

Вялікія праблемы акупацыйныя ўлады мелі і з медыкаментамі, што было абумоўлена вялікай ступенню залежнасці ад замежных паставак. Характэрнай рысай лекавага рынку стала вялікая колькасць замежных прэпаратаў еўрапейскай вытворчасці, адсутнасць магчымасцей імпартазамышчэння якіх падвышала цэны на медыкаменты [2, с. 2]. У выніку ўжо ў 1919 г. на Усходнія землі была распаўсюджаная польская аптэкарская

такса, якая, аднак, магла быць павышана мясцовымі ўладамі на 25%, што абгрунтоўвалася выдаткамі па дастаўцы медыкаментаў з Польшчы на акупіраваныя тэрыторыі. Аднак з прычыны нерэгулярнасці паставак, нават з завышанымі коштамі, на тэрыторыі Беларусі адзначаўся хранічны недахоп лекаў [1, с. 2; 3, с. 2].

Такім чынам, ва ўмовах дэмантажу савецкай сістэмы акупацыйных ўлад не здолелі наладзіць уласныя эфектыўныя эканамічныя механізмы развіцця захопленых беларускіх зямель, што было абумоўлена як працягам баявых дзеянняў, так і «ўскраінным» статусам Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель, што забяспечвалася рэсурсамі паводле рэшткавага прынцыпу. Заняпад эканомікі суправаджаўся адпаведнымі цяжкасцямі і ў сацыяльным жыцці насельніцтва, што было абумоўлена асаблівасцямі польскай палітыкі ў гэтай сферы на акупіраваных тэрыторыях.

Літаратура:

1. Аптекарская такса // Бобруйский курьер. – 1919. – № 39 (29 окт.). – С. 2.
2. Аптекарские товары из Германии // Бобруйский курьер. – 1919. – № 77 (12 дек.). – С. 2.
3. Борьба с сыпным тифом // Бобруйский курьер. – 1920. – № 18 (20 янв.). – С. 2.
4. В еврейской общине // Бобруйский курьер. – 1920. – № 38 (11 фев.). – С. 2.
5. Ж. Д. Буфеты // Бобруйский курьер. – 1919. – № 83 (18 дек.). – С. 2.
6. Жалованье народным учителям // Бобруйский курьер. – 1919. – № 93 (30 дек.). – С. 2.
7. Из современной белорусской деревни // Бобруйский курьер. – 1920. – № 14 (16 янв.). – С. 2.
8. Ісакаў, С. Пінск ва ўмовах польска–савецкай вайны 1919–1921 гг. / С. Ісакаў // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сборник научных статей ; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2023. – Вып. 8. – С. 66–68.
9. К новым нормам содержания чиновников // Бобруйский курьер. – 1920. – № 7 (9 янв.). – С. 2.
10. К приезду польской труппы // Бобруйский курьер. – 1919. – № 39 (29 окт.). – С. 2.
11. К сбору теплых вещей // Бобруйский курьер. – 1919. – № 40 (30 окт.). – С. 2.
12. Кузьмин-Караваев, А. Косвенное обложение / А. Кузьмин-Караваев // Бобруйский курьер. – 1919. – № 36 (25 окт.). – С. 2.
13. Лечебница с родильным и хирургическим отделениями доктора Д. Л. Альтшулера // Бобруйский курьер. – 1919. – № 31 (19 окт.). – С. 2.
14. Натуральный товарообмен // Бобруйский курьер. – 1920. – № 65 (14 мар.). – С. 2.

15. О курсе денег // Бобруйский курьер. – 1919. – № 51 (12 нояб.). – С. 2.
16. О принудительном выкупе золота и серебра // Бобруйский курьер. – 1919. – № 52 (13 нояб.). – С. 1.
17. Отчет Бобруйского уездного отдела здравоохранения к 4-му съезду советов Бобруйского уезда (с 1-го октября 1921 г. по 1-е октября 1922 г.). – Бобруйск : [б. и.], 1922. – 33 с.
18. Продовольственное положение // Бобруйский курьер. – 1919. – № 28 (16 окт.). – С. 2.
19. Продовольствие по карточкам // Бобруйский курьер. – 1919. – № 91 (27 дек.). – С. 1.
20. Продукты по карточкам // Бобруйский курьер. – 1919. – № 40 (30 окт.). – С. 2.
21. Расхищение торцовых мостовых // Бобруйский курьер. – 1919. – № 82 (17 дек.). – С. 1.
22. Ресторан Европа А. Зельдовича, существ. с 1902 года вновь открыт // Бобруйский курьер. – 1919. – № 46 (6 нояб.). – С. 1.
23. Сахар и соль // Бобруйский курьер. – 1919. – № 89 (24 дек.). – С. 2.
24. Тротуары // Бобруйский курьер. – 1919. – № 27 (26 окт.). – С. 2.
25. Частн. лечебница // Бобруйский курьер. – 1919. – № 21 (8 окт.). – С. 2.
26. Четырнадцатое жалованье для чиновников // Бобруйский курьер. – 1919. – № 93 (30 дек.). – С. 2.
27. Lasota J. The first Polish tank battle : Bobrujsk 28 august 1919 / J. Lasota // Zeszyty Naukowe Akademii Sztuki Wojennej. – 2018. – Nr 2. – S. 57–70.
28. Ogłoszenie // Бобруйский курьер. – 1919. – № 31 (19 окт.). – С. 1.
29. Rozkaz // Бобруйский курьер. – 1919. – № 31 (19 окт.). – С. 1.
- Wykaz urzędzeń lekarsko-sanitarnych na Ziemiach Wschodnich w listopadzie i grudniu r. 1919 // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 35 (27 listopada). – Poz. 408. – S. 318–32

УДК 338.23.334.72.012.32[476][091] «1921/1929»

МОГИЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Грузицкий Ю.Л.

Институт истории НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Анализируются предпосылки образования Могилевского общества взаимного кредита, показываются его основные операции, динамика численности и изменения социального состава, называются отраслевые направления финансирования субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: новая экономическая политика, финансово-кредитная система, общества взаимного кредита, частное предпринимательство.

Summary: The main prerequisites for the establishment of the Mogilev Mutual Credit Society are analyzed, its main operations, the dynamics of the number and changes in the social composition, and the industry directions of financing business entities are shown.

Keywords: new economic policy, financial and credit system, mutual credit societies, private enterprise.

20-е годы минувшего века характеризуются радикальными изменениями в хозяйственной жизни советского общества – переходом к новой экономической политике, которые затронули также и финансово-кредитную сферу. Возрождение товарно-денежных отношений обусловило необходимость открытия кредитных учреждений.

Восстановление кредитной сети вызвало к жизни кроме банков ряд других небанковских финансовых институтов. Допущение советским руководством частного сектора в промышленности и торговле обусловило появление негосударственных частных кредитных учреждений – обществ взаимного кредита (ОВК). В них объединялись средние и мелкие промышленники, частные торговцы, некооперированные ремесленники и кустари.

Целью создания таких кредитных учреждений было обслуживание производственных нужд мелких и средних производителей предоставлением ссуд путем объединения денежных средств как членов общества, так и сторонних юридических и физических лиц. ОVK проводили кредитные, снабженческо-сбытовые и торговые операции, покупали, продавали и хранили ценные бумаги, что сыграло определенную роль в развитии товарно-денежных отношений.

Появление взаимокредитных финансовых институтов в Советской Беларуси произошло с утверждением 7 февраля 1923 г. Экономическим совещанием при Народном комиссариате БССР устава Первого Минского общества взаимного кредита. На исходе следующего, 1924 г. был утвержден устав Могилевского ОVK, а 15 марта 1925 г. с разрешения комиссариата финансов Советской Беларуси общество приступило к проведению кредитных операций [9, л.210].

Высшим органом Могилевского ОVK было общее собрание, которое избирало совет общества, правление, учетно-приемный комитет, ревизионную комиссию. В течение первого операционного года деятельности (с 16 марта по 30 сентября 1925 г.) деятельности в состав совета общества входило 7 человек, правления – 3, включая председателя, ревизионной комиссии – 3. Самым многочисленным в системе управления был учетно-приемный комитет в составе 16 человек [6, с. 3]. На него возлагалась трудоемкая и ответственная работа по приему новых участников общества, рассмотрению заявлений, документов и определению степени благонадежности векселей.

Могилевское общество возникло в период, когда частный торгово-промышленный капитал занимал значительное место в экономической жизни республики, что способствовало быстрому развитию ОВК. Уже на 1 октября 1925 г. оно насчитывало 433 члена и имело возможность предоставить каждому из них кредит в среднем размером около 355 руб. [1, с. 1].

Средства, которыми располагало Могилевское взаимокредитное общество для финансирования частного торгово-промышленного оборота, формировались из собственного капитала (паевых взносов и отчислений от прибыли), вкладов на текущие счета, а также сумм, заимствованных у государственных банков путем переучета векселей и перезалога товаров, товарных документов и некоторых ценных бумаг.

Могилевское общество взаимного кредита, располагая на октябрь 1925 г. собственным капиталом размером в 17 тыс. руб., сумело в сжатые сроки существенно нарастить объемы этого основного ресурса. Через год, к октябрю 1926 г. капитал составлял уже 37,2 тыс. руб., увеличившись более чем в два раза. Характерно, что в это время средняя сумма капитала на одно республиканское взаимокредитное общество составляла 12,4 тыс. руб. [11, с. 87]. Это преимущество предопределило ведущее место Могилевского ОВК в республиканской системе взаимного кредита, которое оно сохраняло практически весь период функционирования обществ частного кредита.

Определенную роль в формировании оборотного капитала общества играли паявые членские взносы их участников, от которых зависел размер предоставляемого кредита. Средняя сумма таких взносов определялась темпами прихода новых членов, а также финансовым положением этих торговцев и промышленников. В октябре 1925 г. в Могилевском ОВК у 369 членов из 433 (85%) взносы составляли от 25 до 50 руб. [6, с. 17]. Как видно, размер вступительного взноса был довольно скромным, что свидетельствует о преобладании в составе общества мелких предпринимателей и торговцев. Запасный (специальный) капитал формировался из прибылей общества и предназначался для покрытия его убытков.

Характеризуя состав ресурсов Могилевского общества взаимного кредита, следует отметить значение банковских заемных средств в развитии учетно-ссудных операций, которые до 1927 г. занимали важное место в финансировании частного сектора национальной экономики. Здесь в качестве основного кредитора доминировало Могилевское отделение Государственного банка СССР, которое в то время непосредственно финансировало лишь незначительную группу частных лиц преимущественно промышленного сектора. Кредитование мелкого и среднего торгово-промышленного оборота отделение банка осуществляло через сеть взаимного кредита, что позволяло государству перераспределять ссудный капитал в нужное время и определенные сферы частного предпринимательства. Кроме Госбанка Могилевскому обществу предоставляло ссуды отделение Белорусского сельскохозяйственного банка, но в гораздо более скромных размерах.

Однако со временем финансовая поддержка общества государством существенно сократилась. Отчетная документация Могилевского ОВК свидетельствует, что если на 1 октября 1926 г. им было заимствовано у Госбанка 45 тыс. руб. под векселя и 25 тыс. руб. под залог железнодорожных дубликатов, то на 1 октября 1927 г. предоставленный банком обществу ссудный капитал составил всего 25 тыс. руб. по всем видам кредитования [2, с. 6]. В целом же если до 1927/1928 хозяйственного года республиканские ОВК почти половину своих учетно-ссудных операций проводили за счет кредитов Госбанка, то к октябрю 1928 г. эти средства составляли лишь 6,2% [8, с. 18].

К осени 1926 г. в основном сформировался социальный состав Могилевского общества, определяемый родом занятий предпринимателей. Как видно из приведенной таблицы, доминирующее положение заняли представители розничной торговли, составлявшие без малого половину участников общества. Четвертую часть пайщиков составили кустари и ремесленники. Напомним, что взаимокредитные общества предназначались именно для кредитования частной торговли, городских кооперированных ремесленников и кустарей. В последующий период социальный состав общества как Могилевского, так и других таких финансовых институтов менялся. Изменение состава ОВК во многом зависело от государственной кредитной политики, детерминированной политическими или конъюнктурными мотивами.

Таблица. Социальный состав Могилевского общества взаимного кредита и размеры предоставленного кредита на 1.10.1926 г. [7, с. 18].

Вид занятий	Количество членов	Сумма кредита (руб.)
1. Кооперация	2	1.250
2. Оптовые торговцы	13	12.750
3. Розничная торговля	222	117.750
4. Промышленные предприятия	29	37.500
5. Кустари и ремесленники	122	62.700
6. Сельские хозяева	94	29.500
7. Рабочие и служащие свободных профессий	16	4.500
И т о г о:	496	265.950

Соответственно виду занятий распределялся и ссудный капитал представителям общества в виде кредитов. Из данных, приведенных в таблице, видно, что на долю розничных торговцев приходилось 44,3%, ремесленников и кустарей – 23,5 % от всей задолженности обществу. Что касается распределения ссудного капитала по отраслям народного хозяйства, то здесь доминировали кожевенная промышленность и торговля, на которые

к октябрю 1926 г. приходилось почти половина всех кредитных ресурсов [7, с. 23].

Кредитные операции Могилевского взаимокредитного общества осуществлялись в форме учетно-ссудных операций. Доминирующим являлся учет векселей частных лиц через их передачу векселедержателями обществу для получения вексельной суммы до наступления даты платежа. За учёт векселя взималась плата в виде процента – учетной ставки. Значительно меньший удельный вес занимали специальные текущие счета под векселя, ссуды под ценные бумаги, под товарные документы и др.

В 1926/1927 хозяйственном году существенно меняется отношение государства к обществам взаимного кредита, что находит свое выражение в ряде нормативных документов и постановлений. Усиливается административное давление на ОВК, сужается спектр выполняемых ими операций, существенно ограничивается самостоятельность общества в выборе клиентов, формировании их состава и приему новых участников.

В связи с этим рост числа участников Могилевского взаимокредитного общества имел место только до середины 1927 г.: если на октябрь этого года в составе ОВК находился 601 член, то к октябрю 1928 г. обозначилось сокращение до 536 пайщиков [10, л. 89]. Исходя из изменений денежно-кредитной и общеэкономической политики, численный рост общества прекратился. В дальнейшем ситуация ухудшилась, началось быстрое сокращение состава общества и в первую очередь представителей торгово-промышленного сектора. Так, если на 1 октября 1928 г. в составе общества был 421 кустарь, промышленник и торговец, то к октябрю 1929 г. осталось лишь 179 [4, л. 7].

В условиях многочисленных ограничений на деятельность обществ взаимного кредита, а также существенного сокращения открытого частного хозяйственного оборота многие ОВК допускали нарушения уставных положений. Так, в обществах еще оставались представители такой категории как «рабочие и служащие», что противоречило требованиям финансового ведомства. В кредитных портфелях обществ присутствовали «дружеские» – встречные, взаимные векселя, не являвшиеся результатом торговой сделки. Имели место и другие нарушения указов и распоряжений руководящих финансовых органов. Так в деятельности Могилевского ОВК были выявлены «моменты явного покровительства крупной частной фирме «Днепрторф». Председатель правления общества являлся также и ее акционером [5, с. 3].

В 1929 г. комиссариат финансов БССР в результате проведения ревизии Могилевского, Витебского и Борисовского ОВК установил грубые нарушения устава обществ, «в результате руководящие органы Могилевского и Витебского обществ были преданы суду» [3, л. 241]. Взаимное кредитование в республике, как и во всей советской стране, признается вредным и ненужным в связи с утратой экономической базы для его дальнейшего существования.

По итогам работы за 1928/1929 хозяйственный год Могилевское ОВК впервые за все время деятельности понесло убытки в размере 3718 руб. 42 коп. Существенно сократились операции по кредитованию субъектов хозяйствования. Как отмечалось в отчете общества, основная причина такого бедственного положения: «почти полная ликвидация частной торговли, промышленности и кустарей» [4, л. 7–8].

В конце 1929 г. самое крупное в республике Могилевское ОВК было объявлено банкротом и прекратило свои операции, затем и другие подобные общества республики начали процедуру ликвидации. В связи с проведением политики вытеснения частного капитала из промышленности и торговли, а также начинавшейся кредитной реформой общества взаимного кредита подлежали закрытию.

Сложившаяся в период нэпа кредитная система, состоявшая из многих банков и учреждений, не могла решить задачу концентрации денежных средств и их направления по строго целевому назначению, поэтому возникла необходимость в ее реформировании. Основной задачей кредитной реформы являлось сосредоточение в руках государства всех денежных ресурсов с тем, чтобы использовать их на цели индустриализации в промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве. Главным ее направлением стала замена коммерческого и вексельного кредитования, которые вызывали внеплановое перераспределение финансовых ресурсов, на прямые кредиты Госбанка.

Таким образом, создание обществ взаимного кредита в условиях новой экономической политики и их активная деятельность – пример жизнеспособности предпринимательства как социального слоя. Учреждение таких финансовых институтов, как взаимокредитные общества частных торговцев, кустарей и ремесленников стало следствием отказа государства от их необходимой поддержки. Полагаясь на самих себя, предприниматели, объединяя в основном собственные капиталы, решали производственные задачи, не имея свободного доступа к финансовым ресурсам государства.

Литература:

1. Доклад Правления общему собранию членов Могилевского общества взаимного кредита за второй 1925–26 операционный год. – Могилев. Тип. «С. и М.», 1926. – 10 с.

2. Доклад Правления общему собранию членов Могилевского общества взаимного кредита за третий 1926/27 операционный год. – Могилев н/Д. Тип. «С. и М.». – [1928?]. – 10 с.

3. Инструкции и переписка о кредитной реформе 1930 г. / Национальный архив Республики Беларусь – Ф. 93. Оп. 1. Д. 6967.

4. Материалы о работе обществ взаимного кредита. 14 декабря 1929 г. – 7 января 1930 г. // Национальный архив Республики Беларусь – Ф. 93. Оп. 1. Д. 6966.

5. Материалы о реорганизации кредитной системы. 2 ноября 1926 г. –1 ноября 1927 г. / Национальный архив Республики Беларусь – Ф. 93. Оп. 1. Д. 5457.

6. Отчет Могилевского общества взаимного кредита за первый операционный 1925 год. – Могилев н/Д. Типо-лит. изд. «Соха и Молот», 1925. – 21 с.

7. Отчет Могилевского общества взаимного кредита за второй операционный 1925/26 год. – Могилев н/Д. Типо-лит. изд. «Соха и Молот» – 1926. – 26 с.

8. Перельмитер, М. Общества взаимного кредита БССР в 1927/28 г. / М. Перельмитер // Финансы и народное хозяйство. – 1929. – №8. – С. 18.

9. Постановления ЦИК и СНК СССР о кооперативном кредите, системе учреждений кооперативного кредита в СССР, протоколы и выписки из протоколов заседаний СНК БССР и Госплана БССР. 7 окт. 1925 г. – 27 июня 1926 г. / Национальный архив Республики Беларусь – Ф. 93. Оп. 1. Д. 4033.

10. Устав обществ взаимного кредита 1929 г. / Национальный архив Республики Беларусь – Ф. 93. Оп. 1. Д. 332.

11. Штейнер, Я. Учреждения частного кредита в 1926–27 г. / Я. Штейнер // Советское строительство. – 1927. – №5. – С. 86–94.

УДК 94:614.4(476.4)«1916»

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ В МОГИЛЕВЕ В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОРОДЕ
СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Раемский Ю.А.

Учреждение культуры «Могилевский областной краеведческий музей
им. Е.Р. Романова»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье анализируется система противоэпидемиологических мероприятий, которые осуществлялись в г. Могилеве в 1916 г. в период пребывания в городе Ставки Верховного главнокомандующего, исследуется деятельность постоянной врачебно-санитарной комиссии, локализуется местоположение госпиталей и санитарно-дезинфекционных отрядов, обслуживавших штаб и местный гарнизон

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего, г. Могилев, санитарное дело, инфекционные заболевания, госпиталь, врач, вакцинация
Summary: In the article, the author analyzes the system of anti-epidemic measures that were carried out in Mogilev in 1916 during the stay of the Supreme Commander-in-Chief in the city, examines the activities of the permanent medical and sanitary commission, localizes the location of hospitals and sanitary disinfection units that served the headquarters and the local garrison

Keywords: Supreme commander's Headquarters, Mogilev city, sanitary, infectious diseases, hospital, doctor, vaccination

За более чем 100 лет, прошедших со времени пребывания в Могилеве Ставки Верховного главнокомандующего, представления не только простых обывателей, но и местных историков об этом довольно значимом периоде жизни города в основном ограничиваются пределами нынешней площади Славы, где располагались лишь основные управления штаба. Между тем, в городе было реквизировано множество иных зданий и помещений, сведения о которых утрачены. Это касается и медицинских заведений, обслуживавших огромный штат военных, класных и нижних чинов. Небезынтересным представляется также состояние санитарного дела в Могилеве в указанный период.

Уже вскоре после переноса Ставки Верховного главнокомандующего из Барановичей в Могилев в документах штаба было отмечено, что в городе появились инфекционные заболевания [9, л. 10]. Поэтому мерам санитарного контроля и профилактики таких заболеваний уделялось самое серьезное внимание. За поддержание порядка в районе главной квартиры отвечал комендант, осуществлявший общее наблюдение за всеми врачебными заведениями как военно-санитарного ведомства, так и общества Красного Креста [12, л. 10]. По состоянию на январь 1916 г. в его ведении находились: лазарет Красного Креста при Ставке Верховного главнокомандующего (Днепровский пр., 10), 303-й полевой запасной военный госпиталь (Малая Садовая ул., д. 8), 299-й полевой запасной военный госпиталь (казармы 4-го мортирного дивизиона, так называемые «артиллерийские»), 14-й, 29-й и 30-й санитарно-дезинфекционные отряды [10, л. 88]. Команда каждого отряда состояла из девяти нижних чинов. Все они занимали один дом из пяти комнат с общей кухней по адресу Быховская ул., д. 3 [10, л. 155]. 23 марта 1916 г. в целях улучшения санитарного состояния города в подчинение коменданта главной квартиры поступил ветеринарно-дезинфекционный отряд штаба IV армии [8].

303-й полевой запасной госпиталь, рассчитанный на единовременное лечение 8 офицеров и 32 места чинов, был открыт 28 января 1916 г. [10, л. 93об.]. 28 мая 1916 г. в число лечебных заведений, обслуживающих Ставку, был включен военный лазарет, открытый при Могилевской Александринской общине сестер милосердия [10, л. 398–398об.]. Кроме того, 6 сентября 1916 г. приказом за № 265 по управлению коменданта главной квартиры в число лечебных заведений, обслуживающих Ставку был включен Могилевский епархиальный лазарет [4, с. 246], открытый по инициативе архиепископа Константина еще 17 августа 1914 г. [2, с. 126]. Он размещался в здании больницы Могилевской духовной семинарии [5, с. 541] (здание не сохранилось, на его месте располагается жилой дом по адресу Болдина, 9) [7]. В начале 1916 г. лазаретом заведовала врач Л.Р. Образцова-Соловьева, а ее помощницей была старшая сестра милосердия Е.К. Байова [6, с. 52]. После

непродолжительного пребывания летом 1915 г. в помещении больницы Могилевского женского училища духовного ведомства, к 7 августа этого года лазарет перевели в отремонтированное помещение семинарской больницы, в котором устроили электрическое освещение [3, с. 157; 5, с. 541–542]. Епархиальный лазарет размещался в каменном двухэтажном доме с подвалом. Верхний этаж занимали три палаты с аптечкой и перевязочной, ванная и уборная, первый – канцелярия, столовая, помещения для старшей сестры, для заведующей хозяйством и фельдшера, а также ванная, а в подвальном – кухня с помещением для сестер милосердия, сиделок и кухарок [1, с. 326]. Всего в лазарете на этот момент насчитывалось 30 мест.

16 января 1916 г. приказом начальника штаба генерала М.В. Алексеева № 65 район главной квартиры штаба Верховного главнокомандующего был увеличен за счет окрестностей Могилева в пределах 10 верст [8]. Это автоматически включило в подведомственную коменданту территорию такие населенные пункты как Голынец, Буйничи, Тишовка, Селец, Присно, Казимировка, Новоселки, Тараново, Боровка, Гребенево, Вейно, Любуж, Польшковичи, Пашково, Тарасовичи, Николаевка, Коробановка, Печерск и др. [13, с. 3–21].

Имевшийся в распоряжении коменданта главной квартиры штат не мог решить всех недочетов, присущих крупному губернскому городу, в связи с чем 13 марта 1916 г. был издан приказ по штабу об учреждении постоянной врачебно-санитарной комиссии в составе 21 человека, в которую входили: врач главной квартиры доктор медицины, коллежский советник Козловский; главный врач 303-го запасного полевого госпиталя, доктор медицины, коллежский советник Лежнев; главный врач 299-го запасного полевого госпиталя, доктор медицины Лычковский; могилевский губернский врачебный инспектор; могилевский полицмейстер; председатель могилевской земской управы; могилевский уездный исправник; могилевский губернский санитарный врач Френкель; могилевский городской санитарный врач Меркин; могилевский губернский ветеринарный инспектор; могилевский губернский архитектор Кальнин; могилевский городской врач; старший врач батальона для охраны Ставки, надворный советник Петров; ветеринарный врач главной квартиры Верховного Главнокомандующего, коллежский асессор Крайнев; член Могилевского губернского комитета Всероссийского Земского Союза, доктор медицины Яцутин; отдельного батальона для охраны Ставки, полковник Луцкий; и. д. комендантского адъютанта Главной квартиры, прапорщик Баснин; старший врач 2-го железнодорожного санитарно-дезинфекционного отряда коллежский асессор Шапшов; старшие врачи 14-го, 29-го, 30-го санитарно-дезинфекционных отрядов. Председателем комиссии был назначен полковник нестроевой роты штаба А.И. Завитневич, а делопроизводителем – старший врач 30-го санитарно-дезинфекционного отряда, лекарь Хува-Хувин [12, л. 189, 189об.]. Комиссия имела право надзора за санитарным состоянием всех зданий и дворов в пределах главной квартиры, как общественными, так и частными (в

том числе отхожими местами, выгребными и помойными ямами), колодцами и другими источниками питьевой воды, бойнями, свалками и падалищами, следила за качеством продуктов в местах их производства, торговли и потребления. Для этого комиссия могла проводить осмотры как с предупреждением, так и внезапные, по результатам которых составлялись акты санитарных осмотров. В случае неустранения недочетов председатель комиссии докладывал коменданту главной квартиры или губернатору с целью привлечения нарушителей к ответственности [12, л. 189об., 190, 190об.].

Уделялось внимание и вопросам личной гигиены личного состава. Офицерская баня (владелец – Т. Герц) находилась на ул. Почтовой, 11 [11, л. 126об.]. Для нижних чинов гарнизона Ставки Верховного главнокомандующего с 21 марта 1916 г. по понедельникам и вторникам было организовано централизованное посещение по графику бани на набережной р. Дубравенки, принадлежавшей наследникам Любовича [10, л. 213]. В летний период, с 20 июня на отмели в полуверсте выше паровой пристани против усадьбы Ивана Козлова (район нынешнего городского пляжа) было оборудовано место для купания нижних чинов в Днепре. На нем установили скамейки, навес, приобрели спасательные круги, лодку. Купание осуществлялось с 7 до 11 утра и с 16.00 до 20.00. Для наблюдения за порядком от гвардейского полевого жандармского эскадрона в это время выделялся унтер-офицер, а для оказания первой медицинской помощи на пляже дежурил медицинский фельдшер [10, л. 459об., 460]. Купание нижних чинов в Днепре было прекращено с 1 сентября 1916 г. [11, л. 165об.].

Ежедневно в приказах по управлению коменданта главной квартиры фиксировалось количество и наименование инфекционных заболеваний в районе Ставки с указанием адреса дома, в котором выявлялась болезнь. Каждый день таких случаев было от 1 до 4, массовых вспышек не наблюдалось. В начале апреля 1916 г. ввиду случаев заболевания оспой командирам воинских частей Могилева было предложено привить всех нижних чинов с последующим письменным отчетом о прохождении вакцинации [10, л. 265об.]. С 7 по 15 июля 1916 г. осуществлялась первичная противохолерная вакцинация нижних чинов войсковых частей Могилевского гарнизона, а нижние чины штаба Верховного главнокомандующего прошли вакцинацию повторно [11, л. 16].

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода, руководство Ставки предпринимало комплекс эффективных мер, направленных на борьбу с распространением инфекционных заболеваний и поддержание надлежащего санитарного состояния во всем городе и его окрестностях, что положительно отражалось и на здоровье местного населения. Введение в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива позволило установить местоположение ряда утраченных к настоящему времени объектов инфраструктуры Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве.

Литература:

1. В Могилевском епархиальном лазарете // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1916 г. – № 21. – С. 325–329.
2. Варламов, Д. С. Русская православная церковь в XX–XXI вв. Оценка событий Первой мировой войны в могилевских епархиальных ведомостях / Д. С. Варламов // I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога : материалы научно-практической конференции, Минск : Минская духовная академия, 17 мая 2017 года. – Минск, 2018. – С. 121–138.
3. Василенко, В. В. Деятельность православной церкви в Могилёвской губернии по организации помощи российской армии в 1915 году / В. В. Василенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Могилев, 2021. – С. 155–160.
4. Епархиальный лазарет // Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1916 г. – № 19–20. – С. 246.
5. Из жизни Могилевского епархиального лазарета // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1915 г. – № 17. – С. 541–542.
6. Из жизни Могилевского епархиального лазарета // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1916 г. – № 3. – С. 52–54.
7. План местности Могилевского архиерейского дома и Могилевской семинарии // Фонды Могилевского областного краеведческого музея. – НВ 10673.
8. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего. 1 января 1916 – 30 апреля 1916. №№ 1–563. Копии // РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 17.
9. Приказы по Главному управлению военных сообщений за 1915 г. №№ 1–65, за 1916 г. №№ 1–267 // РГВИА. – Ф. 2004. Оп. 2. Д. 6.
10. Приказы по управлению коменданта главной квартиры Верховного главнокомандующего. 8 июля 1915 г. – 30 июня 1916 г. Копии // РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 962.
11. Приказы по управлению коменданта главной квартиры Верховного главнокомандующего. 1 июля 1916 г. – 31 декабря 1916 г. Копии // РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 963.
12. Приказы по штабу Верховного главнокомандующего 4 января 1916 г. – 31 декабря 1916 г. Подлинники // РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 922.
13. Список населенных мест Могилевской губернии / Под ред. Г. П. Пожарова. – Могилев губ. : Могилев. губ. стат. ком., 1910. – СХХV, 250 с.

УДК 377.36:61(476.4-25)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ В МОГИЛЕВСКОМ МЕДИЦИНСКОМ
КОЛЛЕДЖЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Мартыновская А. О.

Учреждение образования «Могилевский государственный медицинский
колледж»

(г. Могилев, Беларусь)

Научный руководитель – преподаватель Выдренкова Г.И.

Аннотация. В статье рассматриваются сохранившиеся в архивных документах аспекты организации питания учащихся в развитии Могилевской центральной повивальной школы для Могилевской, Витебской и Минской губерний, Могилевской фельдшерско-акушерской школы и Могилевского государственного медполитехникума на протяжении 1900-1940-х годов.

Ключевые слова. Еда. Организация питания. Студенты. Учащиеся. Медицинский колледж. Могилев.

Abstract: The article examines the aspects of the organization of nutrition for students in the development of the Mogilev Central Midwifery School for Mogilev, Vitebsk and Minsk provinces, the Mogilev Feldsher-Obstetric School and the Mogilev State Medical Polytechnic during the 1900-1940s.

Keywords. Meal. Catering. Students. Medical College. Mogilev.

Организация питания учащихся всегда играла важнейшую роль в образовательном процессе, оказывая непосредственное влияние на здоровье, работоспособность и успеваемость обучающихся. К началу XX века в Могилеве работали два медицинских учебных заведения: повивальная школа, известная как Институт повивального искусства, и Центральная фельдшерская школа, которые впоследствии слились в одно учебное заведение (с 2007 года – колледж). Питание учащихся этих учреждений соответствовало требованиям того времени и впоследствии претерпевало изменения в соответствии с социально-экономическими преобразованиями в обществе.

С первых дней работы медицинского учебного заведения в г. Могилеве для воспитанников и воспитанниц, проживающих в общежитии еду готовили специально, для этого в штате каждой школы было по две кухарки и кухня. В «Отчёте по Могилевской центральной повивальной школе за 1901 год», составленном директором школы С. А. Липинским, находим цитату: «Съестные припасы, входящие в состав пищи заготавливались подрядным образом признанным более выгодным, чем хозяйственный, а пища приготавливалась в особой ученической кухне по расписаниям, составленным Советом школы и одобренным Губернским Распорядительным Комитетом 6-го сентября 1880 года. На пищевое довольствие казеннокоштных воспитанниц израсходовано 1903 руб. 58коп. Средняя годовая стоимость по пищевому довольствию одной воспитанницы 63 руб.

20 $\frac{3}{8}$ коп., а в день 17 $\frac{3}{8}$ коп.» [5, л. 4, 11]. 17 копеек – это не очень маленькая сумма. Например, за нее можно было приобрести: 1 кг ржаного хлеба – 3-5 копеек; 1 кг сахара – 25-30 копеек; 1 кг картофеля – 0,5 -1 копейка. Дневная заработная плата рабочего составляла 30-50 копеек. В этом же документе дана «Подробная ведомость» расходных сумм на пищевое и вещевое довольствие воспитанниц пансионеров Повивальной школы и прочие предметы, относящиеся к их содержанию [5, л. 11, 12].

Необычным в нашем понимании является положение дополнительных правил. Пункт 1 гласит: «В течение дня ученицы могут есть только 4 раза: 1) от 7 – 7 $\frac{1}{2}$, 2) от 2 – 3 обед, 3) от 5 – 6 чай, 4) 8 – 8 $\frac{1}{2}$ ужин». В пункте 2 указано: «По первому звонку воспитанницы приготавливают свои ложки, вилки и ножи, а по второму – попарно без шума отправляются в столовую». В примечании к пункту говорится, что опоздавшие к звонку воспитанницы, за исключением дежурных и находящихся на практике, лишаются своей порции [5, л. 41].

Вольноприходящие, те, кто учился за свой счет, организовывали свое питание сами, проживая на частных квартирах. Они приходили в школу только на занятия и практику.

Были разработаны специальные правила покупки продуктов. О том, насколько тщательно подходили к этому процессу, говорит сохранившееся расписание пищевого довольствия воспитанников [1, л. 13 об]. Рацион корректировался с учетом требований религиозных праздников. В целом питание было сбалансированным и полноценным. В соответствии с пунктом 3 «Расписания пищевого довольствия», для улучшения пищи воспитанниц во время праздников: Светлой Пасхи, Сочельников и сырной недели «сверхобыкновения» на каждого воспитанника отпускались дополнительные продукты. Так на Пасху: кулича – 3 фунта, творога свежего – 1 фунт, ветчины копчёной – $\frac{1}{2}$ фунта, поросятины – 1 фунт, телятины – 1 фунт, яйца куриного 8 штук (из них: 3 яйца в куличи и 5 штук на руки каждому), молока сладкого – $\frac{1}{2}$ кварты, масла коровьего – $\frac{1}{2}$ фунта, цукатов и изюма – по 10 золотников, хрена – $\frac{1}{2}$ фунты, уксуса для хрена – 6 золотников, сахару – 6 ложек, чаю – $\frac{3}{5}$ золотника, сандалового дерева для окраски яиц – 2 фунта, сухих дрожжей – 3 фунту (1 фунт дрожжей на пуд муки). Далее в документе дан рецептурный набор на два Сочельника: 6 января и 24 декабря. Принимался во внимание тот факт, что воспитанницы могли быть католичками. Детально расписаны ингредиенты, используемые для приготовления праздничных блюд, не забыты дрожжи, изюм, цукаты и т.п. В будние дни вместо булок отпускалась каша ячневая $\frac{1}{2}$ фунта и сало свиное по 8 золотников (во вторник, четверг и пятницу), крупа рисовая – $\frac{1}{4}$ фунта, масло коровье по 6 золотников в воскресенье.

В 1913 году могилевские фельдшерская и повивальная школы были объединены в одну фельдшерско-акушерскую школу. Начавшаяся Первая мировая война резко изменила жизнь города. Возник дефицит продовольствия.

В декабре 1916 года стала ощущаться острая нехватка хлеба. Хлеб был, но по требованию земской управы его покупали у строго оговоренных поставщиков, а они, по разным причинам, уже не могли продавать его по старым ценам, несмотря на то, что земство грозило им карами со своей стороны, если они не будут работать по прежним договоренностям. Начались перебои и с другими продуктами. А вскоре начались скандалы: воспитанники возмущались тем, чем их кормят. Например, пришлось директору лично разбираться по поводу приготовления «борща с соленой рыбой». Иосиф Кириллович Таневский, исполняющий обязанности директора Центральной фельдшерско-акушерской школы, принял мудрое решение, объяснив ситуацию так: «Борщ есть можно, но рыба сильно солёная» [4, л. 54].

Из-за отсутствия средств на питание с 7 марта 1917 года дирекция школы обратилась к земской управе с просьбой разрешить ученикам уйти на каникулы. Учебные помещения школы, передали с 1 октября 1917 года в губернскую земскую больницу, а помещение интерната переоборудовали под учебные аудитории. Проблему с проживанием решили кардинальным образом. Всем учащимся стали выдавать стипендию в размере 20-25 рублей. На эти деньги учащиеся должны были снимать квартиру в городе и сами обеспечивать себя питанием.

В годы гражданской войны питание учащихся фельдшерско-акушерской школы было скромным, как и питание остальных граждан Могилева. До ноября 1917 года деньги на питание выделяла губернская земская управа, а затем, после национализации учебного заведения, за питание отвечали органы советской власти, но воспитанники не голодали, но и не жировали. Питание студентов было скудным, хотя осуществлялось три раза в день, и создавало большое число проблем руководству. Из архивных документов нам известно, что в ноябре 1929 года по распоряжению Могилёвского окружкома в студенческих столовых города ввели один «мясопусты дзень» в неделю из-за нехватки мяса. Проблемы также были и с поставками молока. В связи с закрытием столовой в медтехникуме, питание студентов перенесли в общую студенческую столовую для всех студентов города. Питание в ней в ноябре 1929 года обходилось в 16 рублей 50 копеек в месяц. Эти небольшие суммы выплачивали студентам на руки. А они старались эти деньги экономить и часть из них тратили на свои нужды. В том же году медполитехникум оказался единственным учебным заведением в городе, для студентов которого ввели «хлебные ограничения». С 1 апреля им стали выдавать по 400 грамм хлеба на человека в день, вместо 600 грамм, как в других техникумах. Советская власть ожидала волнения студентов медполитехникума, но их так и не случилось, чему удивилось руководство Могилёвского ОГПУ. В справке ОГПУ так описано это событие (*соблюдена орфография подлинника*): «Наиболее острое положение в Медтехникуме наблюдалось только в первые несколько дней, а затем вскоре, более или менее напряженное состояние, быстро сгладилось и улеглось, – писал 28 мая начальник Могилёвского окружного отдела ГПУ Ломоносов, – так как

студенты Медтехникума стали докупать хлеб на базаре, свыклись, а незначительная часть студентов, написав родным, получила от последних посылки с сухарями и другими продуктами питания. Наблюдались отдельные нарекания на привилегированное положение студентов других Т-мов, а часть студентов впоследствии высказывала одобрение на уменьшение хлебного пайка, т. к. вместо 9 руб. за обед, они стали платить 7 руб. 50 коп. в месяц. Некоторые наиболее сознательные студенты посмеивались над получившими из дома сухари, заявляя «грызите сухари, а нам и хлеба хватает». Большинство приняли сокращение хлебного пайка вполне сознательно и анти-советских высказываний в связи с указанным не замечалось» [4, с. 76].

О неоднозначности ситуации с питанием говорит и факт. Новый директор медтехникума А. И. Костенич уволил заведующего столовой Рубинчика за растрату. Рубинчик начал писать жалобы во все инстанции, подкупать студентов, и когда это не помогло – обвинил Костенича в том, что он «личность темная» и скрыл свое «поповское» происхождение. Но парторганизация техникума защитила директора [2, л. 41 -45 об]. Ситуация с организацией питания студентов не улучшалась. Новая заведующая столовой медтехникума на жалобу на низкое качество обедов в сентябре 1937 года ответила: «Качество обедов я считаю удовлетворительным, исходя из размера стипендий». Столовая была закрыта, как и столовые других учебных заведений города, в том числе и пединститута. И теперь городские власти оказались в неприглядной ситуации: город рос, по их настоянию росло число студентов и учащихся, а питание не было организовано, и это не красило местных чиновников. Горисполком в 1939 году открыто назвал нежелание руководителей учебных заведений открыть столовые «сопротивлением советской власти». В целом, вопрос с питанием так и не был решён полностью вплоть до начала Великой Отечественной войны [3, л. 17].

После освобождения Могилева, организация питания студентов была одной из важнейших. В первый год студенты питались в столовой №3. Питание было двухразовым: обед и ужин. С 16 февраля 1946 года их прикрепили к столовой №10 по Красносаперной улице, напротив современного драмтеатра. Для улучшения питания школам выделили участок для подсобного хозяйства и в 1945 году его заняли под картофель. Весной 1946 года подсобное хозяйство расширилось. На четырех гектарах высадили картофель, один гектар заняли под овощи. Особо настаивал директор А.И. Костенич на посадке фасоли. Для двух лошадей был засеян один гектар ячменем и полтора – овсом. Все работы на поле, уборку, хранение собранного урожая выполняли сами студенты и работники школ. Часть выращенного урожая сдавали в государственный фонд. Часть картофеля распределяли между преподавателями и работниками школ. В Беларуси хлебные карточки были отменены только 16 декабря 1947 года. Поэтому в 1946/1947 году студенты получали карточки по месту учебы. Чтобы избежать нарушений, было решено «раздавать студентам хлеб по группам, по спискам, на всю группу сразу».

Спустя три года в 1948 году наступил коренной перелом, завершилось восстановление зданий общежитий, тогда их называли интернатами. Приказом директора были запрещены: варка пищи на примусах и плитках; хранение в комнатах «под кроватями картофеля, капусты, керосина, примусов, чугунков и других предметов кухонной утвари». Под присмотром коменданта стали готовить только кипяток только утром и вечером. Протоколы педагогических советов с 1950 года, которые хранятся в архиве колледжа, указывают на отсутствие в учебном заведении в этот период серьёзных бытовых проблем, а на заседаниях в основном обсуждались вопросы организации учебно-воспитательного процесса.

Забота об учащихся всегда включала обеспечение их питанием, хотя формы и методы его организации существенно отличались в разные исторические периоды. На протяжении всей истории медицинских учебных заведений Могилева это направление деятельности учебного заведения оставалась приоритетным. В каждом историческом периоде существовала своя система, но неизменным оставалось стремление администрации и педагогов обеспечить обучающихся полноценным питанием. Наиболее эффективные подходы к организации питания были разработаны и реализованы в период до Первой мировой войны, а затем получили новое развитие в 1950-е годы.

Изучение исторического опыта организации питания в учебных заведениях, предшествовавших современному Могилевскому медицинскому колледжу, интересно не только с исторической точки зрения, но и наводит на мысль о том, что традиции качественного и здорового питания должны быть сохранены и продолжены в современном образовательном процессе. Это направление в деятельности учебного заведения должно развиваться и корректироваться с учетом современных требований и возможностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Примечание к расписанию пищевого довольствия. Протоколы заседаний педагогических Советов Центральной повивальной школы для Могилевской, Витебской и Минской губерний // Национальный исторический архив РБ в г. Минске – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 263. Л. 13 об;

2. Выписка из протокола собрания партийной ячейки Могилёвского медполитехникума //Могилевский областной государственный архив общественных объединений – Ф. 6580. Оп. 1. Д. 680. Л. 41-46 об;

3. Выписка из решения горисполкома. 1938 г. //Государственный архив Могилёвской области – Ф.11. Оп. 1. Д. 132. Л. 17

4. Заремский, В.К. Могилевский медицинский колледж: история через века / В.К. Заремский. – Могилев: АмелияПринт, 2021. – 196 с.;

5. Липинский, С.А. Отчет по Могилевской центральной повивальной школе за 1901 год / С.А. Липинский. – Могилев: Губ. тип., 1902. – 41 с.

УДК 94 (476.4)

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В МОГИЛЕВСКОМ РЕГИОНЕ

Воробьев А.А.

Учреждение образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. Публикация посвящена проведению начального периода коллективизации сельского хозяйства в Могилевском регионе. Основываясь на архивных материалах, автор сделал аргументированный вывод о том, что Могилевский регион занимал в начале проведения коллективизации первое место в Беларуси. Вместе с тем, как население Могилевского региона в некоторых его районах довольно активно противилось ее проведению.

Ключевые слова: Беларусь, Могилевский регион, район, коллективизация.

Summary. The publication is devoted to the initial period of collectivisation of agriculture in the Mogilev region. Based on archival materials, the author made a reasoned conclusion that the Mogilev region was the first in Belarus at the beginning of collectivisation. But the population of the Mogilev region in some of its districts was quite actively opposed to its implementation.

Keywords: Belarus, Mogilev region, district, collectivisation.

Решение о проведении всеобщей коллективизации сельского хозяйства в СССР было принято на XV съезде ВКП (б) в 1927 году. Это было связано с тем, что в конце 1920-х годов в Советском Союзе возник кризис хлебозаготовок из-за нежелания крестьян сдавать зерно государству по твердым, фиксированным ценам. Согласно планам руководства большевистской коммунистической партии во главе с И.В. Сталиным, на смену единоличным крестьянским хозяйствам должны были прийти крупные коллективные хозяйства (колхозы), в которых предполагалось сделать общими не только землю, но и лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, домашних птиц и иную живность.

Начальный этап коллективизации проходил в 1929-1930 годах и в этот период времени колхозы стали создаваться по всей территории страны, включая и Беларусь. Основной территориальной единицей в СССР в рассматриваемое нами время были округа. В состав Могилевского округа входили следующие районы: Бельничский, Быховский, Журавичский, Кормянский, Луполовский, Могилевский, Пропойский, Чаусский, Чечевичский и Шкловский. Все белорусские округа Советского Союза, как, впрочем, и другие регионы страны, стремились оказаться в числе передовиков по скорости объединения крестьянских хозяйств в колхозы, но удавалось это далеко не всем.

Так, по имеющимся в нашем распоряжении архивным данным, к 1 августа 1929 года именно Могилевский округ занимал по темпам проведения коллективизации первое место в Беларуси. Всего по округу было создано двадцать восемь колхозов, из которых девятнадцать коллективных хозяйств имели количество обрабатываемой земли от 500 до одной тысячи гектаров, а в остальных девяти колхозах обрабатываемых земель было более одной тысячи гектаров. Для сравнения, в занимавшем второе место в республике Гомельском округе было пятнадцать колхозов, Бобруйском округе (занимал третье место в БССР) – четырнадцать, в Минском округе колхозов было только четыре, в Полоцком – два, а в Оршанском – ни одного [1, л. 1].

После этого промежуточного подведения итогов темпов коллективизации в БССР руководители округов предприняли меры по исправлению сложившейся ситуации. Однако срочные меры привели, как было отмечено в постановлении ЦК ВКП (б) от 10 марта 1930 года, к искривлениям партийной линии в колхозном движении. Интересным фактом являлось то, что это постановление, разосланное всем национальным ЦК, краевым, областным и другим партийным комитетам, было секретным и не подлежало публикации. В постановлении также обращалось внимание на высокий процент раскулаченных при проведении коллективизации (в некоторых районах он доходил до 15%) и лишенных избирательных прав (также в ряде районов доходило до 15-20%). Далее в постановлении говорилось, что практическая работа по проведению коллективизации часто заменяется бумажным вздуванием процента коллективизации (в некоторых районах коллективизация за несколько дней вырастала с 10 до 90%) [2, л. 13].

Раскулачивание зажиточной прослойки крестьян (так называемых кулаков) проводилось параллельно с коллективизацией, так как зажиточные крестьяне не только сами отказывались идти в колхозы, но и оказывали большое влияние на значительную часть крестьян-середняков, отговаривая их от вступления в колхозы. Ввиду этого руководством большевистской партии была поставлена задача полной ликвидации кулачества. Все кулацкие хозяйства были разделены на три категории: 1. кулацкий актив, подлежащий заключению в концентрационные лагеря, работу против которого проводили органы ОГПУ; 2. кулаки, подлежащие обязательной высылке в отдаленные области СССР; 3. кулаки, которые могли быть оставлены в республике и округе, но с отводом им земли вне колхозов. Такие меры должны были применяться к кулакам Могилевского округа согласно совершенно секретной директиве Могилевского окружного комитета большевистской партии [2, л. 18].

В завершение мы можем сделать следующие выводы: 1. начальный этап коллективизации в Могилевском округе Беларуси проходил при довольно высокой активности крестьянства округа, о чем красноречиво свидетельствует первое место, которое округ занял по количеству созданных колхозов; 2. столь высокие начальные темпы коллективизации следует поставить в заслугу партийному руководству округа, которое сумело

убедительно провести агитационно-пропагандистскую кампанию по созданию коллективных крестьянских хозяйств; 3. вероятно, руководство Могилевского округа, уже на начальном этапе, сумело нейтрализовать противников проведения коллективизации в лице зажиточного крестьянства (т.е. кулачества); 4. нейтрализовать влияние кулачества на крестьянство Могилевского округа руководству региона удалось при помощи органов государственной безопасности (ОГПУ), что подтверждается секретной директивой Могилевского окружного комитета большевистской партии от 15 января 1930 года [].

Литература

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (далее ГАОМО). – Ф.6577. – Оп.1. – Д.838
2. ГАОМО. - Ф.6577. – Оп.1. – Д.814

ИСТОРИЯ КИНОТЕАТРА «РОДИНА»

Шелковский Д.Н.

Учреждение культуры «Музей истории Могилёва»

(г. Могилёв, Беларусь)

Аннотация. в статье рассматривается история кинотеатра «Родина». Одного из самых крупных и известных кинотеатров г. Могилёва. История кинотеатра - это целая эпоха, тем более история данного заведения неразрывно связана с историей города. Статья охватывает период со времени строительства кинотеатра и вплоть до наших дней.

Ключевые слова: Кинотеатр «Родина», архитектор В.Н.Вараксин, неоклассицизм, Великая Отечественная война, «Анимаёвка», режиссёр В.Т. Туров, «Туровская осень».

Summary: The article examines the history of the Rodina cinema. One of the largest and most famous cinemas in Mogilev. The history of the cinema is a whole era, especially since the history of this institution is inextricably linked with the history of the city. The article covers the period from the time of the construction of the cinema to the present day.

Keywords: Cinema "Rodina", architect V.N. Varaksin, neoclassicism, the Great Patriotic War, "Animayevka", director V.T. Turov, "Turov Autumn".

Строительству кинотеатра «Родина» предшествовали политические события. 19 октября 1937 года принимается постановление ЦК КП(б)Б «О столице БССР», где говорилось: «...считать политически целесообразным перенести столицу из Минска в город Могилёв». Руководство Советского Союза, это предложение поддержало, и в марте следующего, 1938 года на заседании СНК БССР утверждается Генеральный план реконструкции города Могилёва. 19 апреля 1938 года белорусский Совнарком выпускает постановление «О городском строительстве в городе Могилёве в связи с переводом столицы Белорусской ССР». В городе в соответствии с утвержденным Генпланом реконструкции разворачиваются масштабные строительные работы. Именно в связи с этим и было принято решение о строительстве в Могилёве нового кинотеатра – на 700 мест, на тот момент одного из крупнейших в республике. Согласно постановлению СНК БССР и заключению СНК СССР решено – «начать в 1938 и закончить в 1 квартале 1939 г. строительство кинотеатра на 700 мест, общей стоимостью 1 – 2 млн. рублей». Генеральная смета на строительство кинотеатра была утверждена 3 октября 1938 г. и составляла в сумме 1 млн. 200 тыс. руб. [4, л.3].

Строительство кинотеатра «Родина» было начато в 1938 году и велось очень высокими темпами, практически без всякой серьезной механизации. В неслыханно короткое время, за один год, было построено здание кинотеатра. Архитектором являлся В.Вараксин. Архитектор к этому времени наработал определённый опыт в строительстве. Совместно с А.П. Воиновым строил

Дворец пионеров и школьников в Минске (1936 г.), поработал на Могилёвщине (здание политехникума в Кричеве, 1937 г) [1, с.595]. Творчество В.Н. Вараксина тесно связано с развитием неоклассической тенденции в довоенной архитектуре Беларуси. Это одно из первых в белорусском советском зодчестве зданий, в которых были использованы классические формы и декор [13, с.362]. Уже в 1920 – е годы многие советские архитекторы начали уходить от минимализма в пользу парадной репрезентативности. В первой половине 1930 – х на место господствующего тогда конструктивизма пришёл новый стиль сочетающий, с одной стороны, конструктивистские минимализм и функциональность, а с другой – допускавший обогащение внешнего облика зданий отдельными архитектурными элементами разных стилевых решений. В решении сооружений стали применять крупные монументальные формы, стали сочетать несколько разномастных объёмов в одном объекте. Начиная с середины 1930-х годов в наружном декоре зданий всё чаще стали применять массивные резные карнизы, картуши и колонны, барельефы и горельефы, а также облицовку мрамором и светлым отделочным камнем. Изменялась и трактовка интерьеров: вновь стали появляться торжественные залы с кессонированными потолками, широкие вестибюли с рядами колонн и огромными мраморными лестницами. Архитектура становилась всё более масштабной. Небольшие «клубы» уступали место «дворцам». Кинотеатр «Родина» должен был стать столичным кинотеатром, архитектурному убранству его было уделено большое внимание. В государственных архивах сохранилось Постановление Президиума Могилёвского горсовета от 16 июня 1939 года, обязывающее закончить строительные работы и сдать кинотеатр к 1 ноября. 6 ноября 1939 года состоялось торжественное открытие кинотеатра «Родина». В день открытия кинотеатра демонстрировался фильма «Ленин в 1918 году».

В самом начале Великой Отечественной войны кинотеатр «Родина» продолжал работать до конца июля 1941 года [3, с.5]. Для бойцов Красной Армии ежедневно демонстрировался художественный фильм «Парень из тайги» (СССР, 1941). Демонстрация фильма не прекращалась даже во время воздушных боев над Могилёвом. Первым киномехаником, запускавшим фильм, был Ю.Ю. Сервиог. Первоначально он участвовал в строительстве кинотеатра, затем был обучен на киномеханика. В период фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны в кинотеатре «Родина» демонстрировались фильмы для немецких солдат и офицеров.

После освобождения около месяца кинотеатр был на «карантине». Пока сапёры не проверили здание на наличие мин [там же]. На восстановление нормальной работы кинотеатра необходима была сумма не менее 680 тыс. 824 руб. Только на реставрацию здания кинотеатра выделялась сумма 244 тыс. руб. [5, л.1]. Нехватка кинооборудования не позволяла наладить качественное обслуживание граждан в кинотеатре. О чём указывалось в «Справке о состоянии киносети Могилёвской области на

01.09.1944 г.» [там же, л. 2] Одним из первых фильмов, который увидели зрители сразу после войны в кинотеатре «Родина», был фильм «Она защищает Родину» (СССР, 1943). Из-за отсутствия электроэнергии фильмы демонстрировались с помощью движков. На втором этаже кинотеатра был оборудован малый зал на 100-120 мест. Однако не все проблемы были решены в первые послевоенные годы, ремонтные работы продолжались и позднее. К примеру - в 1948 г. на ремонт кинотеатра планировалось выделить 100 тыс. руб. и на закупку мебели ещё 50 тыс. [6, л. 5]. Согласно плана на 1953 г. кинотеатр должен был давать 1456 киносеансов для взрослых и 728 киносеансов для детей [7, л. 5]. Интересным фактом является то, что в 1961 году директором кинотеатра был Иван Дмитриевич Коломийченко [8, л. 2]. Герой Советского Союза, командир 800 - го стрелкового полка, 143 - й стрелковой дивизии, 47 - й армии 1 - го Белорусского фронта. После войны продолжил службу в армии. В 1947 году военком Мышковского района, Барановичской области БССР. С 1960 г. полковник в отставке. Умер в 1964 году, похоронен на Машековском кладбище города Могилёва.

В 1963 году на реконструкцию кинотеатра «Родина» планировалось выделить сумму 46 тыс. 550 руб. [9, л. 5]. В 1968 г. у посетителей кинотеатра большой популярностью пользовался широкоформатный фильм «Анна Каренина». Согласно штатному расписанию в 1968 году кинотеатре работало более сорока человек. В этом же году кинотеатр выполнил годовой план на 103,5 %. [10, л. 7]. В это время директором кинотеатра являлся ещё один участник ВОВ – Подолян Федот Прокофьевич. С 1931 года - в Красной Армии. Член КПСС с 1938 года. Великую Отечественную войну встретил под Слонимом, с апреля 1942 года в партизанах: рядовой взвода, роты, командир отряда. С апреля по июль 1943 года - командир 11-й Быховской партизанской бригады. С июля - командир, а с ноября 1943 года - начальник Быховской военно-оперативной группы, одновременно в ноябре 1943 - феврале 1944 года - секретарь Быховского подпольного райкома партии. В 1944 - 1965 годах на партийно-советской работе в Бобруйской и Могилёвской областях. В 1956 году заочно окончил Могилевский педагогический институт. В рассматриваемый период являлся директором кинотеатра «Родина». Умер в 1971 году, похоронен на Воскресенском кладбище г. Могилёва.

В период с 1971 по 1983 годы малый зал функционировал как детский кинотеатр «Пионер». Следует отметить, что детский кинотеатр успешно справлялся с поставленными планами и задачами. За 1973 год планировалось обслужить 78 тыс. зрителей, а было обслужено 104 тыс. 400 человек. При финансовом плане получить 7 тыс. 200 руб. было заработано 10 тыс. 440 руб. [11, л. 19]. В 1970 - 1980-х годах кинотеатр «Родина» претерпел серьезные реконструкции и модернизации. Зал был оснащен новейшим оборудованием для кинопоказа, а интерьеры были оформлены в современном стиле. Например - в 1973 году в кинотеатре впервые в Могилёвской области были внедрены пятикиловаттные ксеноновые осветители. [там же, л. 61]. В это

время кинотеатр с успехом экспериментировал с форматом показа фильмов, предлагая зрителям разнообразные авторские программы и специализированные киносеансы. По плану на 1975 год, кинотеатр должен был заработать не менее 5 тыс. 300 рублей чистой прибыли, работники кинотеатра с успехом выполнили и перевыполнили план. Чистая прибыль составила 9 тыс. 100 руб. [12, л. 6].

В 90-е годы прошлого века могилевчане менее активно посещали кинопоказы. Был застойный период, и достаточно продолжительный. Кинотеатр не работал, в нем была дискотека. Потом в кинотеатр стали приглашать актеров, делать творческие встречи, начали активно работать с учебными заведениями, давать рекламу по всему городу. К примеру, в 2002 году, 12 апреля состоялась встреча с героем СССР лётчиком-космонавтом Виктором Афанасьевым. 17 декабря 2004 г. проходила встреча с олимпийским серебряным призёром Афин, тяжелоатлетом Андреем Рыбаковым. В 2007 в «Анимаёвке» принимала участие известная актриса Наталья Крачковская. В 2010 году на «Анимаёвке» присутствовала участница детского «Евровидения» Ксения Ситник. В 2020 году кинотеатр посещал архиепископ Сафроний (было налажено сотрудничество с православной церковью). Постоянно проводятся мероприятия для пожилых людей, инвалидов, с малоимущими семьями. Это постепенно и привлекло зрителя в кинотеатр. С 2011 года демонстрация кинофильмов осуществляется в 3D формате. В 2019 году установлено новейшее цифровое оборудование - трёхлучевая поляризационная система 3DC. Кинотеатр «Родина» привлекает кинозрителей интерактивными формами работы. В практику кинотеатра вошли ночные кинопоказы, киноvideопраздники и киноvideопоздравления. Культурно-познавательная киноvideопрограмма «Cinema-Могилев» предоставляет возможность кинозрителям познакомиться с кинотеатром «Родина» во время обзорной экскурсии, с историей кинематографа Могилева. Проводиться видеопрограмма «Кіно маёй краіны», «О Беларуси и белорусах». По сложившейся традиции здесь проходят церемонии открытия и закрытия широкомасштабных киномероприятий: Дней кино стран мира, Международного фестиваля анимационных фильмов «Анимаёвка». С 2003 года в кинотеатре ежегодно проходит кинонеделя «Туровская осень», посвященная уроженцу Могилева В.Т.Турову.

Виктор Туров родился 25 октября 1936 года в Могилёве (по другим источникам - в деревне Брыли Могилевского района). Автор ряда документальных фильмов и сюжетов в киножурнале «Советская Беларусь». Закончил режиссёрский факультет ВГИК. В 1989-1996 годах вёл режиссёрскую мастерскую в Белорусской академии искусств (профессор). В 1976-1981 годах - 1-й секретарь Союза кинематографистов Белорусской ССР. Академик Всемирной академии славянского искусства. Член КПСС с 1977 года. Виктор Туров умер 31 октября (по другим источникам - 5 ноября 1996 года). Похоронен в Минске на Восточном кладбище. На здании кинотеатра

«Родина» 29 октября 2003 года установлена памятная доска в честь известного режиссёра. [2, с. 36].

Кинотеатр «Родина» стал главной доминантой небольшой, но весьма уютной и целиком застроенной площади, которая образовалась здесь в конце 1950 – х гг. Это один из немногих законченных в городе архитектурных ансамблей. В 2003 году на ней установлены солнечные часы в виде скульптуры звездочёта и открыта «площадь звёзд», куда занесены и будут заноситься в дальнейшем имена почётных граждан города Могилёва.

Подводя итог, можно сказать, что кинотеатр «Родина» был и остаётся одним из культурных центров Могилёва, он не просто живёт, он развивается.

Литература:

1. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Гал. рэд. – П.У. Броўка. Т. 2 – Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, Мн. 1970. Т. 2. Афіны – Ведрыч. 640 стар. з іл. І картамі.

2 Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Т. 16: Трыпалі – Хвіліна / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн, 2003. – 576 с.: іл.

3. Близнюк А. Три четверти века хорошего кино: [75 – летний юбилей кинотеатра «Родина»] / А. Близнюк // Могилёвская правда. – 2014. – 6 ноября.

4. Государственный архив Могилёвской области (ГАМог) – Ф. 100. Оп. 1. Д. 44.

5. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 5.

6. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 7.

7. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 26.

8. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 42.

9. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 51.

10. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 134.

11. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 183.

12. ГАМог. – Ф. 804. Оп. 1. Д. 265.

13. Могилёв: Энцикл. справ./Белору. Сов. Энцикл.; Редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) и др. – Мн.: БелСЭ, 1990. – 472 с., [14] л. ил.: ил.

УДК 94(476) «1953»

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ МИЛИЦИИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1953 ГОД

Тютюнкoв А. Н.

Учреждение образования

«Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(г.Могилев, Республика Беларусь)

В статье рассматриваются итоги деятельности милиции Могилевской области по итогам 1953 года, структура преступности и административных правонарушений, меры, предпринимаемые правоохранительными органами,

для обеспечения надлежащего уровня правопорядка и улучшения профессиональной подготовки работников милиции.

Ключевые слова: милиция, преступность, политико-воспитательная работа, дисциплина, законность.

The article examines the results of the activities of the Mogilev region police in 1953, the structure of crime and administrative offenses, measures taken by law enforcement agencies to ensure an appropriate level of law and order and improve the professional training of police officers.

Keywords: police, crime, political and educational work, discipline, legality.

В рамках данной публикации нами изучены результаты работы милиции Могилевской области за 1953 год. Нами осуществлена попытка оценить, насколько милиция Могилевщины справилась с задачами обеспечения правопорядка на территории области в исследуемый период.

Источником для нашего исследования стала справка о работе органов милиции УМВД Могилевской области по борьбе с уголовной преступностью, расхитителями социалистической собственности и спекуляцией за 1953 год, сохранившаяся в Государственном архиве общественных объединений Могилевской области [1].

Объем документа составляет девять страниц машинописного текста и подписан заместителем начальника управления милиции УМВД Могилевской области подполковником милиции Галковским и заместителем начальника этого же управления по политической части капитаном милиции Чернявским. Документ, датированный 8 января 1954 года, состоит из 7 разделов, посвященных: работе с кадрами, борьбе с уголовной преступностью, борьбе с хищением социалистической собственности, состоянию следственной работы, работе наружной службы милиции, мероприятиям по обеспечению безопасности движения на автотранспорте и планируемым мероприятиям по улучшению борьбы с уголовной преступностью и расхитителями социалистической собственности [1].

Первый раздел отражает состояние с укомплектованием подразделений кадрами и состояние политико-воспитательной работы с ними.

Так, при штатной численности в 765 штатных должностей было укомплектовано 748, что составляет 97,7%. Коммунисты и комсомольцы составляли 74,4% к общей численности личного состава. Партийные и комсомольские организации осуществляли свою работу во всех городских и районных отделениях, за исключением Чауского районного отделения (далее – РОМ), в котором не имелось комсомольской организации. Все руководящие и большинство оперативных должностей, были укомплектованы коммунистами. Все вышесказанное позволяет утверждать, что исходя из требований времени, работа с кадрами осуществлялась на достаточно высоком уровне [1, л. 2].

Значительное внимание уделялось политической, профессиональной и общеобразовательной видам подготовки. Например в 1953 году, в 22-х

группах по программе Политотдела Главного управления милиции МВД СССР обучалось 264 человека из числа рядового и сержантского состава; в 16-ти группах – 121 участковый уполномоченный; в 22-ти кружках по изучению Краткого курса истории КПСС – 262 человека; на семинаре по философии – 19; на семинаре по истории партии – 17; в районных партийных школах при городских и районных комитетах КПБ – 23; на семинаре пропагандистов – 17; в университете Марксизма-Ленинизма – 4; в заочных школах милиции – 22; на курсах переподготовки начальствующего состава – 9, в институтах – 2; в общеобразовательных школах – 47 [1, л. 3].

В целях повышения уровня специальных знаний в 1953 году прошли через учебные сборы при управлении милиции области 61 участковый уполномоченный, 99 человек из числа рядового состава. Сборы при управлении милиции республики прошли 43 работника милиции из числа оперативно-начальствующего состава. Кроме того, в каждом подразделении были организованы еженедельные занятия в объеме 2 часов [1, л. 3].

В рамках политико-воспитательной работы проводилось ряд мероприятий: заседания партийных активов органов милиции области, инструктивные семинары секретарей партийных и комсомольских организаций, агитаторов и пропагандистов, общине собрания сотрудников, читались лекции, доклады, проводились беседы с личным составом.

По результатам проведенной работы была повышена профессиональная квалификация работников милиции, улучшилась служебная дисциплина. Так, в сравнении с 3-м кварталом, количество нарушений дисциплины уменьшилось на 44,7% [1, л. 3].

В разделе, посвященном борьбе с уголовной преступностью, отражена структура уголовной преступности (всего 527 преступлений за 1953 год): убийство – 26 (4,93%), разбой – 29 (5,5%), хулиганство – 173 (32,82%), кражи всех видов – 282 (53,51%), прочие – 17 (3,22%), что отражает превалирование преступлений, связанных с завладением чужой собственностью и хулиганством. Раскрываемость составила 84,9% (447 преступлений) [1, л. 4].

Сравнение с 1952 годом отражает отрицательную динамику в профилактике и пресечении уголовной преступности. Так, в 1952 году было совершено 461 уголовное преступление, что отражает рост преступности в 1953 году на 12,6% и снижение раскрываемости на 3,3% [1, л. 4].

Особо отражено влияние амнистии 1953 года на рост преступности в 3-м квартале (в первую очередь в Могилеве): совершено 62 преступления, из них 1 убийство, 8 разбоев, 23 хулиганства, 30 краж. Благодаря принятым мерам в 4-м квартале криминогенную обстановку удалось стабилизировать. В рамках проведения указанных мероприятий с положительной стороны отмечались отделения милиции Горецкого, Бельничского, Костюковичского районов. Критике подверглись РОМ Кричевского, Краснопольского, Славгородского и Дрибинского районов, которые не только не смогли сбить вал преступности, но и допустили ее дальнейший рост [1, л. 4].

Примечательно, что из числа 644 человек, привлеченных к уголовной ответственности, молодежь в возрасте до 25 лет составляла 59,93% (386 человек). Среди осужденных преступников члены КПСС составляли 0,46% (2 человека), а членов ВЛКСМ – 8,54% (55 человек), что вместе составляет менее 10% от общего количества [1, л. 5].

Особо отражено, что за истекший год задержано 63 преступника, находящихся в розыске, 426 человек из числа неплательщиков алиментов, 14 человек-нарушителей трудовой дисциплины [1, л. 5].

Безусловно, обращает на себя информация о большом количестве изъятого у населения незаконно хранящего оружия, что отражает активную позицию милиции в деле профилактики преступлений. Так, в 1953 году всего изъято 312 единиц оружия: 146 винтовок, 52 обреза, 73 пистолета, 8 автоматов, 24 финских ножа и 4 гранаты [1, л. 5].

Раздел, посвященный борьбе с расхитителями социалистической собственности и спекуляцией, отражает огромное внимание милиции к пресечению данного вида преступлений. Только в нем приведены примеры наиболее характерных фактов. Например, на Могилевской базе «Главрыбсбыта» ликвидирована группа из 14 человек во главе с директором, которая различными способами осуществляла кражу рыбы «Прибывшие 6 вагонов рыбы из Калининградской конторы Рыбсбыта вовсе скрыты от учета и стоимость рыбы 75012 руб. хищники присвоили и ряд других. Всего преступниками расхищено рыботоров, как это установлено на сумму 526.405 рубл. Преступник осуждены» [1, л. 6].

Всего же милицией области по делам данной категории было возбуждено 188 уголовных дел, по которым к уголовной ответственности было привлечено 278 человек [1, л. 5].

Кроме того, среди иных экономических преступлений, абсолютное большинство связано с самогоноварением, что свидетельствует о распространенности данного занятия и активной позиции органов милиции в борьбе с ним. По линии отдела по борьбе с хищением социалистической собственности УМВД Могилевской области привлечено к ответственности за спекуляцию – 16 (4,24%) человек, за запрещенный промысел – 12 (3,18%), за самогоноварение – 314 (83,2%), прочие преступления – 35 (9,28%) [1, л. 5].

Раздел о состоянии следственной работы отражает высокий уровень соблюдения законности милицией при проведения следствия. Расследование по делам проводилось в установленные сроки и соблюдением соответствующих процессуальных норм. Всего за 1953 год органами милиции расследовано 1304 уголовных дела, по которым к уголовной ответственности привлечено 1604 человека. Арестовано до суда 558 человек, из которых только 7 (1,25%) необоснованно, за что, в каждом случае «Виновные в этом строго наказаны» [1, л. 7].

В разделе о работе наружной службы милиции привлекает внимание структура нарушений, с которыми были призваны бороться работники милиции, несущие службы непосредственно на улицах населенных пунктов.

Так, за 1953 год ими была проделана следующая работа: пресечено преступлений – 198; раскрыто преступлений – 439; задержано преступников – 451; задержано нарушителей – 999; изъято нищих с улиц – 221; задержано беспризорных и безнадзорных детей – 418; подвергнуто штрафу за нарушение обязательных решений местных органов власти (антисанитарию, торговлю в неустановленных местах, потравы и др.) – 1275; за нарушение паспортного режима – 898. Всего наложено штрафов на сумму в 94530 рублей [1, л. 8].

По итогам деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения выявлено 3014 нарушителей правил движения. Из них: лишено прав на управление автотранспортом – 172 человека; оштрафовано – 546 (на сумму 35 765 рублей); заменено талонов – 1154 [1, л. 8]. Значительное внимание уделялось профилактике нарушений. Так, проведено бесед по соблюдению правил безопасного поведения на дорогах с водителями – 133, с учащимися – 175; проведено киносеансов по указанной тематике – 187 [1, л. 8]. Однако руководство милиции оценило эффективность данной работы как неудовлетворительную, в связи с тем, что за год было совершено 39 аварий, по итогам которых погибло и умерло 22 человека, 34 пострадали. Основными причинами происшествий стало управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, перевозка пассажиров на необорудованных и технически неисправных машинах [1, л. 9].

По итогам работы милиции за год был составлен «План мероприятий по улучшению по улучшению борьбы с уголовной преступностью и расхитителями социалистической собственности», который предусматривал ряд конкретных действий; разработка плана агентурно-оперативных мероприятий; проведение совещания следственных работников; повышение требований к улучшению работы наружной службы милиции и Госавтоинспекции; проведение партийных собраний во всех подразделениях области и 3-х дневного семинара со всеми секретарями партийных организации « по вопросам улучшения организации организационно-партийной и воспитательной работы среди личного состава, укрепления дисциплины и повышения моральных качеств работников милиции» [1, л. 9–10]

Литература:

1. Справка о работе органов милиции УМВД Могилевской области по борьбе с уголовной преступностью, расхитителями социалистической собственности и спекуляцией за 1953 год // Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 4513. Оп. 1. Д. 348. Л. 2–10.

КАДРЫ І ЎЗРОВЕНЬ ЗАРОБКУ ПРАЦАЎНІКОЎ ПРАМЫСЛОВАСЦІ
МАГІЛЁўСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў ПЕРЫЯД ПАЛІТЫЧНЫХ І
ЭКАНАМІЧНЫХ РЭФОРМ 1985–1994 ГГ.¹

Пушкін І. А.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных
тэхналогій»
(г. Магілёў, Беларусь)

Анатацыя. Раскрыты і ахарактарызаваны памер заробкаў працаўнікоў прамысловых прадпрыемстваў Магілёўскай вобласці ў 1985–1994 гг. Асвятляюцца і аналізуюцца асноўныя складнікі сацыяльнага фактару, які аказваў значны ўплыў на правядзенне палітычных і эканамічных рэформ у апошнія гады савецкай мадэрнізацыі і на пачатку станаўлення Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: Беларусь, Магілёў, Магілёўшчына, кадры, заробак, прамысловасць

Summary. Pushkin I. A. Personnel and wage levels of industrial employees in the Mogilev region during the period of political and economic reforms in 1985–1994.

The size of salaries of workers of industrial enterprises of the Mogilev region in 1985–1994 is revealed and characterized. The main components of the social factor, which had a significant impact on the implementation of political and economic reforms in the last years of Soviet modernization and at the beginning of the formation of the Republic of Belarus, are highlighted and analyzed.

Keywords: Belarus, Mogilev, Mogilev region, personnel, wages, industry

Адным з асноўных фактараў, які ўплывае на правядзенне эканамічных пераўтварэнняў і трансфармацыю палітычнай сістэмы, з’яўляецца сацыяльны, дзе адзін з галоўных складнікаў – узровень дабрабыту, які цалкам залежыць ад працаўладкавання і памеру заробку.

У савецкі час сярэднямесячны заробак рабочых і служачых у прамысловасці стабільна павялічваўся (гл. табл. 1). Партыйна-савецкае кіраўніцтва выкарыстоўвала дадзены факт для паказу ўросшага дабрабыту насельніцтва і перавагі сацыялістычнага ладу жыцця.

Можна вылучыць два перыяду з савецкага этапу беларускай дзяржаўнасці, калі адбывалася істотнае павялічэнне заробкаў: 1970-я гг. – пры правядзенні ў СССР эканамічных рэформ і ў другой палове 1980-х гг., калі пачалася рэалізацыя палітыкі “перабудовы” і павялічэнне заробкаў

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання навуковых даследаванняў “Кадры прамысловасці Беларусі як фактар трансфармацыі палітычнай сістэмы і эканамічных мадэляў (1945–2019)” (нав. кіраўнік – к.г.н., дацэнт І. А. Пушкін) ДПНД на 2021–2025 гг. “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” (нав. кіраўнік – акадэмік НАН Беларусі, д.г.н., прафесар А. А. Каваленя) падпраграмы “Гісторыя” (нав. кіраўнік – к.г.н., дацэнт В. Л. Лакіза), задання 12.1.3 “Гісторыя Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стст.” (нав. кіраўнік – д.г.н., дацэнт М. У. Смяховіч).

адбывалася амаль штогод, у адрозненні ад ранейшага часу, калі павышэнні падлічваліся ў цэлым за пяцігодку.

Табліца 1 – Сярэднямесячны заробак рабочых і служачых у прамысловасці Магілёўскай вобласці (руб.), 1961–1988 гг. [12, арк. 34адв.–36]

	1961	1965	1970	1975	1980	1985	1986	1988
Прамыслова-вытворчы персанал, у т.л.:	74,8	83,3	113,0	134,5	162,9	187,1	191,7	222,3
рабочыя	73,1	81,2	110,6	132,6	163,2	188,1	192,5	—
ІТР	110,2	119,9	150,8	169,1	183,1	203,3	207,5	—
служачыя	72,8	77,8	104,8	114,4	132,0	151,0	158,3	—

Падчас правядзення палітыкі “перабудовы” планавалася правесці перабудову кіравання эканомікай, пашырыць правы прадпрыемстваў, укараніць гаспадарчы разлік, павысіць матэрыяльную зацікаўленасць працаўнікоў вынікамі сваёй працы, развіваць ініцыятыву ў структурах кіравання, павышаць яго эфектыўнасць. Працэс якаснай перабудовы механізму аплаты працы, накіраваны на павышэнне эфектыўнасці вытворчасці і ўзмацненне стымулявання за канчатковыя вынікі працы, знайшоў сваё адлюстраванне ў пастанове ЦК КПСС, СМ СССР і ВЦСПС ад 17.09.1986 г. № 1115 “Аб удасканаленні арганізацыі заробтнай платы і ўвядзенні новых тарыфных ставак і службовых акладаў работнікаў вытворчых галін народнай гаспадаркі” [8, арк. 94–94адв.]. Яе выкананне закранула і прадпрыемствы Савецкай Беларусі, што аказала значны ўплыў на кадравы патэнцыял прамысловасці.

На 01.01.1988 г. было скончана ўвядзенне новых умоў аплаты працы на 3,1 тыс. прадпрыемстваў і арганізацый БССР з колькасцю працаваўшых больш за 1,4 млн. чал. (50,7 %). На павышаныя тарыфныя стаўкі і аклады перавялі 59,5% працуючых на прадпрыемствах і арганізацыях міністэрстваў і ведамстваў БССР, саюзнага падпарадкавання – 30,1%. Найбольшых вынікаў пры ўвядзенні новых умоў аплаты працы дабіваліся калектывы, якія працавалі ва ўмовах поўнага гаспадарчага разліку і самафінансавання. Сярэдні заробак работнікаў, для якіх былі ўстаноўлены новыя тарыфныя стаўкі і аклады, павялічыўся на 2–13 % і больш. Пры гэтым заробак спецыялістаў і служачых павышаўся ў большай ступені, чым у рабочых (на 10–35%), памяншаючы раней склаўшуюся дыспрапорцыю. Пры гэтым на многіх прадпрыемствах і арганізацыях прамысловасці кіраўніцтва стала на шлях “пошуку” сродкаў на аплату за кошт памяншэння памераў прэмій, значнага памяншэння разрадаў, надбавак і даплат за прафесійнае майстэрства, высокую кваліфікацыю, сумяшчэнне прафесій [8, арк. 94–95, 98; 9, с. 177–178; 10, с. 122–124; 11, с. 116–118].

Рэфармаванне другой паловы 1980-х гг. было правалена з-за непаслядоўнасці, нерашучасці, палавінчатасці прымаемых мер. Спачатку назіралася павелічэнне тэмпаў эканамічнага росту, паскарэнне дынамікі прадукцыйнасці працы. Адначасова назіраўся крызіс спажывецкага рынку і значны рост цэн. Захоўвалася старая сістэма кіравання, традыцыі планавання і размеркавання па фондах і нарадах па фіксаваных цэнах. З 1990 г. пачалося разбурэнне адзінай эканамічнай прасторы СССР, якое суправаджалася не кантралюемым падзеннем вытворчасці. За 1989–1991 гг. падзенне нацыянальнага прыбытку СССР дасягнула 33 %. У Беларусі крызісныя з’явы пачалі назірацца толькі з 1991 г.

У цэлым па народнай гаспадарцы СССР сярэднямесячны заробак за першае паўгоддзе 1990 г. склаў 256 руб., тэмп яго росту – 108,5%, заробак работнікаў органаў кіравання павысіўся ў 1,4 разы [6, арк. 13]. Сярэднямесячны заробак у БССР вырас на 11,2% (студзень-чэрвень 1989 г. – 9,5%). Заробак работнікаў апарата органаў дзяржаўнага і гаспадарчага кіравання на 42,7% [7, арк. 20–21].

Табліца 2 – Змяненне сярэднямесячнага заробку па галінах народнай гаспадаркі Магілёўскай вобласці ў студзені-чэрвені 1990 г. у параўнанні з аналагічным перыядам 1989 г. [2, арк. 16–17]

	Сярэднемесячны заробак у рублях		%
	Студзень-чэрвень 1989 г.	Студзень-чэрвень 1990 г.	
Усяго па народнай гаспадарцы	216,1	241,3	111,7
Прамысловасць	244,8	263,9	107,8
Апарат органаў дзяржаўнага і гаспадарчага кіравання	212,4	318,9	150,1
Транспарт	249,6	275,2	110,3
Будаўніцтва	259,1	287,9	111,1
Народная адукацыя	168,5	187,0	111,0
Навука	253,9	270,9	106,7

За студзень-чэрвень 1990 г. сярэднямесячны заробак у Магілёўскай вобласці (гл. табл. 2) вырас на 11,7% (студзень-чэрвень 1989 г. – 8,4%). У той жа час аб’ём прамысловай вытворчасці вырас на 2%, а выпуск тавараў народнага спажывання на 7,9%. Самы высокі заробак быў у сферы будаўніцтва і апарате органаў кіравання. Сярэднямесячны заробак работнікаў апарата дзяржаўнага і гаспадарчага кіравання ўзрос на 50,1%; работнікаў гандлю, грамадскага харчавання і матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння на 22,9%; культуры на 16,4 %; аховы здароўя, фізкультуры і сацыяльнага забеспячэння на 11,2%. Сярэднямесячны заробак работнікаў

культуры складаў 65% ад узроўню яго ў цэлым па Магілёўскай вобласці; работнікаў аховы здароўя, фізкультуры і сацыяльнага забеспячэння – 72%, мастацтва – 75%; народнай адукацыі – 78%; гандлю і грамадскага харчавання – 85% [4, арк. 14].

Вярхоўны Савет БССР 27.07.1990 г. абвясціў суверэнiтэт БССР, у кастрычніку 1990 г. ён прыняў “Праграму пераходу да рыначных адносін у БССР”. Асноўнымі прынцыпамі беларускай урадавай праграмы было гарантаванне свабоды прадпрымальнiцтва, свабода эканамiчнага выбару, свабоднае цэнаўтварэнне, максімальная адкрытасць рынкавай сiстэмы Беларусі, суверэннае права рэспублікі распрацоўваць і ажыццяўляць свае законы і нарматыўна-прававыя акты.

Пастановамі Кабiнета Міністраў СССР № 105 ад 19.03.1991 г. “Аб рэформе рознічных цэн і сацыяльнай абароне насельнiцтва” і СМ БССР № 100 ад 22.03.1991 г. “Аб рэформе рознічных цэн і сацыяльнай абароне насельнiцтва БССР” з 02.04.1991 г. уводзіліся новыя адзiныя для гарадоў і сельскай мясцовасці дзяржаўныя рознічныя цэны на харчовыя і нехарчовыя тавары. У адпаведнасці з гэтымі пастановамі быў перагледжаны памер і абмежаваны лiмiтавы ўзровень. Шэраг тавараў рэалiзоўваліся па рэгуляваных цэнах. Прадугледжвалася непазбежнасць эканамiчных санкцый да прадпрыемстваў за неабгрунтаванае павышэнне цэн [3, арк. 41]. Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 495 “Аб далейшай лiбералiзацыі рознічных цэн” была прынята 28.12.1991 г. Усё гэта аказвала значны ўплыў на працу прадпрыемстваў, эфектыўнасць вытворчасці, узровень заробку, замацаванне і стымуляванне працы кадраў, на эканоміку ў цэлым.

У Рэспубліцы Беларусь з мэтай падтрымання на пэўным узроўні дабрабыту грамадзян, з 1991 г. па верасень 1994 г., было праведзена некалькі этапаў павышэння заробку. Пасля чарговага павышэння з 01.07.1994 г. органамі статыстыкі было праведзена выбарчае абследаванне заробку работнікаў па асобных прафесіях і пасадах за кастрычнік 1994 г. Абследаванне ахапіла 193 прамысловыя прадпрыемствы Беларусі з сярэднеспісачнай колькасцю працуючых у іх у кастрычніку 1994 г. – 283,2 тыс. чал. і 174 будаўніча-монтажных арганізацый. Іх сярэдні заробак склаў 194,6 тыс. руб. Сярод абследаваных прамысловых прадпрыемстваў найбольш высокааплачанымі былі работнікі мэблявай прамысловасці – 278,2 тыс. руб.; электраэнергетыкі – 241,9 тыс. руб.; абутковых прадпрыемстваў – 215,1 тыс. руб.; тэкстыльнай прамысловасці – 213,5 тыс. руб. Самая нізкая аплата працы была ў работнікаў масларобнай, сыраробнай і малочнай прамысловасці – 115,6 тыс. руб. і пякарнай – 125 тыс. руб. [1, арк. 100–101адв.]

Аналіз статыстычных даных паказвае, што аплата працы была рознай па катэгорыях персаналу. Сярэдні заробак кіраўнікоў і спецыялістаў па асобных пасадах быў вышэй чым у рабочых на 17%, і складаў адпаведна 214,8 і 183,3 тыс. руб. Найбольш значныя адрозненні ў аплаце працы былі на прадпрыемствах дрэваапрацоўчай галіны, дзе заробак кіраўнікоў і спецыялістаў складаў 348,4 тыс. руб., а рабочых – 194,3 тыс. руб.; цэлюлозна-

папяровай прамысловасці, адпаведна 260,8 і 173,8 тыс. руб. (ніжэй на 50%); швейнай – 205 і 142,2; масларобнай, сыраробнай і малочнай – 146,3 і 101,6 (на 44%); паліграфічнай – 165,6 і 115,7 (на 43,2%); электраэнергетыкі – 282,2 і 203 тыс. руб. (на 30%). Як і ў іншых вытворчых галінах, у прамысловасці назіралася ўстойлівая тэндэнцыя значнага апярэджання росту аплаты працы над аб'ёмам вытворчасці, які знізіўся ў студзені – жніўні 1994 г. у параўнанні з аналагічным перыядам 1993 г. на 26,5 % [5, арк. 132].

Сярэднямесячны заробак рабочых і служачых Магілёўскай вобласці па народнай гаспадарцы ў жніўні 1994 г. склаў 90 856 руб. (на прадпрыемствах прамысловасці – 109 684 руб.) супраць 15 994 руб. у жніўні 1993 г. [5, арк. 129–130] Калі перавесці ў доларавы эквівалент гэта складала 23,9 і 2,5 долара¹.

Аналіз памеру заробку на 171 прамысловым прадпрыемстве Магілёўскай вобласці ў жніўні 1994 г. засведчыў, што на 27 прадпрыемствах прамысловасці (15,8%) ён практычна адпавядаў сярэдняму заробку прааналізаваных (109 684 руб.), на 85 (49,4%) быў ніжэй, на 38 (22,2%) заробак складаў 81–100 тыс. руб.

Самыя высокааплатнымі былі ў Магілёўскай вобласці – работнікі банкаўскіх арганізацый (135 720 руб.), прамысловасці і будаўніцтва (106 698 руб.), матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння і збыту (104 750 руб.), апарата органаў дзяржаўнага кіравання (104 211 руб.). У той жа час, трэба адзначыць, што сярэднямесячны заробак работнікаў многіх галін невытворчай сферы быў значна ніжэйшы чым у цэлым па народнай гаспадарцы. Так, памер сярэднямесячнага заробку работнікаў сацыяльнага забеспячэння (38 167 руб.) складаў 44% ад сярэдняга па Магілёўскай вобласці, невытворчых відаў бытавога абслугоўвання насельніцтва (38821 руб.) – 45%, работнікаў культуры (49 257 руб.) – 57%, народнай адукацыі (51 653 руб.) – 60% [5, арк. 130–132].

Заробак, працаваўшых у жніўні 1994 г. у параўнанні са снежнем 1993 г., узрос у 5 разоў, а цэны на тавары і паслугі павялічыліся ў 7,2 разы. За жнівень 1994 г. спажывецкія цэны на тавары і паслугі ўзраслі на 64,9%, у тым ліку на тавары на 64,9%, на паслугі – 64,8%. Прадукты харчавання і напоі падаражэлі за жнівень 1994 г. на 72,5%, у параўнанні са жніўнем 1993 г. у 29,1 разы пры росце заробку за гэты перыяд у 14,9 разы [5, арк. 131].

3 ліпеня па жнівень 1994 г. заробак узрос на 8%, а цэны за месяц падняліся на малочныя прадукты ў 3,9 разы, хлеб у 3 разы, алеі і тлушчы ў 2 разы, каўбасныя вырабы, мяса (уключаючы мяса птушкі) у 1,6 разы. Рост спажывецкіх цэн на невытворчыя тавары склаў за жнівень 1994 г. – 32,6 %. З іх: на адзенне і абутак – 34,2%, тканіну – 23,6%, мэблю – 46,6%, медыкаменты – 51,7%, кнігі і газеты – 78,7%. У параўнанні са жніўнем 1993 г. невытворчыя тавары сталі даражэйшымі ў 18,3 разы [5, арк. 131].

¹ У канцы 1993 г. афіцыйны курс аднаго долара быў амаль 7000 руб. і прыкладна за столькі ж яго можна было купіць насамрэч. У жніўні 1994 г. была праведзена дэнамінацыя. 26 жніўня долар каштаваў 3800 рублёў, 30 верасня – 5630 рублёў, 27 кастрычніка – 7200 рублёў, 25 лістапада – 8200 рублёў, 23 снежня – 10580 рублёў. За 1994 год рубель абясцэніўся ў 15 разоў.

Цэны і тарыфы на платныя паслугі насельніцтва за месяц у жніўні 1994 г. павялічыліся ў 1,6 разы. З іх: на паслугі бытавыя ў 1,8 разы, ЖКГ у 2,6 разы, ахова здароўя ў 2,2 разы, ўстаноў банкаўскай сферы ў 3,6 разы. Так, з ліку камунальных паслуг амаль у 5 разоў падаражэла цэнтральнае ацяпленне і гарачае водазабеспячэнне, у 4 разы каналізацыя, водазабеспячэнне і санітарная ачыстка, у 2 разы сеткавы і звадкаваны газ, квартплата стала даражэйшай у 5 разоў [5, арк. 131].

Аналіз прыведзенага матэрыялу дазваляе казаць, што рост заробку ў першай палове 1990-х гг. быў абумоўлены не павелічэннем вытворчасці, а нарастаннем інфляцыйных працэсаў і неабгрунтаваным ростам цэнаў, якія не адпавядалі рэальным даходам працоўных. Усё гэта выклікала сацыяльную напружанасць, што прыводзіла да дэстабілізацыі становішча ў грамадстве і эканоміцы, спараджала масавае незадавальненне грамадзян палітыкай афіцыйных уладаў.

У перыяд палітычных і эканамічных рэформ 1985–1994 гг. кіраўніцтва спрабавала шляхам прыняцця ў асноўным адміністрацыйных мераў вырашыць эканамічныя і сацыяльныя праблемы ў грамадстве. Спробы эканамічнага стымулявання не давалі належнага эфекту з-за існаваўшых абмежаванняў і сістэмы размеркавання, дэфіцыту сацыяльных даброт і прадметаў шырокага спажывання. Дзейных эканамічных механізмаў не існавала, яны не маглі быць створаны ва ўмовах захавання адміністрацыйна-каманднай сістэмы кіравання і размеркавання.

Трансфармацыя савецкай палітычнай сістэмы і эканамічныя рэформы 1985–1994 гг. засведчылі, што значны ўплыў на эканамічнае жыццё БССР і Рэспублікі Беларусь аказаў шэраг фактараў як аб'ектыўнага, так і суб'ектыўнага характару. Ажыццяўленне новага палітычнага курсу напачатку прывяло да пэўных станоўчых зрухаў у эканоміцы рэспублікі. Але напрыканцы 1980-х гг., нягледзячы на пэўнае рэфармавання сістэмы кіравання гаспадаркай у напрамку яе частковай дэцэнтралізацыі, савецкая камандная эканоміка ўступіла ў паласу эканамічнага крызісу, які скончыўся ў пачатку 1990-х гг. яе поўным крахам. У выніку шэрагу памылак і пралікаў партыйна-савецкага кіраўніцтва СССР і адпаведна БССР апынуліся ў крызісным стане, што прывяло да дэстабілізацыі становішча і распаду СССР. Першыя гады існавання Рэспублікі Беларусь характарызаваліся пагаршэннем узроўня дабрабыту насельніцтва краіны, што істотна паўплывала на колькасны і якасны склад кадраў прамысловасці. Стабілізаваць сацыяльна-эканамічнае развіццё краіны стала магчымым толькі з прыняццем Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і станаўленнем Прэзідэнцкай формы кіравання.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Заработная плата работников по профессиям и должностям в отдельных отраслях промышленности и строительстве Республики Беларусь

(по данным единовременного учёта за октябрь 1994 г.) // Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМаг). – Ф. 812. Воп. 1. Спр. 5059.

2. Изменение среднемесячной зарплаты по отраслям народного хозяйства Могилевской области в январе-июне 1990 г. по сравнению с январем-июнем 1989 г. // ДАМаг. – Ф. 812. Воп.1. Спр. 4262.

3. Інфармацыйны ліст // ДАМаг. – Ф. 7. Воп. 5. Спр. 4124.

4. Информация Могилевского областного управления статистики от 21.09.1990 г. «О расходовании в области средств на оплату труда в 1 полугодии 1990 г.» // ДАМаг. – Ф. 812. Воп.1. Спр. 4262.

5. Информация Могилевского областного управления статистики от 22.09.1994 г. Об оплате труда работников, занятых в народном хозяйстве // ДАМаг. – Ф. 812. Воп. 1. Спр. 5059.

6. Информация о росте заработной платы на 02.10.1990г. // ДАМаг. – Ф. 812. Воп.1. Спр. 4262.

7. О расходовании в БССР средств на оплату труда в 1 полугодии 1990 г. на 09.08.1990 г. // ДАМаг. – Ф. 812. Воп.1. Спр. 4262.

8. Письмо в СМ БССР о ходе реализации в республике Постановления ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 17.09.1986 г. № 1115 // ДАМаг. – Ф. 7. Воп. 5. Спр. 3784.

9. Пушкін, І. А. Кадравы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манаграфія / І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў : БДУТ, 2022. – 302 с.

10. Пушкін, І. А. Кадры і ўзровень дабрабыту работнікаў прамысловасці Магілёўскай вобласці пад час пераходу ад парламенцкай да прэзідэнцкай рэспублікі (1994–1995 гг.) / І. А. Пушкін // Магілёўшчына: XVI выпуск [Электронны рэсурс] : матэрыялы навуковай канферэнцыі «Гісторыка-культурная спадчына Падняпроўя», 13 чэрвеня 2024 г. – Магілёў : МАКМ, 2024. – 1 электрон. апт. дыск (CD – ROM). – С. 121–125.

11. Пушкін, І. А. Кадры прамысловасці Беларусі і магчымасці іх уплыву ва ўмовах трансфармацыі савецкай палітычнай сістэмы і эканамічных рэформ (1985–1991 гг.) / І. А. Пушкін // Вестник Белор. гос. ун-та пищ. и хим. техн. – 2024. – № 1. – С. 113–121.

12. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в промышленности Могилевской области // ДАМаг. – Ф. 812. Воп.1. Спр. 3404.

УДК 94(476)

МАГІЛЁЎ У БЕЛАРУСКА-ІНДЗЕЙСКІХ СУВЯЗЯХ

Сімакоў А. В.

(г. Гомель, Беларусь)

Анатацыя: Прадстаўлены агляд некаторых найважнейшых прыкладаў беларуска-індзейскіх сувязей у дачыненні да горада Магілёва. Пералічваюцца адметныя публікацыі ў мясцовым друку, уклад у

індзеяністыку жыхароў Магілёва – індзеяністаў-аматараў (І. Яфіменка, А. Шарубава), аўтараў родам з Магілёва, што стварылі тэксты пра індзейцаў кніжнага памеру (М. Бялоў, Э. Кандратаў), кантакты магіляўчан па нараджэнні з індзейцамі ў Расіі (С. Ратнер-Штэрнберг) і Паўночнай Амерыцы (Л. Камінскі).

Summary: An overview of some of the most important examples of Belarusian-Indian connections in relation to the city of Mogilev is presented. Notable publications in the local press, the contribution of Mogilev hobbyists to Indianistics (I. Efimenko, A. Sharubova), authors originally from Mogilev who created book-length texts about Indians (M. Belov, E. Kondratov), contacts of Mogilev-born persons with Indians in Russia (S. Ratner-Shternberg) and North America (L. Kaminsky) are listed.

У першы, найбольш актыўны перыяд вывучэння беларуска-індзейскіх сувязей – 1984–1994 гг. – была распрацавана адна з найбольш простых, але зручных схем апісання іх, у якой ужытыя літары беларускага алфавіту. Асноўнымі з'яўляюцца раздзелы Б, Д, І, К, П і У: **Бібліяграфія** (у дачыненні да рэгіянальнага агляду павінна змяшчаць запісы Беларуска-індзейскай бібліяграфіі (БІБ)); **Дзейнасць** (уключае апісанне работ і акалічнасцей, любых намаганняў у сферы; асабліва важны ўлік неапублікаваных твораў); **Інфармацыя** (індзеянісцкая друкаваная, эпістальная – незалежна ад краінавага паходжання, моў і форм, – якая фіксуецца ў рэгіёне або населеным пункце); **Кантакты** (ураджэнцы і жыхары, якія бачылі індзейцаў або перапісваліся з імі); **Параўнанне** (беларуска-індзейская кампаратывістыка на мясцовым матэрыяле); **Уплыў** (культурныя, моўныя і іншыя элементы, што перадаваліся ў Беларусь ад індзейцаў або ў сувязі з імі праз пасрэднікаў; прыклады значнага ўплыву на індзейцаў, іх становішча беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі і – даведачна (у раздзелах больш дапаможнага характару) – яе рэгіёнаў у замежжы).

Бібліяграфія

Па аўтаматычна выбраным з БІБ спісе «Магілёў у беларуска-індзейскіх сувязях» можна меркаваць пра тыпы публікацый і тэматыку. У магілёўскім выдавецкім прадукце пераважаюць або заўважна вылучацца дапаможнікі для студэнтаў, артыкулы, звычайна выкладчыкаў з ВНУ, у зборніках канферэнцый [7], але ёсць і публікацыі, зарэгістраваныя намі ў нязначнай колькасці, напрыклад, з мастацкіх [1] і краязнаўчых зборнікаў, з газет (артыкулы пра мясцовасці, публіцыстыка, красворды і інш.). Класіфікацыйнае значэнне мае падзел індзеянісцкага зместу публікацый на «сур'ёзны» і «іранічны», кампаратывістыка часта мае гумарыстычны характар. Эканамічныя адносіны па схеме «канкістадоры – індзейцы» ў Магілёве раскрывае заглавак артыкула ў «Магілёўскай праўдзе» 1992 г. [10]. Ключавымі словамі пры рэгістрацыі запісаў з магілёўскім і індзейскім матэрыялам у кантэксце або загатоўках найперш з'яўляюцца індзеянізмы і тэрміны, этымалагічна звязаныя з індзейцамі. Напрыклад, змест артыкула

2012 г. у «Беларускім часе» «Апошні з магікан» [2] бібліёграфы раскрываюць як «Аб рабоце прафсаюзнай арганізацыі Магілёўскага завода штучнага валакна».

Выдатным укладам у асвятленне індзейскай тэмы ў магілёўскім друку з'яўляецца метадычны дапаможнік А. Агеева для студэнтаў, прысвечаны індзейскім традыцыйным культурам (2008). Значная прысутнасць індзейскага матэрыялу – у дапаможніках Л. Клімуць (Кантрольныя заданні па гісторыі лацінаамерыканскай цывілізацыі (2008); Новая і навейшая гісторыя Лацінскай Амерыкі: метадычныя рэкамендацыі да семінарскіх заняткаў для студэнтаў 3-га курса гістарычнага факультэта (2008); Навейшая гісторыя Лацінскай Амерыкі: вучэбна-метадычны матэрыялы (2013)), яе артыкулах [3, 4], у публікацыях Я. Рыера [9], В. Рагаўцова (асабліва каштоўны яго беларускамоўны энцыклапедычны даведнік моў свету 2009 г.).

Агляд публікацый па індзейскай тэматыцы ў друку Магілёва пакуль уключае адзінкавыя дарэвалюцыйныя (на польскай мове ў нашай бібліяграфіі – толькі т. 2 «Усеагульнай гісторыі царквы» Ё. Альцога (Пецярбург і Магілёў, 1855)). «Могилевские епархиальные ведомости» змясцілі кнігагандлёвую рэкламу пра падпіску на 1898 г. на 12 тамоў твораў Ф. Купера, у 1916 г. – на часопіс «Вокруг света», творы Ж. Верна (у прыватнасці «Заваяванне Зямлі: папулярная ілюстраваная гісторыя вялікіх геаграфічных адкрыццяў і падарожжаў са старажытных часоў да нашых дзён»), Дж. Лондана, Т. М. Рыда і інш. (гэтае ж (адроджанае) епархіяльнае перыядычнае выданне падтрымала (1998) сучасную барацьбу супраць сект і магічных культаў, якія ў свой час нібыта віталі, як сярод «неграў і індзейцаў», нямецкія акупанты).

У «Могилевских губернских ведомостях» звяртае ўвагу артыкул «Першабытныя знакі каштоўнасці» [6], падрыхтаваны як пераказ вынікаў даследавання ранніх грашовых эквівалентаў Р. Э. К. «Стырнсам» (Stearns больш карэктна перадаецца Стернс, Стэрнс).

Індзейскі матэрыял трапіў і ў класічную працу «Вопыт апісання Магілёўскай губерні» (ранішнія замаразкі – этнаастраномія Перу, кн. 1, 1882, с. 240: «Вельмі цікава, што яшчэ задоўга да таго часу, калі нам зрабілася вядомым выпраменьванне і тлумачэнне ім начной шэрані, жыхарам плоскіх узвышшаў у Перу былі добра вядомыя ўмовы, пры якіх яны наступваюць: калі зоркі ярка блішчэлі і ў паветры было ціха, то яны запальвалі сырую салому ці гной для таго, каб аблокі дыму, што падымаюцца, памяншалі празрыстасць атмасферы. Гэты сродак можна рэкамендаваць і нашым сельскім гаспадарам»).

Дзейнасць

Асобы, што жылі ў Магілёве ў актыўныя ў індзеяністыцы гады, нешматлікія. Тым больш кожны з гэтым аматараў заслугоўвае асаблівай увагі.

У адрасніку індзеяністаў СССР і постсавецкай прасторы, сабраным стваральнікам альманаха «Томагавк» А. Сідаравым, да Беларусі і канкрэтна Магілёва аднесены мастак **І. Яфіменка**, вядомы сваімі серыямі індзеянісцкіх работ – у прыватнасці, ім ілюстравана кніга А. Беркава «Дар Грому. Коні ў

культуры індзейцаў раўнін» (Дар Грома. Лошади в культуре индейцев равнин, 2008, 2022). Аднак І. Яфіменка пераязджаў, яго ўклад у адлюстраванне індзейскай тэмы, такім чынам, міжнародны. Ён даручыў апублікаваць сваю мастацкую творчасць двум пецярбургскім індзеяністам.

Школьніца **А. Шарубава**, якая пазней стала гісторыкам-педагогам, адрознівалася ад сваёй сяброўкі, якая таксама цікавілася індзейцамі, большай фіксаванасцю і актыўнасцю цікавасці. Яе энтузіязм уключыў і ліст да пісьменніка-містыфікатара Сат-Ока (Гданьск), дзякуючы якому мы пазнаёміліся. Мы атрымалі ад яе 9 лістоў (указаны даты ў іх або па штэмпелях): 12.10.1987, 24.10.1987, 3.11.1987, 4.01.1988, 15.01.1988, 26.01.1988, 11.07.1988, 26.08.1988, 13.08.1989; нашы лісты да яе датуюцца 7.10.1987, 12.10.1987, 23.10.1987, 31.10.1987, 18.11.1987, 13.01.1988, 18.01.1988, 19.01.1988, 6.04.1988, 19.04.1988, 23.08.1988, 10.07.1989, 4.07.1990, 1.07.1991, 17.04.1992, 6.08.1993.

Ураджэнцы Магілёва М. Бялоў і Э. Кандратаў – расійскія аўтары асобных кніг пра індзейцаў.

А. Бялоў або Бялоў-Элінсон (Авраам-Иегошуа бен Моше Элинсон), жыве Расійскай імперыі і СССР з 1911 па 1974 г. Суаўтар А. Бялова пры стварэнні навукова-мастацкага твора пра індзейцаў Мезамерыкі, вядомы спецыяліст па рэгіёне Р. Кінжалаў, адказаў на наш запыт пра яго наступным чынам:

«Ленінград, 12 II 1991

Паважаны тав. Сімакоў!

На жаль, пра Аўраама Маісеевіча Бялова (Элінсона) магу паведаміць няшмат. Я працаваў з ім у 1954-55 г.г. над "Падзеннем Тэначтытлана"; яго вядзенню падлягаў літаратурны бок, мне – навуковы. Больш па індзейскай тэматыцы ён не пісаў. У пачатку 70 г.г. А. М. Бялоў выехаў у Ізраіль. Лістоў ад яго я не атрымліваў, і пра далейшы лёс не ведаю. "Падзенне Тэначтытлана" выйшла, акрамя рускага выдання, на ўкраінскай, славацкай, румынскай і латышскай мовах.

Шчыра Р. Кінжалаў

доктар гіст. навук, прафесар». (Згаданыя пераклады выйшлі адпаведна ў 1959, 1959, 1962 і 1964 гг.; нам вядомы і грузінскі пераклад (1972).)

Аповесць **Э. Кандратава** «Па барвянай сцежцы ў Эльдарада» выдадзена ў 1965 і 1982 гг. у Куйбышаве, у 2010 г. у Маскве і двойчы за мяжой: на чэшскай мове як «Шлях у Эльдарада» (1967) і на славацкай – «Прыгоды сярод індзейцаў» (1990). Яго брат Аляксандр, які нарадзіўся ўжо ў Смаленску, вядомы як аўтар кніг пра таямніцы культур, згубленых у акіянах (Кандратавы – сыны выхадца з Быхаўскага раёна, лётчыка, аднаго з камандзіраў знішчальнага палка, пахаванага на поўначы Гомельскай вобласці, 1943 г.).

Кантакты

Сярод найбольш значных ураджэнцаў Магілёва, якія сустракаліся з індзейцамі і іх нашчадкамі, – М. Русель, С. Ратнер-Штэрнберг, Л. Камінскі.

У друкаваную рэгіянальную бібліяграфію [4] уключаны наш першы (2005) руслезнаўчы артыкул «Доктар Русель і індзеец Джэк: нарыс "Па Каліфорніі" Мікалая Судзілоўскага-Руселя актуальны і сёння».

Школьнікі ў Сан-Францыска, з лёсам якіх звязаныя немалыя намаганні М. Руселя, былі вучнямі выпускніка Магілёўскай духоўнай семінарыі М. Грынкевіча. Адносна яго верагоднай смерці намі толькі ў сакавіку 2024 г. знойдзена паведамленне ў лонданскай газеце «Ньюс кронікл» (News Chronicle) за 22.12.1930 г. пра смяротны прысуд у Ташкенце (але патрабавецца дакументальнае пацвярджэнне пакарання протаіерэя смерцю).

С. Ратнер-Штэрнберг, якая загінула ў блакадным Ленінградзе, працавала як памочніца мужа ў Кунсткамеры ўжо ў 1910 г. (пазней спецыялізавалася па этнаграфіі «паўночна-заходніх індзейцаў», перш за ўсё тлінкітаў). Яе працяглым індзейскім кантактам быў аспірант у музеі А. Фіні (Фіней, нэ-персэ; у СССР быў з лістапада 1932 па май 1937 г.).

Выйшлі яе пераклады з англійскай, у т.л. главы ў вялікім аглядзе «Народы свету ў норавах і звычаях» (выданне выйшла ў 16 выпусках як бясплатны дадатак да часопіса «Природа и люди» за 1916 г.). Склала «Даведнік па Музеі антрапалогіі і этнаграфіі імя Імператара Пятра Вялікага. Паверх І. Зал І. Паўночная Амерыка» (1917, «3 этнаграфічнай картай распаўсюджвання індзейцаў, эскімосаў і алеутаў»). Аналагічнае выданне 1929 г. – пашыранае. Ёй жа падрыхтаваны агульны «Даведнік па Музеі...» (Петраград, 1917-1918). Акрамя тлінкітазнаўства, яна паглыбілася ў этнаграфію іншых груп захаду ЗША (артыкулы «Сям'я і род у заходніх індзейцаў Паўночнай Амерыкі (Паводле наваейшых даследаванняў)» у кн. «Пытанні гісторыі дакласавага грамадства» (1936) і «Плямёны Каліфорніі і Вялікага Басейна» ў фундаментальнай калектыўнай працы «Народы Амерыкі», т. 1, 1959).

У архіве захоўваецца яе неапублікаваны машынапіс «Чырванаскурыя "дзікуны" і белыя "цывілізатары"» [8]. Магіляўчане маглі б падтрымаць ініцыятыву публікацыі гэтай працы.

Л. Камінскі ў 1942-1943 гг. быў памочнікам начальніка Цэнтральнага штаба партызанскага руху, у 1944 г. – загадчыкам асобага [асобого] сектара ЦК КП(б)Б. Істотна і нават гучна закрануўшы індзейскую тэму на форуме ААН у Нью-Ёрку, ён таксама фізічна наблізіўся да саміх індзейцаў (экскурсіі па Сан-Францыска і Каліфорніі з наведваннем рэзервацыі ў час канферэнцыі па стварэнні ААН у Сан-Францыска ў 1945 г.; сярод 50 дэлегацый краін-заснавальніц ААН былі наступныя з Амерыкі: Аргенціна, Балівія, Бразілія, Венесуэла, Гаіці, Гандурас, Гватэмала, Дамініканская Рэспубліка, ЗША, Калумбія, Канада, Коста-Рыка, Куба, Мексіка, Нікарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чылі, Эквадор; перад гэтым працаваў у савецкім пасольстве ў Канадзе). Індзейцы і індзеяністы па дакументах ААН і публікацыях пра яе могуць пераканацца, што беларускі прадстаўнік выкарыстаў іх выпадак на карысць больш справядлівай арганізацыі аб'яднаных краін і народаў свету.

У шэрагу публікацый на англійскай мове, прысвечаных правам чалавека і культурнаму генацыду, цытуецца яго выступленне, як прадстаўніка БССР у ЭКАСАС, у 1948 г. Найранейшае з вядомых нам цытаванняў і крыніца для іншых адносіцца да 1999 г. [11, с. 1048] – у артыкуле, прымеркаваным да 50-гадовага юбілею Дэкларацыі правоў чалавека. Зробленае ў рамках падрыхтоўкі яе, паўторанае пры абмеркаванні міжнародных вызначэнняў генацыду, уключаючы адносіны да карэнных народаў, выказванне прыцягвае ўвагу даследчыкаў гэтай праблематыкі. Л. Камінскі паставіў пад сумненне добрасумленнасць ЗША ў перамовах, улічваючы іх стаўленне да карэнных народаў, заявіўшы, што «паўночнаамерыканскія індзейцы практычна перасталі існаваць у Злучаных Штатах» («the North American Indian had almost ceased to exist in the United States»). Фраза з'яўляецца, у прыватнасці, у публікацыях наступных аўтараў: Дж. С. Бахман (J. S. Bachman), С. Э. Джэймс (S. A. James), Ё. Морсінк (J. Morsink), П. Маклем (P. Macklem), Э. Новіч (E. Novic), Э. Стаматопулу (E. Stamatoroulou), П. Торнберы (P. Thornberry).

Перспективы

Факты па тэме «Магілёў і індзейцы» шматлікія і могуць быць прадстаўлены ў фармаце, адаптаваных для розных катэгорый рэцыпіентаў, пры разнастайных нагодах. Цікавым уяўляецца выяўленне фактараў, якія ўзвышаюць адны буйныя гарады Беларусі над іншымі па насычанасці індзеянісцкай інфармацыяй, колькасці мясцовых падзей, выданняў, якія акцэнтуюць увагу на індзейскай тэматыцы. Дынаміка павелічэння цікавасці да індзейцаў мае знешнія і ўнутраныя ўплывы. Выпадковае і непазбежнае магчыма прасачыць на прыкладзе «індзеянісцкага» паралельнага развіцця і ўзаемадзеяння Магілёва і Гомеля да і пасля 1917 г., а асабліва – у 1970-1980-х гг., калі ў Еўропе і СССР адбылося фенаменальнае развіццё індзеянісцкага руху.

Літаратура:

1. Аношкін, І. Рабінка : апавяданне / І. Аношкін // Брама : літаратурна-мастацкі альманах. – Магілёў; Мінск: Кнігазбор, 2013. – С. 154–161.
2. Думанская, Е. Последний из могикан / Е. Думанская // Беларускі час. – 2012. – № 8. – С. 8.
3. Климуть, Л. Я. Законы для Индий Карла V / Л. Я. Климуть // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – Серыя А, Гуманітарныя навукі. – 2011. – № 2. – С. 31–37.
4. Климуть, Л. Я. Индейцы и идея единого Бога : ответ коренного населения на христианизацию Америки / Л. Я. Климуть // Религия и общество – 5: актуальные проблемы свободы совести : сборник научных статей Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – С. 35–38.

5. Новая літаратура аб Магілёўскай вобласці: (Бібліяграфічны паказальнік). 2 кв. 2005 г. – Магілёў, [2005].

6. Первобытные знаки ценности // Могилевские губернские ведомости. – 1891. – 24 авг. (№ 68). – С. 256.

7. Радзіеўская, В. А. Мастацкая функцыя трыкстара ў рамане Леслі Марманса Сілка «Альманах мёртвых» / В. А. Радзіеўская // Актуальныя праблемы сучаснай філологіі і прэподавання філолагічных дысцыплін : зборнік навуковых артыкулаў Міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю МГУ імя А. А. Кулешова, 15-16 мая 2013 г., Могилёв ; МГУ ім. А. А. Кулешова. – Могилёв : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2013. – С. 280–283.

8. Ратнер-Штернберг, С. А. Краснокожие «дикари» и белые «цивилизаторы» / С. А. Ратнер-Штернберг // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 282. Оп. 4. Д. 7. С. 8–161.

9. Риер, Я. Г. История средневековых цивилизаций : учебное пособие : в 5 ч. / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – Ч. 2 : Азия, Африка и Америка в V–XV вв. – 312 с..

10. Сперскіс, Я. Біржы ў ролі канкістадораў / Я. Сперскіс // Магілёўская праўда. – 1992. – 4 лют.

11. Morsink J. Cultural genocide, the Universal Declaration, and minority rights / J. Morsink // Human Rights Quarterly. – 1999. – V. 21. – №. 4. – P. 1009–1060.

УДК 316.613.2:316.344.3+378.178

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ УО «БГУТ»)

Грибановский С.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования здоровьесберегающего поведения студентов Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий. Рассмотрены ключевые аспекты: ценностные приоритеты, самооценка здоровья, пищевые привычки, режим сна, распространенность курения и употребления алкоголя, уровень учебного стресса. Выявлено противоречие между высокой значимостью здоровья в системе ценностей (74,5%) и низкой вовлеченностью в практики его сохранения. Предложены рекомендации по совершенствованию здоровьесберегающей среды в вузе.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, студенты, социологическое исследование, вредные привычки, учебный стресс, питание, режим сна.

Summary. The article analyzes the results of a sociological study of health-saving behavior among students of the Belarusian State University of Food and Chemical Technologies. Key aspects are examined: value priorities, health self-assessment, dietary habits, sleep patterns, prevalence of smoking and alcohol use, academic stress levels. A contradiction was revealed between the high importance of health in the value system (74.5%) and low engagement in health-saving practices. Recommendations for improving the health-saving environment at the university are proposed.

Key words: health-saving behavior, students, sociological research, harmful habits, academic stress, nutrition, sleep regimen.

Сохранение, поддержание и укрепление здоровья населения является приоритетным направлением социальной политики Республики Беларусь, что отражено в ряде государственных программ и концепций развития. Особое внимание сегодня уделяется студенческой молодежи как ключевой социальной группе, от которой зависит будущее страны.

Студенчество представляет собой специфическую демографическую когорту, включенную в образовательную деятельность с присущей ей высокой учебной нагрузкой, психоэмоциональным напряжением, а также формированием устойчивых поведенческих моделей, включая отношение к здоровью. В условиях трансформации современного белорусского общества, роста информационно-коммуникационных технологий и изменения образа жизни изучение здоровьесберегающего поведения студентов приобретает особую актуальность.

Здоровьесберегающее (самосохранительное) поведение представляет собой систему действий, направленных на формирование и сохранение здоровья, снижение заболеваемости и увеличение продолжительности жизни [1, с. 1125]. Как подчеркивает российский социолог В.З. Зарбалиев, здоровьесберегающее поведение должно быть направлено не только на сохранение определенного уровня здоровья, но и его улучшение [2, с. 278]. Таким образом, под здоровьесберегающим поведением мы можем понимать целый комплекс осознанных действий, направленных на сохранение и улучшение физического, психического и социального благополучия личности. Для студенческой молодежи такое поведение включает рациональное питание, регулярную физическую активность, отказ от вредных привычек, своевременное обращение за медицинской помощью и управление стрессом.

Следует подчеркнуть, что специфика студенческой молодежи как социальной группы заключается в ее переходном статусе: с одной стороны, это период активной социализации и формирования самостоятельной личности, с другой – время повышенных нагрузок и рисков для здоровья. Учебный стресс, нерегулярное питание, недостаток сна и распространенность вредных привычек создают комплекс угроз для благополучия студентов.

С целью выяснения актуальных особенностей и тенденций здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи нами было выполнено собственное социологическое исследование в формате анкетного опроса. В качестве респондентов в нашем исследовании выступили учащиеся Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (УО «БГУТ», г. Могилев). Выборка опроса составила 102 студента дневной формы обучения (распределение по полу – 80,4% девушек и 19,6% юношей).

Проведенное исследование позволило нам обнаружить ряд интересных особенностей и противоречий, связанных с формированием здоровьесберегающих стратегий поведения студентов БГУТ.

Прежде всего, в ходе опроса нами была выявлена высокая значимость здоровья в системе ценностных ориентаций студенчества. Согласно полученным данным, в иерархии ценностей студентов преобладают семья (86,3%), здоровье (74,5%) и материальное благополучие (40,2%). При этом такие аспекты как образование (7,8%) и духовное развитие (6,9%) оказались на периферии ценностных ориентаций, что может свидетельствовать о прагматизации сознания современной студенческой молодежи. В целом, выявленная структура ценностей отражает своеобразное и довольно типичное для современности смещение традиционных приоритетов и установок на личностный успех.

Оценка состояния здоровья студентами показывает преобладание удовлетворительных показателей (78,4%), тогда как отличное здоровье отмечают лишь 16,7%. Такое распределение характерно для студенческой среды и, как мы полагаем, может быть связано с повышенными учебными нагрузками. Малая доля респондентов (2,9%) оценивают здоровье как плохое, что может быть связано с уже имеющимися хроническими заболеваниями или постоянным стрессом. Однако к подобной самооценке стоит относиться с осторожностью, так как студенты могут быть недостаточно осведомлены о реальном состоянии своего физического и ментального здоровья.

Действительно, как показывают результаты нашего исследования, студенты нечасто обращаются к медицинским специалистам за соответствующей помощью. В целом преобладает пассивная модель медицинского поведения: 45,1% студентов обращаются к врачам лишь 1-2 раза в год, а 37,3% - только в экстренных случаях. При этом активно наблюдаются у специалистов лишь 8,8%, а по хроническим заболеваниям - 5,9%. Такая картина характерна для молодого возраста, когда здоровье редко становится предметом особого интереса и поводом для рефлексии. В то же время данный факт входит в логическое противоречие с ранее декларируемой студентами высокой ценностью здоровья.

Подавляющее большинство опрошенных (95,1%) считают личную заботу о здоровье ключевым фактором благополучия, что соответствует современным представлениям о профилактической (превентивной) медицине. Роль экологической обстановки подчеркивают 54,9% респондентов, что

отражает актуальные экологические вызовы. Генетический фактор отмечают 47,1% студентов, демонстрируя понимание объективных наследственных рисков. Примечательно, что качество медицинской помощи считают важным лишь 37,3% молодежи, что, на наш взгляд, скорее всего, свидетельствует о недостаточном опыте взаимодействия с ней (как уже было установлено ранее).

Безусловно, существенную роль в поддержании здоровья студентов играют соблюдаемые ими режимы питания, сна и отдыха. Проанализируем ответы учащихся, которые непосредственно касаются этих параметров. Согласно полученным данным, только 2,9% студентов строго соблюдают режим питания, а 33,3% студентов стараются придерживаться регулярного питания, но не всегда это у них получается. В то же время 28,4% едят нерегулярно, а 26,5% вообще пропускают приемы пищи. Особую тревогу вызывает 8,8% полностью игнорирующих режим питания. Такие показатели значительно отклоняются от рекомендаций ВОЗ по регулярности питания.

Справедливости ради отметим, что высокая академическая загруженность, интенсивность учебного расписания могут серьезным образом влиять как на частоту, так и на качество питания студентов. Анкетный опрос демонстрирует низкую приверженность студентов сбалансированному питанию, которое, в свою очередь, включает в себя качественные белки, овощи и фрукты, а также комплекс необходимых витаминов. Сбалансированно питаются только 16,7% опрошенных юношей и девушек. При этом 43,1% студентов употребляют домашнюю еду без контроля качества, а 37,3% вообще не задумываются о собственном рационе. Такое распределение в целом демонстрирует низкий уровень культуры питания студенчества. Приведенные цифры особенно показательны с учетом пищевой направленности университета БГУТ, в котором обучаются участники нашего исследования.

Ситуация с соблюдением режима сна учащимися выглядит сравнительно неплохо. 64,7% студентов соблюдают норму сна (7-8 часов), что является безусловным положительным показателем. Однако 29,4% спят лишь 5-6 часов, а 2% - менее 5 часов, что значительно ниже физиологических потребностей здорового человека. В медицинской науке давно установлен факт влияния дефицита сна на снижение когнитивных способностей, что особенно критично для учащейся молодежи. Интересно, что 3,9% спят более 9 часов, что может свидетельствовать либо о индивидуальных особенностях организма, либо о компенсации хронического недосыпа.

Пагубное воздействие вредных привычек (алкоголизма, табакокурения и т.д.) на здоровье молодежи не подлежит сомнению, однако проблема сохраняется поныне и приобретает новые очертания в связи с модными трендами зависимого потребления. По нашим данным, курят более трети студентов (34,3%). При этом 30,4% используют электронные сигареты и вейпы, демонстрируя новую опасную тенденцию. Обычные сигареты предпочитают 14,7%, а кальян - 6,9%. Особую тревогу вызывает 7,8%

курящих на постоянной основе (чаще раза в час) и 14,7% - 3-5 раз в день, что четко свидетельствует о сформировавшейся никотиновой зависимости.

Чрезмерное потребление алкогольных напитков не характерно для участников опроса. Более половины опрошенных (54,9%) употребляют алкоголь редко (несколько раз в год), что соответствует социальной норме. В то же время 24,5% респондентов делают это 1-3 раза в месяц, а 6,9% - 1-2 раза в неделю. Абсолютными трезвенниками себя назвали 13,7% учащихся. Что же касается номенклатуры потребления алкогольной продукции, то здесь наиболее популярны пиво (48%), вина (43,1%) и алкогольные коктейли (28,4%). В меньшей степени востребованы крепкие алкогольные напитки – водка, коньяк (20,6%).

При изучении здоровьесберегающего поведения нельзя не коснуться явления стресса, который сам по себе может оказаться фактором не менее деструктивным, нежели классические вредные привычки. Заметим, что каждый третий учащийся БГУТ (31,4%) сталкивается с учебным стрессом 1-2 раза в неделю, 4,9% - 3-4 раза, а 7,8% находятся в постоянном напряжении. Половина опрошенных (50%) испытывают стресс только во время сессии, при сдаче экзаменов и зачетов.

Существуют самые разнообразные способы преодоления стресса и борьбы с ним. Наиболее популярны среди студентов общение с друзьями (80,4%) и прогулки на свежем воздухе (55,9%), что, конечно, соответствует здоровым стратегиям. Однако 47,1% уходят в мир виртуальных развлечений (интернет, видеоигры), а 16,7% - прибегают к вредным привычкам. Некоторая тревога связана с невысокой востребованностью физической активности, спорта (21,6%). В медицинском сообществе сегодня существует консенсус, согласно которому гиподинамия рассматривается в качестве важной предпосылки заболеваемости человека.

В заключении нашего анализа обратим пристальное внимание на высокую оценку студентами деятельности университета БГУТ по поддержания здорового образа жизни учащихся. 70,6% респондентов считают, что в вузе проводится достаточное количество мероприятий, посвященных ЗОЖ. Лишь 9,8% считают, что таких мероприятий явно не достаточно, а 19,6% в принципе затруднились дать оценку. По мнению наших студентов, наиболее эффективными для поддержания здорового образа жизни молодежи будут такие мероприятия как-то: участие студентов в городских спортивных мероприятиях (43,1%), организация встреч с медицинскими специалистами (40,2%) и проведение спортивных состязаний внутри университета (37,3%). Любопытно, что только 11,8% опрошенных уверены, что наиболее действенным будет применение жестких санкций в отношении студентов, целенаправленно ведущих нездоровый образ жизни.

Таким образом, кратко и тезисно подведем итоги нашего социологического исследования:

1. Выявлен разрыв между декларируемой ценностью здоровья (74,5%) и реальными практиками здоровьесбережения студентов.

2. Низкими оказались показатели пищевого поведения: только 2,9% студентов строго соблюдают режим питания, а сбалансированный рацион соблюдают лишь 16,7% опрошенных юношей и девушек.

3. Распространенность курения (34,3%), особенно электронных сигарет и вейпов (30,4%), требует разработки новых мер по профилактике этого явления.

4. Учебный стресс становится хроническим для значительной части студентов (31,4% испытывают его еженедельно).

5. Подавляющее большинство студентов (70,6%) считают работу университета БГУТ по здоровьесбережению достаточной. Тем не менее, имеется запрос на проведение ряда специальных мероприятий и акций по поддержания здорового образа жизни.

Литература:

1. Роганина, М. В. Некоторые характеристики здоровьесберегающего поведения студентов-медиков / М. В. Роганина, О. Ю. Проценко // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – Т. 4, № 11. – С. 1125-1126.

2. Зарбалиев, В. 3. Социологическое осмысление здоровьесберегающего поведения / В. 3. Зарбалиев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 2. – С. 276-281.

УДК 378.1:394.9

ФОРМИРОВАНИЕ БРЕНДА МОГИЛЕВА, КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Зиновьева А.А.

ОАО «Мостовтур»

(г. Гродно, Беларусь)

Аннотация . Для развития регионов и городов необходимо создать свой собственный бренд, благодаря которому произойдет улучшение привлекательности города и региона, повышение уровня качества жизни населения города и региона.

Ключевые слова: имидж, бренд региона, территориальное брендинг.

Summary. To develop regions and cities, it is necessary to create your own brand, which will improve the attractiveness of the city and region, and increase the quality of life of the city and region.

Keywords: image, regional brand, territorial branding.

Территориальный брендинг в сегодняшней ситуации играет важную роль в развитии любого города, региона или даже целой страны, его значение определяется тем, насколько успешно происходит продвижение данной

территории на внешнем рынке, а также включает в себя понятия национального брендинга, регионального и городского маркетинга. Такой тип брендинга необходим для повышения конкурентоспособности региона, ведь городам и регионам приходится конкурировать за всевозможные ресурсы [1]. Люди должны не просто хорошо говорить или писать о регионе, успех в развитии и продвижении той или иной территории положительно скажется на уровне финансовой поддержки со стороны национального бюджета, а также на инвестировании в данную местность.

Территориальный брендинг как самостоятельный и осознанный процесс сформировался в XX веке на основе различных методов управления городом и его развития, а также на основе предшествующих практик по созданию бренда компании и продукта. С меньшей степенью осознанного подхода брендингом территорий общество занялось еще в период развития активных связей по производству и продаже различных материалов – так, образы городов Шелкового пути едва ли не самый глобальный пример первого проявления территориального брендинга. Дэвид Аакер – один из первопроходцев-специалистов в области маркетинга, рекламы и брендинга – определяет бренд как многомерный ассортимент функциональных, эмоциональных, психологических и стратегических элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций в общественном сознании [1].

Территориальный брендинг решает множество задач, среди которых самой главной является улучшение привлекательности региона (инвестиционной и туристической), благодаря которой улучшается имидж местности, у инвесторов и жителей появляются положительные ассоциации с этой территорией, вследствие чего повышается уровень жизни населения в целом, благодаря территориальному брендингу происходит развитие туризма.

Территориальный брендинг актуальное, перспективное и относительно новое понятие для нашей страны, но все же, данное явление достаточно широко распространено на территории нашей страны. Такой тип брендинга включает в себя визуальные составляющие, среди которых логотип, фирменный стиль, имидж и репутация города, региона или даже целой страны, которые являются символом данной территории [2].

Таким образом, в методологии предложено следующее определение бренда города/территории – это уникальное сочетание материальных и нематериальных образов, формирование, существование и развитие которых представляет видение города, разрабатываемое на основе согласованности между идентичностью города и его имиджевыми показателями (основанными на восприятии места другими) с целью положительного восприятия места субъектами внутри и вне границ такового.

Брендинг же, как стратегический процесс, является программой, управление которой – это согласование взаимосвязанных проектов с целью достижения результатов и выгод, увязанных со стратегическими целями инициаторов создания и развития бренда города, среди которых, как правило,

выступают представители местного, регионального управления, и его участников (жители города, представители бизнеса, конкретные общины, а также внешние стороны – инвесторы, туристы). [3].

Создание территориального бренда включает в себя ряд этапов:

Этап 1. Разработка маркетинговой стратегии, которая включает в себя:

- определение целей создания,
- поиск персонала, который будет воплощать в жизнь идеи специалистов по созданию бренда,
- определение целевых аудиторий (территориальный бренд имеет огромное влияние на свои целевые аудитории, которые можно разделить на следующие группы: жители региона, инвесторы, а также туристы),
- поиск факторов, которые будут считаться наиболее привлекательными в данном регионе,
- анализ конкурентов,
- рассмотрение всевозможных рисков.

2. Разработка креативной стратегии, которая включает:

- разработка визуального образа бренда, о котором уже говорилось ранее, то есть создание логотипа, лозунга, фирменного стиля,
- анализ того, как люди воспринимают данный бренд, проще говоря, то, какие ассоциации он вызывает.

3. Разработка медийной стратегии, то есть определение того, как территориальный бренд будет взаимодействовать со своей целевой аудиторией, включает следующие элементы:

- планирование социальной деятельности региона (участие в различных выставках),
- планирование мероприятий, рассчитанных на более глубокое вхождение в информационное пространство.

4. Позиционирование бренда, то есть процесс определения и, в случае необходимости, улучшения положения бренда среди его конкурентов и в сознании потребителей. В отношении территориального бренда это:

- изучение восприятия,
- разработка концепции бренда.

При позиционировании бренда возможно очень понятно и четко передать уникальность, независимость и самобытность конкретного региона, это происходит благодаря культуре и наследию данной территории.

5. Бюджетирование – разработка плана бюджета процесса создания территориального бренда.

6. Анализ результатов процесса создания территориального бренда, а также его контроль и оценка успешности реализации всех вышеперечисленных стратегий, то есть комплексная оценка результатов территориального брендинга [4].

При добросовестном и правильном выполнении всех этапов регион станет брендовым и будет иметь определенный «вес», что послужит залогом дальнейшего развития территории. В случае, когда интересы и ценности жителей и администрации региона совпадают, территория начинает более рационально использовать имеющиеся у него ресурсы, и становится более популярным среди жителей не только конкретной местности, но и всей страны (или мира). Удачно и правильно брендированный регион является сильным конкурентом, ведь бренд позволяет приобрести «визитную карточку» города, то есть показать его неповторимость, особенность и необычность.

Жители многих городов в последние годы стали осознавать, что имидж и образ территории, а также ее привлекательность в глазах людей, являются ключевыми факторами морального удовлетворения населения качеством своей жизни. При оценке имиджа и образа территории необходимо определить:

- элементы идентичности, происходящие из окружения человека и включающие его самого – личность и общество, демографическая структура, институциональная и культурная структуры.
- элементы идентичности, происходящие из рукотворного ландшафта – искусственная среда, создаваемая в результате постоянной человеческой деятельности.

Различная степень взаимодействия представленных элементов идентичности позволяет выделить два вида таковой, первый из которых обращен к устойчивому, традиционному образу, второй – к ситуационному, фрагментированному [5]. Так, традиционная идентичность включает в себя элементы, которые могут быть описаны как «пожизненные», «универсальные», «признанные всеми», «принятые как правило», «данные, а не выбранные», «общие, коллективные», «укоренившиеся в культуре и истории».

Ситуационная же идентичность соответственно состоит из элементов «внепространственных», «размытых в пространстве», «связанных с конкретными образами и явлениями», «подвижных», «фрагментированных до отдельной индивидуальности», «выбранных», что влечет за собой большую ответственность при формировании брендинга на основе таковой идентичности, так как вносит больше субъективного, чем объективного характера в ее определение.

Так, традиционная идентичность позволяет создавать более стационарные и узнаваемые большим количеством людей визуальные образы, а дополнение структурной системы идентичности подходом «геокультурного брендинга» способствует более точному определению уникальных черт в тех городах, где они сильно скрыты. [6].

Ситуационная идентичность, в свою очередь, позволяет создать отдельные элементы брендинга, которые взаимодействуют с конкретной аудиторией и меняются согласно изменениям таковой. Следовательно,

«ситуационная» идентичность способствует не только выражению образов-идентификаторов, но и адаптации города и общества к происходящим изменениям. Как уже говорилось выше, определенные структурные элементы идентичности города способствуют формированию его имиджа, в свою очередь раскрывающего для большего круга людей идентичность города. Следовательно, имидж воспроизводится для и внутри внешних сторон, тогда как идентичность – более внутреннее явление. И так как происходит вышеописанное разделение сторон, то в соответствии с ним могут быть выделены следующие степени согласованности, на основе которой формируется и развивается бренд города.

Так, идентичность в большей степени способствует:

- эмоциональной привязанности и бережливому отношению к городу/территории, что может быть выражено в возможности «одушевить» и полюбить место благодаря взаимодействию с отдельными визуальными и социально-коммуникативными образами-идентификаторами,
- объединению горожан, а также представителей власти и бизнеса, что выражается в чувстве принадлежности к общности целей по поддержанию и развитию города через единый образ визуальных материалов и возможности совместной коммуникации и участия.

Имидж в большей степени способствует:

- региональной/городской конкурентоспособности по привлечению и удержанию разного рода ресурсов, что может быть выражено через достижение и последующей трансляции высокого уровня экономического развития, мероприятия по сохранению экологии, по благоустройству города, действий по повышению качества жизни (развитие транспортной инфраструктуры, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, наличие жизненных удобств).

- формированию эмоционально-чувственной связи человека с архитектурно-пространственной средой, выраженной через уровень освоенности территории, уникальность образа города, развитость мест приложения труда и самореализации, туристической привлекательности. После определения идентичности и имиджа/репутации города, происходит работа по формированию и развитию непосредственно самого брендинга. [7].

Согласно предложенной методологии, брендинг должен отвечать следующим требованиям, которые сформулированы в соответствии с их применимостью и необходимостью проработки с точки зрения визуальных образов-идентификаторов:

- Наличие видения – обязательная формулировка того, какой территория/город должна быть согласно мнению участников брендинга и согласно экономическим, региональным и другим критериям. В отсутствие видения заинтересованные стороны не знают, что связывает их вместе. Яркий пример сформулированного территориального видения – это разработанная Стратегия устойчивого развития Могилевской области на период до 2035 года

- Высокий уровень взаимодействия заинтересованных сторон, согласно которому учитываются все мнения, в ходе чего разрабатывается компромиссное решение – что нужно изобразить и как нужно изобразить [8]. Это, пожалуй, одно из самых сложных требований, так оно как требует тщательного анализа и проработки множества эстетических предпочтений разных сторон, которые при этом должны учитывать функциональность, эргономичность, ясность и достоверность образов.

- Наличие преемственности, адаптивности к изменениям в ходе формирования, реализации и развития брендинга. Креативным примером является идея Областного совета по развитию агроэкотуризма Могилевской области, который предложил идею слогана «Живая вода». Слоган «Живая вода» — символ полноценной жизни, стремительного развития и духовного возрождения Могилевщины.

- Наличие конкретной и ясной программы действий, учет всех преимуществ брендинга и анализ возможных угроз – неясная трактовка внешними сторонами, фиксирование и увеличение разрыва между идентичностью и имиджем города/территории. А также наличие четкого набора атрибутов, на основе которых будет возможно эффективное выражение уникального характера города [9].

- Привлечение внешних участников с целью избежать предубежденности и замкнутости образов, так как беспристрастный подход приглашенных специалистов к формированию брендинга позволит достичь большей ясности и привлекательности создаваемых образов - идентификаторов в глобальном пространстве. В качестве примера можно привести лозунг, ставший объединяющим для участников V Форума регионов России и Беларуси – «Мы разам – мы вместе», который также красноречиво свидетельствует о движении и развитии союзных дел в совместных планах и достижениях (2018 г., г. Могилев).

В завершении разрабатываемой методологии необходимо отметить, как могут проявляться визуальные образы-идентификаторы, которые сформировались на основе согласованности идентичности и имиджа, чтобы отвечать всем требованиям брендинга. В первую очередь, это адаптированные отображения элементов идентичности, которые могут прослеживаться от дизайн-кода, айдентики до интеграции в городскую среду и создание в ней пространственных объектов, отображающих и взаимодействующих с таковыми элементами. При этом обязательно учитывать ясность образов, так как в большей степени такие образы выступают как репрезентация знаний о городе.

Во-вторых, это визуальные образы, при создании которых обеспечивается возможность их изменяемости жителями города и городскими сообществами, что дает возможность для проявления творческого потенциала креативного класса, его формирования и поддержания – и это в свою очередь позитивно влияет на имидж города .

Итак, третий пункт – это создание образов-идентификаторов, которые больше ориентированы на чувственный опыт жителей и гостей города. Здесь аналогично возможно проявление дизайн-кода и пространственных форм, меняется только их контекст – со «знания о месте» на «ощущение места»: обращение к органам восприятия (зрение, обоняние, слух) и к коммеморативным практикам (образы для генерации эмоций и социального взаимодействия). И, наконец, это образы-идентификаторы сходства, которые создают синергию между различными городами и формируют возможности для сотрудничества, действуя как механизм согласования через функциональные и географические границы.

Литература

1. Аакер Д. Создание сильных брендов. – Москва: Изд. дом Гребенникова, 2004.
2. MSP: Managing Successful Programmes // MSP: Управление успешными программами, 2023. – URL: <https://www.axelos.com/certifications/propath/msp-programmanagement/> (дата обращения 30.04.2025).
3. Динни К. Бренды территорий. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 325 с.
4. Ганчеренок И.И. Имиджевое позиционирование современного государства // Научн. труды Акад. Управл. при Президенте Республики Беларусь : философские, экономические, юридические науки. – Мн. : Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2016. Вып. 1. С. 38-39.
5. Замятин Д. Геокультурный брендинг городов и территорий. – Санкт Петербург: Алетейя, 2019.
6. Родькин П. Брендинг территории: к проблеме репрезентации и брендидентификации // Современные проблемы сервиса и туризма. – № 4 (12). – 2018.
9. Gustavo Adolfo Pérez Rojas. Beyond a logo: City branding for local governance. – Discussions Between Economic Agents: Recent Issues. – 2023.

ДАЧА № 33. ИСТОРИЯ КАРАБАНОВКИ ОТ ДЕРЕВНИ ДО ГОРОДА.

Рудой В.Н. (г. Смоленск, РФ)

Ветеран ВС РФ, краевед

Аннотация. В статье раскрывается история возникновения и развития поселения Слободка (Карабановка) в пригороде г. Могилева до её включения в городскую черту.

Ключевые слова: поселение, имение, пригород Могилёва, род Карабанка

Annotation. The article reveals the history of the emergence and development of the settlement of Slobodka (Karabanovka) in the suburbs of Mogilev, before its incorporation into the city limits.

Keywords: settlement, estate, Mogilev suburb, Karabanka family

В 1766 году в Российской империи началось долгожданное Генеральное и специальное межевание государственных земель, растянувшееся до середины XIX века. Генеральное межевание представляет собой комплекс правительственных мероприятий по описанию и картографированию земельного фонда, с целью точного определения границ земельных участков, во избежание тяжб и споров. Земля при межевании впервые приписывалась не к именам владельцев, а к названиям поселений и пустошей; единицей межевого описания стала дача - территориально целостный комплекс (поселение, группа поселений или пустошь) с относящимися к нему землями, которые первоначально были пожалованы или иначе приобретены на основании письменных документов. На основе межевых дач строился учет земельного фонда империи вплоть до конца её существования.

В 1772 году территория России увеличилась за счёт земель, отнятых у Речи Посполитой (т.н. Первый раздел РП). 25 июля 1772 года была сформирована Могилевская губерния, состоящая из 4 провинций: Витебской, Могилевской, Оршанской и Рогачёвской. С лета 1777 года вновь приобретённые земли были также включены в процесс межевания.

В г. Москве в Межевом архиве (РГАДА) хранится План Генерального Межевания (ПГМ) Могилевского уезда 1783 года [1] – *рис.1*. На плане, вокруг г. Могилева, мы можем наблюдать пронумерованные земельные участки. Под номером 33 находится участок с поселением **Слоботка** (*так в оригинале*) – это и есть межевая **дача Слободка**, с порядковым номером по Генеральному плану-33. ПГМ на поселение Слободка состоит из Специального геометрического плана, составленного 26 июня 1783 года «первоклассным землемером инженер-прапорщиком Григорием Мордвиновым», и экономического примечания к плану. Может возникнуть вопрос: каким образом Слободка относится к Карабановке? А ответ очень прост и очевиден: Слободка и Карабановка это одно и тоже поселение, а 1783 год – дата, возможно первого, его упоминания в доступных документах. Вопрос ещё более прояснится, если изучить информацию о владельцах.

Рис.1. Часть ПГМ Могилевского уезда (1783 г.)

Из экономических примечаний к плану узнаём, что деревня Слободка является владением «шлехтянки **Пелагеи Петровой дочери жены Коробанковой**»; далее отмечается, что проведено обмежевание от всех смежных владельцев «одною окружною межею»; приводятся числовые значения площади под пашни, сенокосы по реке Дубровенке, мелкого дровяного леса, площади под поселением, огородами, «гуменьниками и конопляньниками»; также указывается, что по участку проходят дороги: большая столбовая (прим.авт. – совр.ул. Первомайская) и 2 просёлочные (из города Могилева через д. Слободка в село Печерск и из города Могилева в село Полыковичи - совр. ул. Крупской); всего по всей окружной меже – 396 десятин и 614 квадратных сажень; в «тои деревни по последней переписи состоить мужеска полу тритцать восемь, женска тритцать девять головь». На «Геометрическом плане» Слободки отметим наличие одноименного фольварка (хутора, совр. детсад-ясли № 35) на правом берегу р. Дубровенка, плотины на ней и водяной мельницы, сама деревня Слободка расположена на возвышенной площадке вдоль левого берега речки выше по течению, из деревни имеется выезд на большую столбовую дорогу (прим. авт. – в раёне ул. Орловского в направлении ул. Вокзальная). Деревня состоит из одной проезжей улицы, с деревянной застройкой по обеим сторонам (прим. авт. – совр. ул. В.Карабановская). Для оценки общего размера дачи № 33 смотри проекцию на современной карте района (рис. 2).

О семье Коробанко известно немного, но история рода вполне интересна и заслуживает дальнейшего исследования в генеалогическом плане и в контексте изучения истории города Могилева. Сразу же хочется отметить фонетические особенности фамилии Коробанько в письменных записях на различных языках (отсюда происходит путаница в произношении фамилии).

В белорусском языке это **Карабанка**, в польском – **Korobańko** (с мягким «н»), в русском – **Коробанко** или **Коробанько**, в украинском – **Коробанко**.

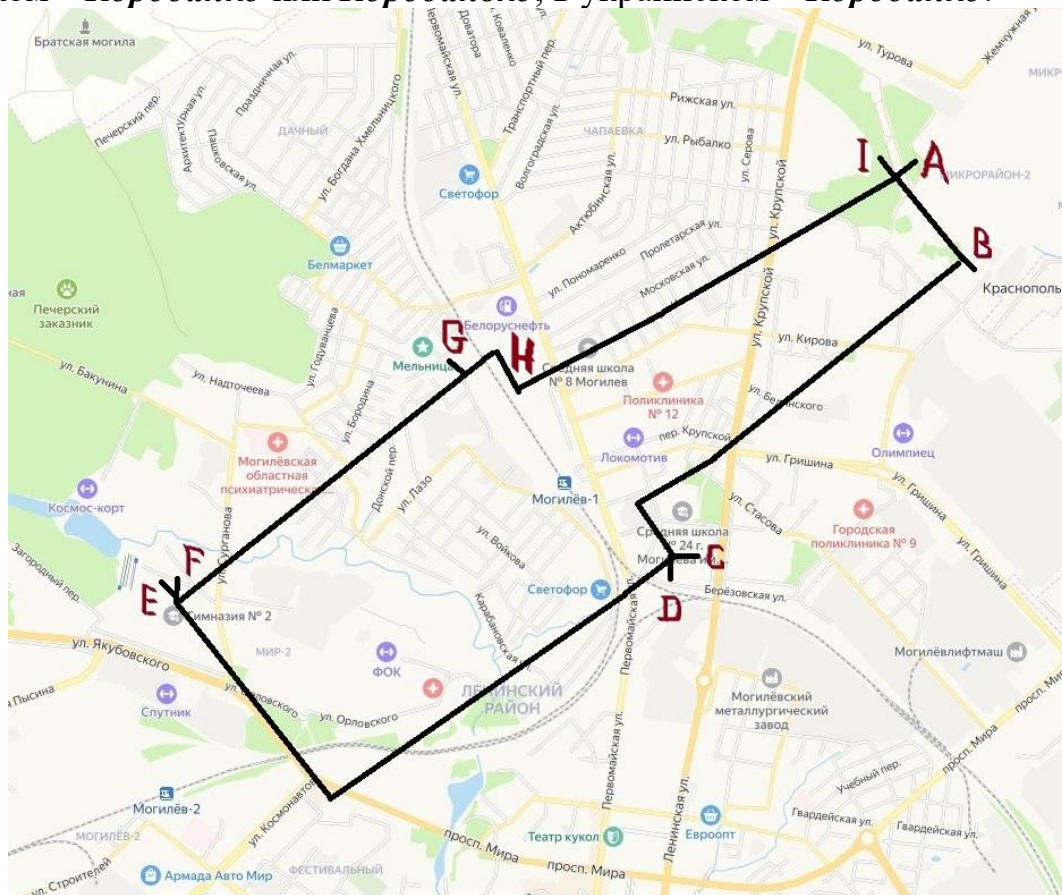

Рис.2. Проекция плана дачи № 33 на современной карте района города

Кратко рассмотрим происхождение фамилии. В статье «Белорусские фамилии» (свободная энциклопедия - Википедия) указано, что в Великом княжестве Литовском (территория Беларуси входила в его состав) основной корпус белорусских фамилий сформировался к XVII - XVIII векам, однако они не были устойчивыми, обязательными. Строго наследственными и юридически закреплёнными они стали только в 1930-х годах. *Фамилии на ко:* «...встречаются повсюду в Белоруссии, с наибольшей концентрацией в Гродненской области. _Некоторые фамилии этого типа сами по себе представляют отдельные слова - *Мурашко* («муравей»), *Цвирко* («сверчок»), *Латушко* («латушка»: невял. гліняная місачка ці шырокі і плоскі гаршчок) и т.д.». В нашем случае таким словом будет «карабанка». В словаре «Гістарычны слоўнік беларускай мовы (1982–2017)» **коробанка** – это «пасудзіна з кары». На генеалогическом сайте – *Famiry* происхождение фамилии Коробанко связывают (по одной из версий) с украинским словом «**коробан**», означающий ящик, коробку, контейнер. Таким образом, белоруская фамилия Коробанько, наиболее вероятно, происходит от названия коробочки (из древесной коры) или от профессии человека, изготавливавшего коробки и ящики.

Впервые о Коробаньках упоминает могилевский хронист А.С. Костка (1772-1850) в своих «Записках игумена Ореста», освещая грандиозное событие 01.02.1661 года, когда восставшие горожане почти полностью

уничтожили Московский оккупационный гарнизон и восстановили королевскую власть в Могилеве (в ходе т.н. русско-польской войны 1654-1667 гг.). В награду за эти «героические и рыцарские поступки» король РП Ян II Казимир Ваза 09 июня 1661 года выдал привилей жителям Могилева, по которому «в последствии времени многие из Могилевских граждан купили себе поместья и учинились помещиками, а именно: **Коробанки**, Ропи, Казановичи, Ерошевские, Ракусы, Корольки, Пора-Леоновичи ...и др.» [2, л.17]. Другой привилей от 09 июня 1661 года позволял магистрату ежегодно выбирать Могилевского войта из своего окружения, а члены магистрата наделялись дворянским достоинством и правом пользования гербами [3, л.5-5об]. По Конституции 1670 года члены магистрата имели право содержать «земские маёнтки» [3, л.6]. Коробанки на тот момент, вероятнее уже были дворянами (или некоторые из них), потому что владеть землей вне города могли только дворяне [4, с. 119]. Кто был тем первым, из большого семейства Коробанко, владельцем земельного участка при реке Дубровенка – точно неизвестно, но известно точно, что с этого момента времени и начинается история нашего поселения Карабановка.

Коробанки отмечаются в могилевской истории и в дальнейшем, особенно в XVIII веке: в актовых книгах Могилевского магистрата фигурирует богатый купец **Стэфан Коробанко** (1729), который стал бурмистром, а затем несколько раз - войтом (в 1750-е гг.), лавник **Григорий Коробанко** [5, с. 74-80], войт **Иосиф Коробанко** и его сын **Григорий** (1777) [6, с.206-211.].

Последними владельцами поселения Слободка из рода Коробанко была православная семья войта **Иосифа Фёдоровича Коробанко**, на момент составления ПГМ (1783 г.) старый войт вероятнее всего уже умер, и его владения перешли к жене – Пелагее Петровне Коробанко. А владения были немалыми: Пелагея Петровна Коробанко числится владелицей ещё нескольких деревень и сёл в Могилевском уезде (Павловский луг (пустошь) с прочими – дача № 34; сельцо Пуховщино с деревнями – дача № 76; село Щеглицы – дача № 79; Поповка (пустошь) – дача № 80; луга сенные к с. Щеглицы – дача № 83) – [1]. Село Щеглицы, как самое крупное (земли 1400 десятин и 1211 кв. саженей, 80 душ мужского пола), являлось центром родового имения. В описях того же плана межевания на дачу № 78 (сельцо Печанка, 95 душ мужского пола) и дачу № 77 (деревня Рафалово с пустошью) владельцем обозначен гвардии прапорщик **Коробанко Григорий Яковлевич** [1]. Известно, что ещё до своей кончины, Иосиф Коробанко с сыном Григорием подтвердили своё дворянство и право пользования гербом «Кораб» [7, с.798] (рис. 3) в Главном земском суде Могилевской губернии – 18.02.1777 г. [6]. Кроме сына у Иосифа Коробанко была дочь – **Анна** (1766-1829), которую летом 1780 года выдали замуж за небогатого Полтавского мещанина **Фёдора Григорьевича Паскевича** (1757-1832), (*Паскевичи подтвердили своё дворянство в России и получили герб «Радван» (рис.4) в 1791 году*). – [8,ч.1].

Рис.3.Герб - Кораб
Кржыжостржал.

Рис.4.Герб - Радван.

Рис.5.Герб Паскевича

- Эриванского. Рис.6.Герб -

В приданое Фёдор Паскевич получил имение Щegliцы Могилевского уезда (*прим. авт. – д. Щegliца существует по сей день*) и увёз свою юную жену, Анну Иосифовну, в Полтаву, где она в 1782 году родила первенца – **Ивана** [8,ч.2], который в будущем станет выдающимся российским полководцем и дипломатом, знаменитым князем Варшавским и графом Эриванским, получит личный герб (рис.5).

После смерти матери Анны Иосифовны – Пелагеи Коробанко (до 1822 г.), владельцем Слободки становится Фёдор Григорьевич Паскевич. Причем Слободка (фольварок и деревня) приобретает наименование – **Иосифова Слобода** или **Иосифовка**, вероятно в память о последнем владельце (Иосифе Коробанко) и для отличия от других Слободок. В апреле 1824 года в литературном приложении «Rozmaitości» к газете «Gazeta Lwowska» были напечатаны «Заметки Галичанина в путешествии до Литвы и Беларуси, произошедшем летом 1822 года», где даются прекрасные описания Могилева и некоторых окрестностей, в частности – имения Иосифовка шляхтича Паскевича (в бел. – фольварка Юзафаўка, с пол. - Пашкевича), описание приводится в переводе с польского языка от могилевского краеведа Д. Лисовского (Германия): «Фальварак Юзафава, пана Пашкевіча, у 1 ці 1½ вёрстах ад Магілёва, над рачулкай Дубравенкай, вельмі прыемны. Бярозавы лес, можа 300-гадовы, чысты як гай, на поўначы ставок, грэбля, млын на ўсходзе, узгорак закрывае гарызонт хмызамі, і яго ажыўляе позірк на частку Магілёва на поўдні і захадзе. Асабняк напалову мураваны, напалову драўляны, з бакавымі памяшканнямі цалкам драўлянымі, закрыты ад праезду парэнчамі, у нізкім але мілым месцы. Гаспадарчыя будынкi з вежачкамі знаходзяцца з тылу, архітэктурная вынаходка, якая прывабляе цікаўных паглядзець на іх. Унізе лазенка з падагрэвам. Шкада, што той будынак не быў пабудаваны там, дзе ёсць малатарня, то бок вышэй на 30 локцяў і далей можа сажняў на 200. Тады ён меў бы невыказнай прыгажосці далягляды. Двор тады павялічыў бы агарод, а малатарня, што стаіць у лесе зправа, надавала б дадатковай прыемнасці». Паскевичи постоянно жили в Малороссии и Могилевскими имениями заведовали управляющие. В 1829 году умерла Анна Иосифовна Паскевич и была похоронена на родине – в с. Щegliцы Могилевского уезда, в 1832 году умер её муж - Фёдор Григорьевич Паскевич в г. Харькове и был похоронен рядом с женой – [9]. Их сын, Иван

Фёдорович Паскевич, активно занимался карьерой, был щедро обласкан императорской властью, за военные заслуги в 1831 году возведён в княжеское достоинство, получил имения в Польше и в Гомельском уезде (а г. Гомель – в управление). В 1856 году генерал – фельдмаршал Иван Паскевич умер от болезней в Варшаве, где и был похоронен. В этом же году, его сын генерал-адъютант Фёдор Иванович Паскевич (1823-1903) продал имение Иосифовку Могилевскому дворянину Змечоровскому Ф. О., герба «Кржыжостржал» - [7] (рис.6).

Новый владелец Иосифовки – Змечоровский Феликс Осипович, титулярный советник, римско-католического вероисповедания, владелец по купчей крепости, с 1856 года [10, с.110-111]. При этом имение называется **Коробановка**, повидимому это ошибочное упоминание и соответствует состоянию на 1882 год (документ печатан в 1884 г.). О владении сообщается, что всего земли – 442 десятины (в т.ч. под лесом – 180, под пашней – 100, под сенокосами – 25), при нём имеются мельница, сукновальня и корчма, которые дают годовой доход – 650 рублей. В «Полном списке обитаемым местам Могилевской губернии за 1857 год» [11] к приходу Кафедрального Иосифовского собора приписана «деревня Слободка (Коробановка), помещика Змичаровскаго (так в оригинале), на Северо - Запад от Собора, на левой стороне речки Дубровенки самая деревня, а хутор на правой той же речки, прихожан обоего пола – 45». В примечании интересно объясняется двойное название деревни: *«после официального названия, то есть того под каким обитаемое место показано при ревизии, присовокуплять в скобках, буде имеются, названия, употребляемые в просторечьи, или инородческия»* [11, л. 237, 170]. В личных документах семейного архива на 1864 год деревня называется Иосифова Слобода, таким образом Коробановка – это пока больше народное название. В ходе аграрной реформы 1861 года в России, в 1867-1868 годах крестьяне выкупали земельные наделы у Змечоровских, селение ещё называется Слободка [12, л. 46]. Предположу, что в ходе выкупа земельных участков в Могилевском уезде и по мере формирования сельских обществ (1870-е -1880-е гг.), за дер. Иосифовкой (Иосифовой Слободой) закрепляется название – **Коробановка**. С этого момента деревня Коробановка начинает свою собственную, отдельную от имения (фольварка) жизнь. Деревня получает новый импульс развития: появляется вторая, нижняя улица (ближе к р. Дубровенка), застраиваемая с одной стороны (совр. Нижняя Карабановская), тут активно селятся отставные солдаты могилевского гарнизона с жёнами из местных девиц, крестьяне покупают землю у сельского общества или (и) дополнительно арендуют помещичьи участки, население преимущественно православное и приписано к приходу Кресто-Воздвиженской церкви (каменная, построена в 1869 году) [13], при дороге в Могилев организуется местное кладбище. На 1884 год в имении Коробановка числится один запасной хлебный магазин) [10, с.299]. На 1883-1885 год, из нотариальных личных документов семейного архива, деревня именуется Коробановка, Коробановского сельского общества,

Полыковичской волости. В 1889 году правление Виленского Земельного банка выставило на продажу имение Змечоровского Ф.О. - Коробановка (или Иосифовка), за невзнос % по залоговой ссуде взятой в банке (из газеты Могилевские Губернские ведомости за 1889 год). Имение приобрёл дворянин Щурович А. В.

Щурович Александр Викентьевич – из дворян Псковской губернии [14], в 1881 году окончил Могилевскую мужскую гимназию, последний владелец имения Коробановка, православного вероисповедания [15], владел также имениями Провиденция и Рвенск (совм. с сестрой, в Чериковском уезде) [10, с.255-256], околицей Дубенец (Полыковичская волость)[15]. Из личных документов семейного архива известно, что в 1905 году (после 1 июля) Щурович А.В. скоропостижно умирает, оставив после себя жену и троих несовершеннолетних детей: Веру, Елену и Марию (на момент смерти Александру Викентьевичу – примерно 42 года). Все права на имения перешли его детям, при опекуновстве их матери - Щурович Юзефины - Марии Феликсовны.

Известно интересное письмо (не введено в научный оборот) от Щуровича А.В. от 22 ноября 1894 года в г. Могилев к дяде. Из него узнаём, что Щурович служит в г. Двинск Витебской губернии и ведёт переговоры (через доктора Яковлева) с Могилевской городской управой о продаже части земли, по которой протянется ветка железной дороги Витебск-Жлобин. В итоге, примерно половину своего имения Щурович продаст под железную дорогу, оставшиеся земли сдаст в аренду (в основном – жителям д. Коробановка).

В 1900-1902 гг на Коробановских землях строится железная дорога, вокзал, депо, водоканал, мост через р. Дубровенка, за вокзалом – новая улица (совр. ул. Вокзальная), всё это даст очередной импульс развитию деревни, а имение Коробановка, наоборот – будет приближаться к закату.

18 августа 1907 года в фольварок Карабановка (усадьба дворянки Щурович) переведены больные Психиатрического отделения Могилевской губернской больницы [16, л.16]. В 1910 году Психиатрическое отделение Могилевской губернской больницы переехало из имения Коробановка в Печерск (на место богадельни) [17].

По состоянию на 1910 год: деревня Коробановка имеет 32 двора, удобной земли - 91 десятина, население: мужчин - 70, женщин - 63, православный приход - Кресто-Воздвиженская церковь; имение Коробановка - 1 двор, земли всего - 96^{1/2} десятин (удобной - 76, под лесом - 20), население: мужчин - 4, женщин - 5 [15]. В 1914 православные верующие д. Коробановка приписаны к приходу новой могилевской церкви Трёх Святителей. В Коробановском имении следует отметить популярное место отдыха – берёзовую рощу над р. Дубровенкой (закрепилось название, как топоним – Карабановская роща), сюда в тёплое время года горожане выбирались «на природу», «в рощу» для пикников, гуляний и семейных маёвок (а студенты, после 1900-х, – на политические маёвки).

В 1918 году имение Коробановка ещё принадлежит жене и дочерям Щуровича А.В., известна последняя дата оплата аренды земли (арендатор – крестьянин д. Коробановка Корсак Герасим Минович) - 01.07.1918. (из документов из Могилёвского музея железной дороги). При изучении различных документов, касающихся поселения Коробановка, среди владельцев участков и домов, чаще других встречаются фамилии – Луговцовы и Зверьковы (к последним автор имеет родственное отношение). В 1919 году прошла национализация земель и имущества помещиков, фольварок Коробановка прекратил своё существование (постройки остались целыми и в дальнейшем использовались Вейнянской овощной базой), земля перешла во владение Польшковичской волости, а бывшие хозяева уехали искать лучшей доли (если успели). Деревня Коробановка продолжала жить и понемногу развиваться. 1924 год принёс новый импульс развития Карабановки: жителям было разрешено индивидуальное жилищное строительство за свои средства (решение Могилевского горисполкома «О мерах по ослаблению жилищного кризиса в Могилеве» от 08 июля 1924 года) [17]. Горожане начинают частную застройку, приближаясь к деревне от ул. Вокзальная и ул. Февральская (названа в честь Февральской революции 1917 года, ранее называлась – Александровская - по имени последнего владельца имения), в деревне Коробановка две улицы: Коробановская и Ниже Коробановская.

В 1924-1930 гг. в БССР активно проводилась политика т.н. «белорусизации», государственный документооборот был переведён на белорусский язык, поэтому российская норма – «Коробановка» стала белорусской – «Карабанаўка». После свёртывания белорусизации к 1940 г., часть названий не совершили обратного перехода (например, городская ул. Селянская). До настоящего времени сохранилась беларуская (тутэйшая) форма – Карабановка.

В 1938 году, в ходе подготовки к Всесоюзной переписи населения с 01 января 1939 года, СНК БССР обязал Райисполкомы и Горсоветы уточнить административные границы городов и населённых пунктов республики. В соответствии с этим требованием Могилевский райисполком 15 марта 1938 г. постановил установить новые границы г. Могилева, и д. Карабановка (в числе других пригородных населённых пунктов) вошла в состав города Могилева [18. л. 160-161]. На этой дате история небольшой деревни Карабановка заканчивается, но начинается история довольно большого городского района.

Литература:

1. Планы дач генерального и специального межевания, 1746 – 1917 гг. Часть 1, Губерния, уезд: Могилевская; Могилевский.// РГАДА/– Ф. 1354, Оп. 238, Ед. хр. 843.
2. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси (Записки игумена Ореста). Том 2, Вильно: 1867. – 391 с.

3. РГБ. Отдел Рукописей. – Ф. 369. Архив В.Д. Бонч-Бруевича. – Картон 420. – Д. 24.

4. Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі, выд. 4, Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. – 192 с.

5. Мядзведзеў К. А. Магілёўскае мяшчанства ў XVIII ст.// Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XI Міжнароднай канферэнцыі (20–21 чэрвеня 2019 г./ – Магілёў: УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання» 2019. – 456 с.

6. Доўнар А.Б. Пацвярджэнне шляхецтва прадстаўнікам гарадскога самакіравання Магілёва ў 1777 годзе// Куляшоўскія чытанні: зборнік навуковых статей па матэрыялам Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 18-19 красавіка 2019 г./ пад рэд. Т.В. Мосейчук. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – 431 с.

7. Глінскі Я. С., Гербоўнік беларускай шляхты //Нацыянальны цэнтр па архівах і справаводстваў Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. Т. 7: 3, I / [Я. С. Глінскі (кіраўнік) і інш.]. – Беларусь, 2020. – 798 с.

8. Митюрин Д.В. «Карьера малороссийского хлопча» //Секретные материалы 20 века Ч. 1 – 14.03.2022 г. и Ч. 2 – 16.03.2022 г.

9. Кузьмич А. В. Женский образ из Гомельского дворца. //Гомельские ведомости от 12 марта 2009 г.

10. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях / сост. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев: Типография Губернского Правления 1882–1884. – 3 т. – 327 с.

11. Списки населенных мест Могилевской губ. по уездам, приходам, еврейским обществам со сведениями об их расположении и народонаселении [Дело]: 1857 г.// РГИА. – Ф. 1290, Оп. 4, Д. 80.

12. О выкупе земельных наделов временно - обязанными крестьянами, Могилевская губерния [Дело]: – РГИА (г. СПб), Ф. 577. Оп. 19, Д. 719. – [сел. Слободка – выкупное дело].

13. Могилевская Крестовоздвиженская церковь, 1872–1919 //НИАБ Ф.2488, оп.1, д.2.

14. Список дворянских родов, внесённых в Родословную книгу ДДС Псковской губернии //ГАПО. Ф.110. Оп.1-2.

15. Список населенных мест Могилевской губернии/ Под ред. Г.П. Пожарова. – Могилев губ.: Могилев. губ. стат. ком., 1910. – 250 с.

16. Памятная книжка и календарь Могилевской губернии на 1908 год/ издание Могилевского губернского статистического комитета. Могилев: губ. тип., 1907. 3–283, 112, с.

17. Электронный городской сайт – Masheka.by – Статьи – статья «Хронология важнейших событий в истории Могилёва».

18. Пастанова Прэзідыума Магілёўскага Райвыканкама ад 15.03.1938 года «Аб устанаўленні меж горада Магілёва». Приказы Горсовета 1938 г.//ГАМО. – Ф.49. Оп.1. Ед. хр.17

19. Документы из личного семейного архива и воспоминания Янкевича М.В. (1900 г.р.) – жителя д. Карабановка.

Асоба і Магілёўшчына. Славутыя магілёўцы

УДК 94 (476) «1836/1908»

ФРАНЦ МИХАЙЛОВИЧ ЛЕККЕРТ – БАВАРСКИЙ ПОДДАННЫЙ В Г.
МОГИЛЁВЕ

Ковалёв Д.В.

Учреждение культуры «Могилёвский краеведческий музей
им. Е.Р. Романова»
(г. Могилёв, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается биография Франца Михайловича Леккерта, благодаря которому пивоварение стало очень популярным не только на белорусских землях, но и в целом в Российской империи.

Ключевые слова: Леккерт, Могилёв, пивоварение, учреждения, благотворительность, семья, Польское (Католическое) кладбище.

Summary. The article examines the biography of Franz Leckert, thanks to whom brewing became very popular not only in the Belarusian lands, but also in the Russian Empire as a whole.

Keywords: Leckert, Mogilev, brewing, institutions, charity, family, Polish (Catholic) cemetery.

Франц Михайлович Леккерт родился 10 февраля 1836 г. в баварском городе Хайдингсфельд (ныне один из городских округов и районов г. Вюрцбург, Германия) (см. рис. 2). В 1862 г. в возрасте 26 лет он приехал в г. Могилёв работать в сфере пивоварения и остался здесь жить [2, с. 27]. Распространено ошибочное мнение, что Франц Михайлович сразу стал владельцем могилёвского пивоваренного предприятия. Поначалу Ф.М. Леккерт являлся только управляющим небольшого пивного завода, существовавшего как минимум с 1859 г., а находился он изначально возле Быховского моста у городского вала при впадении р. Дубровенки в р. Днепр. Через некоторое время Ф.М. Леккерт смог выкупить у Дзичканца и Менжинского данное предприятие и стать его владельцем, а в 1875 г. в связи с ростом спроса завод переезжает в здание побольше (см. рис. 1) [2, с. 27; 5, с. 174; 7, с. 101-102; 8, с. 224].

Следует отметить, что улица, где с 1875 г. располагалось предприятие Франца Михайловича, так и называлась – Леккертовская (ныне ул. Чайковского) [22, с. 72; 23].

Рис. 1. Здание могилёвского пивоваренного завода (1920-е гг.)

Ф.М. Леккерт являлся собственником и пивных складов в Могилёве, Мстиславле, Черикове, Горы-Горках (в Горках), Шклове, Рогачёве, в местечке Копысь Горецкого уезда, в местечке Дрибин Чаусского уезда (всё Могилёвская губерния), в Бобруйске (Минская губерния) и, возможно, в Киеве (Киевская губерния) [3, с. 845, 872, 884-885, 888, 894, 899-900; 4, с. 541, 818, 827-828, 832, 838, 841-842]. Он также владел имениями Давидовка (с 1869 г.) и Сеньково (с 1881 г.) в Могилёвском уезде [6, с. 114-115].

По поводу года смерти баварского пивовара до сих пор ходят дискуссии. Многие считают, что он скончался в 1901 г., т.е. тогда, когда могилёвский завод перешёл в руки его дочери – Эльзе Францевне Яник. Однако в памятной книжке Могилёвской губернии на 1909 год имеется раздел «Хроника Могилёвской губернии за 1908 год», где сказано, что 27 апреля 1908 г. на 74 году жизни скончался Франц Михайлович Леккерт [21, с. 29]. Но здесь допущены небольшие ошибки. Дело в том, что на могиле семьи Леккерт, находящаяся на польском (католическом) кладбище г. Могилёва, удалось обнаружить годы жизни Франца Михайловича (10.02.1836 – 26.04.1908), где числом смерти известного пивовара указано 26 апреля, а не 27. Более того, он скончался не на 74, а на 73 году жизни, т.е. в возрасте 72 лет (см. рис. 2).

Рис. 2. Памятник на могиле семьи Леккерт. Польское (католическое) кладбище г. Могилёва

В Могилёве Ф.М. Леккерт состоял в различных учреждениях. Так, с 1888 по 1908 гг. он состоял в Городской думе в качестве гласного – тот, кто обладал решающим голосом. Также в 1899–1908 гг. являлся членом Губернского присутствия по промысловому налогу [9, с. 333; 13, с. 26; 14, с. 26; 15, с. 27; 16, с. 37; 17, с. 81; 18, с. 51, 53; 19, с. 70, 80; 20, с. 72, 83].

Занимался Франц Михайлович и благотворительностью. Удалось выяснить, что с 1896 г. и по меньшей мере до 1906 г. баварец значился почётным членом Губернского попечительства детских приютов. Кроме того, с 1900 г. и как минимум до 1905 г. Ф.М. Леккерт был членом Совета Общества вспомоществования бедным воспитанницам Могилёвской (Мариинской) женской гимназии (ныне СШ № 1 г. Могилёва на ул. Первомайской), а также, по состоянию на 1901–1905 гг., почётным блюстителем женской гимназии с пансионом [10, с. 67; 11, с. 44; 12, с. 78; 13, с. 44, 55; 14, с. 45, 56; 15, с. 45, 54; 16, с. 55, 58, 68; 17, с. 111; 18, с. 68; 19, с. 97].

О семье Франца Михайловича удалось выяснить следующее. Он был два раза женат:

Первая жена – Магдалена Леккерт, урождённая Маршалл (12.08.1840 – 09.04.1873), родилась в баварском Вюрцбурге, умерла в возрасте 32 лет. От неё у Ф.М. Леккерта было как минимум трое детей: сыновья Михаэль-Валентин (17.06.1869 – 12.08.1871), скончавшийся в двухлетнем возрасте в День рождения матери (см. рис. 2); Николай, который со своей женой Паулой-Аделией владел пивным заводом «Богемия» в Минске (ныне ОАО «Пивоваренная компания Аливария») [1, с. 50, 52; 25, с. 196; 26, с. 921]; и дочь Бабете (годы жизни не указаны, но слово «фрау» и фамилия «Дэринг» на памятнике говорят, что она успела выйти замуж) (см. рис. 2).

Вторая жена – Ева Ивановна Леккерт, урождённая Яник [24, с. 11], как и её супруг занималась благотворительностью в Могилёве. Так, в конце XIX – начале XX вв. Ева Ивановна была помощницей попечительницы Николаевского детского приюта (ныне на его месте находится Могилёвская областная станция переливания крови, ул. Пионерская), как и Франц Михайлович входила в состав Губернского попечительства детских приютов, но не как почётный член, а снова в качестве помощницы попечительницы. Помимо этого, Ева Ивановна находилась в составе членов-распорядительниц Могилёвского женского благотворительного общества [12, с. 79; 14, с. 44; 15, с. 44; 16, с. 58, 67; 17, с. 110, 124; 18, с. 99]. Была жива по состоянию на 3 ноября 1924 г. [24, с. 1, 11].

Распространено ошибочное мнение, что жену Ф.М. Леккерта звали Паула. Паула-Аделия Юльевна Шлингензипен являлась супругой Николая Леккерта – одного из сыновей Франца Михайловича [1, с. 50].

Также у Ф.М. Леккерта, как упоминалось ранее, была дочь Эльза – собственница могилёвского пивоваренного завода после своего отца и сыновья Адам и Франц, владевшие гомельским пивоваренным заводом. Вместе с ними гомельским предприятием владел и супруг Эльзы Францевны

– Стефан Иосифович Яник, т.е. зять Франца Михайловича [1, с. 50; 2, с. 27; 25, с. 204; 26, с. 921].

Таким образом, Леккеры и Яники не раз вступали между собой в брачные союзы.

В ходе исследований также удалось выяснить, что первоначально на месте могилы семьи Леккерт был другой памятник или крест. Если посмотреть на год создания надгробия и на год смерти Магдалены Леккерт, то получится совпадение – «1873». Однако, если обратить внимание на дату смерти Михаэля-Валентина, то можно увидеть, что он умер раньше – в 1871 г. Выходит, что когда скончался малолетний сын Магдалены и Франца, на месте его упокоения установили один памятник или крест, но после смерти первой жены Ф.М. Леккерта (в 1873 г.) было решено похоронить её в могиле сына и поставить новый монумент с указанием года его возведения. Впоследствии здесь нашёл упокоение и Франц Михайлович (см. рис. 2).

Таким образом, в ходе исследований была существенно дополнена биография Франца Михайловича Леккерта. Более того, удалось выявить новые факты о его семье, уточнить место рождения и годы жизни могилёвского баварца.

Литература:

1. Бурачонак, А.В. Бровар з адметнай гісторыяй: заснаванне і дзейнасць мінскага піваварнага завода Фрумкіных–Чапскага–Лекертаў у другой палове XIX – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонак // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. – 2018. – № 4. – С. 44–53.
2. Весь Могилев на Днепре: адрес-календарь. – Могилевская губерния: Типография А.И. Шнейдера, Ш.З. Шаина, 1912. – 122 с.
3. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи: в 2 т. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1900. – Т. 1. – 3171 с.
4. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1902. – 4210 с.
5. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов: в трех книгах / сост. по программе и под ред. пред. Могилевского губ. стат. ком. А.С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре: тип. губ. правления, 1882–1884. – Кн. 2. – 1884. – 1000 с.
6. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов: в трех

книгах / сост. по программе и под ред. пред. Могилевского губ. стат. ком. А.С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре: тип. губ. правления, 1882–1884. – Кн. 3. – 1884. – 389 с.

7. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год / издание Могилевского губернского правления. – Могилев: тип. губ. правл., 1861. – 449 с.

8. Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 год / сост. Могилевским губернским статистическим комитетом. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1864. – 383 с.

9. Памятная книжка Могилевской губернии на 1890 год / сост. Могилевским губернским статистическим комитетом. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1890. – 462 с.

10. Памятная книжка Могилевской губернии на 1898 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1898. – 186 с.

11. Памятная книжка Могилевской губернии на 1899 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1899. – 606 с.

12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1900 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1900. – 556 с.

13. Памятная книжка Могилевской губернии на 1901 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1901. – 318 с.

14. Памятная книжка Могилевской губернии на 1902 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев: тип. губ. правл., 1902. – 677 с.

15. Памятная книжка Могилевской губернии на 1903 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев: тип. губ. правл., 1903. – 328 с.

16. Памятная книжка Могилевской губернии на 1904 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев: тип. губ. правл., 1904. – 144 с.

17. Памятная книжка Могилевской губернии на 1905 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев губ.: типо-литогр. Я.Н. Подземского, 1905. – 742 с.

18. Памятная книжка Могилевской губернии на 1906 год / издание Могилевского губернского статистического комитета под ред. и. д. секр. ком. (и. об.) М.Н. Хорошавина. – Могилев: губ. тип., 1906. – 535 с.

19. Памятная книжка Могилевской губернии на 1907 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев: губ. тип., 1906. – 449 с.

20. Памятная книжка Могилевской губернии на 1908 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев: губ. тип., 1907. – 395 с.
21. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / издание Могилевского губернского статистического комитета – Могилев губ.: губ. тип., 1909. – 504 с.
22. Памятная книжка Могилевской губернии на 1914 год / издание Могилевского губернского статистического комитета под ред. и. д. секр. ком. И.И. Марченко. – Могилев губ.: губ. тип., 1914. – 559 с.
23. План Могилёва на Днепре 1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-belarus_mogilev_1918/. – Дата доступа: 14.09.2024.
24. Список домовладений, национализированных в городе Могилеве по постановлению управления коммунального хозяйства от 3-го ноября 1924 г. – 28 с.
25. Список фабрик и заводов Российской империи / сост. по официальным сведениям Отдела Промышленности Министерства Торговли и Промышленности под ред. В.Е. Варзара. – Санкт-Петербург: типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 720 с.
26. Фабрики и заводы всей России: сведения о 31.523 фабриках и заводах / книгоиздательство товарищества Л.М. Фиш. – Киев: типография 1-й Киевской Футлярно-Переплетной и Печатной Артели, 1913. – 1687 с.

УДК 77.03

ФАТАГРАФІІ СЯМ’І ДАЛІНСКІХ НА ФОНЕ ЭПОХІ

Ціхаміраў А. У.

Установа культуры “Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі”
(г. Гродна, Беларусь)

Анатацыя. Артыкул прысвечаны фатаграфіям сям’і Далінскіх, якія захоўваюцца ў зборах Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі.

Ключавыя словы: фатаграфія, гісторыя фатаграфіі, Гродна, Магілёў, біяграфістыка.

Abstract. Photographs of the Doliński family in the backdrop of the time.

The article is dedicated to the photographs of the Doliński family that are housed in the Grodno State Museum of the History of Religion.

Keywords: photography, history of photography, Grodno, Mahilioŭ, biography.

Музейныя прадметы – вельмі цікавыя гістарычныя крыніцы, якія не заўсёды знаходзяцца ў полі зроку даследчыкаў. З іх дапамогай можна не толькі паглыбляць вывучаемую тэму, але і насамрэч знаходзіць новыя цікавыя даследчыцкія перспектывы. Сярод такіх артэфактаў вылучаюцца

фатаграфіі. “Візуальны паварот” у гуманітарных дысцыплінах дапамог паглядзець на гэты від крыніц не толькі як на ілюстрацыю, дадатак да апісальнай часткі, якая звычайна абапіраецца на архіўныя матэрыялы, гістарычныя даследванні ці на мастацкую літаратуру, але і сфарміраваў новае даследчыцкае поле. У гэтым святле фатаграфія можа разглядацца з самых розных бакоў і дазваляе даведацца больш пра мінулае.

У фондах Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі захоўваюцца фатаграфіі з розных гарадоў і рэгіёнаў свету. Сярод каштоўных частак калекцыі – фатаздымкі, выкананыя ў беларускіх і літоўскіх губернях у другой палове XIX – пачатку XX ст. на фатаграфіях можна пабачыць гарадскую прастору, грамадскія і сакральныя будынкі, інтэр’еры, навакольную прыроду і перадусім людзей. Фатаграфічныя партрэты з 60-х гадоў XIX ст. сталі неад’емнай часткай прыватнага і публічнага жыцця. Менавіта яны дазвалялі захаваць у памяці выявы членаў сям’і, сяброў, знаёмых, сталі падарункамі блізкім людзям. У фондах музея знаходзяцца партрэты членаў сям’і Далінскіх, якія былі выкананы ў пецярбургскіх фотаатэлье Г. Дэн’ера, К. Бергамаска і А. Ясвоіна.

Аўтары здымкаў належалі да вядомых прадстаўнікоў фатаграфічнага майстэрства сталіцы Расійскай імперыі другой паловы XIX ст. Генрых Іаган (Андрэй Іванавіч) Дэн’ер (1820-1892) нарадзіўся ў Магілёве ў сям’і швейцарца, скончыў Магілёўскую мужчынскую гімназію. Пасля пераезду ў Пецярбург вучыўся ў Імператарскай Акадэміі мастацтваў, з 1860 г. атрымаў званне “фатограф Яго Імператарскай Вялікасці” [2].

Карл Іванавіч Бергамаска (1830-1896) нарадзіўся ў Турыне, з 1848 г. жыў у Пецярбурзе, з 1850 г. адчыніў дагератыпную майстэрню, а ў 60-80-я гг. XIX ст. быў ужо адным з найбольш запатрабаваных фатографай-партрэтыстаў [1].

Абрам Ілліч Ясвоін з 1870 г. працаваў упраўляючым у фотаатэлье Карла Андэрсана, а ў 1872 г. стаў уладальнікам уласнай майстэрні. Памёр у 1883 г., але ягоная ўдава Разалія Ясвоін атрымала права работы ў яго майстэрні ў Пецяргофе [3].

Кім былі прадстаўнікі сям’і Далінскіх, якіх можна пабачыць на дадзеных фатаздымках?

Ігнацы Артур Далінскі (1831-1909) (выкарыстоўваў у паўсядзённым жыцці толькі другое імя) (іл. 1) нарадзіўся ў Вільні ў сям’і збяднелай шляхты. Пасля сканчэння гімназіі ў Вільні ён вырашыў паўтарыць прафесійны шлях свайго бацькі – Станіслава Далінскага (1793-1873) і абраў кар’еру чыноўніка. Спярша ён выехаў у Ноўгарад, а пазней – у Пецярбург. У сталіцы імперыі ён жыў і працаваў 29 год – з 1855 да 1883 г. Для маладога чыноўніка гэта быў вельмі важны час у прафесійным і асабістым плане [4, s. 114].

На пачатку кар’еры А. Далінскі меў вельмі сціплыя даходы, але стараўся пазнаёміцца з горадам і завесці важныя знаёмствы. У 60-я гг. XIX ст. яго матэрыяльная сітуацыя пачала паляпшацца і ён пачаў карыстацца ўсімі магчымасцямі, якія прадастаўляў Пецярбург для культурнага і таварыскага

жыцця [4, s. 114]. У сталіцы ён ажаніўся з Клеапатрай Брыцік (1849-1891) [5, s. 203], у іх нарадзілася дзве дачкі – Людвіка (1871-1922) [5, s. 208] і Генавэфа (1874-1904) [5, s. 208]. Ва ўзросце 53 год ён пакінуў Пецяярбург як пенсіянер у чыне стацкага саветніка, што давала яму адпаведны даход.

А. Далінскі пераехаў у Вільню, дзе займаў пасады ў розных сферах горада: быў дэпутатам гарадской думы (у 1893-1905 гг.) [5, s. 224-238], з 1894 г. быў стваральнікам і першым старшынёй Віленскага гамеапатычнага таварыства [5, s. 242], прымаў актыўны ўдзел у грамадскім жыцці. З 1896 г. быў галоўным агентам Расійскага страхавога таварыства па Віленскай губерні, а ў пазнейшы час яго паўнамоцтвы былі распаўсюджаны на Гродзенскую, Ковенскую, Мінскую і Магілёўскую губерні [5, s. 245-247]. У грамадскай і гаспадарчай дзейнасці А. Далінскі актыўна карыстаўся пазапашаным у Пецяярбурзе досведам. Былы чыноўнік не толькі быў паўнамоцным прадстаўніком аднаго з вядучых страхавых таварыстваў Расійскай імперыі ў Магілёўскай губерні, але таксама быў добра знаёмы з рымска-каталіцкімі архіепіскапамі магілёўскімі – Вацлавам Жылінскім (1803-1863), Антоніем Фіялкоўскім (1797-1883) і Шыманам Казлоўскім (1819-1899). З апошнім А. Далінскі веў даволі актыўную перапіску [5, s. 191, 267]. Службовыя падарожжы дазвалялі яму пазнаёміцца з рознымі гарадамі беларускіх губерняў, напрыклад у яго дзённіках захаваліся апісанні Бабруйска, Слуцка і Мінска [5, s. 250-251]. Варта таксама звярнуць увагу і на яго дзейнасць у ініцыятывах, звязаных з распаўсюджанне гамеапатыі ў Магілёве.

Як адзначае прафесар Марыя Карыбут-Марціняк, А. Далінскі быў аўтарам дзённікаў, лістоў і іншых асабістых дакументаў, якія дазваляюць вывучаць паўсядзённае жыццё таго часу і не толькі Вільні, але і ўсіх беларускіх і літоўскіх губерняў [4, s. 114].

Клеапатра (дзявочае прозвішча – Брыцік) (іл. 2, 3) выйшла замуж за Артура ў 1870 г. Паміж сужэнцамі была значная розніца ва ўзросце – 18 год. Але вядома, што гэта не перашкодзіла добрым адносінам ў сям’і. Жыццё яна прысвяціла сям’і і выхаванню дачок, але памерла вельмі рана – ва ўзросце 42 год. Муж вельмі перажываў гэтую страту і доўгі час насіў адпаведны жалобны строй [5, s. 202-203, 222].

Старэйшая дачка Далінскіх – Людвіка (іл. 4) атрымала добрую адукацыю ў Пецяярбурзе і Вільні, доўгі час падтрымлівала бацьку ў яго гаспадарчай дзейнасці. Пазней яна стала манахіняй Кангрэгацыі сёстраў ад анёлаў і прысвяціла сябе дабрачыннасці і апецы над дзецьмі-сіротамі [5, s. 285].

Артур Далінскі быў даволі тыповым прыкладам шляхціца з беларускіх і літоўскіх земляў, якія зрабіў кар’еру чыноўніка ў сталіцы Расійскай імперыі ў другой палове XIX ст. Яго эпістальярная спадчына, дзённікі, апублікаваныя артыкулы дазваляюць прасачыць паўсядзённае жыццё прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя ў насычаны падзеямі і сацыяльнымі зменамі перыяд. А. Далінскі апрача прафесійных абавязкаў актыўна цікавіўся і займаўся

музыкай і спевамі, спрабаваў сябе ў камерцыйнай дзейнасці. Асобнай старонкай яго жыцця было захапленне гомеапатыяй, якая тады была вельмі распаўсюджаным варыянтам “альтэрнатыўнай медыцыны”. Шырокае кола знаёмстваў А. Далінскага дазваляе меркаваць, што сярод яго знаёмых маглі быць і тагачасныя магилёўскія адэпты гомеопатыі. Захаваныя фотаздымкі нагадваюць і зараз пра майстроў фатаграфіі. Сярод іх – ураджэнец Магілёва Генрых Дэньер.

Іл. 1. Артур Далінскі. Фатограф А. Ясвоін. Кан. 70-х – пач. 80-х гг. XIX ст. С.-Пецярбург. Фотапапера, кардон. Фотадрук чорна-белы.

Іл. 2. Клеопатра Далінская (у дзявоцтве Брыцік). Фатограф К. Бергамаска. 1876 г. С.-Пецяярбург. Фотапапера, кардон. Фотадрук чорна-белы.

Іл. 3. Клеопатра Далінская (у дзявоцтве Брыцік). Фатограф Г. Дэньер. 1869 г. С.-Пецяярбург. Фотапапера, кардон. Фотадрук чорна-белы.

Іл. 4. Людвіка Далінская. Фатограф А. Ясвоін. 1880-я гг. С.-Пецяярбург. Фотапапера, кардон. Фотадрук чорна-белы.

Літаратура:

1. Бергамаско Карл [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: <https://stereoscop.ru/photograph/bergamasko>

karl/?ysclid=m8fwcm6bae708830936 – Дата доступу: 15.03.2025.

2. Деньер Генрих [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: <https://stereoscop.ru/photograph/dener-genrikh/?ysclid=m8fwa8aii495635054> –

Дата доступу: 15.03.2025.

3. Ясвоин Абрам Ильич [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: <https://stereoscop.ru/photograph/yasvoin-abram-ilich/?ysclid=m8fvrfvml8132731235> – Дата доступу: 15.03.2025.

ilich/?ysclid=m8fvrfvml8132731235 – Дата доступу: 15.03.2025.

4. Korybut-Marciniak, M. Homeopatia w życiu codziennym urzędnika carskiego – Ignacego Artura Dolińskiego / M. Korybut-Marcinak // Kwartalnik historii kultury materialnej. – 2019. – nr 67 (1). – S. 113-124.

5. Korybut-Marciniak, M. Światy i międzyświaty Artura Dolińskiego. Rekonstrukcja biograficzna carskiego urzędnika / M. Korybut-Marcinak. – Olsztyn: PTH Oddział w Olsztynie, 2019. – 355 s.

УДК 93

РОЛЬ Ю.Ф. САМАРИНА В РАСКРЫТИИ ОСТЗЕЙСКОГО ВОПРОСА

Кондаков М.С.

Липецкий Государственный Педагогический Университет

им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского

(г. Липецк, Российская Федерация)

Научный руководитель - Д.И.Н., профессор Долгих А.Н.

Аннотация: Статья посвящена анализу роли Ю.Ф. Самарина в раскрытии Остзейского вопроса. Особый акцент делается на его труд «Письма из Риги», в котором автор поднимал важные вопросы политического статуса и общего положения Остзейских земель в составе Российской империи. Самарин стал одним из первых, кто обратил внимание на необходимость изменения существующего положения в Прибалтике, особенно касающегося привилегий местной аристократии и политической автономии региона. В своих письмах он выдвигал идею усиления императорской власти в этом крае, что, по его мнению, было необходимым для эффективной интеграции Остзейских территорий в широкую государственную структуру Российского государства. Через призму произведения «Письма из Риги» Самарин критикует существующий порядок, обращая внимание на противоречия между центральной властью и местной элитой. Этот труд стал значимым вкладом в обсуждение политических и социальных проблем региона и оказал влияние на дальнейшее развитие

общественного сознания в России. Статья также исследует, как взгляды Самарина повлияли на российскую политику в Прибалтике, став важным этапом становления более широкой реформаторской мысли.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, Остзейский вопрос, «Письма из Риги», славянофилы, Лифляндия, общественная дискуссия.

Summary: The article is devoted to the analysis of the role of Yu. F. Samarin in the disclosure of the Baltic issue. Particular emphasis is placed on his work «Letters from Riga», in which the author raised important issues of the political status and position of the Baltic lands within the Russian Empire. Samarin was one of the first to draw attention to the need to change the existing situation in the Baltics, especially concerning the privileges of the local aristocracy and the political autonomy of the region. In his letters, he put forward the idea of strengthening imperial power in this region, which, in his opinion, was necessary for the effective integration of the Baltic lands into the wider state structure of Russia. Through the prism of the work «Letters from Riga», Samarin criticizes the existing order, drawing attention to the contradictions between the central government and the local elite. This work became a significant contribution to the discussion of political and social problems of the region and influenced the further development of public consciousness in Russia. The article also explores how Samarin's views influenced Russian policy in the Baltics, becoming an important stage in the development of broader reformist thought.

Keywords: Y. F. Samarin, The Ostsee question, «Letters from Riga», Slavophiles, Livonia, public debate.

Остзейский вопрос занимал важное место в общественно-политической жизни Российской империи XVIII–XIX вв. Он касался статуса и положения Остзейских губерний - Лифляндии, Курляндии, Эстляндии - в составе государства. Этот вопрос затрагивал проблемы автономии, прав местного немецкого дворянства, а также национальной и культурной политики России. Роль Юрия Фёдоровича Самарина в становлении Остзейского вопроса в Российской империи является важным и многогранным аспектом русской общественной мысли XIX века. Самарин занимался анализом и критикой положения западных губерний. Его произведения и политическая позиция сыграли значительную роль в формировании идеи необходимости изменения статуса Остзейских территорий, на освобождение региона от привилегий местного немецкого дворянства и на более тесную интеграцию этих территорий в имперскую систему. В этом контексте Самарин стал одним из ключевых представителей общественной мысли, стремившихся к реформированию политики, направленной на усиление единства России и устранение автономии, которая существовала в Остзейских губерниях. В данной статье рассмотрим влияние Ю.Ф. Самарина на развитие Остзейского вопроса, его роль в российской интеллектуальной и политической жизни того времени.

Юрий Фёдорович первым поднял проблему статуса Прибалтийских земель в составе Российского государства. Он был назначен на должность представителя комитета министерства внутренних дел, который отвечал за организацию крестьянского быта в Лифляндии. Юрий Федорович упоминал в своих письмах А. С. Хомякову, что необходимо «эманципировать» низшие и средние сословия общества от дворянского господства [4, с.2]. Самарин занимался изучением крестьянского вопроса в западных окраинах Российской империи, в связи с началом подготовки реформы в Лифляндии, которая была реализована в 1849 году. Она регламентировала переход крестьян к выкупу своих наделов [2, с.75]. По итогу проделанной работы, Самарин предоставил отчёт законодательных актов о лифляндских крестьянах за 1804, 1809, 1819 и 1843 годы [4, с.20].

Влияние на идеи Самарина по остзейской проблеме оказало массовое обращение местного населения Прибалтики в православную веру в 1840-х гг. Причиной этого послужило отсутствие земли у большого процента населения крестьян, которые рассчитывали через переход в православие получить в своё владение надел и защиту от немецких помещиков. Местные власти, конечно, не приветствовали это движение, и, по мнению Самарина, русское правительство не оказало ему достаточной поддержки. Юрий Фёдорович подчеркивал, что существует ряд проблем, требующих безотлагательного решения с точки зрения государственных интересов Российской империи. По мнению мыслителя, проповедование православия на Остзейских территориях среди крестьян, которые составляли основной процент населения, и есть главный критерий сближения Прибалтики и России [4, с.3]. Католическая церковь, которую представляло местное немецкое дворянство, затрудняло усиление власти Российского государства на этих территориях, которые были близки к русским княжества испокон веков. По мнению Самарина, что среди прибалтийских народов были упразднены традиционные формы общинной организации и начала православной веры [4, с.3]. Уже позднее эти тезисы будут использоваться для обоснования связи между Остзейскими народами и русскими. Цель изменения экономических условий крестьян в Прибалтике связано с необходимостью реформ в аграрном секторе. Самарин утверждал, что это положительно повлияет на преобразование духовных основ жизни местного населения. Основной проблемой была Остзейская модель освобождения крестьян, а именно наделение личной свободой, но сохранение за дворянами права на землю. Императорской власти необходимо решить аграрный вопрос в западных окраинах и предоставить крестьянам землю, так как это поспособствовало бы сохранить лояльность значительной части местного населения к России [4, с.4].

Не уступает по важности и вопрос положения русского населения в Остзейском крае. Самарин отстаивал идею равноправия русских и прибалтийцев, в особенности касался вопросов, которые были связаны с деятельностью русских торговцев, которые были ограничены местными

торговыми гильдиями. Не менее важным вопросом являлось разрешение русским помещикам покупать в Прибалтике имения в личную собственность. Право на владение земельными наделами в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии имела малая часть привилегированного населения - матрикулованного рыцарства (которые были внесены в родовые книги - матрикул). Самарин подчеркивал тот факт, что, владея этими территориями русские помещики поспособствуют сближению западных окраин и императорской власти, а также увеличит экономический и социально-политический потенциал этих территорий.

Представленные выше идеи Ю.Ф. Самарина были изложены в его труде «Письма из Риги». Автор приходит к неблагоприятному выводу: правительство бессильно и действует непоследовательно. Помимо этого, мыслитель убежден во вражде немцев к русским. Устройство Остзейского края основано на искусственном поддержании власти правительства, что, в свою очередь, дает возможность Остзейцам сохранять свое господство. Он утверждал, что для сохранения своего влияния в регионе остзейцам необходимо подчинить себе правительство, используя его как инструмент для своих целей. В результате, Самарин считал, что каждый русский должен по мере сил действовать против остзейцев [4, с.43–45].

«Письма из Риги» всколыхнули славянофилов, так как Самарин впервые затронул проблему положения западных окраин государства, открыл эту тему для российского общества. Дмитрий Фёдорович Самарин утверждал, что к тому времени в Российской империи не существовало политической печати и общество не было осведомлено о внутренних проблемах в государстве, а про Остзейские земли население было в полном неведении. Произведение Самарина вызвали бурный интерес общественности к данной проблеме. «Письма...» были положительно оценены К. С. Аксаковым, который утверждал, что Остзейский провинциализм - есть следствие бездействия императорской власти. Иван Сергеевич Аксаков утверждал, что произведение Самарина вызвали бурное негодование в среде немцев, которые пытались его упрекнуть в правительственном шпионаже. Реакция правительства не заставила себя долго ждать. Остзейский генерал-губернатор А. А. Суворов начал расследование по поводу «Писем...», последовало обвинение Самарина в нарушении служебных обязанностей и распространение канцелярских тайн. Главное обвинение заключалось в публичном прочтении Самариним своего произведения. Этот материал был собран во время его работы в Риге и не должен был быть распространен [3, с.53].

В марте 1849 года Ю. Ф. Самарин был арестован на 12 дней, после чего его допрашивал лично Николай I. Император утверждал, что автор пытался пробудить вражду между немцами и русскими, когда их необходимо было сближать. Стоит учитывать, что Николай I понимал, что Остзейский край необходимо реформировать. Предпринимались действия к урегулированию ситуации. Ранее упомянутая реформа 1849 года корректировала переход

крестьян с барщины на денежный оброк, что способствовало экономической заинтересованности как Лифляндских крестьян, так и помещиков. Через семь лет был принят подобный указ для территории Эстляндии. В начале 1850 года принято постановление «О введении в коронных присутственных местах Остзейских губерний делопроизводства на русском языке», по которому все государственные учреждения западных окраин обязаны были перейти на русский язык [1, с.5]. Стоит учитывать, что данный указ получил малый отклик в остзейском крае и данный указ был возобновлён только в 1882 году.

Таким образом, Ю.Ф. Самарин сыграл ключевую роль в раскрытии Остзейского вопроса, став одним из первых, кто открыл дискуссию об особом статусе прибалтийских территорий. Автономия западных окраин России впервые была поставлена под сомнение. «Письма из Риги» призывали к решительным мерам противодействия немецкой Остзейской изолированности. Именно это было негативно воспринято Николаем I. Самарин выдвигал идею необходимости укрепления императорской власти в этом регионе, что стало важным элементом его политической позиции, поднимал вопросы несовершенства существующего положения Остзейского края, где сохранялись привилегии местной аристократии, что затрудняло интеграцию этих территорий в лоно Российской империи. Его идеи о политической и экономической реорганизации этого региона привлекли внимание общественности к данным проблемам. Взгляды Самарина оказали влияние на развитие идеи о необходимости реформ в Прибалтике. Его концепция усиления императорской власти, а также стремление к улучшению положения крестьян и снижению местной автономии оставили след в истории политической мысли.

Литература

1. «О введении в коронных присутственных местах Остзейских губерний делопроизводства на русском языке» от 3 января 1850 г. // ПСЗ-2. Т. 25. Отд. I. Санкт-Петербург, 1851. № №23796
2. Абрамович, К. Г. Сборник узаконений правительственных распоряжений и решений Общего собрания, 2-го и Касационных Департаментов Сената с приложением законоположений о сервитутном праве б. вольных людей, старообрядцев и чиншевиков Западных губерний / К. Г. Абрамович – Санкт-Петербург, 1895. – 230 с.
3. Михайлова, Ю. Л. Славянофилы и остзейский вопрос (40-60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. – 2007. – №5. – С. 49-61.
4. Самарин, Ю. Ф. Письма из Риги и история Риги. – Москва: Типография А.И. Мамонтова и Ко. – 1889. – 658 с.

УДК 377.36:61(476.4-25)

ОСНОВАТЕЛИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. СЕМЬЯ САРАТОВСКИХ

Петрукович Е.Ю.

Учреждение образования «Могилевский государственный
медицинский колледж»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В докладе представлена история династии Саратовских, ее вклад в развитие медицины и подготовку медицинских работников в Могилеве.

Ключевые слова. Фармация, медицинское образование, обучение студентов, Могилев.

Annotation. The report presents the history of the Saratovskij dynasty, its contribution to the development of medicine and the training of medical workers in Mogilev.

Keywords. Pharmacy, medical education, student training, Mogilev.

Могилев со второй половины XIX века стал центром по подготовке среднего медицинского персонала. С 1847 года в нем велась подготовка повивальных бабок. Первоначально в маленьком учебном заведении при губернской больнице общественного призрения, которая в 1864 году преобразована в Центральную повивальную школу для Могилевской, Витебской и Минской губерний. С 1875 года в Могилеве начала работу Центральная фельдшерская школа для Могилевской, Витебской и Минской губерний. Обе медицинские школы не готовили фармацевтов, но фармацевтические знания в них преподавались. В фельдшерской школе в большем объеме, чем в повивальной. Первоначально, фармацевтические знания преподавал помощник директора школы. Например, в Центральной повивальной школе врач-акушер Александр Прейсфрейнд. Но в Центральной фельдшерской школе изучали уже фармацию, фармакогнозию, фармацевтическую химию и фармакологию с рецептурой. Поэтому возникла необходимость в привлечении к преподаванию этих предметов фармацевта. Учебная нагрузка не была большой – всего две учебные группы в каждой школе, поэтому занятия вел преподаватель-совместитель.

Первым стал Иван Иванович Саратовский. Очень интересная личность: он преподавал, работал аптекарем в богоугодных заведениях города, имел собственную аптеку, вел активную общественную деятельность. А еще воспитал четверых сыновей, которые пошли по стопам отца и стали профессиональными медиками. В свою очередь, представители этой династии продолжили семейное медицинское дело, создав династию преподавателей-медиков. О них и пойдет наш рассказ.

Основатель династии Иван Иванович Саратовский родился в Могилеве. Окончил 6 классов Могилевской губернской гимназии в 1856 году. После чего был переведен в военную гимназию, после окончания которой окончил

Императорскую медико-хирургическую Академию в Санкт-Петербурге и получил звание лекаря. Военврачом начал службу в г. Вильно, где женился. Затем служил в г. Столбцы Минской губернии. В 1880 году вышел в отставку и вернулся в Могилев. В том же году экстерном сдал экзамены за полный курс отделения фармации Харьковского университета. В 1882-1886 гг. работал врачом медицинского департамента Могилевского губернского правления.

С 1882 года в Могилеве имел свою аптеку. С 1883 года работал штатным фармацевтом и управляющим аптеками Могилевских богоугодных заведений и Могилевской губернской больницы, провизором, преподавал фармацию в Могилевской центральной фельдшерской школе императора Александра II. На этих должностях служил до 1905 года. 1883-1906 гг. член Общества врачей Могилевской губернии. Имел чин статского советника. Умер в 1905 году [1].

Дело отца продолжили сыновья Николай, Иван и Леонид. Судьба распорядилась таким образом, что младшие сыновья ушли из жизни молодыми и династию продолжили только потомки Ивана. Расскажем о младших сыновьях.

Иван Иванович Саратовский младший родился в Могилеве в 1871 году. Окончил Могилевскую губернскую мужскую гимназию в 1893 году и Петербургскую Императорскую военно-медицинскую академию в 1897 году. Как и отец, стал военным врачом. После смерти отца в 1905 г. был переведен в Могилев врачом 161-го пехотного Александропольского полка. Работал преподавателем по совместительству в Могилевской Центральной фельдшерской школе, исполнял обязанности секретаря в товариществе врачей Могилевской губернии, а с 1912 г. работал заместителем председателя врачебного отдела. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. Погиб в 1916 году во время немецкой бомбардировки [2].

Его брат Леонид также родился в Могилеве и окончил Могилевскую губернскую мужскую гимназию в 1900 году и Императорскую военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. О его службе в армии данных нет. Как гражданский врач работал в Могилевском уезде и, по совместительству, преподавал в Могилевской Центральной фельдшерско-акушерской школе для Могилевской, Витебской и Минской губерний имени императора Александра II. В 1918 году он уже главный врач участковых врачей Могилевского уезда. Имел в своем ведении обширный и густонаселенный район Княжицкого участка, с больницей в местечке Княжицы. При исполнении своих обязанностей, заразился сыпным тифом и после двухнедельной болезни, скончался на 42 году жизни. Как отмечала печальное событие уездная газета «Соха и молот»: на состоявшихся похоронах присутствовал весь врачебный мир, в среде которого доктор Саратовский пользовался глубочайшим уважением [2].

Николай Иванович Саратовский человек иной судьбы. О месте его рождения данных нет. Он учился в Могилевской губернской мужской

гимназии, после окончания четырех классов в ней, поступил в Центральную фельдшерскую школу для Могилевской, Витебской и Минской губерний, которую успешно окончил. Дипломированным врачом стал по окончании медфакультета Московского университета и в 1904 году был направлен на Дальний Восток врачом Могилевского отряда Российского общества Красного Креста. Оказывал помощь российским воинам на поле боя. С 1907 года работал провизором в городской губернской больнице и инспектором врачебного отделения в губернском управлении, библиотекарем в товариществе врачей Могилевской губернии. Был членом попечительского совета, а потом провизором Могилевской Александровской общины сестер милосердия Красного Креста. В 1911 году получил чин коллежского секретаря и стал заведующим аптеки в городской больнице. По совместительству преподавал фармацевтические дисциплины в Центральной повивальной школе и в Центральной фельдшерской школе императора Александра II. После Октябрьской Революции работал в аптеке при городской больнице, судмедэкспертом, преподавал в медтехникуме (с 1929 года – в медполитехникуме). С советской властью его отношения сложились неоднозначно. По результатам проверки политического воспитания и положения в коллективе в ноябре 1929 года его включили в список неблагонадежных преподавателей. «Назіраюцца выпадкі ралізацыйнага ўплыву на студэнцкі калектыу... угашчэнне віном і інш. рэчамі лепшых студэнтаў за добрае выкананне працы /Саратаўскі/» - такой сделала вывод комиссия [3]. Со второго семестра 1912/1930 учебного года Н. И. Саратовский уже не работал в медполитехникуме. Скорее всего вышел на пенсию.

Преподавателем фельдшерско-акушерской фармацевтической школ стал Александр Иванович Саратовский. Уже в довоенное время он был известным в городе школьным учителем математики, а после войны, как и его предки, стал обучать будущих медиков. К его работе преподавателя претензий не было, но в январе 1948 года при проверке педколлектива ему была выдана такая характеристика: «Учебная нагрузка 1480 часов. Работал у немцев. Остается в этом учебном году» [4]. То есть, были поставлены ему в упрек пребывание на оккупированной территории и работа в одной из городских школ. Но коллектив не хотел терять толкового педагога. Директор фельдшерско-акушерской школы врач-фронтовик В.В. Шушкевич в годовом отчете не побоялся выступить в его защиту. Он писал: «На экзаменах особенно хорошие знания учащиеся показали: ... по математике – у преподавателя Саратовского» [5]. Новый директор В. П. Зенчик, так же фронтовик, по итогам 1949/1950 учебного года дал развернутую характеристику А. Н. Саратовскому как одному из лучших педагогов школы. «Саратовский Александр Иванович – преподаватель, математики. – Писал он – Старый педагог, имеющий количественный и качественно богатый опыт в преподавании, владеющий методикой и дифференцированно применяющий её

на основе своего обширного опыта. Подход к учащимся индивидуальный, с учётом его способностей и возможностей.

Обращает на себя внимание редкое умение преподавателя иногда весьма сложные математические понятия донести до учащегося в удобопонятной

В архивных источниках про его пишут так: Саратовский Александр Иванович – преподаватель, математики. Старый педагог, имеющий количественный и качественно богатый опыт в преподавании, владеющий методикой и дифференцированно применяющий её на основе своего обширного опыта. Подход к учащимся индивидуальный, с учётом его способностей и возможностей.

Обращает на себя внимание редкое умение преподавателя иногда весьма сложные математические понятия донести до учащегося в удобопонятной форме, не снижая научности рассматриваемого вопроса; умение преподавателя так полно овладеть классом, активизировать работу класса в целом и так живо вести уроки. Участие преподавателя в работе цикловой комиссии было достаточным и активным» [6].

После войны, вместе с отцом, пришла на работу преподавателем биологии Вера Александровна Саратовская. Она родилась в 1912 году в г. Могилеве. Окончила с отличием Могилевский педагогический техникум в 1928 году. Затем в 1933 году Витебский ветеринарный институт. Получила профессию зоотехнолога, но вернувшись в Могилев стала преподавать химию и биологию в СШ № 2. Также, как и отец, не смогла эвакуироваться и работала в школе № 5. После освобождения один учебный год преподавала в сельскохозяйственной школе. С 1 сентября 1945 года и до выхода на пенсию преподавала гигиену, микробиологию и биологию в фельдшерско-акушерской школе. К ней претензий, как к ее отцу, не было. Возможно потому, что ее муж – офицер Красной армии – погиб на фронте. «Преподаватель биологии. Учебная нагрузка 456 часов. Работала при немцах. Остается в этом заведении» - говорится в документе [4]. А в годовом отчете за 1949/1950 год о ней говорится так: «Предметом владеет хорошо. Методически подготовлена, изложение ясное, доходчивое. Тщательно готовится к урокам и проводит их. Темпераментность в изложении, выразительная дикция. Уделяет большое внимание внеклассной воспитательной работе» [6]. Выйдя на пенсию, выехала из Могилева по месту службы ее сына-офицера [2].

Медицинская династия Саратовских является ярким примером преемственности традиций, отверженной любви к медицине и преданности профессии. Члены семьи Саратовских в течение нескольких поколений вкладывали свои силы в развитие здравоохранения и образования в городе Могилев, делая значительный вклад в улучшение качества подготовки медицинских специалистов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Памятные книжки Могилевской губернии;
 2. Архив музейной комнаты УО «Могилевский государственный медицинский колледж»;
 3. Вывады каміссіі па абследаванню Магілеўскага медпалітэхнікуму 23.11 – 02.11 1929 г. // ГАООМог. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 835. Л. 102;
 4. Список преподавателей Могилевской фельдшерско-акушерской школы, школы медсестер и фармацевтической школы // ГАООМог. – Ф. 9. Оп. 6. Д. 110. Л. 42;
 5. Годовой отчет о работе Могилевской фельдшерско-акушерской школы за 1947-48-й учебный год // ГАМог. – Ф. 776. Оп. 1 Д. 5. Л. 7;
 6. Годовой отчет о работе Могилевской фельдшерско-акушерской школы за 1949/1950 учебный год // ГАМог. – Ф. 661. Оп.1. Д. 232. Л. 7.
- УДК 94 (476)+94+27 «1835/1917»

СЕКРЕТАРИ ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Шимукенус М.В.

Учреждение образования «Средняя школа № 42 г. Могилева»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. Рассматривается деятельность секретарей губернского статистического комитета в Могилёвской губернии в изучении прошлого нашего края. Среди всех секретарей выделяются следующие деятели: Соколов С.И., Симановский А.А., Марченко И.И., Данилов Г.Г. и Пожаров Г.П. Итогом их деятельности были статьи в памятных книжках губернии, статистические таблицы.

Ключевые слова: секретарь, губернский статистический комитет, памятная книжка, Могилёвская губерния, краеведение.

Annotation. The article examines the activities of the secretaries of the provincial statistical committee in Mogilev province in studying the past of our region. Among all the secretaries, the following figures stand out: Sokolov S.I., Simanovsky A.A., Marchenko I.I., Danilov G.G. and Pozharov G.P. The result of their activities were articles in the commemorative books of the province, statistical tables.

Keywords: secretary, provincial Statistical Committee, pamphlet, Mogilev province, local history.

Интерес к данной теме не случаен. С деятельностью секретарей губернского статистического комитета связывают успехи в изучении местной истории. Именно секретари занимались подготовкой к изданию памятных книжек и адрес-календарей Могилёвской губернии. Их заинтересованность в изучении прошлого и настоящего губернии выражалась в содержательных статьях и статистических таблицах. Зачастую их деятельность заключалась не в изучении прошлого, а в организации местных краеведов для исследовательской работы. Всего эту должность в Могилёвской губернии с

1861 по 1917 годы занимало 15 человек. Большинство секретарей выполняли свои обязанности временно, так как эта должность часто была вакантной. Секретарь собирал различные данные, сводил их в статистические таблицы. В некоторых памятных книжках представлены таблицы в больших количествах, что свидетельствует об огромной проделанной работе. Фактически в них отражены все стороны жизни Могилёвской губернии. Огромное количество чиновников собирали информацию, заполняли различные государственные анкеты. Каждый год вносились изменения в список состава чиновников губернии. В течение года осуществлялась подготовительная работа по составлению памятной книжки. Именно, по материалам памятных книжек Могилёвской губернии стоит оценивать деятельность секретарей, немногие из них проявили себя в других изданиях. На творчество не хватало времени, а зачастую и желания. Многие секретари статистического комитета были приезжими людьми, прошлое губернии их не интересовало. Должность секретаря доставляла много хлопот, в большинстве чиновники стремились перевестись в более спокойное место. Да, и соглашались на эту должность некоторые чиновники на короткий срок, с дальнейшим переводом по службе, а то и с повышением. Тем более, нагружали секретарей дополнительно различными обязанностями. Практически всегда секретари возглавляли городской музей и публичную библиотеку, вели делопроизводство в различных благотворительных обществах.

Среди всех секретарей выделяются следующие деятели: Соколов С.И., Симановский А.А., Марченко И.И., Данилов Г.Г. и Пожаров Г.П.

Именно Соколов Сергей Ильич первым ввёл в литературу дату основания Могилева 1267 год, которую, к сожалению, не подтвердил источниками. Также он опубликовал много статей по истории Могилева и губернии, представил хронологическую таблицу основных событий края. Соколов внёс в таблицу даты построения Спасо-Преображенской церкви, могилёвского Братского монастыря, фарного костёла, Бернардинского и кармелитского монастырей и т.д. В памятной книжке на 1861 год в разделе исторические сведения секретарь статистического комитета подробно характеризует города и местечки Могилёвской губернии. Исследователь описал местные религиозные православные и католические праздники, крестные ходы и места массового скопления населения на некоторых праздниках и ярмарках. Фактически Соколов заложил основу для дальнейшего изучения истории губернии, в сборнике статей за 2021 год есть статья о нём.[3, с.20-65; 18, с. 333-338]

Симановский был одним из составителей знаменитого труда «Опыт описания Могилёвской губернии...». Весь огромный статистический материал прошёл через его руки. Вызывает восхищение написанная им глава книги «Кустарные промыслы», объёмом около 250 страниц. Период нахождения Симановского в должности секретаря губернского статистического комитета известен очень плохо, памятные книжки

издавались не всегда. До выхода в свет «Опыта описания Могилёвской губернии...» последняя памятная книжка издавалась в 1876 году и называлась адрес-календарь. Следующий выход книжки произошёл в 1885 году. В Памятной книжке на 1893 год опубликован дневник археологических раскопок, произведённых летом 1892 года в 5 уездах губернии. По поручению губернатора Дембовецкого А.С. раскопки выполнены археологами Фурсовым М.В. и Чоловским С.Ю. В 1895 году издана статья Фурсова «Несколько страниц из истории Западной России», к столетию со дня смерти архиепископа Георгия Конисского. В памятной книжке на 1897 год опубликован обзор сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1896 год в Могилеве, где содержится много фактического материала по экономике губернии. Важно также не переоценивать роль Симановского, так как в его время в Могилёвской губернии жили знаменитые исследователи нашего края: Романов Е.Р., Фурсов М.В., Чоловский С.Ю. и другие. Тем не менее, право отбора материала для публикации в памятной книжке у секретаря губернского статистического комитета, безусловно, было. Раз издана статья, значит, секретарь статистического комитета этому тоже содействовал.[2, с. 287-531; 7, с.7-111; 8, с. 8-103]

Интересна деятельность Данилова Г.Г. Среди памятных книжек начала XX века выделяется издание 1905 года. Много информации содержится в хронике общественной жизни Могилева за 1904 год, есть биография и портрет преосвященного епископа Могилёвского и Мстиславского Стефана. Опубликованы редкие фотографии того времени: золотой и серебряный ключи, подаренные Екатериной II городу, а также 2 печати ратуши; детский приют могилёвского женского благотворительного общества; закладка здания могилёвского отделения Государственного банка 5 июня 1904 года; могилёвский отряд Российского общества Красного Креста.[11, с.6-118]

Недолго в должности секретаря губернского статистического комитета служил Пожаров Г. П. Тем не менее, чиновник оставил после себя значительное наследие, в их ряду выделяется «Список населённых мест Могилёвской губернии», который издан в 1910 году и содержит огромный объём информации по истории населённых пунктов Могилевщины. Богатейший исторический материал размещается на страницах памятной книжки на 1909 год. Среди них выделяются: приказы, циркуляры и постановления губернатора Нолькена К.С.; статья о победе императора Петра I над шведами 28 сентября 1708 года; информация о праздновании 200-летнего юбилея битвы под Лесной. В памятной книжке на 1910 опубликованы руководящие приказы и формуляры Могилёвского губернатора, содержащие интереснейший материал по истории нашего края. Кроме того Пожаров с помощью местных краеведов собрал информацию и издал статьи о 14 губернаторах, а также их портреты.[13, с. 1-115; 14, с. 1-228; 19, с. 85]

Марченко И.И. интересовался прошлым Могилевщины, придавал большое значение изучению местной истории учащимися города. По его инициативе был осуществлён сбор материалов по всем уездам губернии. Чиновник на основе собранных данных подготовил экскурсионный сборник для учащихся средних учебных заведений города. В памятной книжке на 1912 год есть очень подробная статья о событиях войны 1812 года в Могилёвской губернии. В ней, что очевидно, использован широкий круг документальных материалов. Статья актуальна и сегодня. В памятной книжке на 1913 год выделяется содержательностью список фабрик, заводов, паровых и водяных мельниц в Могилёвской губернии. Памятные книжки, отредактированные Марченко И.И., отличаются глубиной содержания и большим профессионализмом.[16, с.6-73; 17, с.1-168]

Каждый из секретарей, не упомянутый отдельно, внёс определённый вклад в изучение истории Могилевщины. Даже, если и не написал чиновник статистического комитета лично какую-то интересную статью или не был организатором исследовательской деятельности. Все секретари приводили в памятных книжках статистические данные, перечисляли сведения о чиновниках и священнослужителях, фабриках и заводах, землевладельцах, населённых пунктах. Информационные сборники губернского периода, составленные секретарями статистического комитета, являются важнейшим источником по истории нашего края.

Секретари статистического комитета Могилёвской губернии

№	ФИО, место учёбы	Дата службы	Звание, чин	Деятельность
1	Соколов Сергей Ильич	1861 - 1864	Коллежский советник	Учитель и помощник инспектора духовной семинарии с 30 сентября 1837 по 1866. Действительный член и секретарь губернского статистического комитета с 1850 по 1866 (секретарь до 1864). Частный редактор неофициальной части газеты «Могилёвские губернские ведомости» с 1845 года. Создатель хронологии событий по истории Могилева.[18, с. 333-338]
2	Дубенский Николай Яковлевич	1864 - 1867	Надворный советник	Действительный член и секретарь губернского статистического комитета с 18

				февраля 1864 года.[4, с. 1-107]
3	Биппен Василий Николаевич	1867 - 1869	Коллежский ассессор	Помощник председателя губернского правления с 12 ноября 1868 г. Секретарь статистического комитета с 1 августа 1867 г. Редактор неофициальной части газеты «Могилёвские губернские ведомости». Имел награды: орден Святого Станислава 2-й степени и медаль в память об усмирении польского мятежа 1863/1864 гг. Автор статей и драматических произведений (драма «От судьбы не уйдёшь»).[5, с. 3-97]
4	Потехин Алексей Антипович Ярославский Демидовский лицей	1869 - 1871	Коллежский секретарь	Секретарь статистического комитета с 19 сентября 1869 г. Редактор неофициальной части газеты «Могилёвские губернские ведомости».[6, с. 2- 87]
5	Кадьян Григорий Максимович	1871 - 1872	Отставной поручик	Старший чиновник особых поручений при канцелярии губернатора, в должности с 1871 года. Секретарь статистического комитета и редактор неофициальной части газеты «Могилёвские губернские ведомости» с 26 апреля 1871 г.[7, С. 2-111]
6	Симановский Анатолий Александрович Киевский университет	1872 - 1897	Статский советник	Управляющий канцелярией, состоял при МВД, командирован в распоряжение губернатора в 1876 г. В должности секретаря губернского статистического комитета с 1872 г. Член правления крестьянского поземельного банка от канцелярии губернатора и секретарь комитета женского благотворительного общества. Редактор неофициальной части

				газеты «Могилёвские губернские ведомости» с 1 мая 1873 г.[2, с. 287-531; 7, с.7-111; 8, с. 8-103]
7	Островский Владимир Николаевич Московский университет	1897 - 1900	Коллежский секретарь	Старший чиновник особых поручений канцелярии губернатора. В службе с 1894 г., в должности секретаря губернского статистического комитета с 1897 г. Делопроизводитель губернского комитета попечительства о народной трезвости и Александринской общины сестёр милосердия общества Красного Креста.[8, с. 8-103; 9, с. 3-97]
8	Томашевич Кирилл Фомич Горы-Горецкое земледельческое училище	1900 - 1903	Коллежский асессор	В службе с 1872 г., в должности секретаря губернского статистического комитета с 1900 г. Он же был правителем канцелярии губернатора. Был делопроизводителем губернского присутствия по промысловому налогу, секретарём комитета женского благотворительного общества.[9, с. 3-97; 10, с. 6-98]
9	Невинский Иван Флорович Московский университет	1903 - 1904	Губернский секретарь	В службе с 1901 г., в должности секретаря губернского статистического комитета с 1903 г.[10, с. 6-98]
10	Данилов Георгий Георгиевич Санкт-Петербургский университет	1904 - 1906	Коллежский асессор	Состоял при МВД, командирован в Могилёвскую губернию в 1904 г. Чиновник при губернаторе. В службе с 1893 г. Секретарь губернского статистического комитета (и. о.). Попечитель губернского музея, заведующий публичной библиотекой.[11, с. 6-118]
11	Хорошавин Михаил Николаевич	1906 - 1907	Губернский секретарь	Секретарь губернского статистического комитета (и. о.)[12, с. 6-58]

1 2	Пилин Макарий Иванович (исполнял обязанности) Полоцкая учительская семинария	1907 - 1909	Коллежский регистратор	Секретарь губернского статистического комитета, заведующий могилёвским музеем и публичной библиотекой, член ревизионной комиссии ссудо-сберегательной кассы.[13, с. 1-115]
1 3	Пожаров Георгий Павлович Николаевское кавалерийское училище	1909 - 1911	Ротмистр в отставке, титулярный советник	Попечитель губернского музея, заведующий публичной библиотекой. Заведующий губернской типографией. Старший чиновник особых поручений канцелярии губернатора. Был членом различных благотворительных обществ.[14, с. 1-228; 17, с. 7- 85]
1 4	Мельников Борис Александрович Императорское училище правоведения	1911 - 1912	Коллежский секретарь	Старший чиновник особых поручений канцелярии губернатора. Секретарь губернского статистического комитета. Попечитель губернского музея. Временно и. д. делопроизводителя попечительства детских приютов.[15, с. 6-73]
1 5	Марченко Иван Иванович Лепельская кондукторская школа	1912 - 1917	Коллежский ассессор, с 1914 надворный советник	С 1904 г. старший секретарь канцелярии губернатора. С 1909 г. правитель канцелярии губернатора. С 1912 г. секретарь губернского статистического комитета и одновременно попечитель музея. Организатор и автор экскурсионного сборника по Могилёвской губернии.[1, л. 1-85; 17, с. 5-85]

Таким образом, история Могилёвской губернии насчитывает 15 секретарей губернского статистического комитета, которые внесли большой вклад в изучение прошлого приднепровского края. Деятельность секретарей не потеряла своего значения в настоящее время, а их труды являются важным источником по изучению родного края.

Литература:

1. НИАБ – ф. 412, оп. 1, дело. 78, л. л. 1 – 85.
2. Опыт описания Могилёвской губернии. Кн. 2 – Могилев: 1882. – С. 287-531
3. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1861. – Типография губернского правления. – Могилев, 1861. – С. 1-107.
4. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1867. – Типография губернского правления. – Могилев, 1867. – С. 1-107
5. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1869. – Типография губернского правления. – Могилев, 1869. – С. 3-97
6. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1871. – Типография губернского правления. – Могилев, 1871. – С. 2-87.
7. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1872. – Типография губернского правления. – Могилев, 1872. – С. 7-111.
8. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1897. – Типография губернского правления. – Могилев, 1897. – С. 8-103.
9. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1900. – Типография губернского правления. – Могилев, 1900. – С. 3-97.
10. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1903. – Типография губернского правления. – Могилев, 1903. – С. 6-98.
11. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1905. – Типография губернского правления. – Могилев, 1905. – С. 6-118.
12. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1907. – Типография губернского правления. – Могилев, 1907. – С. 5-68.
13. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1909. – Типография губернского правления. – Могилев, 1909. – С. 1-115.
14. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1910. – Типография губернского правления. – Могилев, 1910. – С. 1-228.
15. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1912. – Типография губернского правления. – Могилев, 1912. – С. 6-73.
16. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1914. – Типография губернского правления. – Могилев, 1914. – С. 1-168.
17. Список населённых мест Могилёвской губернии. – Могилев, 1910. – С. 5-85.
18. Шимукенус М.В. Деятельность Соколова С.И. на должности секретаря губернского статистического комитета в 1861-1864 годах / Шимукенус М.В. // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі. 25-26 чэрвеня 2021 г. – Магілёў, 2021. – С. 333-338.

УДК 930.2

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ МОГИЛЕВСКОГО
ГУБЕРНАТОРА А.С. ДЕМБОВЕЦКОГО (1840-1920) И ЕГО СЕМЬИ

Петров Д.Н.

Учреждение образования «Могилевский государственный областной
институт развития образования»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье на основании архивных и справочных источников раскрыты и уточнены, в том числе ранее неизвестные, факты биографии могилевского губернатора А. С. Дембовецкого (1840–1920) и членов его семьи, в том числе и те, которые на протяжении десятилетий являются предметом дискуссий.

Дембовецкий, губернатор, Правительствующий Сенат, формуляр

Based on archival and reference sources, the article reveals and clarifies previously unknown facts about the biography of Mogilev Governor A. S. Dembovetsky (1840–1920) and members of his family, including those that have been the subject of debate for decades.

Dembovetsky, Governor, Governing Senate, form

Жизнь и судьба могилевского губернатора Александра Станиславовича Дембовецкого, а также его семьи, несмотря на относительно широкое отражение в научных публикациях, основанных, главным образом, на статистических и справочных изданиях, по-прежнему окутаны мифами и легендами. В ряде публикаций и на просторах Интернета безо всяких ссылок на первоисточники, не говоря уже об официальных и неофициальных документах, его относят «к детям царского посева» – многочисленным реальным и мнимым внебрачным детям императора Александра II.

Александр Станиславович Дембовецкий родился 1 марта 1940 г. [8, с. 146]. И если начало государственной службы и деятельность на посту могилевского губернатора Дембовецкого (1872–1893) изучены по Формулярному списку [13], то информация о дальнейшей жизни и судьбе сенатора Дембовецкого и его родных носит отрывочный характер, нуждается в дальнейшем исследовании и уточнении. В значительной мере облегчает поиск работы с первоисточниками редкая фамилия предмета изучения, поскольку фамилия «Дембовецкий» в справочных изданиях Санкт-Петербурга, а затем Петрограда является единственной, и относится к Александру Станиславовичу и его семейству.

Именным Высочайшим указом Императора от 30 августа 1893 г. А. С. Дембовецкий был назначен к присутствованию в Правительствующий Сенат Российской империи юридически было оформлено [10, с. 115]. К 1910 г. А. С. Дембовецкий уже действительный тайный советник, сенатор, присутствующий в Первом Общем собрании Правительствующего Сената, почетный мировой судья Лидского уезда, награжден орденами «Святой Анны» I степени, «Святого равноапостольного князя Владимира» II степени, «Белого Орла», «Святого благоверного князя Александра Невского» и бриллиантовыми знаками к нему, нагрудными знаками: сенатора; знаками отличия, учрежденными 24 ноября 1866 г. «За поземельное устройство

государственных крестьян» и 1 января 1867 г. 100 «За введение в действие Положений 1861 года», «Красного креста», «В память 200-летия Правительствующего Сената», «В память 50-летия Положения о земских учреждениях; медалями: «В память царствования императора Александра III», «В память коронации 1896 г.», а также «В память 300-летия царствования Дома Романовых» [15, с. 49]. Кроме этого, А. С. Дембовецкий являлся Почетным попечителем Попечительное общество о первом ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков мужского пола в Санкт-Петербурге.

Старший сын Петр Александрович, родившийся в 1866 г., был награжден серебряной медалью «В память царствования императора Александра III», и после окончания Императорского Санкт-Петербургского университета (тема диссертации «Ведомство уголовных судов и подсудность»), был «откомандирован для занятий в Департамент полиции» [16, с. 211]. Затем П. А. Дембовецкий перешел на службу в тюремное ведомство, которое входило в систему Министерства внутренних дел Российской империи, а впоследствии было передано в ведение Министерства юстиции.

В 1901–1917 гг. делопроизводитель Главного тюремного управления титулярный советник Петр Александрович Дембовецкий и его жена Софья Николаевна проживали в Санкт-Петербурге по адресу: ул. Большая Московская, д. 7 [3, с. 29–30]. Дальнейшие следы П. А. Дембовецкого теряются. В некоторых источниках указывается, что он погиб во время Первой мировой войны, но документальных подтверждений данной информации нет, так и вызывает сомнения сама вероятность участия чиновника тюремного ведомства в военных действиях в составе регулярной армии. Относительно же Софьи Николаевны Дембовецкой в издании «Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти» содержится следующая запись: «Дембовецкая Софья Николаевна, 1863 г. р. Место проживания: ул. Плеханова, д. 60, кв. 18. Дата смерти: февраль 1942 г. Место захоронения: Пискаревское кладб.» [2].

Владимир Дембовецкий, родившийся в Могилеве в 1874 г., закончил Могилевскую мужскую гимназию, а затем Императорский Петроградский университет. В 1914 г. потомственный дворянин, кандидат естествознания В. А. Дембовецкий с супругой проживал в квартире по улице Садовой (дом № 111-113). Следующее упоминание о нем – «Дембовецкий Владимир Александрович, служащий при бухгалтерии, Петроградская городская санитарная комиссия» [20]. Последний известный документ – Дело «Об опеке над имуществом умершего дворянина Дембовецкого В. А.» [17].

Дочь Вера Александровна (родившаяся в 1869 г.) в 1899 вышла замуж за поручика 17-го драгунского Волынского полка Леонида Александровича Игнациуса [19]. «Журнал военный и литературный "Разведчик" № 1263» содержит запись о награждении ротмистра, бывшего адъютанта Варшавского генерал-губернатора, ныне адъютанта при начальнике штаба

главнокомандующего армии Леонида Игнациуса орденом Святого Станислава 2-й степени [6, с. 472].

Интернет-портал «Памяти героев Великой войны 1914-1918 гг.» содержит оцифрованные карточки документов о следующих награждениях Веры Александровны Игнациус (сестра милосердия, Петроградский перевязочный пункт при Варшавском тыловом № 1 эвакуационном пункте; 1 и 6 питательно-перевязочный пункт, госпиталь Красного Креста):

Золотая нагрудная медаль на Аннинской ленте «За усердие» (Приказ Верховного Главнокомандующего от 10 апреля 1915 г. № 970);

Золотая нагрудная медаль на Аннинской ленте «За усердие» (Приказ Верховного Главнокомандующего от 22 мая 1915 г. № 423);

Серебряная нагрудная медаль на Аннинской ленте «За усердие» (Приказ Верховного Главнокомандующего от 20 апреля 1915 г. № 290) [7].

Младший сын – Алексей Александрович, который родился в 1883 г., пошел по военной стезе. В 1909 г. А. А. Дембовецкий – корнет, затем штабс-ротмистр, штабс-капитан 2-го лейб-гусарского Павлоградского Императора III полка который квартировался в г. Сувалки. В 1917 г. А. А. Дембовецкий числился по армейской кавалерии и исправлял должность помощника столоначальника Главного штаба. За заслуги, проявленные в Первой мировой войне, А. А. Дембовецкий был отмечен следующими орденами:

– «Святой Анны» 4 степени с надписью «За храбрость» (Аннинское оружие) [11];

– «Святой Анны» 3 степени с мечами и бантом («За отличия в делах против неприятеля» [12];

– «Святого равноапостольного князя Владимира» 4 степени с мечами и бантом [5].

Несмотря на встречающуюся информацию о гибели А. А. Дембовецкого в Первой мировой войне, документальных подтверждений этому факту, а равно попаданию в плен, до настоящего времени нет.

На основании справочных изданий можно сделать вывод о том, что у Александра Станиславовича Дембовецкого был брат. В разных источниках упоминается то родной брат Эдуард Станиславович, то двоюродный – Эдуард Васильевич, который служил в управлении Южной железной дороги. Внимания заслуживает сын Эдуарда Дембовецкого (племянник А. С. Дембовецкого) – Василий Эдуардович Дембовецкий (1883–1944), по материнской линии потомок великого русского математика Н. И. Лобачевского.

В 1903 г. В. Э. Дембовецкий окончил Павлоградскую классическую гимназию, затем – «студент Томского императорского университета, высланный из Петербурга и исключенный из Санкт-Петербургского университета, где он учился на словесном отделении историко-филологического факультета, за участие в забастовках и стихотворение «Памяти павших» (1905 г.). Будущий поэт, автор нескольких книг стихов,

знакомец М. И. Цветаевой и М. А. Волошина» [9, с. 148–149]. Василия Эдуардовича Дембовецкого относят к поэтам «серебряного века».

До настоящего времени продолжаются дискуссии о дате и месте смерти А. С. Дембовецкого. В течение длительного времени было принято считать, что А. С. Дембовецкий умер в 1914 г. [1, с. 208]. При этом местом смерти назывались как русские захоронения во Франции (например, Сент-Женевьев-де-Буа), так и немецкий город Баден-Баден. Представляется, Баден-Баден возник в связи с созвучием с городом Висбаден, в котором действительно находится одно из старейших в Западной Европе русских православных кладбищ, где захоронен ряд знаменитых дворянских фамилий. Но в справочнике-путеводителе по русскому кладбищу в Висбадене [14], который содержит список всех русских захоронений в данном некрополе, какая-либо информация о захоронении А. С. Дембовецкого отсутствует.

В последних публикациях датой смерти всё чаще стали фигурировать 1917 и 1918 годы, но опять же без ссылок на какие-либо архивные или справочно-информационные источники. Прояснить дату, место смерти и захоронения А. С. Дембовецкого позволяет Книга регистрации записей актов гражданского состояния по Петрограду и Петроградской губернии, находящаяся в Центральном государственном архиве г. Санкт-Петербурга. В разделе Книга регистрации записи о смерти 1-й Городской район № 2124–2857 содержится следующая запись: 2612. 5 марта. ул. Сергиевская, 13, кв. 1 (по данному адресу А. С. Дембовецкий проживал с 1917 г.) [4, с. 205]. Дембовецкий Александр Станиславович, мужского пола, умер 5 марта 1920 г. от атеросклероза. Похоронен в Александро-Невской лавре [18].

Таким образом, данная статья основана на презумпциях, представляющих собой предположения о существовании факта или его отсутствии, которые считаются истинными до тех пор, пока бесспорно не доказано иное и не будут представлены факты, явно им противоречащие. Это позволяет объективно, основываясь на документальных источниках, подтвердить, опровергнуть и уточнить информацию, проливающую свет на отдельные малоизвестные эпизоды из жизни могилевского губернатора А. С. Дембовецкого и членов его семьи.

Литература:

1. Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / Пад рэд. В. В. Гетава [і інш.]. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 1993. – 702 с.
2. Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти / Правительство Санкт-Петербурга. – СПб. Т. 8 : Г–Д (Гуричев – Дротенкова) ; редкол. : В. Н. Щербаков (пред.) [и др.]. – Нотабене, 2000. – 716 с.
3. Векслер, А. Ф. Владимирский округ : Большая и Малая Московские улицы и улица Правды / А. Ф. Векслер, Т. Я. Крашенинникова. – М. : Центрполиграф, 2011. – 350 с.
4. Весь Петроград на 1917 г. Адресная и справочная книга г.

Петрограда. – Изд. Т-ва А. С. Суворина, Новое время, 1924. – 1880 с.

5. Дополнение к приказу армии и флоту о чинах военных сухопутного ведомства от 4-го марта 1917 г. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/50000013/?page_id=50017172 (дата обращения 17.05.2025).

6. Журнал военный и литературный «Разведчик» № 1263. – URL: https://www.svrt.ru/1914/0-books/rasv/rasv_1915-1263.pdf#page=28&view=FitBV (дата обращения 17.05.2025).

7. Интернет-портал «Памяти героев Великой войны 1914-1918 гг.» – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%83%D1%81&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spi_ski_zahoroneni:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения 17.05.2025).

8. Мурзанов, Н. А. Словарь русских сенаторов, 1711-1917 гг. : материалы для биографий / Н. А. Мурзанов ; изд. подгот. Д. Н. Шилов ; Российская нац. б-ка. – Санкт-Петербург : ООО «Дмитрий Буланин», 2011. – 735, [16] л. ил., портр.

9. Никонова, Н. Е., Ковалев, П. А., Серягина, Ю. С. «и клич об нем и слава мрачного философа летела отовсюду» : Ф. Ницше в зеркале сибирской дореволюционной периодики / Н. Е. Никонова, П. А. Ковалев, Ю. С. Серягина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 4 (42). – С. 139–156.

10. Петров, Д. Н. Сенатский период деятельности могилевского губернатора А. С. Дембовецкого / Д. Н. Петров // История Могилева : прошлое и современность : сб. науч. работ VII Междунар. науч. конф., Могилев, 29–30 июня 2011 г. – Могилев, 2011. – С. 115–116.

11. Приказ Его Императорского Величества в присутствии своем в Ставке, марта 4-го дня 1915 г. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/50000030/?page_id=50048622 (дата обращения 17.05.2025).

12. Приказ Его Императорского Величества в присутствии своем в Ставке, декабря 13-го дня 1915 г. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/50000027/?page_id=50043591 (дата обращения 17.05.2025).

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 44. Д. 238.

14. Русский некрополь в Висбадене : Петербург – Висбаден – Неробург : справочник-путеводитель по русскому кладбищу в Висбадене / Сост. Н. Дубовицкий. – СПб. : Алетейя, 2010. – 212 с.

15. Список гражданским чинам первых трех классов 1914 г. Издание Собственной Е. И. В. Канцелярии. – С.-Петербург : Сенатская типография. 1910.

16. Список чиновникам Министерства внутренних дел. – Ч. 1. Исправлен по 15 июня 1895 г., 1895. – 411 с.

17. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб). –

Ф. 268. Оп. 1. Д. 3442.

18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 2271.

19. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб). – Ф. 19. Оп. 127. Д. 914. Л. 94.

20. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб). – Ф. 210. Оп. 1. Д. 1246.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ Е. В. ПАСТЕРНАК, НАШЕДШИЕ ОТРАЖЕНИЕ В
ДОКУМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
БЕЛАРУСИ

Зенько А. Л.

Национальный исторический архив Беларуси
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. В докладе анализируются документы, находящиеся на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси, которые дают возможность уточнить и дополнить сведения о могилевском периоде жизни Евгении Пастернак (Лурье).

Ключевые слова: Евгения Лурье, Борис Пастернак, Могилев, архивные документы.

Annotation. The report analyzes documents stored in the National Historical Archives of Belarus, which make it possible to clarify and supplement information about the Mogilev period of Evgeniya Pasternak's life (Lurye).

Keywords: Evgeniya Lurye, Boris Pasternak, Mogilev, archival documents.

Известный российский поэт Борис Пастернак значительную часть своих произведений посвятил женщине. Как отмечают исследователи его творчества, прообразами литературных героинь послужили реальные женщины, которые окружали автора. Одной из них была первая жена поэта Евгения Владимировна Лурье.

Биографы Бориса Пастернака по-разному оценивают роль Евгении Пастернак (Лурье) в его жизни. Одни указывают на ее капризный и властный характер, беспомощность в быту, недооценку таланта мужа и ревность. Другие обращают внимание на ее сильную и искреннюю любовь к поэту и его творчеству, называют «незаслуженно забытой художницей». Мы не будем вдаваться в анализ проблем их совместной жизни, а сосредоточимся на юности Евгении Лурье. В Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ) хранятся документы, относящиеся к истории семьи Лурье, которые дают возможность уточнить и дополнить сведения о могилевском периоде ее жизни. Наиболее полно биография этой неординарной женщины представлена в книге «Существования ткань сквозная: переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями», изданной в 1998 г. и переизданной 2017 г. Во введении Евгений Борисович Пастернак, сын Бориса Пастернака и Евгении Пастернак (Лурье) – постарался показать, «кто она была», на основе рассказов матери, которую он в книге душевно называет «мамочка», ее дневников, фрагментарных воспоминаний, записанных В. Масленниковой. «Евгения Владимировна Лурье родилась 16 (28) декабря 1898 года в провинциальном губернском городе Могилеве» [12, с. 15]. Однако, согласно записи под номером 305 в «Книге для записи о родившихся евреях на 1898 год»

еврейского общества в г. Могилеве в семье купца Бениомина Несанелева Лурье и Хай Шмерковой 15 декабря 1898 г. родилась девочка Евгения [8, л. 143об.–144]. И если дата рождения Евгении отличается совсем незначительно, то сохранившиеся записи о рождении ее старших сестер и брата имеют довольно существенные расхождения с датами, приведенными в книге «Существования ткань сквозная...». Так, самая старшая сестра, Анна, родилась не в 1894 г., а 1890 г., о чем свидетельствует информация в «Тетради для записи о родившихся евреях на 1890 год» еврейского общества в г. Могилеве: «№ 164. 18 августа по христианскому календарю, 7 элула по еврейскому календарю родилась девочка Ханна. Отец Бениомин-Вульф Несанелев Лурье, мать Хая Шмеркова Лурье» [9, л. 84об. – 85]. Такая же ситуация с годами рождения сестры Гиты – 18 апреля 1896 г. [10, л. 356об. – 357], хотя в книге 1897 г., и брата Семена, который родился не в 1895 г., а 1892 г. [9, л. 305об. – 306]. К сожалению, остается неизвестным, чем были вызваны такие изменения в датах рождения старших детей в семье.

По словам Евгения Борисовича, семья Лурье жила на улице Ветряной в большой квартире, где все определялось матерью Александрой Николаевной (Хаей Шмерковной), «человеком лучезарно светлого и жизнерадостного характера». Родители Евгении «были сравнительно обеспечены. Отец имел небольшое, доставшееся ему по наследству состояние, которое он безуспешно, за отсутствием деловой хватки пытался сохранить. У него был маленький писчебумажный магазинчик, но мама рассказывала, что он любил делать подарки чужим детям и торговал себе в убыток» [12, с. 15]. В то же время в фонде Могилевской городской управы (2099) нами выявлены списки присяжных заседателей за 1915–1917 гг., в которых значится купец Бениомин Несанелев Лурье [3, 4]. В Российской империи присяжные должны были соответствовать имущественному цензу: не менее 100 десятин земли или иное недвижимое имущество ценою не менее 2 000 рублей в столицах, не менее 1 000 рублей в городах с населением более ста тысяч человек и не менее 500 рублей в прочих местах, либо доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла в таких же суммах [2]. И хотя точная сумма доходов от торговли Б. Н. Лурье не указана, она должна была превышать 500 рублей в год, так как город Могилев в начале XX в. не имел населения более ста тысяч.

Как пишет Е. Б. Пастернак, в 1918 г. семья Лурье переехала в Петроград. Действительно, в списке присяжных заседателей на 1918 г. отмечено, что заседатель Б. Н. Лурье выбыл, однако указано, что выехал «на жительство в Москву» [5, л. 62об. – 62]. В этом случае возможны различные объяснения: ошибка чиновника, составившего списки, отсутствие у него достоверных сведений или сами Лурье изменили планы относительно места переезда.

Среднее образование Евгения Лурье получила в Могилеве. Сегодня существует несколько предположений о том, какое учебное заведение и когда она окончила. Д. Быков в книге «Борис Пастернак» из серии «Жизнь замечательных людей» в главе, посвященной первой жене Б. Пастернака,

отмечает, что: «В 1916 году она окончила частную гимназию, в 1917-м сдала экзамены за курс казенной, а получив аттестат зрелости и золотую медаль, уехала в Москву с двоюродной сестрой Софьей Лурье. Здесь она поступила на математическое отделение Высших женских курсов на Девичьем Поле, одновременно училась рисованию» [1, с. 185]. Именно это суждение нашло отражение в интернет-ресурсах и в большинстве публикаций. Вместе с тем Евгения Лурье писала в своем дневнике: «27 марта 1915 г. Мне уже шестнадцать, я должна кончить в этом году гимназию. Я буду уже самостоятельным человеком, и мне как-то странно, не верится, что я почти большая, что теперь я должна буду жить сама... скоро экзамены, но я не хочу об этом думать» [12, с. 18]. Юная Женя Лурье мечтала поехать в Москву и поступить на архитектурно-строительный, но была не уверена в своих способностях к рисованию. В воспоминаниях ее сына мы находим сведения о том, какую именно гимназию она окончила: «Через год после окончания Мариинской гимназии Женя сдала дополнительные экзамены за курс казенной, получила аттестат зрелости с золотой медалью, что открывало ей дорогу на Высшие женские курсы» [12, с. 20].

Таким образом, Евгения Лурье не училась до 1916 г. в частной гимназии г. Могилева, а в 1915 г. с золотой медалью окончила Могилевскую женскую гимназию Ведомства учреждений Императрицы Марии. Это особое ведомство, которое существовало в России с конца XVIII в. и заведовало женскими заведениями. Мариинские женские училища (с 1862 г. гимназии) не относились к разряду частных гимназий, а финансировались за счет казны и благотворительных средств. «Учебный курс женских гимназий был разделен на семь классов и включал в себя Закон Божий, русский язык и словесность, историю, географию, природоведение, арифметику, геометрию, физику и космографию, чистописание, рукоделие. Эти предметы считались обязательными. За отдельную плату желающие обучались иностранным языкам (немецкому и французскому), рисованию, пению, танцам, музыке. В начале XX в. в женских гимназиях было введено преподавание латинского языка, домоводства, гимнастики и гигиены» [11, с. 98–99].

В фонде «Могилевская женская гимназия Ведомства императрицы Марии» (2263) нами выявлены документы, подтверждающие информацию об окончании этого учебного заведения Евгенией Лурье. Среди них «Ведомость за два последних года курса о поведении и успехах учениц Могилевской женской гимназии, окончивших курс учения в 1915 году» и список выпускниц с указанием их среднего балла [7, л. 180, 254]. Из данных документов видно, что Евгения Лурье имела отличное поведение и высшие оценки (в Мариинских гимназиях была 12-балльная система) практически по всем предметам, что гарантировало ей получение золотой медали (см. рисунок 1).

[illegible]

Рис. 1. Ведомость за два последних года курса о поведении и успехах учениц Могилевской женской гимназии, окончивших курс учения в 1915 году [7, л. 180]

Сохранилась также копия ее аттестата об окончании гимназии (см. рисунок 2).

Рис. 2. Копия аттестата Е. В. Лурье об окончании Могилевской женской гимназии Ведомства императрицы Марии. 1915 г. [7, л. 211]

Следует отметить, что Гита, старшая сестра Евгении, также окончила Мариинскую гимназию в Могилеве. В копии ее аттестата за 1913 г. представлены более скромные успехи в обучении [7, л. 10]. Учитывая изложенное, доходы семьи Лурье позволяли давать хорошее среднее образование детям. Ведь плата за обучение в женских гимназиях в начале XX в. составляла от 80 до 100 рублей в год только за основные предметы. А сестры Лурье, исходя из полученных аттестатов, за дополнительную плату изучали два иностранных языка, занимались пением, рисованием и танцами. Например, только стоимость обучения рисованию в среднем составляла до 10 рублей в год [11, с. 69]. Таким образом, родители платили за обучение примерно 150–160 рублей в год, а в связи с тем, что Евгения и Гита учились практически одновременно, эта сумма удваивалась.

В фонде Могилевской мужской гимназии (2261) нами выявлены документы, свидетельствующие о том, что мае 1917 г. Евгения Лурье уже училась в Москве. Это прошение на имя директора данной гимназии о допуске к дополнительному экзамену по физике за курс восьми классов мужской гимназии слушательницы Московских женских высших курсов Евгении Бениаминовны-Вульфовой Лурье [6, л. 87]. Сдача такого экзамена была необходима для зачисления на физико-математическое отделение, так как курс физики за семь классов женской гимназии не охватывал весь нужный объем учебного материала. Согласно протоколу испытаний,

проведенных 12 мая 1917 г., Евгения показала отличные результаты [6, л. 94], о чем получила соответствующее удостоверение [6, л. 88] (см. рис. 3).

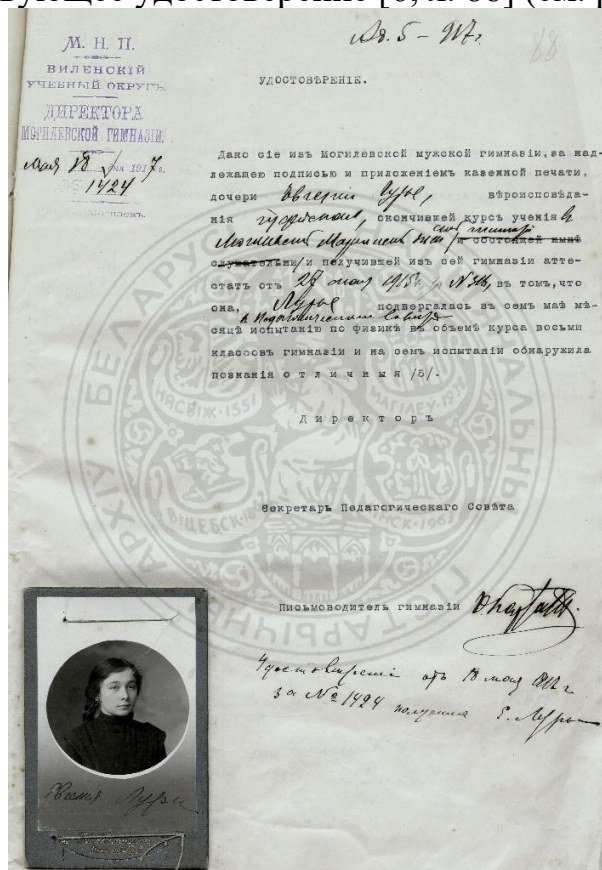

Рис. 3. Удостоверении Е. В. Лурье о сдаче дополнительного экзамена по физике. 18 мая 1917 г. [6, л. 88]

В этом же деле сохранились аналогичные документы (прошение о сдаче дополнительного экзамена по физике, протокол испытаний по физике, удостоверение) на имя Сары-Годы Шмуйловны Лурье, окончившей в 1915 г. Могилевскую частную женскую гимназию С. Л. Залесской [6, л. 92–93]. Показательным является то, что она подала прошение, являясь, как и Евгения Владимировна, слушательницей Московских женских высших курсов, и в один день с ней сдавала экзамен. Евгений Борисович Пастернак отмечал, что летом 1917 г. Женя уехала учиться в Москву со своей двоюродной сестрой Софьей Самойловной Лурье [12, с. 20]. С большой долей вероятности можем утверждать, что Сара-Года Шмуйловна Лурье и есть двоюродная сестра Евгении Владимировны.

Вызывает интерес фотография Евгении Лурье, приложенная к удостоверению о сдаче дополнительного экзамена по физике [6, л. 88]. На фото девушка в гимназическом платье с длинными волосами, заплетенными в косы. Соответственно сделано оно не позже 1915 г. Согласно воспоминаниям, записанным ее сыном, у Евгении были «длинные тяжелые косы до колен» (см. рисунок 4). Данная фотография, как и все приведенные выше документы, введены в научный оборот впервые.

Рис. 4. Фотография Евгении Лурье, приложенная к удостоверению о сдаче дополнительного экзамена по физике [6, л. 88]

Таким образом, выявленные в фондах НИАБ документы дают возможность уменьшить долю субъективности в биографических сведениях, касающихся Евгении Владимировны Пастернак (Лурье), а фотография дает нам представление о том, как выглядела в юности первая жена нобелевского лауреата. И хотя их брак с Борисом Пастернаком был недолгим, поэт не прекратил общения с бывшей женой и сыном, а также долгое время поддерживал их материально.

Список источников и литературы

1. Быков, Дмитрий. Борис Пастернак / Дмитрий Быков. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 892 с.
2. Костенко, Н. С. Этапы становления и развития института присяжных в Российском уголовном судопроизводстве / Н. С. Костенко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 144–156.
3. НИАБ. – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 365. Л. 48об. – 49.
4. НИАБ. – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 367. Л. 28об. – 29.
5. НИАБ. – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 476. Л. 62об. – 63.
6. НИАБ. – Ф. 2261. Оп. 1. Д. 366.
7. НИАБ. – Ф. 2263. Оп. 1. Д. 36. Л. 180, 254.
8. НИАБ. – Ф. 2409. Оп. 1. Д. 90. Л. 143об. – 144.
9. НИАБ. – Ф. 3410. Оп. 1. Д. 1. Л. 84об. – 85, 305об. – 306.

10. НИАБ. – Ф. 3410. Оп. 1. Д. 2. Л. 356об. – 357.

11. Ступакевич, М. А. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX – 1917 год) / М. А. Ступакевич. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 169 с.

12. «Существованья ткань сквозная...»: переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями / Борис Пастернак. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 590 с.

УДК 94(476)"19"-051:3

СОЛОМОН ЯКОВЛЕВИЧ ЛУРЬЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мельникова А.С.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты деятельности уроженца Могилева, выдающегося историка и филолога Соломона Яковлевича Лурье. Сделан акцент на ранее малоизученных фактах его биографии: участии в демократических преобразованиях после Февральской революции 1917 г., членстве в партии трудовиков, представительстве в местных органах управления. Отмечается, что после Октябрьской революции С.Я. Лурье всецело посвятил себя научной деятельности, став ученым с мировым именем.

Ключевые слова. С.Я. Лурье, Могилев, общественно-политическая и научная деятельность, ученый.

Summary The article examines aspects of the activities of a native of Mogilev, the outstanding scientist Solomon Yakovlevich Lurie. Emphasis is placed on previously little-studied facts of his biography: participation in democratic transformations after the February Revolution of 1917, membership in the Trudovik Party, representation in local government bodies. It is noted that after the October Revolution S.Ya. Lurie devoted himself entirely to scientific activity, becoming a world-famous scientist.

Keywords S.Ya. Lurie, Mogilev, socio-political and scientific activities, scientist.

Соломон Яковлевич Лурье родился в Беларуси в Могилеве в 1891 г. В семье было четверо детей – три брата и сестра. Большое влияние на воспитание детей имел отец, Яков Анатольевич Лурье, врач-окулист, филантроп и активный деятель в защиту прав евреев [2, с. 35].

С раннего возраста дети в семье Лурье под руководством отца начинали изучать древние языки, математику и естествознание. Кроме того, занимались рисованием и ручным трудом. У юного Соломона рано стал проявляться интерес к наукам, особенно ему нравилась математика,

требовавшая точности и логического мышления. Поначалу именно ей будущий ученый собирался посвятить свою жизнь. Новый интерес – история и филология – появится в гимназическую пору. Занятия с отцом древнегреческим языком, когда уроки представляли собой не скучное заучивание правил, как часто бывало в стенах учебного заведения, а чтение оригинальных текстов, «оказывались необыкновенно интересными в историческом и литературном отношении». Эти области знания впоследствии станут главным делом всей его жизни [10, с. 911].

В 1904 г. окончил прогимназию в городе Паланге (Литва) [4]. Хотя еврейскому ребенку очень нелегко было поступить в гимназию, Соломон учился в Могилевской гимназии, закончил ее успешно и получил золотую медаль. «Еврейскому юноше имело смысл кончать гимназию только с безупречным аттестатом и золотой медалью; иначе никаких шансов на поступление в высшее учебное заведение у него не оставалось», тем более что в российские университеты «принимали не всех медалистов, а лишь установленные 5% евреев из общего числа абитуриентов» [11, с. 187]. Следует отметить, что Могилевская мужская гимназия, в которой учился С.Я. Лурье, в 1909 г. отпраздновала 100-летний юбилей. В начале XX столетия она имела 13 классов и более 500 учеников. Ее выпускники становились знаменитыми путешественниками, учеными, врачами, писателями, предпринимателями различных рангов [1, с. 123].

В 1909 г. Лурье был принят на классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Его преподавателями были крупные ученые, которые сразу обратили внимание на способного студента. У него был талант в сочетании с прилежанием, глубокое историческое чутье, умение сделать древность актуальной. В 1913 г. за дипломную работу «Беотийский союз» он получил золотую медаль, а в 1914 г. работа была издана. Еще раньше Лурье опубликовал статью о «Херонейской надписи (19 УП 3376)», и его выводы подтвердились археологической находкой. По требованию Жебелева, несмотря на препятствия, Лурье был оставлен на кафедре для подготовки профессорского звания. Он его получил в конце 1918 г. [2, с. 35].

Значимым в жизни Лурье событием стала Февральская революция 1917 г. Начало ее он вспоминал как один из самых счастливых дней своей жизни: появилась надежда на установление всеобщей справедливости, отмену различных сословных ограничений и вера в возможность самим создавать будущее. Устои старого порядка были разрушены, перестали существовать ограничения для представителей еврейской национальности. Такое развитие для С.Я. Лурье казалось наиболее благоприятным и открывало перед ним большие перспективы [10, с. 915].

Благодаря публицистическим материалам того времени и некоторым документам удалось установить, что он входил в состав трудовиков. Трудовая группа возникла как фракция в Государственной думе первого созыва в 1906 г., в апреле 1917 г. она была объявлена социалистической

партией. Трудовики выступали защитниками интересов трудящегося народа, преимущественно крестьянства. С самого начала своего существования трудовики отстаивали права всех национальностей, населявших территорию Российского государства, в том числе евреев.

Весной 1917 г. в Могилевской губернии было создано три организации Трудовой социалистической партии, одна из которых действовала в Могилеве. Ядро организации составляли представители интеллигенции, в том числе Соломон Яковлевич Лурье [3, л. 14об.].

Важную роль в популяризации программы и тактики трудовиков на территории Могилевской губернии играла газета «Свобода, равенство, братство», одним из редакторов которой был Соломон Яковлевич. На страницах данного печатного органа трудовиками поднимались актуальные политические и социальные проблемы как регионального, так и общегосударственного масштаба. В частности, был затронут вопрос антисемитских настроений, царивших в губернии. Такое внимание трудовиков к нему было неслучайно, так как в состав Могилевской партийной организации входили и евреи [8, с. 116].

С.Я. Лурье-журналист мог свободно высказывать свои политические взгляды. Единственной законной властью в его глазах было Учредительное собрание, которое должно было облечь завоевания российской революции в законные же формы. Февральская революция 1917 г. для него была знаменательным событием, окрылившим многих представителей российской интеллигенции и вселившим в них надежды на возможность обретения по-настоящему европейских, цивилизованных условий жизни и деятельности на основах свободы и демократии [11, с. 188].

Соломон Яковлевич являлся участником VI съезда Трудовой социалистической партии, который проходил в июне 1917 г. в Петрограде. В своем выступлении он отметил наличие у трудовиков острой конкуренции со стороны политических партий, особенно эсеров и кадетов, нехватку опытных партийных ораторов, антисемитизм деревенского населения, а также плохую налаженность взаимодействия между местными организациями. Соломон Яковлевич поддержал идею объединения Трудовой социалистической партии с Народно-социалистической партией, так как трудовики и народные социалисты испытывали потребность в расширении численности своих рядов. Объединение состоялось 23 июня 1917 г., когда было объявлено о создании Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) и избрании ее Центрального комитета. С июля 1917 г. начался объединительный процесс в центре и регионах. Вместе с тем, в Могилевской губернии трудовикам даже в рамках объединенной партии удавалось сохранять свое собственное политическое лицо (в прессе деятелей местных организаций партии нередко называли народными социалистами-трудовиками, а не укоренившимся в других губерниях общим названием – народные социалисты, энесы) [8, с. 118].

Летом 1917 г. представителями ТНСП пристальное внимание уделялось вопросам подготовки и участия в избирательной кампании в местные органы власти. В муниципальных выборах в Могилеве принял участие и Соломон Яковлевич. 30 июля 1917 г. он выступил на общем избирательном собрании с докладом о процедуре выборов, о способах агитации и о выставленных другими партиями списках [6, с. 39].

С.Я. Лурье был представлен в списке социалистического блока (список № 1), состоявшего из 64 кандидатов, в котором среди прочих были представлены 6 народных социалистов. Всего по итогам избирательной кампании ТНСП удалось провести в Могилевскую городскую думу 5 своих кандидатов: А.А. Тургенева, С.Я. Лурье, Я.И. Локшина, В.Д. Селиванова и И.Я. Неклепаева [6, с. 40].

Однако как свидетельствуют документы, работа в городских думах принесла представителям ТНСП скорее разочарование, нежели удовлетворение, так как большинство депутатов выдвигали на первый план партийные интересы, не желая идти на компромиссы, что отрицательно сказывалось на функционировании органов городской власти. Энесы призывали депутатов сплотиться, учитывая сложность политической обстановки, однако их призывы не возымели действия [5, с. 142].

В 1917 году семью Лурье постигло страшное горе – умер отец Яков Анатольевич. Якова Анатольевича настолько уважали в городе Могилеве, что его похороны стали заметным событием общественной жизни. Исследователи биографии семьи Лурье отмечают, что похороны знаменитого врача напугали Ставку и приводят воспоминания русского генерала М.Д. Бонч-Бруевича, который находился в ставке Верховного Главнокомандующего русской армии в конце лета – осенью 1917 года. Как-то утром Н.Н. Духонин позвонил Бонч-Бруевичу и сообщил, что толпа идет громить Ставку. «Я вышел из гостиницы, – пишет Бонч-Бруевич, – и увидел, что на улицу высыпала преимущественно еврейская беднота и толпа идет к еврейскому кладбищу». Он успокоил Духонина, что это евреи хоронят своего раввина. Но генерал ошибся. В это утро евреи Могилева и окрестных местечек хоронили своего доктора – Якова Анатольевича Лурье [12].

Октябрьскую революцию и приход большевиков к власти энесы встретили отрицательно. На чрезвычайном совещании демократических организаций города Могилева 26 октября 1917 г. партийные деятели заявили о поддержке Временного правительства во главе с министром-председателем А.Ф. Керенским и призвали к неисполнению распоряжений большевистского правительства [7, с. 195]. Однако продолжать партийную деятельность могилевские представители ТНСП не смогли: в конце 1917 – начале 1918 г. упоминаний о партийной деятельности энесов в Могилевской губернии и городе Могилеве в публицистических изданиях и архивных материалах не встречается.

Осенью 1917 г., после смерти отца, С.Я. Лурье вернулся в Петроград. Поскольку трудоустроиться по специальности на переломе эпох было

невозможно, применение себе он нашел в Архиве революции, где занимался разбором дел бывшего Департамента полиции. Находясь в эпицентре Октябрьской революции, Лурье активно интересовался всем происходящим. Он присутствовал на заседании Учредительного собрания, а позже стал участником демонстрации в его защиту, считая единственным законным представительным органом, отторгал власть большевиков, поскольку в ней видел повторение старого режима, с его ограничениями и запретами. Суть политического устройства, по его мнению, не менялась, трансформация носила только внешний характер: раньше жизнь граждан контролировалась самодержавием, а теперь «комиссародержавием» [10, с. 915].

Летом 1918 г. Соломон Яковлевич находился в Могилеве, где занялся журналистикой. Он стал основателем и редактором газеты «Эхо». Газета выходила в Могилеве прежде всего потому, что С.Я. Лурье сочувствовал тем событиям, которые происходили в его родном городе в 1918 г. По Брестскому миру вся Украина и большая часть Беларуси оставались под немецкой оккупацией.

Создание собственной газеты в Могилеве можно считать просветительской и культурной стороной деятельности С.Я. Лурье. В данной газете печатались статьи, например, по материалам бывшего архива Департамента полиции, которые объясняли читателям причины разочарований Октябрьской революцией. На ее страницах С.Я. Лурье проявил себя как ученый, журналист и литератор. Его статьи не только способствовали просвещению читателей в вопросах политики, вызывали определенный общественный резонанс, но и учили умению высказывать свои мысли. Вопросы, встававшие перед редактором газеты, были довольно острыми: власть, которой его наиболее оптимистичные товарищи отводили несколько дней существования, а более осторожные – месяц, становилась реальностью [11, с. 187].

Осенью 1918 г., вернувшись в Петроград, С.Я. Лурье был избран приват-доцентом историко-филологического факультета Петроградского университета по кафедре классической филологии. Начало голодной зимы 1918–1919 г. Лурье с женой Софьей Исааковной пережили в столице. Затем последовал переезд в Самару, где еще летом был образован Комитет членов Учредительного собрания, претендовавший на власть в стране. Соломон Яковлевич был принят профессором во вновь созданный Самарский университет на кафедру истории греческой литературы, где проработал полтора года, активно занимаясь наукой. Поскольку Самарский университет оказался организацией непрочной и скоро прекратил свое существование, осенью 1920 г. Лурье вынужден вернуться в Петроград [10, с. 916].

С 1921 по 1949 гг. Лурье был почти непрерывно связан с Ленинградским университетом. Он защитил три докторских диссертации: на степень доктора исторических, математических и филологических наук. Предметами его изучения постепенно стали история и литература Древней Греции, античная эпиграфика и археология, папирология и нумизматика,

классическая филология, история античной философии, история древней и новой математики. Он многие годы работал одновременно заведующим кафедрой Древней Греции и Рима ЛГУ и в ленинградском филиале Института истории Академии наук [2, с. 36].

За вышеупомянутый период он потерял нескольких близких людей: старшего и младшего братьев, жену Софью. Один воспитывал сына Якова.

Кроме античной истории, ученый занимался также еврейской и ближневосточной тематикой, изучал иврит и историю евреев, комментировал некоторые места Библии. Помимо научных трудов, он писал книги для детей. Его «Письмо греческого мальчика» выдержало семь изданий на разных языках [2, с. 37].

С конца 1930-х гг. началась травля С.Я. Лурье. Ученый имел свою самостоятельную научную позицию и не пытался от нее отказаться в угоду конъюнктуре. Особенно сложным периодом для Соломона Яковлевича стал конец 1940-х гг., когда произошло ужесточение государственного контроля во всех сферах общественной жизни. По всей стране развернулась борьба с космополитизмом. Одним из объектов кампании стал Соломон Яковлевич Лурье. Его не спасли многочисленные заслуги: к этому времени он являлся автором более 130 научных статей и монографий. За плодотворную научную и педагогическую деятельность приказом ректора ЛГУ от 17 января 1941 г. за №23 ему была объявлена благодарность, а в 1946 г. вручена медаль «за доблестный труд во время Великой Отечественной Войны». Перемены в жизни С.Я. Лурье наступили с выходом в свет в 1948 г. трех разгромных рецензий на опубликованную в 1947 г. его книгу «Геродот». Авторы рецензий не указали на какие-то конкретные сугубо профессиональные ошибки ученого, но сделали множество «традиционных» для таких случаев замечаний: по поводу подхода к написанию исследования, цитирования буржуазных историков, игнорирования достижений отечественной исторической науки. Затем последовала «проработка» основных трудов ученого. Он был исключен из числа членов Ученого Совета и освобожден от работы в Институте истории, а с 1 июля 1949 г. – уволен из Ленинградского университета «за несоответствие квалификации занимаемой должности». Это действие руководства С.Я. Лурье считал несправедливым, написал заявление в отдел науки ЦК ВКП(б), но там решение ректора было признано правильным. Профессор навсегда покинул Ленинградский университет, что стало для него серьезным ударом. Еще одним неблагоприятным для ученого последствием кампании по борьбе с космополитизмом стал запрет на публикацию его трудов в академических изданиях. Со времен идеологической кампании (с конца 1948 г.) и до «оттепели» в «Вестнике древней истории» не было размещено ни одной его работы. Публикации исследований С.Я. Лурье возобновились только со второй половины 1954 г.

После увольнения поначалу невозможно было найти работу по специальности. Около года С.Я. Лурье состоял младшим научным сотрудником Комиссии по истории физико-математических наук при АН

СССР. Работа его сводилась к переводу с латинского и западноевропейских языков старых работ по физике и математике. Но вскоре с этой должности его уволили также в связи «с несоответствием». В 1950 г. ученый в поисках работы вынужден был покинуть Ленинград и переехать в Одессу. Здесь ему удалось устроиться в местный Институт иностранных языков, где он проработал с 1950 по 1952 г. Затем профессор вынужден был снова переехать, на этот раз в город Львов, где, наконец, получил работу по специальности. С 1953 г. и до самой смерти (30 октября 1964 г.) он состоял профессором кафедры классической филологии Львовского университета [9, с. 202, 203, 208].

Львовский период жизни и творчества ученого был в целом светлым. Его тепло приняли коллеги. Соломон Яковлевич продолжил научную деятельность, его труды получали мировую известность. Он устроил и свою личную жизнь: его второй женой стала филолог Лебедева.

В 1964 году Соломона Яковлевича не стало, но его имя осталось в истории, в том числе истории его родного города – Могилева. К настоящему времени об ученом написано немало трудов, в том числе его сыном – Яковом Соломоновичем. Жизнь ученого – пример судьбы представителя интеллигенции, прошедшей немало испытаний в условиях потрясений XX столетия.

Литература:

1. Агеев, А. Г. Перекрестки могилевской истории / А. Г. Агеев, Я. И. Климуть, И. А. Пушкин. – Минск : ООО «Туринфо», 2004. – 216 с.
2. Виц, Б. Б. 110-я годовщина со дня рождения профессора С.Я. Лурье / Б. Б. Виц // Вытокі старажытнай навукі БДУ : зб. навук. арт., прысвеч. 125-годдзю са дня нараджэння акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава і 70-годдзю гіст. фак. БДУ / БДУ ; пад рэд. А. А. Яноўскага. – Мінск, 2005. – С. 35–39.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 539. Оп. 2. Д. 124. Л. 1–50.
4. Лурье Соломон Яковлевич. – URL: <https://libmogilev.by/gymnasium/lurie-solomon-yakovlevich/> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Мельникова, А. С. Деятельность трудовиков и народных социалистов в Могилёве в 1917 г. / А. С. Мельникова // Романовские чтения – 6 : (к 75-летию исторического факультета УО «МГУ им. А.А. Кулешова») : сб. ст. Международ. науч. конф., Могилев, 24–25 нояб. 2009 г. / Мог. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Марзалюк [и др.]. – Могилев, 2010. – С. 142–143.
6. Мельникова, А. С. К вопросу об участии Трудовой народно-социалистической партии в муниципальных выборах на территории Беларуси летом 1917 г. / А. С. Мельникова // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин) : материалы I (Первой) Междунар. науч. конф., Витебск, 2–3 дек. 2010 г. / Витеб. филиал

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО» ; редкол.: В. А. Космач [и др.]. – Витебск, 2010. – С. 39–40.

7. Мельникова, А. С. Народные социалисты (энесы) в революционной жизни г. Могилева (февраль–октябрь 1917 г.) / А. С. Мельникова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац X Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 мая 2017 г. / МДУХ ; уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2017. – С. 191–197.

8. Мельникова, А. С. Трудовая группа в общественно-политической жизни Могилевской губернии (1906 – июнь 1917 г.) / А. С. Мельникова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац IX Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 чэрв. 2015 г. / МДУХ ; уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 112–118.

9. Мировщикова, А. А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С.Я. Лурье // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: история. – 2015. _ № 24(379). С. 202 – 209.

10. Мировщикова, А. А. Между «старой» и «новой» наукой: путь С.Я. Лурье в переломное для России время (вторая половина 10-х – начало 30-х годов XX века) / А. А. Мировщикова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 911–924.

11. Пищальникова, А. А. Белорусский период в деятельности Соломона Яковлевича Лурье / А. А. Пищальникова // Материалы VI Междунар. науч. конф. в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, Минск, 7–9 апр. 2005 г. / БГУ ; под ред. В. А. Федосика, И. О. Евтухова. – Минск, 2005. – С. 186–189.

12. Шуламит, Ш. Три Лурье / Ш. Шуламит / URL: <https://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer1/Shalit1.php> (дата обращения: 19.02.2025)

УДК 92/94

НАВУКОВЫ ДАРОБАК Е. Р. РАМАНАВА Ў БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА
МАРЗАЛЮК А. В.

Установа культуры «Музей гісторыі Магілёва»
(г. Магілёў, Беларусь)

Аннотация. Анализируется вклад в белорусскую науку Евдокима Романовича Романова. Охарактеризованы его работы по белорусской этнографии, лингвистике, литературоведению и археологии. Указаны новаторские, пионерские исследования ученого в этих областях. Отдельно отмечены его усилия по созданию музеев исторического профиля в нашей стране, создание им музейных археологических и этнографических коллекций.

Ключевые слова: Археология, археологические карты этнография, фольклор, мифология, лингвистика, лексика, диалекты, арготизмы.

Summary:

The contribution to Belarusian science of Evdokim Romanovich Romanov. His works on Belarusian ethnography, linguistics, literary studies, and archaeology are characterized. Innovative, pioneering studies of the scientist in these fields are pointed out. His efforts to create museums of historical profile in our country, his creation of museum archaeological and ethnographic collections are marked specially.

Keywords: Archaeology, archaeological maps, ethnography, folklore, mythology, linguistics, lekenka, dialects, argotisms.

Галоўная праца Е. Р. Раманава – “Беларускі зборнік”. Гэта найвялікшая беларуская энцыклапедыя таго часу. Побыт, матэрыяльная і духоўная культура нашага народа, дыялекты беларускай мовы, фальклор, казкі і народныя песні – вось змест гэтага велічнага праекта. Ён планаваў выдаць 15 тамоў, аднак пры яго жыцці і за яго сродкі, падкрэслім, з 1886 па 1912 год выйшла 9 тамоў. 10 том быў выдадзены ў 1928 годзе, коштам Істытута беларускай культуры. Рукапісныя тамы з 11 па 14 загінулі ў гады вайсковага ліхалецця, у часы Вялікай Айчыннай вайны. Куды знік 15 том дакладна не вядома і сёння [1; 8].

Самая эфектыўная фіксацыя, сістэматызацыя і аналіз народнай міфалогіі, фальклору, у тым ліку ўпершыню грунтоўна распрацаваныя і даследаваныя практыкі беларускага вядзьмарства і знахарства – гэта ўсё Е.Р. Раманаў. Ім зроблена звыш 750 апісанняў вераванняў, забабонаў і прыкмет, каля 210 апісанняў сродкаў народнай медыцыны, 540 народных тлумачэнняў слоў, каля 80 апісанняў дзіцячых гульняў, вялікая колькасць апісанняў абрадаў (радзіных, вясельных, пахавальных, калядных, масленічных, велікодных, сёмушных, купальскіх і інш.). За паўвекавы перыяд Е.Р. Раманаў сабраў і апублікаваў звыш 8000 і падрыхтаваў да друку 2126 фальклорных твораў, з іх казак і паданняў - 831, песень - 3742, прыпевак - 778, прыказак і прымавак - 2256, загадак - 1305. Ніхто тады так уедліва і дэталёва не вывучаў беларускія народныя легенды (асабліва пра асілкаў ці волатаў), ніхто не пакінуў нам такія дакладныя апісанні абрадаў купалляў, кумавання, провадаў русалак, як Еўдакім Раманаў[1;2].

Е.Р.Раманаў як ніхто іншы выдатна ведаў так званыя аргатызмы, або беларускую жаргонную лексіку ўмоўных гаворак. Ім быў вывучаны Любецкі лемент (слоўнік жаргону Магілёўскіх жабракоў). Катрушніцкі лемезень (слоўнік жаргону, сакрэтная мова, дрыбінскіх шапавалаў). Дарэчы, жаргоннае слова “лох” (чалавек-прастак) прыдумалі менавіта дрыбінскія беларусы... Е.Раманавым быў сабраны і падрыхтаваны слоўнік умоўных моў Беларусі. Даследчык стварыў уласную, арыгінальную класіфікацыю ўсіх гаворак беларускай мовы. А яшчэ ён быў публіцыстам, пісьменнікам, літаратуразнаўцам і выдаўцом мастацкіх твораў на беларускай мове. Друкаваўся пад літаратурным псеўданімам Радзіміч. Ён адным з першых напіша рэцэнзіі на вершаваны зборнік Ф. Багушэвіча «Дудка беларуская»

(1891 г.). Выступіць у ролі выдаўца і прапагандыста паэмы «Тарас на Парнасе». Е. Раманаў на аснове шматлікіх спісаў склаў і апублікаваў тэкст зводнай рэдакцыі гэтай вялікай паэмы. І гэта, на той момант, самае значнае дасягненне маладой беларускай тэксталагічнай навукі [1;2;3].

А яшчэ было сяброўства і супрацоўніцтва з іншым беларускім волатам духу – акадэмікам Яўхімам Карскім. Е.Раманаў супрацоўнічаў з апошнім у працы над падрыхтоўкай шматтомнай манаграфіі “Беларусы”. Ён прыняў удзел у складанні “Праграмы для збірання асаблівасці гаворак беларускай мовы ”. Матэрыялы па гэтай праграме Е. Раманаў у 1897 г. адаслаў у Аддзяленне рускай мовы і славеснасці Акадэміі навук. Менавіта таму ў Магілёве, у “Магілёўскіх губернскіх ведамасцях”, быў надрукаваны навукова-папулярны артыкул Яўхіма Карскага аб беларускай мове і межах нашага народа. Натуральна, што па просьбе сябра Яўхіма Карскага – Еўдакіма Раманава [4; 6].

Дарэчы будзе сказаць, што магілёўскі перыяд жыцця даследчыка быў надзвычай плённым у яго жыцці. З 1897 па 1903 год Еўдакім Раманаў рэдагуе неафіцыйную частку газеты “Могилевские губернские ведомости”, публікуе тут вялікую колькасць сваіх артыкулаў. У выніку – нараджаюцца тры выпускі “Магілёўскай Даўніны”.

Асобная размова – навуковы даробак Еўдакіма Раманава ў якасці археолага. Археалагічныя даследаванні на Магілёўшчыне і Віцебшчыне. Ён з’яўляецца зачынальнікам комплекснага падыходу да ўліку археалагічных помнікаў. Ім складзены археалагічныя карты Магілёўскай, Віцебскай і Гродзенскай губерняў. Толькі ў Магілёўскай губерні ім былі сабраныя абагульняючыя звесткі аб 127 помніках каменнага веку 4628 курганаў, 224 гарадзішчах, 7 замчышчах. Сабраныя ім звесткі пра тысячы гарадзішчаў на тэрыторыі Беларусі і зараз з’яўляюцца важнай крыніцай для сучасных навукоўцаў[5].

Еўдакім Раманаў – стваральнік першых навуковых рэкамендацый па раскопках славянскіх курганоў, у якіх дасканалы апісана метадыка іх вывучэння. Ён аўтар першага сістэмнага вучэбнага дапаможніка па археалогіі Беларусі. Е.Раманаў, дарэчы, з’яўляўся правадзейным членам Маскоўскага геаграфічнага таварыства. Яго ўнікальныя археалагічныя і этнаграфічныя калекцыі ўзбагацілі фонды многіх айчынных і замежных музеяў. Толькі ў знакамітым Эрмітажы захоўваецца 1017 экспанатаў перададзеных ім. Браў удзел у стварэнні Этнаграфічнага аддзела пры Рускім музеі імператара Аляксандра III (зараз – Дзяржаўны Рускі музей) у Санкт-Пецярбурзе. Е.Раманаў з’яўляецца заснавальнікам трох музеяў - Віцебскага, Магілёўскага і Віленскага. У красавіку 1902 г., паводле ініцыятывы вучонага, створана Таварыства па вывучэнні Беларускага краю, якое потым перайменавана, не па яго волі, на “Таварыства па вывучэнню Магілёўскай губерні”. Акрамя ўсяго іншага быў загадчыкам секцыі этнаграфіі і археалогіі Паўночна-Заходняга аддзялення Рускага геаграфічнага таварыства (з 1910 па 1916 гг.) [5; 7].

Такім чынам, Еўдакім Раманаў з'яўляецца адным з найвыдатнейшых беларускіх дарэвалюцыйных вучоных, а Магілёў, дзякуючы яго высілкам, стаў адным з галоўных цэнтраў беларускай гуманітарнай навукі напрыканцы XIX – пачатку XX ст.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Абабурка М. В. Е. Р. Раманаў як адзін з пачынальнікаў беларускай лінгвакультуралогіі // Романовские чтения – 13 : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова / под общей редакцией А. С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 124–125.
2. Бандарчык В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў / В. К. Бандарчык. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1961. – 305 с.
3. Запрудскі І. Н. Эвалюцыя ідэяна-эстэтычных поглядаў Еўдакіма Раманава на развіццё беларускай літаратуры ў канцы XIX ст. // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022. №2. С. 17–30.
4. Карский Е.Ф. Разбор историко-этнографических трудов Е. Р. Романова по Северо-Западному краю, вышедших в течение 1898–1901 годов. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1904. 43 с.
Марзалюк І.А. Еўдакім Раманавіч Раманаў - археограф і археолаг Магілёўшчыны //Магілёўская даўніна. – 1993. – С. 37-45.
5. Могилёвская старина: сборник статей «Могилёвских губернских ведомостей». Выпуск II. 1900 и 1901 годы. Могилёв: Типография Губернского правления. 1901.
6. Шлюбскі А. Этнаграфічная дзейнасць Е. Р. Раманава // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кніга 2. Працы клясы філёлёгіі. Том 1. Менск: [Інбелульт]; 1928. С. 338–364.
7. Шумскі К.А. Этнаэкалогія традыцыйнай культуры насельніцтва Беларускага Падзвіння // Беларускае Падзвінне: Вопыт, метадыка і вынікі палявых і междысцыплінарных даследаванняў. Полацк, 2014. С.257 – 264.

УДК 94(476.4)

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ В МОГИЛЕВЕ

Свинтицкий Ф.А.

(Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность известного русского полководца периода Первой мировой войны генерала Алексея Алексеевича Брусилова в Ставке Верховного Главнокомандующего, находившейся в Могилеве.

Ключевые слова: Первая мировая война, генерал Брусилов, Ставка Верховного главнокомандующего, Могилев.

Summary. The article examines the activities of the famous Russian commander of the period of the First World War, General Alexey Alekseevich Brusilov, at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, located in Mogilev.

Keywords: World War I, General Brusilov, Supreme Commander's Headquarters, Mogilev.

История Могилева в годы Первой мировой войны неразрывно связана с деятельностью Ставки Верховного Главнокомандующего, находившейся в нашем городе с 8 августа 1915 года. Ставка являлась высшим органом управления действующей армией, местопребыванием (главной квартирой) главнокомандующего вооруженными силами России [8, с. 512]. Памятный знак на площади Славы (Губернаторской) в честь размещения в Могилеве Ставки ВГК напоминает нам, что с 23 августа 1915 года по 2 марта 1917 года её возглавлял император Николай II. Следует отметить, что до него эту должность занимал известный военачальник великий князь Николай Николаевич Романов. Он окончил Николаевское инженерное училище и академию Генерального штаба, пользовался большим авторитетом в войсках. После отречения царя от престола Верховными главнокомандующими последовательно были: генерал от инфантерии М.В. Алексеев, генерал от кавалерии А.А. Брусилов, генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, прапорщик Н.В. Крыленко.

Все главнокомандующие, сменявшие друг друга, были известными людьми своего времени, но степень их популярности не могла сравниться с известным полководцем Первой мировой войны генералом А.А. Брусиловым, неоднократно посещавшим Могилев.

Алексей Алексеевич Брусилов – потомственный военный, его прадед, дед и отец служили в рядах русской армии на протяжении двух столетий [2]. Алексей Брусилов родился 19 августа 1853 года в городе Тифлисе, где служил его отец – генерал-лейтенант Алексей Никитович Брусилов. В 14 лет он поступил на учебу в Пажеский корпус (престижное военно-учебное заведение в Санкт-Петербурге). Корпус готовил офицеров для русской гвардии. В 1872 году Алексей Брусилов был произведен в офицеры. По его словам выходить в гвардию он не стремился вследствие недостатка средств (служба в гвардии предполагала жизнь на широкую ногу). Прапорщик Брусилов был направлен в 15-й драгунский Тверской полк на Кавказ, где через два года был произведен в поручики. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-78 гг., отличился при взятии турецких крепостей Ардаган и Карс, был награжден орденами. В 1881 году прибыл в Санкт-Петербург, где окончил курс наук эскадронных командиров Офицерской кавалерийской школы. Служил на различных должностях, в 1902 году был назначен начальником Офицерской школы.

С 1906 года Брусилов начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с января 1909 года – командир 14-го армейского корпуса в Люблине, генерал-лейтенант. Через три года в служебной карьере Брусилова произошла большая перемена. Его назначили помощником командующего войсками Варшавского военного округа. Почти вся высшая администрация в Варшаве была из немцев, многие из них были истинными русскими патриотами, но при таком подборе кадров трудно было отстаивать свое мнение. С разрешения военного министра летом 1913 года Брусилов вернулся на должность командира корпуса в Киевский военный округ. Штаб 12-го корпуса находился в провинциальном городе Винница. Здесь никто ещё не задумывался о возможности войны, но Брусилов как убежденный последователь суворовских принципов, настойчиво добивался повышения уровня боевой подготовки войск.

С началом Первой мировой войны А.А. Брусилов вступил в командование 8-й армией Юго-Западного фронта. Эта армия, находясь на левом крыле русского фронта, получила задачу перейти в наступление на львовском направлении и овладеть Галицией. В августе 1914 года войска под командованием Брусилова начали наступление и добились крупных успехов. Преследуя отступающие части австро-венгерских войск, 8-я армия в октябре вышла в район Дуклинского перевала в Карпатах. Русские войска взяли Львов, сильно укрепленный Галич и Перемышль. Немцы вынуждены были перебросить на помощь австрийцам свои подкрепления. Наступление русской армии в Восточной Пруссии и овладение Галицией приковало к русскому фронту крупные силы австро-германской коалиции [1, с. 42].

Во второй половине марта 1916 года Брусилов получил шифрованную телеграмму из Ставки о назначении главнокомандующим Юго-Западным фронтом. В состав фронта входили четыре армии, в подчинении находилось также 12 губерний Киевского и Одесского военных округов. 23 марта генерал Брусилов прибыл в штаб фронта, находившийся в городе Бердичеве, откуда через два дня направился в Каменец-Подольск для встречи Николая II, прибывшего инспектировать войска. В отличие от генерала Иванова, бывшего командующего фронтом, Брусилов выразил твердое мнение, что после тщательной подготовки к 1 мая армии фронта будут готовы к наступлению. Обсуждение плана наступления происходило на военном Совете в Ставке 1 апреля 1916 года. Генерал Брусилов и начальник штаба фронта генерал Клембовский прибыли в Могилев утром 1 апреля. В 1916 году между Киевом и Могилевом постоянно курсировали поезда, в том числе литерный поезд вдовствующей императрицы Марии Федоровны, занимавшейся в Киеве организацией госпиталей и санитарных поездов для помощи раненым солдатам.

Могилев. Военный совет в Ставке. 1 апреля 1916 года

На военном Совете была выработана программа боевых действий на 1916 год. Заседание вел начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, предложивший нанести главный удар на Западном фронте в направлении на Вильно, передав фронту резервную тяжелую артиллерию. Командующий фронтом генерал Эверт в успех наступления не верил. На Северо-Западном фронте такую же позицию занимал командующий Северо-Западным фронтом генерал Куропаткин. Верховный главнокомандующий Николай II все время сидел молча, никаких мнений не высказывал. Предложение Брусилова о наступлении на Юго-Западном фронте поддержал начальник штаба генерал Алексеев, предупредив, что резервной артиллерии и боеприпасов фронт не получит. Таким образом, в Могилеве был утвержден план наступательной операции Юго-Западного фронта, вошедшей в историю военного искусства как **Брусиловский прорыв**.

В отличие от принятой практики прорыва обороны на одном участке Брусилов подготовил прорыв одновременно на четырех направлениях. Этим исключался маневр противника резервами на направлении главного удара. Наступление началось сильной и эффективной артиллерийской подготовкой. Наибольший успех был достигнут в полосе 8-й армии, которая прорвала фронт на 16-километровом участке, к 25 мая расширила прорыв по фронту до 70-80 километров, в глубину до 25-35 километров и заняла Луцк. В наступлении фронта во взаимодействии с пехотой активно выполняла

ударные боевые задачи кавалерия. Эффект мчащейся конной лавы оказывал деморализующее воздействие на австрийскую пехоту, вынуждая её сдаваться в плен. Брусилов писал: “С 22 мая по 30 июля вверенными мне армиями было взято 8255 офицеров, 370 153 солдата. 496 орудий. 144 пулемёта, 367 бомбомётов и миномётов, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и другой военной добычи. К этому времени закончилась операция армий фронта по овладению сильно укрепленной неприятельской позицией, считавшейся нашими врагами неприступной. На севере фронта нами была взята обратно значительная часть нашей территории, а центром и левым флангом завоевана часть восточной Галиции и вся Буковина. Непосредственным результатом этих удачных действий был выход Румынии из нейтрального положения и присоединение её к нам” [3,с.244]. Чтобы ликвидировать прорыв, противник вынужден был снять с Западного, Итальянского и Балканского фронтов до 30 дивизий. Это серьезно облегчило положение союзников России, особенно Франции и Италии. Успешный прорыв Юго-Западного фронта не был поддержан. Ставка оказалась неспособной организовать взаимодействие фронтов, добиться решающего перелома в войне.

Документально подтверждено также прибытие Брусилова в Могилев в декабре 1916 года. Он писал: “В декабре опять собрали военный совет в Ставке. На нем я был с новым начальником штаба Сухомлиным, так как Клембовский, был назначен командующим 9-й армией взамен Сахарова, когда тот ушел на Румынский фронт. Мне было жаль расставаться с таким помощником. Но я всегда старался выдвигать, хотя бы в ущерб своему спокойствию, тех людей, которые своими выдающимися качествами того заслуживали. В Ставке мы начали с завтрака у Верховного главнокомандующего, который отнесся ко мне сухо, хотя и не видел меня во все время моего наступления”[4, с. 259]. В приемной рядом с Брусиловым стоял его предшественник генерал Иванов, который 1 апреля после утверждения решения о наступлении Юго-Западного фронта, просил аудиенцию у царя, чтобы не допускать перехода фронта в наступление. Иванов принадлежал к той плеяде военачальников, которые под руководством Куропаткина проиграли Японскую войну. По мнению Брусилова, лучше бы генералы куропаткинской школы сидели на тыловых должностях, дело бы только выиграло.

После завтрака началось заседание военного совета. Брусилов вспоминал: “Царь был еще больше рассеян, чем на предыдущем военном совете, беспрерывно зевал, ни в какие прения не вмешивался. Исполняющий должность начальника штаба верховного главнокомандующего Гурко, невзирая на присущий ему апломб, с трудом руководил заседанием, так как не имел достаточного авторитета”[3, с. 261]. В первый день военный совет решений относительно военных действий на 1917 год не принял. На следующий день после завтрака заседание продолжилось, но царь, не дожидаясь окончания военного совета, сообщил, что уезжает в Царское Село.

Причиной экстренного отъезда стало получение сообщения из Санкт-Петербурга об убийстве Григория Распутина, имевшего большое влияние на членов императорской семьи.

После отъезда из Ставки Верховный Главнокомандующий больше двух месяцев находился в Царском Селе в Александровском дворце. О положении дел на фронте ему докладывал исполняющий обязанности начальника штаба Ставки генерал Гурко, курсировавший между Могилевом и Санкт-Петербургом. Из дневника Николая II видно, что он принимал генерала Гурко с докладом 5, 14, 21 января, 9 и 13 февраля 1917 года [6, с.33-142]. Каждая поездка на доклад к верховному главнокомандующему занимала несколько дней. Возникает закономерный вопрос: кто же руководил Ставкой перед Февральской революцией?

Николай II вернулся в Ставку 23 февраля, проведя в ней несколько дней. На фронт он в эти дни не выезжал. Один из дней пребывания в Ставке в его дневнике выглядит так: “25 февраля, суббота. Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2 ½ заехал в монастырь и приложился к иконе Божией Матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 часов пошел к всенощной. Весь вечер занимался” [6, с. 183]. Вечером 27 февраля царь перебрался в салон-вагон, в 5 часов утра царский поезд отправился в Санкт-Петербург. На станции Малая Вишера в связи с революционными событиями в столице поезд повернул назад и прибыл в Псков. Вскоре на имя императора была получена телеграмма начальника штаба Ставки генерала Алексеева с предложением отречения от престола для спасения России. Аналогичные телеграммы прислали командующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов и командующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт. В Пскове 2 марта царь Николай II отрекся от престола и на следующий день вернулся в Могилев. После принятия Временным правительством решения об аресте отрекшегося императора он попрощался с офицерами Ставки и утром 8 марта в сопровождении четырех членов Государственной Думы убыл в Царское Село.

Начальник военно-морского управления Ставки контр-адмирал Бубнов отмечал: “Император Николай II по своему нравственному облику был из тех, кого в общезнании называют хорошим и скромным человеком. По природе своей деликатный, он был приветлив и благосклонен в обращении с людьми, особенно со своими приближенными. Император Николай II был исключительно нежный муж и семьянин. И это его качество, могущее составить счастье обыкновенного человека, для него слабовольного правителя огромного государства, и для самого этого государства являлось фатальным несчастьем. Император Николай II. при своих высоких нравственных качествах, не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством. Ему, прежде всего, недоставало твердости воли и решительности, этих основных качеств настоящего правителя ” [4, с. 90-91].

Февральская революция в Петрограде отрицательно повлияла на боеспособность армии. Солдаты не желали больше сражаться и требовали заключения мира без аннексий и контрибуций. Командный состав утратил всякое влияние на вверенные ему войска, власть переходила к полковым солдатским комитетам. По инициативе Брусилова в апреле 1917 года новый Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев собрал в Ставке командующих фронтов на совещание. На всех фронтах положение дел было почти одинаковым, дисциплина в армии разрушалась. Необходимо было заключить сепаратный мир или прекратить в мирную пропаганду в войсках. С этой целью Алексеев вместе с Брусиловым и другими командующими фронтами выехал в Санкт-Петербург. Их принял Председатель Временного правительства Львов. В Мариинском дворце состоялась встреча с министрами, членами Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов.

В трудное для страны время Брусилов старался действовать по совести и всеми силами сохранить боеспособную армию. В середине мая Керенский предложил ему принять должность Верховного главнокомандующего. Брусилов вспоминал: “Так как я решил во всяком случае оставаться в России и служить русскому народу, то я согласился на предложение, сделанное мне Керенским”[3, с. 277]. 22 мая 2017 года Брусилов прибыл в Могилев. Для встречи Верховного главнокомандующего на железнодорожном вокзале был выстроен почетный караул. По воспоминаниям священника Г. Щавельского генерал Брусилов здоровался за руку с солдатами, что вызывало осуждение в офицерской среде. Однако надо понимать, что Брусилов и раньше считал себя другом солдат, а революционная ситуация нивелировала сословные различия.

Все время пребывания на этой ответственной должности Брусилов посвящал исключительно службе. Автомобиль главнокомандующего в Могилеве от Губернаторской площади курсировал только по Днепровскому бульвару до железнодорожного вокзала, откуда он неоднократно выезжая на фронт. Но солдаты воевать отказывались, чудовищные масштабы приобрело дезертирство. В конце июля Брусилов получил телеграмму военного министра Керенского о назначении в Ставку совещания высшего командного состава. Положение дел на фронте было тяжелым, в день совещания он был занят оперативными вопросами и не выехал заранее на вокзал. Керенский прибыл в Могилев на час раньше назначенного времени. На вокзале он рвал и метал, требуя должного внимания к своей персоне. Войдя в вагон министра, Брусилов не услышал упреков, но сухое холодное отношение сразу же почувствовал. Позже он вспоминал, что на совещании генерал А.И. Деникин заявил, что армия более не боеспособна, сражаться не может и приписал всю вину Керенскому и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Керенский начал резко оправдываться и вышло не совещание, а руготня. Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал и хватался за голову. Этим наше совещание и закончилось [3, с. 286].

Небольшой инцидент на вокзале вроде бы прошел малозамеченным, но Деникин называл его одной из причин отставки Брусилова: “те, кто был близок к политической арене, знают, что на ней играют только люди со всеми их слабостями” [2, с. 55]. После Февральской революции Керенский стал популярным государственным деятелем. На публике он появлялся во френче военного образца, хотя в армии никогда не служил. Став министром по военным и морским делам тщеславный Керенский мечтал о диктатуре. Брусилов от роли диктатора решительно отказался. Формальной причиной его отставки стало неудачное июньское наступление русских войск. Однако истеричный характер натуры Керенского в отстранении Брусилова сыграл не последнюю роль. После совещания в Ставке 19 июля Керенский назначил на должность Верховного главнокомандующего генерала Л.Г.Корнилова. Его деятельность отличалась проявлением деспотизма и стремлением к подавлению революционного движения. В августе Корнилов организовал мятеж и потребовал передачи ему всей полноты военной и гражданской власти. Центром заговора стала Ставка в Могилеве. Отряды Красной гвардии Петрограда, революционные солдаты и матросы совместно с войсками Временного правительства остановили продвижение корниловцев к столице. В Ставке и штабах фронтов были арестованы генералы Корнилов, Лукомский. Деникин, Марков, Романовский, Эрдели и другие. Все они содержались в Быховской тюрьме. А.Ф. Керенский 30 августа объявил себя Верховным главнокомандующим, стал полновластным диктатором, распустил Государственную Думу, но власть удержать не смог. 25 октября 1917 года в стране произошла революция.

Брусилов после отставки уехал в Москву. Во время октябрьских событий был ранен осколком снаряда, долго лечился. Поддерживать белогвардейское движение генерал категорически отказался. После нападения Польши на Советскую Россию Брусилов вступил в Красную армию и призвал всех офицеров стать на защиту Отечества. Он читал лекции в военной академии, был назначен инспектором кавалерии РККА. Генерал Брусилов умер 17 марта 1926 года в Москве и был похоронен с воинскими почестями у стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Его именем названы улицы в Москве, Воронеже, Челябинске, сквер в Санкт-Петербурге, где в 2007 году установлен бронзовый монумент. В военной энциклопедии Беларуси генералу посвящена аргументированная статья [5, с. 166]. В топонимике города Могилева увековечены имена многих известных военных деятелей никогда не бывавших в нашем городе. Имя генерала Брусилова фактически забыто.

Литература

1.Белов, Г.А. Русский полководец А.А. Брусилов. / Г. А.Белов // Военно-исторический журнал. –1962. № 10.

2. Болтунова Е.М. Ставка Николая II в Могилеве и память о ней в советское и постсоветское время / Е.М. Болтунова. // Военно-исторический журнал. – 2016. № 10.
3. Брусилов А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – Мн.: Харвест, 2003. – 432с.
4. Бубнов А.Д. В царской Ставке / А.Д. Бубнов. – М.: Вече, 2008. – 272 с.
5. Военная энциклопедия Беларуси / редкол.: Л.В. Языкович (гл. ред.) и др. – Минск: Бел. Энцыкл. им. П. Бровки. 2010. – 1136 с
6. Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: в 2-х т. Т. 1. / отв. ред. В.М. Хрусталева. – М.: Вагриус, 2008. – 624 с.
7. Семанов С.Н. Брусилов / С.Н. Семанов. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 318с.
8. Советская военная энциклопедия: [в 8 томах] / Пред. Гл. ред. Комиссии Н.В. Огарков. Т.7. – М.: Воениздат, 1979. – 687с.

УДК 908

УРОЖЕНЕЦ МОГИЛЁВЩИНЫ – ВОЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ

ЕФИМ ТРОФИМОВ

Жижиян С.Ф.

ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей»

(г. Быхов, Беларусь)

Аннотация: статья рассказывает о жизненном пути уроженца Быховского района Могилёвской области Трофимова Ефима Ивановича – военного строителя, который благодаря своей научно-исследовательской деятельности стал одним из создателей коммуникаций Быховского военного аэродрома.

Ключевые слова: земляки, Быхов, Быховский аэродром, военное строительство, Подлука, Москва, краеведение.

Annotation: the article tells about the life path of a native of the Bykhov district of the Mogilev region, Trofimov Efim Ivanovich - a military builder, who, thanks to his research activities, became one of the creators of the communications of the Bykhov military airfield.

Keywords: fellow countrymen, Bykhov, Bykhov airfield, military construction, Podluka, Moscow, local history.

Прогуливаясь по тротуарам нашего города, а точнее, по аэродромным плитам, на которые когда-то приземлялись самолёты 57 Морской ракетно-бомбовой авиационной дивизии, мало кто, пожалуй, задумывался, когда и кем эти массивные конструкции выпускались. Многие, полагаю, удивятся, узнав, что одним из проектировщиков данных железобетонных конструкций и директором завода, на котором они производились и откуда поставлялись на аэродром в Быхов, был наш земляк Трофимов Ефим Иванович [1, стр. 94].

Ефим Иванович родился 8 апреля 1942 года в поселке Подлука Быховского района в крестьянской семье. Его отец, Иван Демьянович, работал на железной дороге, мать, Улита Михайловна, – в колхозе, воспитывала детей. Ефим рос самым младшим в семье Трофимовых, которая насчитывала шесть детей.

В 1949 году паренек пошел учиться в Залесско-Слободскую начальную школу, а в 1953 году перевелся в Лудчицкую среднюю школу, после окончания которой в 1959 году поступил на учебу в Могилевский строительный техникум. Обучаясь в техникуме, Трофимов много внимания уделял практическим работам, а последние полтора года учебу в техникуме совмещал с работой на стройках города Могилёва в качестве каменщика, мастера на стройке 1-го калийного комбината в городе Солигорске в 1963 году.

Защита дипломного проекта показала глубокие знания строительного производства, и дипломанту заместителем министра сельского строительства Белоруссии, который был Председателем Государственной квалификационной комиссии, персонально была предложена должность главного инженера ПМК в Горецком районе. Но, мечтавший о большой стройке, Ефим Иванович предложение не принял и уехал в город Мозырь на начавшееся там накануне строительство нефтеперерабатывающего завода.

В ноябре 1964 года Трофимова призвали на службу в Советскую Армию и направили в школу по подготовке командиров взводов строительных войск в город Кстово, а в феврале 1965 года — на Курсы офицерского состава при Пушкинском военном строительно-техническом училище. Окончив курсы с отличием, получив звание младшего техника-лейтенанта, Ефим Иванович попросил направить его для прохождения дальнейшей службы в районы Крайнего севера. Командование учло просьбу молодого офицера и направило его в поселок Тикси-3, в дислоцировавшийся там аэродромно-строительный полк, где Ефим Иванович прослужил командиром взвода и заместителем командира роты по технической части три года.

В 1968 году по направлению командования Трофимов поступил в Ленинградское высшее военное инженерное техническое Краснознамённое училище (ныне – Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва), по окончании которого в 1972 году, как наиболее опытный из выпускников инженер в звании старшего лейтенанта-инженера, получил направление в Иркутскую область руководителем строительства лесопромышленного комбината Министерства обороны.

Организацию строительства пришлось начинать, по выражению Ефима Ивановича, с «чистого листа»: вырубать тайгу под строительство автомобильной дороги протяженностью 43 километра и под поселок для военно-строительного отряда [2]. Совместно с проектным институтом Трофимову пришлось уточнять детали по разработке проекта, своими силами

строить подъездную железную дорогу к площадке строительства комбината, автомобильную дорогу через болота, реки и сопки в тайге, решать вопросы снабжения строительства материалами и техникой. Но основными задачами, стоявшими перед Ефимом Ивановичем, были размещение, быт и питание личного состава, обслуживание техники в условиях сибирской зимы с морозами до минус 52 градусов.

Успешное решение поставленных задач не осталось незамеченным командованием Главного управления строительной промышленности Министерства обороны СССР, в ведомстве которого находилось строительство комбината. По его представлению капитан-инженер Трофимов Е.И. в июле 1974 года приказом заместителя министра обороны по строительству и расквартированию войск был переведен на должность главного инженера 643-го завода железобетонных изделий и конструкций в город Загорск (ныне город Сергиев Посад) Московской области.

Завод являлся важным звеном в системе военного строительства, единственным в СССР заводом Министерства обороны, изготавливавшим железобетонные конструкции для спецсооружений (убежищ, хранилищ, командных пунктов и др.), аэродромные плиты под покрытия палуб авианесущих кораблей и их наземных баз. В большом количестве завод изготавливал и поставлял аэродромные плиты как на строящиеся, так и на уже существующие аэродромы, плиты перекрытий для строительства панельных жилых домов, в том числе и на Быховские аэродром и стройки военного городка.

Имея уже значительный опыт строительства, на заводе Ефим Иванович столкнулся с новыми трудностями: необходимо срочно изучить технологию заводского производства изделий и конструкций, которую ни в техникуме, ни в ВУЗе не преподавали. А знание технологии — основное направление работы главного инженера. Поэтому все свободное время приходилось «посвящать» учебной и научной литературе по технологии заводского производства, ездить по различным профильным заводам и перенимать их опыт, посещать научные семинары и лекции.

Требования того времени об увеличении объемов выпуска продукции обусловили необходимость развития завода. Реконструкция и модернизация предприятия полностью легли на плечи главного инженера и его служб. И всё это необходимо было осуществлять, не снижая темпов производства. В данной ситуации и пригодился опыт Ефима Ивановича как строителя-организатора.

В 1979 году, в самый разгар реконструкции, в аппарат замминистра по строительству переводят начальника (директора) завода и все его обязанности, до утверждения нового начальника, ложатся на главного инженера Трофимова, который становится исполняющим обязанности, а потом начальником (директором) завода.

После проведенной реконструкции завод становится одним из крупнейших аналогичных заводов в строительной промышленности

Министерства обороны. Численность работающих предприятия составляла более полутора тысяч человек. При заводе находился военно-строительный отряд численностью более 600 человек. Кроме основного производства, в сферу завода входили жилые дома, детский сад на 240 мест, водозаборные сооружения, казарменный городок, отопление, электроснабжение и иные необходимые коммуникации. В связи с этим в 1981 году завод переименовывается в 100-й комбинат железобетонных изделий.

Предприятие, которое возглавлял Трофимов, тесно сотрудничало с 26-м Центральным научно-исследовательским институтом строительства (ЦНИИС). Поэтому, когда в институте организовали отдел промышленности, его руководство вышло с просьбой к заместителю министра обороны по строительству о переводе майора-инженера Трофимова в институт на должность начальника научной лаборатории, что и было сделано в марте 1983 года.

Хорошее знание заводской технологии и видение недостатков серийного оборудования, которым были в основном укомплектованы заводы Министерства обороны, позволило в соавторстве с другими подразделениями института и специалистами заинтересованных предприятий разработать новое, несерийное технологическое оборудование, способное выпускать изделия лучшего качества с большей производительностью, тем самым улучшая и совершенствуя технологические процессы. Это и стало основным направлением работы лаборатории. Одновременно с этим лаборатория участвовала в разработке нормативных и методических документов по заводскому производству, анализировала работу промышленности Министерства обороны СССР в военных округах, сотрудники лаборатории обобщали передовые достижения предприятий народного хозяйства и рекомендовали лучшее к внедрению на предприятиях Министерства обороны через печать и доклады на различных совещаниях и семинарах. За время нахождения в институте подполковником-инженером Трофимовым Е.И. лично и в соавторстве было написано более 35 научных трудов.

В 1988 году в Главстройпроме Министерства обороны СССР организовалось 109-е Отдельное конструкторско-технологическое бюро, куда Ефим Иванович, хорошо знавший предприятия Главка, был приглашен на должность главного инженера. Перевод состоялся через год — в 1989 году. На этой должности Трофимов прослужил до увольнения из Вооруженных Сил СССР в 1992 году по возрасту.

За время службы Ефим Иванович Трофимов награжден семью медалями и знаком «Отличник военного строительства».

Уволившись из армии, Трофимов работал руководителем строительства в совместном Российско-Германском предприятии, которое строило военные городки для выводимых из Германии советских войск и на других объектах, а в 1998 году стал заместителем начальника техотдела в Московском Представительстве германского концерна «Хохтиф». Работал там до августа 2011 года.

В настоящее время подполковник-инженер в отставке Е.И. Трофимов проживает в подмосковном городе Балашиха.

Быховский историко-краеведческий музей поддерживает тесную связь с заслуженным земляком. Ефимом Ивановичем Трофимовым в фонды музея переданы материалы его научных исследований, фотографии, личные вещи, которые займут должное место в экспозиции историко-краеведческого музея, посвящённой землякам, прославившим наш край.

Литература:

1. Бацкалевiч, У.І. Дыханне вякоў / У.І. Бацкалевiч, С.П. Жыжыян. – Мiнск: Выдавецкі дом “Звязда”, 2013. –168 с.

2. Военный строитель Ефим Трофимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bykhov.by/ljosy-ljudskija/51001/>. Дата доступа: 13.05.2025

Трофимов Ефим Иванович
1989 г. Начальник научной лаборатории (26 ЦНИИС)

«ПАРУСА МОЕГО ДЕТСТВА».
К ИСТОРИИ СЪЕМОК ФИЛЬМА И СУДЬБЕ АВТОРА СЦЕНАРИЯ

Савосина И. И.
ООО «Издательский дом «Толока»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье рассказывается о выставке к 100-летию киностудии «Беларусьфильм» в выставочном зале Музея истории Могилева. Также говорится о съемках художественного фильма в Могилеве в 1981 г. Сценарий написал уроженец Могилевской области Василий Хомченко. Частично освещается судьба этого автора многих детских книг и предполагаемых прообразов главного героя книги «Красные волны».

Ключевые слова: выставка, Хомченко Василий Федорович, Беларусьфильм, Леонид Мартынюк, Могилев, прообраз, Царев, контр-адмирал, Холостяков Геннадий, Дрозд Валентин.

Annotation. The article describes the exhibition dedicated to the 100th anniversary of the Belarusfilm film studio in the exhibition hall of the Mogilev History Museum. It also talks about the filming of a feature film in Mogilev in 1981. The script was written by Vasily Khomchenko, a native of Mogilev region. The fate of the author of many children's books and the alleged prototypes of the main character of the book "Red Waves" is partially highlighted.

Keywords: exhibition, Vasily Khomchenko, Belarusfilm, Leonid Martynyuk, Mogilev, prototype, Tsarev, rear Admiral, Gennady Kholostyakov, Valentin Drozd.

К 100-летию киностудии Беларусьфильм мною был подготовлен тематический фотопроект «Могилевщина в зеркале кинематографа». В экспозиции – скрин-шоты кадров из кинофильмов, афиши, портреты артистов, авторов сценариев, режиссеров, фотографии со съемок документальных лент, а также снимки тех мест нашей области, которые вошли в кадры художественных и документальных фильмов. Выставка прошла с 1 ноября по 8 декабря 2024 г. в выставочном зале УК «Музей истории Могилева» [9]. На фотографиях – небольшая часть кинематографической истории, связанной именно с Могилевской областью, и, конечно, с «Беларусьфильмом» и другими советскими киностудиями. Это съемки в нашем регионе таких кинолент, как «Я родом из детства», «Могила льва», «Паруса моего детства» и др. Самыми любимыми местами киношников стали Бобруйск и Бобруйская крепость. Часть экспозиции посвящена уроженцам Могилевщины. Это известный кинорежиссер Виктор Тимофеевич Туров (1936–1996), фильмы которого стали классикой белорусского кино. А также популярный в середине XX века актер Петр Мартынович Алейников (1914–1965), известный по фильмам «Конек-горбунок», «Трактористы» и др.

Группа военно-исторической реконструкции из Могилева «Последний рубеж» под руководством Павла Сысоя участвовала в съемках более десяти художественных фильмов, начиная с 2007 г., в частности, «Днепровский рубеж», «Сталинград». Сценарист, режиссер, кинооператор Валерий Николаевич Королев, родившийся в 1954 г. в Славгороде, создал много документальных фильмов о людях и знаковых местах Могилевщины. Немало замечательных фильмов, ставших классикой, были сняты по книгам или событиям, связанным с историей могилевского края. Экранизация романа Константина Михайловича Симонова (1915–1979) «Живые и мертвые», события в котором начинаются на Буйничском поле летом 1941 г., получила Главный приз на Международном кинофестивале в Карловых Варах в 1964 г. Участник героической обороны Могилева полковник С. Ф. Кутепов стал прототипом комбрига Серпилина, которого исполнил популярный советский актер Анатолий Папанов. Другой известный актер Михаил Ульянов снялся в фильме «Председатель». В основу фильма писателем Юрием Нагибиным положена судьба руководителя колхоза «Рассвет» Кирилла Прокофьевича Орловского (1895–1968).

Летом 1981 г. в Могилеве снималась кинолента «Паруса моего детства» (Беларусьфильм) по сценарию Василия Федоровича Хомченко (1919–1992). В основу сценария писатель положил события из своей повести «Красные волны», изданной в 1968 г. По воспоминаниям могилевчанки Н. П. Буткевич, в начале 1980-х она шла с работы домой по улице Лазаренко. Было скопление людей и разнообразной техники, дорога перекрыта. К Нине подошли с просьбой: не хотите ли сняться в кино? Она не хотела, торопилась к маленькой дочке, которая была дома одна. Но ее снова стали уговаривать, мол, это недолго, да и три рубля получите (это, примерно, стоимость 1 кг неплохой колбасы). Нине Петровне дали какой-то наряд в пол, шляпку и пелерину. И попросили походить в массовке по небольшой траектории возле бывшей бани по улице Лазаренко. На это ушло минут двадцать, потом указали на столик, где она, расписавшись в ведомости, получила три рубля, и ушла домой. Ее приглашали и на премьеру. Но было не до фильмов. В какой картине она снималась – не знала. Позже решила, что в фильме «Грибной дождь». Но, судя по нарядам, все-таки в киноленте «Паруса моего детства» советского и белорусского кинорежиссера Леонида Владимировича Мартынюка (1932–2013), родом из Гомеля. Мартынюк в одном из интервью говорил о Могилеве: «...накольні мне вядома, мастацкі фільм за ўсю гісторыю вашага горада здымаецца тут упершыню, таму, відаць, так неахвотна жыхары запісываюцца ў масоўкі» [4, с. 3].

Киногруппа выбрала для съемок район Быховского рынка с прилегающими к нему улицами, в частности, улицу Лазаренко. По воспоминаниям режиссера, в Могилеве на тот период сохранилось немало мест, которые при некоторых добавлениях декорационных деталей были способны передать колорит населенного пункта начала XX столетия [4, с. 3]. Съемки проходили летом 1981 г., когда в городе торжественно отмечалась

37-я годовщина освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, а также 40-летие обороны Могилева. Мартынюк тогда впервые пожалел о том, что не стал кинодокументалистом: «...настолькі вялікім было жаданне здымаць урачыстасці, якія прайшлі, на наш погляд, на вельмі высокім арганізацыйным узроўні» [4, с. 3].

А в фильме «Паруса моего детства» события разворачиваются в небольшом городке на Могилевщине, охваченном революционными событиями 1918 г. Смекалистый беспризорник-сирота Степка Царев, наблюдая за происходящим в городке, волчонком поглядывает на всех. Запутавшись в происходящем, не доверяет никому. Но при этом одержим мечтой стать капитаном, грезит морскими просторами. В его жизни возникает направленный в город председателем ревкома моряк-балтиец Лозовик, который становится мальчишке хорошим другом, а Степка становится настоящим помощником ревкомовцев. При этом Степка мечтает о море, а Лозовик, погибая, напутствует подростка словами: «Ты, Степка, поедешь на флот...» [18, с. 123]. Спустя много лет, как написано в эпилоге книги, контр-адмирал Степан Платонович Царев приезжает в город, где в 1918-м погибли его товарищи [18, с. 124–126]. В конце фильма появляются фотографии из семейного альбома от юнги до командира эскадры и титры: «Уроженцу Могилевской губернии контр-адмиралу Цареву Степану Платоновичу посвящается этот фильм» [12, с. 147].

Писатель Хомченко, будучи военным корреспондентом, однажды разговаривал с контр-адмиралом. Но откуда у морского офицера белорусский акцент, поинтересовался тогда Василий Федорович. Контр-адмирал ответил, что он – родом с Могилевщины, а в 1918 г., потеряв родителей, стал беспризорником. Режиссер Мартынюк в одном из интервью назвал фамилию контр-адмирала: С. П. Царев [4, с. 3]. Но это имя из книги Хомченко «Красные волны». И, вероятнее всего, Царев С. П. – это вымышленное имя, собирательный образ. Например, в списке контр-адмиралов, родившихся в начале XX века до 1918 г. такого имени нет [14]. С похожим именем был революционер, комиссар Экибастузских угольных копей и заводов Царев Степан Ионович (1882–1918), родившийся в Тульской губернии. Лишившись родителей, воспитывался с братом в приюте для сирот [15, с. 9]. Рано почувствовав несправедливость, примкнул позже к революционному движению [15, с. 3]. С ним жестоко расправились контрреволюционеры в г. Ермаке. Сегодня там стоит памятник герою [15, с. 66–67].

В одном из списков значится Царев Борис Михайлович (1936–2023), родившийся, как написано, в СССР [17]. Его отец Михаил Иванович Царев был краснофлотцем, воевал с финнами в Заполярье, участвовал во время Великой Отечественной войны в штурме Сапун-горы в Севастополе в 1944 г. Мать Мария Васильевна рано умерла. Борис Михайлович служил на подводках, после окончания Военно-морской академии в Ленинграде был назначен начальником штаба бригады подводных лодок Тихоокеанского флота, затем вернулся на Черноморский флот, в 1981 г. ему было присвоено

звание контр-адмирала. После распада СССР отстаивал для России Черноморский флот. Имел множество наград, а на флоте его называли «Царь Борис» [5]. В списке ветеранов ВОВ значится Царев Михаил Иванович (1906–16 декабря 1970), но более никакой информации нет [8].

Одним из прообразов литературного героя Степки Царева мог быть вице-адмирал Дрозд Валентин Петрович (1906–1943), родившийся в г. Буда-Кошелево Могилевской губернии (ныне – Гомельская область). Службу на Военно-Морском Флоте начал в 1925 г., в 1928-м окончил Ленинградское высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе. В 1938–1940 гг. – командующий Северным флотом. В 1940-м стал начальником Черноморского высшего военно-морского училища [10, с. 19–20]. Участвовал в национально-революционной войне в Испании, был старшим советником по флотилии [16, с. 56]. Во время Великой Отечественной войны в 1941 г. руководил отрядом главных сил при эвакуации Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, был участником обороны Ленинграда. Погиб во время артиллерийского обстрела на ледовой трассе из Ленинграда в Кронштадт. Похоронен в Александро-Невской лавре [10, с. 20].

Другим возможным прообразом Степана Царева из повести «Красные волны» и фильма «Паруса моего детства» мог быть Георгий Никитич Холостяков (1902–1983), родившийся в Барановичах Минской губернии. В 1919 г. он принимал участие в Гражданской войне, а в мае 1920 г. во время советско-польской войны политрук Холостяков попал в плен. После освобождения поступил в 1921 г. в Рабоче-Крестьянский Красный флот, служил на Балтике. Учился в военно-морском гидрографическом училище, позже – на Тактических курсах Военно-морской академии в Ленинграде, и был направлен на Тихоокеанский флот, где стал первым отечественным подводником [10, с. 41]. В 1939 г. капитан 2 ранга был осужден за связь с арестованным бывшим начальником Морских Сил Тихого океана М. В. Викторовым, лишен всех званий и наград, отбывал срок в лагере в заливе Ольги. Но не сдавался, писал жалобы Сталину, Калинин и др., добился пересмотра дела и восстановления в правах, после чего его направили на Черноморский флот еще в предвоенные годы [6, с. 57–58]. В августе 1942 г. он возглавил героическую оборону Новороссийска, а в декабре Холостякову было присвоено звание контр-адмирала. Как командующий Дунайской военной флотилией с декабря 1944 г., освобождал Югославию, Венгрию, Австрию, Словакию. Моряки его флотилии отличились в Будапештской и Венской наступательных операциях в 1945 г. Холостяков был одним из активных создателей атомного подводного флота СССР. В мае 1965 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза [10, с. 42]. Он стал кавалером 20 боевых орденов, был честным и смелым адмиралом, не прятался за чужие спины, боролся вместе со своими подчиненными за справедливость до конца [11, с. 77]

Автора повести «Красные волны» и киносценария «Паруса моего детства» В. Ф. Хомченко (1919 – 1992) вполне могла заинтересовать судьба

именно этого контр-адмирала. Василий Федорович Хомченко, как и Георгий Никитич Холостяков, был репрессирован и отбывал срок на Дальнем Востоке.

Белорусский советский писатель, член Союза писателей СССР Хомченко В. Ф. родился в крестьянской семье в д. Каничи Костюковичского района Могилевской области. Учился в Минском химико-технологическом техникуме (1934–1935), на рабфаке при Белорусском государственном университете [1, с. 196]. Тогда, будучи студентом, он вел дневник, в котором после получения из деревни жалобного письма от отца на нехватку денег и просьбу прислать хоть немного записал: «...это происходит под счастливым сталинским солнцем». Студент-стукач залез в чемодан Хомченко и, прочитав дневник, послал донос в НКВД. А у Василия Хомченко была только боль из-за полуголодной жизни его родных в деревне Каничи, и не было каких-то особых политических взглядов в 18 лет. Но он был осужден за так называемую антисоветскую агитацию в 1937 г. на четыре года. Срок отбывал в Нижне-Амурском лагере [3, с. 7].

В апреле 1941 г. был освобожден. Переехал на Север. Началась Великая Отечественная война. Ушел на фронт, в 1944 г. окончил Буйнакское пехотное училище, участвовал в боях как командир минометного взвода. Завершил войну в Австрии [1, с. 196]. Там же воевал и В. Ф. Холостяков. В 1951 г. Хомченко окончил Военно-юридическую академию. При этом у него всегда возникал вопрос: почему нигде не фигурирует его судимость, но сам он никогда об этом не говорил. В 1941–1968 гг. Хомченко в рядах Советской Армии. Из них 17 лет был судьей в военных трибуналах, старался быть справедливым. Ведь сам прошел и тюрьмы, и лагеря. Про свою судимость и жизненные испытания молчал в течение 32-х лет. И, только выйдя на пенсию в 1969 г., подал прошение о реабилитации, чем вызвал шок у сослуживцев и знакомых. Но на запросы были отрицательные ответы: никаких документов на Хомченко нет. Ответ пришел позже из Нижне-Амурского лагеря. В том же году Хомченко был реабилитирован Верховным Советом Белорусской ССР. Оказалось, что при эвакуации документов из Минска в начале войны его листок случайно попал в другую папку [3, с. 7].

В 1972–1985 гг. Хомченко руководил редакцией прозы в издательстве «Мастацкая літаратура». Возглавлял комиссию Союза писателей Белорусской ССР по возвращению наследия репрессированных писателей. Первое стихотворение опубликовал еще в 1934 г. в газете «Піянер Беларусі». Известен как детский писатель, автор остросюжетной и исторической прозы. Произведения В. Ф. Хомченко переводились на русский, украинский, молдавский, литовский, другие языки [1, с. 196]. О творчестве В. Хомченко можно сказать: «Вобразы юных герояў, іх характары выходзяць яркія і непаўторныя, калі пісьменнік ідзе не ад схемы, а ад жыцця, калі мэта яго апавядання – паказаць маленькага чалавека ў яго ўзаемаадносінах з рэчаіснасцю, прыадкрыць паэтычны свет яго пачуццяў, сваеасблівы характар яго мыслення»[2, с. 231].

О киноленте историко-революционной киноповести режиссера Л. Мартынюка «Паруса моего детства» были разные отзывы: «Романтика приключений, смелые поступки героев всегда привлекают. Но ленте недостает новизны драматургических коллизий, неиспользованных ранее резервов жанра приключенческого фильма» [7, с. 188]. И еще: «Многоэпизодность, фрагментарность композиции лишили фильм стройности и целостности. Большинство персонажей не успевают обозначиться на экране хотя бы одной психологической гранью. Наиболее полно по сравнению с другими персонажами углубился во внутренний мир своего героя исполнитель главной роли Дима Прокопчук» [13, с. 175–176].

К списку возможных прообразов Степки Царева, ставшего контр-адмиралом в фильме «Паруса моего детства», который снимался на старых могилевских улицах и на Быховском рынке, можно добавить еще несколько имен контр-адмиралов – уроженцев Могилевской области:

Дронин Петр Степанович (1922–2010) – д. Хадечино Кличевского района [10, с. 21].

Заяц Николай Филиппович (1885–1949) – д. Лапичи Осиповичского района [10, с. 23–24].

Москалев Николай Петрович (1908–1989) – д. Марковка Хотимского района [10, с. 28].

Цветков Николай Иванович (1904–1955) – Могилев [10, с. 44].

Цирульников Наум Израилевич (1910–1979) – Быхов [10, с. 45].

Литература:

1. Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік у 6 т. – Т. 6, дадатак (Талалай – Яфімаў) / Пад. рэд. праф. А. В. Мальдзіса. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1995. – 684 с.: іл.

2. Голубева, Л. Пра дзяцей і для дзяцей / Л. Голубева. – Полымя. – №4. – С. 229–236.

3. Патапенка, В. Трыдцать два таемные гады / Віктар Патапенка. – Звязда – 2009. – 13 студзеня. – С. 7.

4. Рудкоўскі, М. Фільм здымаецца ў Магілеве / М. Рудкоўскі. – Магілёўская праўда. – 1981. – № 134. – 11 ліпеня.

5. Бабанов, И. О царе Борисе / Игорь Бабанов [Электронный ресурс] // <https://proza.ru/2022/05/04/1628> (дата обращения 12.05.2025)

6. Близниченко, С. С. «Прошу... не дать погибнуть мне и другим командирам 5-й морской бригады» / С. С. Близниченко // Военно-исторический журнал. – 2011. – №2. – С. 55–60.

7. Бондарева, Е. Л. Экран в разных измерениях / Е. Л. Бондарева. – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1983. – 270 с.

8. Ветеран Царев Михаил Иванович (Дата рождения: 1906) на сайте движения Бессмертный полк [Электронный ресурс] // <https://www.polkrf.ru/veterans/caryov-mikhail-ivanovic-714699> (дата обращения 12.05.2025)

9. Договор №12 по проведению временной экспозиции «Могилевщина в зеркале кинематографа». – УК «Музей истории Могилева». – 1 ноября 2024 г.

10. Долготович, Б. Д. Адмиралы земли белорусской: биограф. справочник / Б. Д. Долготович; под ред. А. А. Римашевского. – Минск: Беларусь, 2009. – 98 с.: ил.

11. Долготович, Б. На изломе судьбы. Репрессированные генералы и адмиралы – уроженцы Беларуси / Борис Долготович // Беларуская думка. – 2013. – №7. – С. 76–81.

12. Паруса моего детства: режис. постановочн. сценарий / автор сценария В. Хомченко. – Минск: Беларусьфильм, 1981. – 147 с.

Современное белорусское кино. – Минск: Наука и техника, 1985. – 310 [2] с.: ил., портр.

13. Список адмиралов, вице-адмиралов, контр-адмиралов ВМФ СССР (1946–1960) [Электронный ресурс] // [https://web.archive.org/web/20241126194155/https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_адмиралов, вице-адмиралов, контр-адмиралов ВМФ СССР \(1946–1960\) \(дата обращения 12.05.2025\)](https://web.archive.org/web/20241126194155/https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_адмиралов,_вице-адмиралов,_контр-адмиралов_ВМФ_СССР_(1946–1960)_(дата_обращения_12.05.2025))

14. Тереник, М. С. Степан Царев / М. С. Тереник // Под ред. П. Пахмурного, д-ра ист. наук, проф. – Алма-Ата: Казахстан, 1971. – 83 с. – (Борцы за Сов. власть в Казахстане)

15. Толмачев, В. А. Советские военные моряки в Испании. 1936–1939 гг. / В. А. Толмачев // Военно-исторический журнал. – 2006. – №7. – С. 56–58.

16. Царев, Борис Михайлович (контр-адмирал) [Электронный ресурс] // [https://cyclowiki.org/wiki/Царёв,_Борис_Михайлович_\(контр-адмирал\) \(дата обращения 12.05.2025\)](https://cyclowiki.org/wiki/Царёв,_Борис_Михайлович_(контр-адмирал)_(дата_обращения_12.05.2025))

17. Хомченко, В. Красные волны: повесть и рассказы / Василий Хомченко. – Москва: Советский писатель, 1972. – 264 с.

Крыніцазнаўства, канфесійныя працэсы і духоўныя традыцыі на Магілёўшчыне

УДК 94 (476.4) 093 (3) «16-17 вв.»

**ДОКУМЕНТЫ «БЕЛОРУССКОГО АРХИВА» ОБ ИСТОРИИ МОГИЛЕВА
16–17 ВЕКОВ**

Костеров А.П.

**Учреждение образования «Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий»
(г. Могилев, Беларусь)**

Аннотация: В статье автор анализирует сборник документов «Белорусский архив», том 1, изданный в Минске в 1927 году. Документы освещают социально-экономические процессы средневековой Беларуси, раскрывают историю городской жизни Могилева в 16-17 вв. в условиях Магдебургского права.

Ключевые слова: Могилев, документы, Белорусский архив, Магдебургское право, экономика, социальная жизнь.

Summary: The author analyses in the article the compilation of documents, «Belarusion state archives», wolume one, published in Minsk in 1927. The documents highlight socio-economic processec of Modieval Belarus reveal the history of the city life of Mogilev in the 16-17 centuries under conditions of the law of Magdeburg.

Keywords: Mogilev, documents, Belarusion state archives, Magdeburg law, economics, social life.

Сборник документов «Белорусский архив» в 3-х томах был подготовлен историко-археографической комиссией Института белорусской культуры и издан под руководством Д. Довгяллы в Минске в 1927-1930 гг. Документы, касающиеся Могилева 16-17 вв., включены в 1-й том (изд. 1927 г.) и представляют дела высших и местных учреждений. [2, с. 437]. Том 2-й (изд. 1928 г.) содержит записи из фондов Метрики Великого Княжества Литовского, том 3-й включает Менские акты (245 документов). Содержание и план издания обсуждался на заседаниях Президиума Инбелкульта 16 октября и 25 ноября 1925 года, 10 января 1926 года, окончательно утвержден 20 февраля 1926 года. Сборник отпечатан в количестве 600 экземпляров. Редактором сборника являлся действительный член Инбелкульта А. Смолич. Сборник документов «Белорусский архив» явился первым археографическим трудом вышеуказанной комиссии, стал важным документальным источником в тех условиях для исследовательской работы вузов и широкой массы краеведов.

Для нашей статьи важность представляет первый том издания. Большая часть документов, включенных в сборник, была извлечена из Могилевского государственного музея (отдел рукописей, книга 7-8), из архива князей Черторыхских в Кракове, Ленинградской публичной библиотеки (отдел польских рукописей, Метрики Литовской (финасовая книга № 53). Тексты документов составлены на старобелорусском языке, а начиная с 17 века большей частью написаны на польском и даже на латинском языке. Сборник документов дает материал истории существования Могилева при Магдебургском праве. Период охвата документов датируется с 1562 по 1697 гг. Последний документ гласит: «Реестр братий прасолов в месте Могилев», в котором поименно указаны горожане, занятые в торговле с 1678 по 1694 гг. [1, с. 183-190].

Отметим, что с конца 14 века крупные белорусские города получают Магдебургское право на городское самоуправление по ходатайству от великого князя ВКЛ, а частные города от их владельцев. В 1577 году Могилев также получил статус самостоятельной административной единицы, которая имела все атрибуты, необходимые для самоуправления: территория, гражданство, институты власти и суда, герб, налоговая система. Во главе системы стоял войт, а во время его отсутствия – лендвойт. Непосредственно управление городскими делами осуществлял магистрат. В его состав входили бурмистры, радцы, лавники. [3, с. 85-86]. Магдебургское право получено Могилевом 20 января 1577 года и начало использоваться с 2 апреля 1577 года. В этот период от королевской канцелярии короля Речи Посполитой Стефана Батория в Могилев был командирован дворянин Станислав Корицкий, который составил инвентарь города. Инвентарь включал количество домов, пустых земельных участков и т.п. Королевский посланник ввел мещан во владения города [1, с.32].

Можно отметить своеобразие обстановки, в которой пришлось жить могилеевчанам. В 16-17 вв. велись войны Речи Посполитой с Русским государством и Могилев имел важным военное пограничное значение. В Могилев досылались королевские грамоты об укреплении его обороноспособности. В грамоте короля Стэфана Батория «Аб вызваленні Магілёўскіх грамадзян ад подаці, прызначанай для ўтрымання пушкароў у замку, замест якой ускладзены на іх абавязак пабудовы гарадской сцяны і абароны горада» сказано:

«Стэфан, Боскай ласкай Кароль Польскі, Вялікі Князь Літоўскі, Рускі, Прускі, Жамойцкі, Мазавецкі, Ліфлянцкі, Сяміградскі і іншых земляў. Адзначаем гэтым лістом нашым: найперш тое, што жыхары горада нашага Магілёўскага павінны былі на замак Магілёўскі пушкарам штогод на кожную асобу па дванаццаці коп грошай даваці. Зараз жа гараджане Магілёўскія білі нам чалом і паведамілі нам пра тое, што сцяна крэпасная вакол Магілёва ніякага дагляду не мае, праз што ў час нападу ворага, вялікая небяспека Магілёву ўзнікае. Прасілі магілёўцы, нас, Гаспадара, каб тую павіннасць з іх мы знялі, усе грошы на абарону горада скіраваць загадалі.

І мы, заўважыўшы ў той прапанове слушнасьць вялікую, клапацячыся пра тое, каб горад наш падчас нападу варожага абаронены быў, гэтым лістом нашым вызваляем іх ад сплочвання грошай пушкарам замкавым - вызваляем іх ад гэтага на вечныя часы. Замест таго павінны будуць гараджане Магілёўскія за тыя грошы, што пушкарам замкавым давалі, на сцяне гарадской пушкароў ахоўваць і стралянінай, паводле патрэбы, тую сцяну бараніць. І на тое гараджанам магілёўскім - наш ліст з подпісам, зробленым рукой нашай Каралеўскай.... Напісана ў Варшаве, 1585 г., 3 сакавіка.

Stephanus Rex. Леў Сапега, Падканцлер Вялікага Княства Літоўскага».

Еще один документ: «Лист воеводы, абы месту варунок чинили и вал поправили», датированный 15 мая 1632 года от гетмана ВКЛ, старосты Могилевского. В письме отмечалось, что в связи со смертью короля горожанам следует выполнить оборонительные мероприятия, чтобы в случае опасности неприятель не застал в неподготовленности, а оборону места держать в готовности, орудия и все военное имущество привести в порядок». [1, с.123].

В 1654 году началась война между Речью Посполитой и Русским государством и Могилев был занят русскими войсками. Интерес представляет документ № 105, датированный 15 сентября 1655 года от русского царя с обоза под Смоленском к могилевчанам: «Привилей от его царского величества Алексея Михайловича на вольности месту Могилеву, наданный и конфирмованы» [1, с.164-167]. В жалованной грамоте царя отмечено, что «... они, Могилевцы, нашей гдрской млти обрадовалисе и нашего гдрского жалованья к себе поискали, город Могилев здали и учинилися по нашою гдрскою высокую рукою и веру по святой евангельской и непорочной заповеди нам, великому гдру, нашему царскому величеству, учинили, не дождався приходу под Могилев наших гдрского величества бояр и воевод с нашими...ратными людьми на том.что быть им под нашою царского величества высокою рукою навеки неотступными» [1, с.164]. После освобождения Могилева от русских войск король Ян Казимир дал амнистию Могилеву, о чем свидетельствует документ №107 от 9 июня 1661 года [1, с. 168-169]. Документы №44 от 11 сентября 1606 года, №45 от 6 июня 1607 года, №46 от 29 августа 1608 года освещают ситуацию в Могилеве во время восстания горожан и мерах властей по его подавлению [1, с.79-88].

Кратко охарактеризуем распределение документов по тематике.

Первая часть: «Дела высших учреждений». В данной части два документа. Один из них, датированный 30 мая-16 декабря 1566 г.: «Письма от великого князя Жигимонта II Августа к Яну Хадкевичу и Остафию Воловичу» [1, с. 6-29].

Вторая часть: «Дела местных учреждений, непосредственно относящихся к Могилеву» [1, с.30-208]. Документ № 1 от 23 февраля 1562 года: «Вырок вял. Кн. Жыгімонта II па скарзе Альжбетты Ілінечавай з прызначэннем ёй новых пляцаў у замен за пляцы ў Магілёве, якія былі адмежаны замкам» [1, с.30]. Документ №3. 1577г., студзеня 3. – «Ліст вял.кн.

Стефана, паводле яког Могілевскія мешчане атрымлівалі права ўваходу ў пушчы на чатыры мілі наўкола места Магілева» [1, с.31].

Трэтья часть: «Дела скарбу ВКЛ». Например, в перечне документов 3-го отдела опубликован отчет земского подскарбия и писаря ВКЛ Яроша Воловича за 1604-1610 гг. Документ извлечен из Ленинградской публичной библиотеки (отдел польских рукописей) и переведен с польского языка на белорусский известным историком М.В. Довнар-Запольским. В нем отмечены суммы, изъятые в государственную казну из Могилева и могилевской экономии в количестве 100 тыс. и 4 тыс. злотых [1, с. 210].

Документальные акты, касающиеся Могилева можно распределить по направлениям. Во введении по каждому направлению отмечены номера соответствующих документов.

1. Общие положения Могилева, инвентари, ревизии, разрешения на обеспечение горожан земельными участками и угодиями. Имеются ввиду пуши, луга, мельницы, огороды.
2. Укрепление обороноспособности места Могилева, его городских укреплений.
3. Магдебургское право для Могилева, его уравнивание в правах со столицей – г. Вильно.
4. Торговля, права торговых людей, в том числе купцов, купчиков (прасолов).
5. Разрешение горожанам на изготовление медов, спиртных напитков и их продажу (шинкарство).
6. Утверждение конфирмаций, универсалов и привилеев (грамот).

Можно привести в качестве примеров некоторые документы (правописание сохранено).

№ 54. – 1615 г., чэрвеня 14, Кракаў.

Универсал короля его милости Жикгимонта III о волности мешчанам Могилевским.

Жикгимонт III, божею млтню корол Полски, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жамойтский, Мозовецкий, Инфлянтский., тоуж божею млтню назначоный корол Шведский, Кготский, Вандалский и Великое княже Финляндское.

Князем, паном, воеводом, каштеляном, маршалком, старостам, державцам, княгиням, паням, вдовам, врадникам земским и дворным, земянам и дворанам нашим и всей шляхте, обывателем панства нашего Великого Князтва Литовского, так духовным яко и свецким, и теж войтом, бурмистром, райцом и всим врадником местским права майдебургского. Жаловали нам подданные наши мешчане и купцы места Могилевского, иж дей ездечим им на многие места в панствах наших в короне Полской и у Великом Князтве Литовском на ярмарки звыклыя по купецствах своих, то пак некоторые люди оных подданных наших, где колвек постигнувшы, до права им неприналежного притегают и, грабежи чынечы им, товары их

забирают. Зачымся они такового гамованя и грабежов выстерегаючи, с купецствы своими ездить не смеют, а в томсе дей скарбу нашоу гдрскому в мытах так старых яко и новоподвышонных великая шкода деять. Про то хочем мети и приказуем вам, абысце тых подданных наших, мещан места Могилевского, которые бы з сего листу нашогу копию под печатью того ж места Могилевского вам показали, такого кожного, ни о которую речь не судячи, до права майдебургского им приналежного, то есть до враду местского Могилевского, отсылали под зарукою на нас гдра тысячу копами грошей. Выймуючы тылко с того тых, которые бы се кому листами своими описали се на котором колвек ураде усправедливити.

Писан у Кракове лето божего нароженя тисеча шестсот пятнадцатого, мца юня чотырнадцатого дня.

Sigismundus Rex. Матей Война, секретар [1, с. 96-97].

Еще один документ: №39. -1604 г., лістапада 10, Кракаў.

Лист короля Жыкгимонта до старосты Могилевского о склады меду.

Жыкгымонт, третий етс.

Канцлеру Великого Князства Литовского, старосте Слонимскому, Пернавскому и Могилевскому, велможному Лву Сапезе.

Жаловали нам бурмистры, райцы, лавники и все посполство мещане места нашего Могилевского о том, иж дей подстаростий твоей млти Могилевский, будучый на сес час от твоей млсти арендатором мыт и корчом Могилевских, а хотечи себе в том болш пожитку прибавити, складов волных на сычене и шинкаване медов в каждый год по дванадцати разов, от продков наших продков наданных и от нас потвержонных, которых они за правом, себе наданым аж до сего часу заживали, тепер им тых складов забороняет и медов сытити и шинковати не допускает. На што они перед нами право, себе наданое, покладаючи, били нам чолом, абы есмо им в том кривды и шкоды терпеть не допускаючи, лист наш до твоей млси писати велели. А иж вжо они, яко нам справу давали, з жыдами тамошними в праве о то стоят и на узманю нашоу тая справа зависла, про то хочем то по твоей милости меть и приказуем, абы твоя милост з владзы своее подстаростему тамошнему Могилевскому рассказал, абы он, в тые склады их ничым не вступаючысе, медов им сытити и шинковати не заборонял и перешкоды им в том ниякое не задавал, алесе до расправы, которую с жыдами о то перед нами озмутъ, спокойне заховал. Учиниш то твоя милость с повинности своее и для ласки нашоу.

Писан у Кракове лета божего нароженя тисеча шестсот четвертого, мца ноябрю десятого дня.

Sigismundus Rex. Матей Война писар[1, с.69].

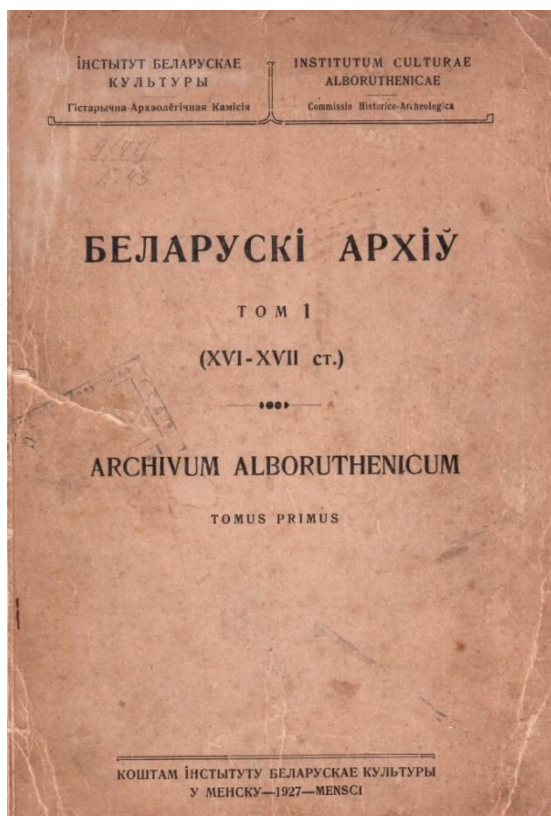
Завершают сборник указатели, составленные в алфавитном порядке: географический [1, с. 235-241], персональный [1, с. 242-253], предметный [1, с. 254-267]. Их содержание дает возможность исследователю почерпнуть массу информации, касающейся могилевской топонимики, конкретных лиц, их профессиональной занятости, объясняют понятия бытового характера,

жизни горожан той эпохи. В географическом перечне указателя можно прочесть названия, существующие и сегодня, например: Буйничи, Вейно, Горбовичи(волость), Гребенево. Дары, Луполово. озеро Святое, Новоселки, Пашково, но и пункты, исчезнувшие с карты города и окрестностей. Это: села Бородчицы, Онисковичи замка Могилевского, урочища Великая Струга, Великий Холм, Савинское Староселье, болота Берви, Бутаково, Рахово, Рогозно, Синичное, сенокосы села Онисковичи Жарищи, Прихабы, Староселье, речки Негоста, Дубровка (сегодня Дубровенка), Жуковский гостинец, Змиев городок, грунты Кулажинский, Подпетиное, Макаровичев, млын Войцеховского, бор под местом за Днепром, пляц Телепинских и т.д.

Материалы сборника стали ценным научным изданием в Беларуси в довоенное время. Важно отметить, что документы дают интересный материал прошлого Могилева, имеют научно-историческую ценность. Анализ их дает представление об общественной жизни, взаимоотношениях между различными сословиями, в т.ч. горожан и замковой администрации, горожан и шляхты, цеховые разногласия и взаимоотношения цехов с магистратской властью.

Литература

1. Беларускі архіў. Зборнік дакументаў па сацыяльна-эканамічнай палітыцы Беларусі 16-17 ст. Т. 1 (XVI-XVII ст.). – Менск, 1927. – 268 с.
2. Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т.2. – Мінск. Беларуская энцыклапедыя ім. Пятруся Броўкі, 1996. – 477 с.
3. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Вучэбнае выдвнне. Пвд агульнай рэдакцыяй І.А. Марзалюка. – Мінск, Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.

З Ь М Е С Т.		Стар.
Прамова		XIII-XXXI
I. Справы вышэйшых устаноў.		
1. 1548 г., краснік.—Угода Радзі Валыкага Князя Літоўскага з вял. кн. Жыгімонтам II Аўгустам		1
2. 1569 г., мая 30—сянежня 16.—Лісты вял. кн. Жыгімонта II Аўгуста да Яна Хадкевіча і Астафія Валовіча		6
II. Справы мясцовых устаноў. (Акты да гісторыі Матііўскага мястэчка).		
1. 1362 г., ліста 23.—Вырок вял. кн. Жыгімонта II па скарызе Аляксандра Ілінічанага з прызначэннем ей новых паноў у замес за паноў у Матііўскага, якія былі адскасаны зямлем		30
2. 1577 г., студзеня 3.—Ліст вял. кн. Стэфана з усякладаннем на бяр і паноў, якіх меў уласныя зямлі ў Матііўскага, абавязку—рабца і раправаці зямель Матііўскага і выконваць павіненасці сумесна з мяшчанамі		31
3. 1577 г., студзеня 13.—Прыказ вял. кн. Стэфана, паводле якога Матііўскія мяшчане атрымалі права ўваходу ў купцы на чатыры міль паўкося м. Матііўскага		31
4. 1577 г., краснік 2.—Ліст Станіслава Карыякага аб уводзе Матііўскіх мяшчан у навадольны мясціны мезельскаю, якую яны атрымалі паводле прыказу на майдзборскім праве		32
5. 1579 г., жніўня 15.—Ліст вял. кн. Стэфана да княгіні Кацярыны Аляксандраўнай Стужыцкай, каб яна беззагладна вырашыла справу аб крыўдах Матііўскіх мяшчан з боку не ўрадыка Андрэя Дарожскага		34
6. 1585 г., ліста 1.—Універсал вял. кн. Стэфана аб вызваленні Матііўскіх купцоў, якіх гаспадары на крамках, ад ішлага суду, прот самага ўласнага на майдзборскім праве		35
7. 1588 г., чэрвеня 9.—Універсал вял. кн. Жыгімонта III аб вызваленні ад мыта грабскага і даставата тых мяшчан, якіх на судовых або ішлых, але не купецкіх, справах судзілі на гаспадарскага звера		36
8. 1588 г., чэрвеня 13.—Прыказ вял. кн. Жыгімонта III Матііўскім мяшчанам з даводам сучаснага ў працягу году 12 складаў меду на 15 пулоў у кожна скала, без мыта		36
9. 1588 г., чэрвеня 13.—Вырок па скарызе Матііўскіх мяшчан на намесніка князя Стужыцкіх Мікалая Градзеньскага аб высылцы на сцяжаны за р. Дняпром і аб забароне ўваходу ў Веенскую пунту		37
10. 1588 г., чэрвеня 13.—Ліст вял. кн. Жыгімонта III да Віленскага канцэляра, каб яны забаронілі сцяжаныя мыта ў Стрыжыне з рыбалоўства—мяшчын Матііўскага		38
11. 1591 г., студзеня 21.—Ліст вял. кн. Жыгімонта III на ім старастаў Матііўскага з наведаннем, што Матііўскія мяшчане маюць права сцяжаны 12 складаў меду кожны год на 15 пулоў меры Матііўскага на кожна скала, без мыта		39

РОЛЬ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПОДХОДОВ К ОБРАЗОВАНИЮ XVII В.

Черных В.Д., Баранов Д.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет
инженерных технологий»
(г. Воронеж, Россия)

Аннотация: В статье анализируются исторические проблемы образования в России в XVII в. Оценивается роль церковного и общественного деятеля эпохи – Симеона Полоцкого, который предпринимал колоссальные усилия по насаждению европейского образования в Москве. Рассматриваются принципы и перспективы духовного образования XVII века, которое стремилось сохранить религиозную самобытность и получить европейские знания, как гуманитарного так и технического характера.

Ключевые слова: Славяно-греко-латинская академия, образование на Руси, Епифаний Славинецкий, патриарх Иоаким, Симеон Полоцкий.

Abstract: The article analyzes the historical problems of education in Russia in the 17th century. The role of the church and public figure of the era, Simeon Polotsky, who made tremendous efforts to introduce European education in Moscow, is being evaluated. The article examines the principles and prospects of spiritual education of the 17th century, which sought to preserve religious identity and gain European knowledge, both humanitarian and technical.

Keywords: Slavic-Greek-Latin Academy, education in Russia, Epiphanius Slavinsky, Patriarch Joachim, Simeon Polotsky.

Взгляд на формирование русской образованности в реалиях 17 века представляется очень интересным для правильного понимания системы взглядов характерных для переходного периода от средневековой картины мира к идеям Нового времени. Именно фигура Симеона Полоцкого притягивает внимание исследователей поскольку ему удалось стать объединителем различных форм передачи знаний и выработать единую мировоззренческую позицию в области образования.

Симеон Полоцкий (1629 - 1680) церковный и общественный деятель, ученый богослов, духовный писатель является ярким представителем выходцев киевской учености, один из выдающихся талантливых и просвещенных деятелей второй половины XVII в., оставивший после себя огромное количество сочинений различного толка, а также проект высшего училища, организованного по образцу западных университетов. Юноша получил образование в Киево – Могилянській коллегії, при общей схоластичності образования, это дало ему отличные знания славянской, латинской и греческой грамматики, которые так будут востребованы впоследствии. Система схоластики, считавшейся образцовой со средних

веков в Европейском образовании, давала всеобщность знаний, стремилось к ясной, определенной доступности научного материала и к умению свободно и искусно пользоваться им, не вдаваясь в тонкости доказательств или в предмет исследований. Не все исследователи однозначны в своих суждениях, но имеются сведения, что и Симеон продолжил обучение в Виленской иезуитской академии [3, 6]. Этот путь в тот период времени был довольно типичным, однако обучение в латинских учебных заведениях требовало переход в католичество. Вернувшись в Полоцк, в 1656 г. принял постриг в Полоцком Богоявленском монастыре, где на 8 лет становится дидасколом братской школы. С его приходом монастырь превратился в значительный культурный центр.

Когда Полоцк был в 1661 г. занят войсками Речи Посполитой, Симеон переехал в Москву, где и был принят при дворе в 1663 г. Поскольку Симеон был многогранно одарённым и блестяще для того времени образованным человеком, пытавшимся внедрять свои проекты в общественную и религиозную жизнь, он поступает на царское содержание. С этого времени начинается наиболее плодотворный период его преподавательской, общественной и творческой деятельности. При дворе он был признан мудрейшим богословом, философом, поэтом и ритором, поэтому естественным выглядит его назначение учителем царских детей, сначала Алексея, а затем и Феодора.

Для повышения образовательного уровня придворных царским указом Полоцкий начинает обучение подъячих Тайного приказа латинской грамматике в Заиконоспасском монастыре за Иконными рядами [3, 17]. Данная школа как и подобные несовершенных но учебных заведений типа патриаршей школы в Чудовом монастыре (в 1630-х), Ртищевской в Андреевском монастыре (1649 г) не имела ни единого плана, ни программы, и обучавшие взрослое население, имели практическую цель, зачастую сугубо сиюминутную - подготовку справщиков Московской типографии, дипломатов, сотрудников приказов, всех тех, кому по долгу службы были необходимы знания греческой и латинской грамматики.

Впоследствии именно эту модель школьного образования с упором на латынь и пиитику Симеон Полоцкий интерполировал на русскую школу. Данная модель, основанная на южно-западных образцах, являлась противоположностью уже существовавшей школы Чудова монастыря, в общем направлении которой отсутствовал светский характер и главным предметом преподавания был греческий язык, изучаемый не столько по определенному руководству, сколько практически, путем переводов и настойчивого вникания в смысл текстов. Руководил школой выдающийся ученый того периода Епифаний Славинецкий, принадлежащий также к киевской богословской школе, но с противоположными, чем у Симеона Полоцкого взглядами. Это происходило по причине получения образования до нововведений митр. Петра Могилы, приблизившего киевское богословие к католическому. Неудивительно, что Епифаний видел необходимость

изучение Священного Писания только через греческие оригиналы. При этом убеждение в пользе именно греческого образования он убедительно и наглядно доказывал в Москве, отрицая что православие искажено в связи с падением Константинополя.

Таким образом сложились две системы подхода к образованию-через усвоение греческого опыта и латинского. В борьбе представителей латинской и греческой партии закладывались идейные основы будущей Московской Славяно-греко-латинской академии. Обе партии старались склонить на свою сторону правительство. Проект был одобрен царем Феодором Алексеевичем и, вопреки протестам патриарха Иоакима, в 1682 г. утвержден «Привилей Московской академии». По замыслу авторов проекта, академия получала финансовую и юридическую автономию, ее выпускники принимались на высокие государственные должности [1, 38]. «Привилей», скорее всего, писал Симеон Полоцкий от лица царя Феодора, который благоговел перед учителем и всемерно его поддерживал и доверял. В документе обозначено сознание великой важности и пользы науки, необходимость ее развития на российском поприще, указаны широкие замыслы, касающиеся как мировоззренческих преобразований, так и материального обеспечения [4, 193]. Вообще это положение показательное для тогдашнего состояния московского образования. Отсутствие системности и противостояние, причем ни одна из них не могли однозначно быть признаны правильной или истинно православной, поскольку не было мерила истины.

Настороженность прекрасно проявилась в полемике вокруг произведения Симеона Полоцкого «Жезл правления». Формально эта книга не имела авторства, она была написана в строгом соответствии с схоластической риторикой, включала в себя цитаты «Лексикона славно-русский» Памвы Берынды и грамматику М. Смотрицкого [3, 35]. Написание было связано с участием Симеона в Большом Московском соборе 1666 – 1667 гг., где в частности Симеон переводит ответ Паисия Лигарида на челобитные Никиты Добрынина (Пустосвята) и Лазаря, а также оказывает помощь в работе с латинскими текстами [6, 79]. Написанные одной рукой черновики «Жезла Правления» и Соборного деяния свидетельствуют об авторстве Симеона Полоцкого [6, 49]. Жезл и его торжественное одобрение отцами Собора закрепляли отрицательные воззрения на старое московское благочестие и религиозные воззрения, при этом принижая богословские заслуги преп. Максима Грека и возвышая киевское богословие митр Петра Могилы и ученость.

После участия в Московском Соборе 1666 – 1667 гг., где усилия Симеона были поддержаны авторитетом восточных иерархов, он активно занимается просветительской деятельностью. Он открывает во дворце «на верху», независимую от патриаршей цензуры типографию, в которой печатает «Букварь языка словенска» (1679 г.), поэтическое переложение псалмов «Псалтырь рифмотворную» (1680 г.), «Вечеря душевная» (1683 г.) и другие работы. Для придворного театра Алексея Михайловича Симеон

написал несколько пьес, которые были поставлены и опубликованы. Активно занимается переводческой деятельностью: много переводил с польского языка и латыни, участвовал в заключительном этапе полного перевода Библии. Симеон Полоцкий написал большое количество панегирических произведений по поводу придворных торжеств. Его литературное и публицистическое наследие содержит большой материал для изучения эстетических взглядов и художественных тенденций «переходного» от Средних веков к Новому времени.

Еще одной стороной таланта Симеона Полоцкого является его проповедническая деятельность. Он начинает деятельность официального церковного оратора при Московском царском дворе. Не смотря на то, что проблема создания систематического образования так и не была решена до смерти Симеона Полоцкого в 1680 г., его деятельность принесла плоды – были попытки учреждения славяно-греко-латинского училища в 1668 г, греческого училища при московской типографии в 1679 г. Московское церковное и государственное руководство осознало необходимость и неизбежность создания высшего учебного заведения. Симеон неоднократно пытался лоббировать перед царем открытие Академии, так что патриарх Иоаким даже гневно восклицал: «Толико той Симеон освоенолився» [1,138].

Последователем и продолжателем дела Симеона Полоцкого стал Сильвестр Медведев, сблизившийся с Полоцким после 1665 года, а впоследствии ставший его учеником и сподвижником. Медведев ради науки оставляет должность подъячего Тайного Приказа и становится монахом. При участии царя Феодора Алексеевича Медведев получает должность справщика и книгохранителя Печатного двора и возможность жить и учиться рядом с Симеоном.

Таким образом деятельность Симеона Полоцкого по созданию образовательного центра принесла свои плоды. Целью создания Славяно-греко-латинской академии предполагалась подготовка образованных людей для государственного аппарата и церковного служения. Проект Академии был ориентирован на Киево-братскую коллегию, имеющую статус, подобный статусам западноевропейских университетов. В Академии предполагалось обучать славянскому, греческому, латинскому и польскому языкам, а также «семи свободным искусствам»: грамматике, пиитике с риторикой, диалектике, музыке, астрономии, геометрии, философии, но главное - богословию. Ведущее место в учебных планах Академии должен был занять греческий язык - основной язык русских богослужебных книг.

Проблемы становления отечественного, национального образования, безусловно, не были решены в XVII в. полностью, но в этот период были заложены очень важные тенденции для дальнейшего развития. Произошло философское переосмысление и трансформация мировоззренческих идей от отрицания полезности образования до понимания необходимости выработки модели, не противоречащей концепции религиозного спасения и удовлетворения насущным потребностям общества. Безусловная заслуга

периода – в осознании комплекса проблем, стоящих перед системой русского образования. Несомненна положительная роль выдающихся ученых – Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, братьев Лихудов, сформировавших мировоззренческие принципы, на которые опирались при подготовке образовательных кадров в первой четверти XVIII в.

Литература

1. Богданов А. П. Царь Федор Алексеевич. 1676-1682. М.: Изд-во Университета Российской Академии Образования. 1998. – 452 с.
2. Козловский И. П. Сильвестр Медведев: Очерк из истории рус. просвещения и обществ. жизни в конце XVII в. – Киев: тип. Ун-та св. Владимира, 1895. – 363 с.
3. Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетия. Санкт-Петербург, Издание А.С. Суворина, 1889, 434 с.
4. Певницкий В.Ф. Симеон Полоцкий. Православное обозрение. Москва, Тип. Университета на Страстном бульваре, 1860, 325 с.
5. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Москва, Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 1953, 282 с.
6. Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). – М.: Типография М. Г. Волчанинова. - 1886. – 342 с.

УДК 902 (476.4)

БОЕПРИПАСЫ, СПОСОБЫ ИХ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ В МОГИЛЁВЕ КОНЦА XVI – XVII В.

Галынский Р.Д.

УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»
(г.Могилёв, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается комплекс боеприпасов, бытовавший в конце XVI – XVII в. в городе Могилёве. Изучается процесс их закупки, изготовления и применения. Особое внимание уделено способам и условиям их хранения и транспортировки. Милитарии изучаются на основе, в первую очередь, письменных, а также археологических источников.

Ключевые слова

Боеприпасы, снаряжение, пороховницы, патронташи, торговля, производство, изготовление.

Annotation.

The article considers a complex of ammunition that existed in the late 16th – 17th century city of Mogilev. The process of their purchase, manufacture and application is being studied. Special attention is paid to the methods and conditions of their storage and transportation. Military studies are based primarily on written and archaeological sources.

Keywords.

Ammunition, equipment, powder flasks, bandoliers, trade, production, manufacture.

Оружие – это одна из немногих вещей, которые человек всегда делал максимально качественно и надежно. В связи с чем, оружейное производство является одним из ярчайших показателей уровня развития научно-технического прогресса и экономического развития общества.

Конец XVI – XVII в. являлся особой эпохой в развитии военного дела. Именно тогда происходила Великая огнестрельная революция. Это был закат рыцарства, период активного развития крепостей и технических переворотов, время освоения мира и наук. Но, огнестрельное оружие должно было обеспечиваться дополнительными элементами, для его хранения и транспортировки. Более того, для применения милитарий подобного типа комбатанту требовались порох, и снаряды (пули, картечь и ядра). Изучению боеприпасов, способам их хранения и транспортировки в городе Могилёве и посвящена данная работа.

В письменных источниках города Могилёва XVII в. упоминается закупка пороха и олова [2, с. 77, 112, 221–223; 3, с. 67, 69, 91, 101, 102, 105, 155]. Порох, как известно, использовался в качестве заряда, который при сгорании выделял газы и энергию, и приводил в действие снаряд. Отметим также о присутствии записей о видах и составе порохов.

- «... пороху фунтъ пташыного зол. одинъ. н асм. десять; олова футъ. асм. осемъ...» [4, с. 24].

- «Бочулка на порохъ дана асмаковъ шесть» [4, с. 220].

- «Полотна на ворки для пороху, локти два...» [4, с. 229].

- «Пороху у Ларка Щитка купили фунтовъ два, золот. два... Олову фунты два, асмак. тринадцать... За лите кулекъ дали асмаковъ шесть» [5, с. 31].

- «Кулю выкупили гарматную у Сенкова сына Рудого, у десяти асмаковъ» [5, с. 134].

- «Вахмистру за кулю найденую асм. десять» [5, с. 186].

- «Пороху литрованного купили полфунта дали осмак. двадцать... Еще купили пороху в лядунках десятка полтора, дали осмакъ» [6, с. 109].

- «Купили на порохъ рогъ и ремень сторожу Михалце ку мушкету... Въ той же рогъ купили пороху четвертку, заплатили осм. десять» [7, с. 50].

- «Свинцу на шротъ полфунта, осм чотыри» [7, с. 56].

- «Купили Михалце пляцовому, што валу пилнуетъ, олова на шротъ...» [7, с. 59].

- «Купили паперу грубого либру до завиваня пороху, дали осм. чотыры» [7, с. 58].

- «Купили кулекъ гарматныхъ у Луки Халеевича дужыхъ шесть, дали золотый и осм...» [7, с. 93].

Таким образом, можно говорить об изготовлении пороха и снарядов на месте, а также о вероятном его предназначении для определённого вида

оружия («пороху... пташыного»). Стрельба велась «кулями» и «шротом». Термины «ядро», «картечь» в XVII в. не употреблялись. Различать эти понятия следует так: куля – одиночный снаряд, а шрот – групповой. Кулей называли как саму пулю, так и ядро, в то время как шрот являлся картечным, или шрапнельным снарядом. Археологические материалы предоставляют определённую информацию о калибрах ручного огнестрельного оружия. Всего, было выявлено более 110 свинцово-оловянистых пуль различных калибров, датирующихся XVII – XVIII вв.

Калибр более 1 см имели пули ружейные, меньшего (в среднем 7–8 мм) заряжались в пистолеты [10, с. 67–68]. Ядра ценились, на что указывают записи о денежном вознаграждении тому, кто их находил. Это объясняется, скорее всего, тем, что их изготовление могло быть довольно трудоёмким. Наличие слов «куля» и «кулька» может указывать на разграничение ядра от пули, но, как приводилось выше – «кулекъ гарматныхъ» и «кулю ... гарматную» скорее всего, говорит просто о размере снаряда. В таком случае, получается, что «кулька» это маленький снаряд – пуля/картечь, а «куля» снаряд большого диаметра – ядро.

Пули досылались в ствол в чехле – были обёрнуты тканью, кожей, или бумагой [9, с. 17/20], что подтверждает запись: «Пороховницу купили и ворекъ до кулекъ...» [5, с. 22]. Хотя, вероятно, «ворки до кулек» это мешочки для транспортировки пуль, например на пояс.

Пороховой заряд мог помещаться в полотняный, либо бумажный мешок и для пушек и для ручного оружия (но материалы, говорящие об этом относятся только ко второй половине XVII в). Порох в «ладунках» говорит о хранении дозированного пороха в специальных футлярах, которые подвешивались к специальной портупее, или пояском «патронташе», весь комплекс из «ладунки» и перевязи (известен также как берендейка). Кроме того, использовали специальные патронташи для бумажных патронов (пороховых зарядов). Они носились на плечевых перевязях. В текстах они представлены как: «Ладовница одна гафтована. Еще ладовницъ гафтованыхъ заживаныхъ три, ладовницъ шкуранныхъ три» [8, с. 146] в 1688 г. они хранились в цейхгаузе; «За работу ладунковъ и за паперъ, асмак пятнадцать» [4, с. 303]. Причём ладовница, это не один футляр, а несколько, прикреплённых к кожаной портупее ёмкостей. Порох в таких контейнерах был в количестве необходимом для одного выстрела. Помимо, этого порох мог отмеряться и «на глаз», такой порох хранился в пороховницах, которые чаще всего делались из полых рогов крупного рогатого скота, либо вытачивались из лосиных/оленьих рогов. Известны также и специальные пороховницы – натруски, в них, а возможно и в рогах хранили порох для запала.

В свою очередь, самые интересные записи, касающиеся пороха и снарядов для стрельбы следующие: «Ланцужковъ совитыхъ зъ кулями десятковъ шесть, десятковъ по дванадцать осмак...» [7, с. 74]. «...купили пороху у пана райцы Шункевича Фунтовъ дванадцать по осм. двадцать

пять, на запаль пол фунта крычовьского, на мешечки и на пиво пушкаремь...» [7, с. 91].

В первом случае, вероятно, речь идёт о спаренных ядрах-книппелях (ядра соединённые цепью), но это маловероятно, так как подобные снаряды бытовали на флоте (такими ядрами разрушалась оснастка корабля и перерубались мачты). Но на наш взгляд здесь речь может идти о цепях для заряжания мортирных бомб. Данные артиллерийские снаряды имели значительный вес, доходивший до десятков килограмм.

Во втором примере мы имеем дело с двумя сортами пороха, так как отдельно говорится о закупке пороха вообще, и заостряется внимание на порохе *«поль фунта кричевскаго... на запаль»*. Похоже, что кричевский порох был более мелкого помола, раз его используют в качестве затравочного пороха. По наблюдениям М. В. Волкова, порох делили на два сорта – артиллерийский и ружейный, последний всегда был более тонкого помола и, как правило, гранулированный [1, с. 78]. Процедура заряжания артиллерийского орудия и подготовки его к стрельбе выглядела следующим образом: в ствол помещался пороховой заряд, уплотнялся, далее шёл пыж, который выталкивал снаряд во время выстрела, потом помещался сам снаряд и укреплялся прокладкой во избежание выкатывания (процедура напоминает снаряжение охотничьих патронов). Но, через затравник (отверстие в казенной части) протравником (специальной иглой/шилом) протыкался мешок порохового заряда и засыпался затравочный порох (он же запал), после чего он поджигался и воспламенял основной заряд. В связи с тем, что затравочное отверстие было малого диаметра, то и порох для него нужен был тонкого помола [1, с. 78]. Подобный порох и хранили в натрусках и в рогах.

Важным элементов в оружии был замок. Это приспособление, которое воспламеняло порох. В рассматриваемый нами период бытовали фитильные, колесцовые и кремневые замки. В первую очередь нас интересуют кремневые, так как для их работы был необходим кремень. Из этого минерала изготавливали специальный отщеп трапециевидной/квадратной формы. По мере эксплуатации замка, кремень требовалось сменять.

- *«Федору дворнику на кремне доброе до тое стрелбы дали осм. б»* [8, с. 130].
- *«Кременя для пистолетовъ у дорогу заплатили осмаковъ семь»* [8, с. 63].

Для транспортировки и хранения огнестрельного оружия применяли различные приспособления. К примеру – олстры (кабуры) и «покровцы» (тканевые футляры.)

- *«Олстер до пистолетовъ паръ осемь»* [8, с. 145].
- *«За направу олстеръ до пистолетовъ дали, золотый и осм. пятнадцать»* [7, с. 38].

Олстром называли пистолетную кобуру. Она изготавливалась из кожи и крепилась к седлу.

Кроме олстров применялись также и «покрывала» – «*До пистолетовъ покровцовъ парь три*» [8, с. 146] находилось в могилёвском цейхгаузе в 1688 г.; после покупки пары пистолетов и олстров к ним «... *до тыхъ пистолетовъ покровцы...*» были приобретены за счёт магистрата в 1686 г. [3, с. 81]. В данном случае, по мнению исследователя, мы имеем дело с матерчатými чехлами на пистолеты, а точнее, на их замки, так как это самый важный элемент оружия, который необходимо держать в чистоте и сухости. О чём говорит запись, о покупке пары пистолетов, к которым были куплены «*олстры*» и «*покровцы*» [3, с. 81].

Отметим контроль могилёвских «мужей радных» за наличием пороха, свинца и готовых снарядов для стрельбы, а также о большом разнообразии самих снарядов и способов хранения и транспортировки пороха. Стрельба велась ядрами, картечью и пулями различных калибров. Порох хранили и транспортировали в бочках, пороховницах и ладунках.

Все снаряды, предназначенные для стрельбы из огнестрельного оружия, имели общее название «куля». Данный термин использовали и в отношении ядер, и в отношении пуль. Имели место быть и эксклюзивные виды снарядов (книппели). Порох разделяли по месту его производства и по назначению (по помолу). Следовательно, для стрельбы – более грубый, для ружейной/пистолетной стрельбы – среднего помола, а для запалов – мелкого помола. Имеются упоминания о готовых пороховых зарядах (порох в «ворках»), а также о «лядунках» (патронташах). Тут следует отметить и наличие бумаги «папер», который использовали для хранения пороховых зарядов. Пули также хранили в специальных мешочках «ворках». Имело значение и наличие в городе запасов кремня. Этот минерал использовался в кремневых замках различных типов, в первую очередь в пистолетных. Из письменных источников известны упоминания пороховниц и рогов для пороха.

Исходя из вышесказанного, мы можем констатировать факт достаточно обеспечения боеприпасами и предметами, необходимыми для хранения и транспортировки огнестрельного оружия могилевского арсенала. При этом наличие контроля со стороны городской администрации за этим вопросом. Что же касается частных арсеналов, то обеспеченность населения оружием и боеприпасами были на совести самих горожан. Хранение пороха четко делилось по видам вооружения (ручное оружие и артиллерия).

Литература

1. Волкаў, М. Артылерыя Нясвіжскага замка ў канцы XVI - пачатку XVIII стст. / Вайсковая гісторыя Вялікага Княства Літоўскага // ARCHE пачатак 6 (117). – чэрвень 2012. – С. 41– 92.
2. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 4. – 1873. – 433 с.
3. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 7. – 1876. – 517 с.

4. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 1. – 1871. – 374 с.
5. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 2. – 1871. – 376 с.
6. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 3. – 1872. – 445 с.
7. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 6. – 1875. – 416 с.
8. ИЮМ в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 5. – 1874. – 414 с.
9. Маковская, Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII веков. Определитель / Л.К. Маковская. – Москва.: Военное издательство, 1992. – 100 с.: ил.
10. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII – XVIII вв. Людзі і рэчы. / І.А. Марзалюк. – Магілёў – Мінск, 1998. – 260 с., іл.

УДК 94 (476)

УНИВЕРСАЛЫ 1761 – 1762 ГОДОВ О РЕДУКЦИИ МОНЕТЫ

Юргенсон В.А.

Институт истории НАН Беларуси

(г. Минск, Беларусь)

Аннотация: В результате Семилетней войны (1756 – 1763) в Речи Посполитой произошел масштабный кризис в сфере денежного обращения, связанный с большим количеством фальшивых монет прусской чеканки. Для преодоления этого кризиса в 1761 – 1762 годах было издано три универсала о редукции монеты.

Ключевые слова: денежное обращение, монеты, редукция монеты, правовые акты, универсалы.

Summary: As a result of the Seven Years' War (1756-1763), a large-scale crisis in the sphere of monetary circulation occurred in the Polish-Lithuanian Commonwealth, connected with a large number of counterfeit coins of Prussian minting. In order to overcome this crisis, three universals on the reduction of coins were issued in 1761-1762.

Keywords: money circulation, coins, coin reduction, legal acts, universals.

К моменту начала Семилетней войны денежное обращение Речи Посполитой регулировалось «Универсалом Пржебендовского» [1, с.169-170], изданным 2 марта 1717 года, который провозглашал следующие курсы монет (Табл. 1):

Табл. 1. Курсы монет, согласно универсалу Пржебендовского

	Тинфов	Злоты х	Шестако в	Трояко в	Гроше й	Шеляго в
Основные номиналы						
Дукат	$14\frac{8}{38}$	18	$42\frac{24}{38}$	108	540	1620
Специесталер	$6\frac{12}{38}$	8	$18\frac{36}{38}$	48	240	720
Курантталер	$4\frac{28}{38}$	6	$14\frac{8}{38}$	36	180	540
Орт	1	$1\frac{8}{30}$	3	$7\frac{9}{15}$	38	114
Счетный золотый	$\frac{30}{38}$	1	$2\frac{14}{38}$	6	30	90
Шестак	$\frac{1}{3}$	$\frac{19}{45}$	1	$2\frac{8}{15}$	$12\frac{2}{3}$	38
Трояк	$\frac{5}{38}$	$\frac{1}{6}$	$\frac{15}{38}$	1	5	15
Полторах	$\frac{5}{76}$	$\frac{1}{12}$	$\frac{15}{76}$	$\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$
Счетный грош	$\frac{1}{38}$	$\frac{1}{30}$	$\frac{3}{38}$	$\frac{1}{5}$	1	3
Шеляг	$\frac{1}{114}$	$\frac{1}{90}$	$\frac{1}{38}$	$\frac{1}{15}$	$\frac{1}{3}$	1
Курс в медных грошах монет ниже курантталера, выпущенных по Лейпигской монетной стопе						
Гульден	$3\frac{6}{38}$	4	$9\frac{18}{38}$	24	120	360
Дриттельталер	$1\frac{22}{38}$	2	$4\frac{28}{38}$	12	60	180
Зехстельталер	$\frac{30}{38}$	1	$2\frac{14}{38}$	6	30	90
Доппельгрошен	$\frac{30}{76}$	$\frac{1}{2}$	$1\frac{7}{38}$	3	15	45
Грошен	$\frac{15}{76}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{45}{76}$	$1\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$22\frac{1}{2}$
Хальбгрошен	$\frac{15}{152}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{45}{152}$	$\frac{3}{4}$	$3\frac{3}{4}$	$11\frac{1}{4}$

Семилетняя война привела к масштабному кризису в денежном обращении. Если официальная продукция монетных дворов Саксонии, предназначенная для Речи Посполитой, была относительно незначительной (медные гроши 1758 года и серебряные двухзлотовки 1761 – 1762 годов), то наплыв фальшивой монеты был просто колоссальным. Прусский король Фридрих II после захвата Саксонии использовал оборудование её монетных дворов для чеканки поддельной монеты, как чисто саксонской, так и предназначенной для Речи Посполитой, причем объем чеканки этой монеты был куда большим, чем у официальных эмиссий. Содержание серебра в прусской монете, наплыв которой на рынки Речи Посполитой также был в очень большом объеме, также неуклонно падало. Под конец войны к ним добавились еще битые в Кёнигсберге оккупационные монеты Елизаветы Петровны, чеканенные для Пруссии. Интенсификация чеканки монет на меницах вольных городов Королевской Пруссии (Гданьска, Торуня и

Эльблонга) в сложившейся ситуации лишь вносила дополнительную дезорганизацию денежного обращения. В результате, к началу 60-х годов XVIII века наступает полнейший хаос в денежном обращении, следствием чего являются, в том числе, и принятие правовых актов, призванных упорядочить и стабилизировать денежное обращение.

12 августа 1761 года принимается «Универсал, провозглашающий первую редукцию монеты» [2, с.171-175]. Согласно этому документу устанавливался новый курс для ходячей монеты, при этом, документ детально расписывал её различные «сорта», устанавливая для каждой разновидности свой собственный курс. Полноценной признавалась старая польская и прусская монета в шестаках и тинфах, чеканенная до 1751 года включительно. Согласно универсалу о первой редукции монеты она сохраняла тот же курс, что был установлен с 1717 года универсалом Пржебендовского (38 грошей за орт, 12 грошей и 2 шеляга за шестак). Также оставался неизменным (в соответствии с установленной в 1717 году «курренцией») курс иностранных дукатов, талеров, полуталеров *«и всякой банковской монеты»* [2, с.172]. Остальные же категории монет получали новый курс, причем он детально расписывался для каждой их разновидности. Примечательно, что саксонская чеканка для Речи Посполитой при этом вполне справедливо проходила по категории иностранной, а не отечественной монеты. Для ортов и тинфов (к тому времени эти два понятия уже окончательно успели стать синонимами) устанавливалось шесть различных «сортов», имевших свой собственный курс. Наиболее высокий курс – по 35 грошей за орт, был установлен для трех категорий монет, к которым относились *«тинфы саксонские литеру Т под гербовым щитом имеющие, 1753 года чеканки, а также тинфы саксонские без литеры Т, чеканенные в том же году, и в 1754, 1755 и 1756 годах битые, с изображением на одной стороне Королевских голов малых, на другой с гербами польскими и Литовскими, лавром от низа обрамленные, в середине гербов Польских на малом щите с митрой гербы Саксонские хорошо видные, внизу при лавре с одной стороны литера Е, с другой С небольшие, хорошо видные»* [2, с.172], *«тинфы кролевецкие названные, с одной стороны лик Императрицы Её Милости Российской с другой Орла в маленькой короне в одной лапе скипетр, в другой державу имеющие»* [2, с.172] и *«тинфы прусские (кроме тинфов всех аж до года 1751 включительно, которые добрые) годов 1755 и 1756 на одной стороне с лицом в короне, на другой с гербами Польским гербам подобными, только вместо Погони Литовской Лев и Грифон выбиты»* [2, с.172]. В следующую категорию попадали *«Иные тинфы прусские, только 1752 года с головой по-Римски без короны, а на другой стороне с Орлом в короне в лапах скипетр и державу имеющим, с малым щитом на груди на которой монограмма FR. Другие, позднейших лет, с головой в короне, меч на плече держащей, на другой стороне как вышеописанные»*, курс которых устанавливался в 30 грошей. Несколько дороже устанавливалась стоимость монет Гданьска. Согласно универсалу,

«тинфы гданьские годов 1758, 1759 и 1760, на одной стороне изображение Королевское, на другой герб Гданьский имеющие» [2, с.172] должны были приниматься по 33 гроша за штуку. Самым низкопробным «сортом» тинфов были признаны прусские фальшивки. Согласно универсалу, низкопробные имитации саксонских ортов получали курс в 15 грошей [2, с.173].

Курсы шестаков универсалом устанавливались следующие: шестаки «саксонские и прусские 1753, 1754, 1756, 1756, а кролевецкие 1759, 1760» получали курс в 11 грошей, а «гданьские и прусские с мечем» - 10 грошей [2, с.173].

Универсалом также устанавливался курс прусских «двухзлотовок» (дриттельталлеров), «злотовок» (зехстельталеров) и «полузлотовок» (доппельгрошенов). Так, «двузлотовки всякие прусские годов 1754, 1755, 1756 и 1758 на которых с одной стороны голова по-Римски с надписью *Fridericus Borussorum Rex*, с другой с надписью над арматурой *8 gute groschen*» [2, с.173] сохраняли курс в 2 злотых. «Двузлотовки с вышеописанные в целом подобные года 1759, другие также с головой того же года, на другой стороне с надписью над арматурой: *3 einen Reichstaler* внизу литеру *A* имеющие, также с надписью *3 einen Reichstaler* без литеры *A* внизу, также двузлотовки года 1759 с надписью *8 gute groschen* над арматурой внизу литеру *F* имеющие. Также двузлотовки магдебургские с надписью *XII Marien groschen*, а низу с литерой *F* года 1759» [2, с.173] оценивались по 48 грошей. «Двузлотовки также года 1759 с надписью над Арматурой *8 gute groschen*, только внизу литеру *B* имеющие, и другие 1758 года с надписью *XII Marien groschen* без какой-либо литеры внизу» [2, с.173] получали курс в 46 грошей. «Злотовки прусские с надписью *VI einen Reichstaler* либо *VI Marien groschen* аж до 1755 включительно» а также «Злотовки прусские с изображением на одной стороне головы по-Римски, а с другой с надписью *VI einen Reichstaler* с года 1759 аж до года 1759 включительно с литерами *C* или *D* внизу» [2, с.173] сохраняли курс в 1 злотый. Аналогичные монеты, но имеющие внизу литеры *A*, *B* или *F* же оценивались только в 22 гроша. Прусские «злотовки» с «головой Римской» (т.е. портретом короля в лавровом венке) 1758 года выпуска, а также «злотовки» с таким же портретом и надписью «*VI Marien groschen*» оценивались в 26 грошей. Прусские «полузлотовки» чеканенные до 1755 года включительно сохраняли курс в 15 грошей [12, с.173].

Также универсал устанавливал и курс российского рубля – по 7 злотых 18 грошей за рубль [2, с.173-174].

19 октября того же 1761 года выходит «Универсал, провозглашающий повторную редукцию монеты, а в особенности тинфов Вроцлавских» [3, с.175-176]. Согласно ему тинфы «лучшего итемпеля и шахунка» [3, с.175], за которыми к тому времени успело закрепиться наименование «вроцлавских», получали курс в 25 грошей и 1 шеляг, что было паритетно 2 шестакам. Все прочие же разновидности тинфов получали курс в 15 грошей [3, с.175-176]. Стоимость шестаков же, напротив, возросла по сравнению с универсалом о

первой редукции монеты. Согласно универсалу о второй редукции монеты шестаки «саксонские, королевские и прусские», чеканенные до 1760 года включительно, вновь получали тот же курс, который закреплялся за шестаком с 1717 года – 12 грошей и 2 шеляга [3, с.176].

Повышение курса шестака вынуждает государство оперативно изъять фальшивые монеты данного номинала. 10 декабря 1761 года выходит «Универсал, изымающий из обращения фальшивые шестаки, под штемпелем Августа III битые» [4, с.170-171], согласно которому изымались из обращения «шестаки заграничные нового штемпеля из очень подлого металла, под годом 1756 битые, с изображением на одной стороне Королевским, на другой стороне с гербами Польскими и Литовскими лавровым венком окруженные в середине гербов Польских на малом щите гербы Саксонские замазанные, внизу при лавровом венке с одной стороны литера E, с другой C небольшие, между литерами цифра VI» [4, с.170-171].

17 февраля 1762 года выходит «Универсал, провозглашающий третью редукцию тинфов Вроцлавских» [5, с.176-177], который подтверждал курс, установленный универсалом о второй редукции – 25 грошей и 1 шеляг за каждый «вроцлавский» тинф и по 15 грошей за прусскую низкопробную имитацию [5, с.169-177].

Универсалы 1761 – 1762 годов позволили относительно стабилизировать денежное обращение, но для окончательного преодоления кризиса было впоследствии необходимо проведение полномасштабной денежной реформы, осуществленной уже в правление Станислава Августа, осуществленной в 1765 – 1766 годах.

Литература:

1. Uniwersał ogłaszający kursy kurrency monet. 2 Marca 1717 // I. Zagórski. Monety dawnej Polski – Warszawa, 1845. – S. 169 – 170.
2. Uniwersał ogłaszający pierwszą redukcję monety. 12 Sierpnia 1761 // I. Zagórski. Monety dawnej Polski – Warszawa, 1845. – S. 171 – 175.
3. Uniwersał ogłaszający powtórna redukcję monety, a w szczególności Tynfów Wrocławskich. 19 Października 1761 // I. Zagórski. Monety dawnej Polski – Warszawa, 1845. – S. 175 – 176.
4. Uniwersał wywołujący z obiegu fałszywe szostaki, pod stemplem Augusta III bite. 10 Grudnia 1761 // I. Zagórski. Monety dawnej Polski – Warszawa, 1845. – S. 170 – 171.
5. Uniwersał ogłaszający trzecią redukcję Tynfów Wrocławskich // I. Zagórski. Monety dawnej Polski – Warszawa, 1845. – S. 176 – 177.

УДК 94(348).071

“ПАМ'ЯТКА ДЛЯ ЯДЗВІГІ З В'ЯЗНИЦЬ МАГІЛЁЎСКОЙ 1863 ГОДА”
НАТАТНІК, ЯК МЕМУАРНАЯ КРЫНІЦА

Прачакова Н.А.

Установа культуры “Музей гісторыі Магілёва”.
Магілёў Рэспубліка Беларусь

Анатацыя: у артыкуле разглядаецца малавядомы нататкі з магілёўскай вязніцы невядомага паўстанца 1863 года, як унікальная мемуарная крыніца. Адзначаецца карэляцыя з іншымі крыніцамі і разглядаюцца прыклады польскамоўнага вершаскладання на Магілёўшчыне.

ключавыя словы: Магілёў, паўстанне 1863-1854 гадоў, мемуары, зняволенне, вершаскладанне.

Annotation: The article analyzes a little-known notebook of an unknown rebel imprisoned in Mogilev prison in 1863. It is considered as a unique memoir source. The relationship with other sources is noted and examples of Polish-language versification in the Mogilev region are considered.

keywords: Mogilev, the uprising of 1863-1864, memoirs, conclusion, poetry.

Паўстанне 1863–1864 гадоў з’яўляецца адной з самых вядомых, але разам з тым і неадназначных падзей у гісторыі Беларусі XIX ст. Дух “Вясны народаў” у Еўропе, хоць і са спазненнем дайшоў і да Беларусі.

Магілёўшчына таксама апынулася ў віры гэтых трагічных падзей.

Мемуараў, што датычацца Магілёва і губерні няшмат, тым больш каштоўнымі з’яўляюцца тыя, што захаваліся. Мемуарныя крыніцы цікавыя тым, што даюць уяўленне аб чалавечых лёсах, перажываннях і ўспрыняцці падзей знутры.

Зборам успамінаў і дакументаў па паўстанню свой час займаўся польскі гісторык, этнограф і журналіст Эдвард Малішэўскі, сын Каэтана Малішэўскага паўстанца з Царста Польскага. Ягонае збор склаў звыш за 1000 рэліяцый, у тым ліку і тых, што датычацца Магілёўшчыны. У 1920 годзе у Варшаве ён выпусціў кнігу “Rok 1863 na Kresach Mohilewskich”, дзе апроч вядомых фактаў узброеных сутычак, ёсць і звесткі з лістоў і мемуараў дагэтуль неведомых. Нажаль, даследчык заўчасна памёр у 1928 годзе.

У сваёй кнізе “Rok 1863 na Kresach Mohilewskich” Малішэўскі спасылаецца і на ўспаміны Юзэфы Абязерскай са Свентарэцкіх (1847-1924), пляменніцы камісара нацыянальнага ўрада Міхаіла Аскеркі, расстралянага ў красавіку 1864 года ў Магілёве і непасрэднай удзельніцай тых падзей, якая сама была пад арыштам і ў сібірскай ссылцы 3[. У 1917 годзе ў зборніку “Nasze kresy: Mohylowszczyzna” змешчаны яе ўспаміны “Пакутніцкія гады”, дзе падаецца нарыс аб падзеях у Магілёўскай губерні напярэдадні, падчас і пасля паўстання [3, с. 6-8].

У фондах Нацыянальнай бібліятэкі Польшы захоўваецца невялікага фармату нататнік неведмага паўстанца, напісаны ад рукі на польскай мове. У Нацыянальную бібліятэку Польшчы ён быў перададзены ў 1947 годзе разам з іншымі каштоўнымі дакументамі Станіславай Карчэўскай – дачкой Алясандра Чалоўскага, выбітнага гісторыка і архівіста Львова.

Нататнік хоць і не змяшчае фактычных звестак аб баявых дзеяннях і змове, тым не менш з'яўляецца каштоўнай крыніцай. Уладальнік, нібы прадчувае падзеі наступных часоў, жадае пакінуць для нашчадкаў памятку пра асобаў, імёны якіх згубяцца ў Сібіры і вечнасці.

Паўстанец, уласнік нататніка, чыё імя высветліць пакуль не атрымалася, знаходзіўся з 5 мая па кастрычнік 1863 года ў пад следствам ў Магілёве ў памяшканнях багаўгоднай установы. Вязні не былі зачыненыя ў камерах і мелі магчымасць перасоўвацца і камунікаваць між сабой, таму пакінулі подпісы ў нататніку, які праўдападобна перадаваўся па камерах.

Невялікі рукапісны сшытак змяшчае запісы пра расстраляных і сасланных зняволеных, іх уласнаручныя подпісы і напісаныя на памяць вершы ці кранальныя памятныя тэксты-запаветы.

“... А нам з рана
Да вечора
Песнь тужліва,
Вечна змора
Вязняў душыць...”

Складаецца нататнік з 48 невялікіх аркушаў. На аркушах 35 і 36 змешчаны акварэлі, на аркушы 15 - малюнак алоўкам і запісы рукой Аляксандра Чалоўскага. На аркушы 46 - надпіс "Памятка" з даданнем іншай рукой "з магілёўскай вязніцы для Язвігі 1863 года".

У нататніку размешчаны 201 подпіс вязняў. Некаторыя з іх пакінулі толькі ўласнаручныя подпісы, некаторыя дадалі звесткі аб сабе: павет і губерню, асобныя нават паўстанцкі атрад і пасаду. Так Станіслаў Бучынскі пазначыў сябе, як вазніца начальніка горацкага атрада, а Ян Астанковіч – інсургент партыі Крычаўскай родам з Чавускага павету парафіі Радамльскай. Сымон Сцябло – закрысцьянін фарнага касцёла, Эдвард Матусевіч – майстар па наладцы фартэп’янаў з Мінскай губерні. Пакаранне тых, хто прызнаў віну, і хто адмаўляўся адрознівалася нязначна, раёнам высылкі – у больш ці менш аддаленыя месцы Сібіры. Так Мікалай Грушэцкі, чый подпіс таксама ў нататніку, на следстве ўсё адмаўляў, а быў асуджаны на падставе сведчання іншай асобы аб яго прабыванні ў атрадзе і сасланы на “пасяленне ў Томскую губерню” – менш аддалены раён Сібіры [4, арк.11-12].

Сярод вязняў падпісаліся: вучні Магілёўскай, Мінскай і Слуцкай гімназій, студэнты Маскоўскага і Кіеўскага універсітэтаў, Медыцынскай акадэміі, школы інжынераў, Горы-Горыцкага інстытуту, чыноўнікі розных устаноў, шляхта розных паветаў і губерній і нават семінарыст Магілёўскай семінарыі. Пераважная большасць запісаў - на польскай мове, але ж маецца і адзін кірылічны.

Многія з тых, што пакінуў запісы, праўдападобна, ўжо былі асуджаны і чакалі на выкананне прысуду, бо ўказвалі тэрмін катаргі ці выселак у Сібір. Так кадэт полацкага корпусу Юзэф Радужковіч родам з Аршанскага павету асуджаны на 12 гадоў катаргі на рудніках Сібіры. Аляксей Вайніловіч, вучань магілёўскай гімназіі на выгнанне і вечнае пасяленне ў Сібіры.

Студэнт Кіеўскага ўніверсітэту Ляон Ганіпроўскі пазначыў прысуд, як 12 гадоў цяжкіх прац.

Некаторыя вязні запісвалі не толькі сябе, яле і тых, хто быў з імі ў зняволенні ў астрогу ці кашарах батальёна ўнутранай варты (былы экзэрцыргаўз), таксама тых, хто ўжо высланы ці паранены. Так Міраслаў Корсак з Магілёўскага павету напісаў пра сябе і двух братоў родных: Мечыслава і Уладзіміра, якія “ўласнаручна пісаць не змаглі, бо першы па атрыманні 15 ран у бітве пад Славенямі Сеннінскага павету 27 красавіка знаходзіцца ў магілёўскім лазарэце, а другі растрэляны 6 чэрвеня.” Зняволенымі ў астрогу пазначаны Аттон Цеханавецкі (пахаваны ў Парыжы на могілках Пер-Лашэз), Ігнат Цеханавецкі, Пазняк, Карніцкі, Антановіч (асуджаны да цяжкіх прац), Станіслаў Вілкоўскі (“невядома куды вывезены”).

Не ўсе вязні атрымалі прысуды на высылкі, некаторыя былі апраўданыя з-за бездоканасццю, альбо пакараныя секвестрамі ці штрафамі. Як, напрыклад, Аляксандр Жукоўскі штабс-капітан корпуса інженераў шляхоў зносінаў у адстаўцы, былы маршалак шляхты быў аддадзены на парукі і секвестр заменены 10% зборам. Сёння спачывае на польскіх могілках у Магілёве.

У нататніку пазначаны даты растрэлаў прапаршчыкаў Яна і Міхала Манцэвічаў, падпаручыка Уладзіміра Корсака і камандзіра Быхаўскага атрада Ідэльфонса Анцыпы ў Магілёве, камандзіра Рагачоўскага атрада Тамаша Грыневіча расталянага ў Рагачове.

Цікавасць выклікае патрыятычны верш Тамаша Грыневіча “Песня асуджанага на смерць”, датаваны 1 чэрвеня 1863 г. Паранены Грыневіч быў у зняволенні ў Магілёве, а растрэляны ў Рагачове 28 ліпеня. Верш добра кладзецца на вядомую мелодыю рэлігійнага гімна “Pieśń poranna” Kiedy ranne wstają zorze” вядомага ад 1792 года. Такая практыка выкарыстання мелодый знаных рэлігійных спеваў сустракаецца і ў выпадках іншых паўстанскіх гімнаў.

“Пакуль племя славян жыве,
нігды Польшча не загіне,
а ў той справе паміраю,
будзем жыць мы ва ўспамінах...”

Таксама цікавы верш невядомага да Грыневічавай удавы. Вядома, што Тамаша Грыневіча ўзгадваў як сваяка па роду маці Уладзімір Караткевіч і вельмі цікавіўся яго асобай, а вобраз Грыневіча стаў прататыпам Усяслава Грынкевіча ў творах «Нельга забыць» і «Каласы пад сярпом тваім».

У іншым вершы невядомага аўтара праслаўляецца Стэфан Баторы і Тадэвуш Касцюшка, узгадваюцца і слаўныя даўнія перамогі, і сармацкая мода. Верш можна смела называць яскравым прыкладам польскага рамантызму.

“...Наш Стэфан Баторы велікі
Граміў турак і татараў
Не меў ён фраку, камізэлькі

Кунтуш толькі ды чамары

Цешымся браты назейяй,
Што вярнуцца тыя часы,
Што нам зноўку павярнуцца
Карабелы, вусы, пасы...”

Нататнік скончваецца кранальным развітальным лістом павучальнага і рэлігійнага зместа ўладальніка нататніка да дачкі Ядвігі 12 кастрычніка 1863 года, напісаны з "лазарэту Багаўгодных устаноў". Невядома, ці ацалеў аўтар і ўладальнік нататніка, і як ён трапіў да збору Чалоўскага, магчыма нават перададзены сваякамі, бо Чалоўскія сустракаюцца і сярод магілёўцаў. Напрыклад выпускнікоў мужчынскай гімназіі розных гадоў.

У іранічным вершы да губернатара Беклемішава ўзгадваецца захоп і продаж шляхты мужыкамі, што суадносіцца з мемуарамі Юзэфы Абязерскай. Яна ўзгадвае, што сяляне нападлі на мірныя маёнткі, за кожнага палоннага атрымлівалі ад губернатара 3 рублі і пыталіся “ці атрымаем болш за жыда?” [2.стр.48]. Адметна, што ў яе мемуарах ужо сустракаецца бінарная польска-беларуская самаідэтыфікацыя. Абязерская скончвае аповед наказам да тых, хто ў вызначэнні сваёй нацыянальнасці дагэтуль называе сябе “тутэйшымі” [2, с.51].

Унікальны сам факт, што нататнік захаваўся да нашага часу. Гэта не толькі сентыментальны артыфакт для тых, хто займаецца сямейнай генялогіяй, але і каштоўная крыніца для даследчыкаў. У нататніку змешчаны як вядомыя раней прозвішчы паўстанцаў, так і новыя імёны. Дзесяць вершаў, што там змешчаны, з’яўляюцца прыкладам польскамоўнай паэзіі Магілёўшчыны эпохі рамантызма, якая амаль не захавалася, аналіз якіх варта зрабіць літаратуразнаўцам.

Літаратура:

1. Notatnik powstańca z więzienia mohilewskiego w 1863 r. Biblioteka Narodowa: <https://polona.pl/item-view/64c2848f-0735-4147-9bef-58cd49096e1c?page=0>
2. Józefa Obiezińska Męczeńskie lata. Wspomnienia z Mohylewszczyzny // Nasze kresy: Mohylowszczyzna. Mohylów – Moskwa, 1917. с.69
3. Edward Maliszewski. Rok 1863 na Kresach Mohilewskich. Warszawa: Wydawnictwo “Straży kresowej, 1920. – с.34
4. Дело о лишении дворянского звания 29 человек Черноручского отряда и ссылке их на каторжные работы в Сибирь и др. губернии России // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 3256 Воп.2 Спр.6

Pentemissus a surixanis
 Szlachta powiższa wosyżłixiż rozem
 winz dielag, mizety namni
 Ze namyży fuzet piazem.

Nieś ścieżę wawrzyniową Panu,
Nieś bezprawie wszystkie z królestwa
Nieś ostatnie się rządkowanie
Zupam będzie, co się ma żyć.

Sam Savas Karad, postuma latise
Nagrod vicle oxizusa
A sum nenia nic nic m aje
K. Sotromoxu postu puse.

Letz gdy zomianne bezdż chwiele
 Bekłoniżen wisiedł by die
 my paugłozdż bezdżim mile
 Bekłim głoził o tern wolgdie.

Звяжы пана-грошы будуч!

УДК 94 (908 + 314.93/314.96)

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ
РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА

Буюевич Т.В.

Учреждение «Государственный архив Витебской области»
(г.Витебск, Беларусь)

Аннотация. В статье на основе данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. анализируется общая численность населения Могилевской губернии, в том числе с учетом деления на городское и сельское население. Особенность учета населения при проведении переписи (1897 г.) заключается в том, что сводные таблицы составлены без учета жителей губернии, пребывавших в момент переписи за пределами губернии. Более того, указание на данный факт отсутствует, как в самих таблицах, так и в предисловии к тому XXIII итогов Переписи, посвященному Могилевской губернии. Вывод о возможной погрешности позволяют сведения из таблицы I «Наличное население и население постоянное», показывающие число жителей Могилевской губернии, прошедших перепись по месту жительства и пребывавших в иных регионах на день переписи.

Ключевые слова: Перепись, 1897 г., Могилевская губерния, учет населения.

The article analyzes the total population of the Mogilev province based on the data of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897, including the division into urban and rural population. The peculiarity of the population accounting during the First Census (1897) is that the summary tables were compiled without taking into account the residents of the province who were outside the province at the time of the census. However, there is no reference to this fact either in the tables themselves or in the preface to Volume XXIII of the Census results, dedicated to the Mogilev province. The conclusion about a possible error is made possible by the data from Table I "Available Population and Permanent Population", showing the number of residents of the Mogilev province who passed the census at their place of residence and were in other regions on the day of the census.

Key words: Census, 1897, Mogilev province, population census.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 5 июня 1895 г. Перепись была осуществлена на принципах «однодневности». Ее респондентами являлись все пребывавшие на территории империи, в том числе и иностранцы. Могилевской губернии посвящен том XXIII. Опубликовано 25 тематических таблиц.

В рамках XIII Международной научно-практической конференции «История Могилева: прошлое и современность» (29 – 30 июня 2023 г.) был проанализирован состав населения могилевской губернии по

вероисповеданию и родному языку[1, с.336 – 343]. В настоящей статье продолжено обобщение сведений об общем количестве населения губернии и особенностях его подсчета.

Первое, что стоит отметить, это тот факт, что при проведении переписи были оговорены особенности территориальных границ тех или иных административно-территориальных единиц. Так был опубликован свод пригородных слобод и селений (предместьев) губернии с общим делением на: 1) присоединенные при проведении переписи к городам; 2) расположенные вблизи городов, но «к ним не причисленные».

Так в первую группу вошло 33 пригорода (см. таб.1).

Таблица 1 – Сведения о пригородах Могилевской губернии, жители которых при подсчете общего количества населения включались в состав города [3, приложение]

Название города, к которому при подсчете населения был дополнительно присоединен пригород	Название пригородов, жители которых при подсчете общего количества населения включались в состав города	В них жителей		
		всего	мужчин	женщин
Могилев	Дебря	330	170	160
	Кобылий Ров	282	133	149
	Московское предместье	7 561	3 742	3 819
	Лунолово	10	9	1
	Слободка	78	43	35
Гомель	Спасская слобода	1 366	678	688
	Злодейский хутор	938	469	469
	Слобода	682	373	309
	Предмесье Монастырь	429	281	148
Горки	Горное сельское общество	426	214	212
	Заречское сельское общество	824	398	426
	Солдатская слобода	90	46	44
	Казимировская сотня	1 051	537	514
	Горная сотня	19	9	10
	Заречская сотня	136	61	75
	Горецкое сельскохозяйственное училище	271	185	86
Климовичи	Форштадт	694	327	367
Мстиславль	Заречная слобода	407	186	221
	Форштадт Смоленский	416	190	226

Название города, к которому при подсчете населения был дополнительно присоединен пригород	Название пригородов, жители которых при подсчете общего количества населения включались в состав города	В них жителей		
		всего	мужчин	женщин
	Слобода Казимилова	811	411	400
	Туничевский женский монастырь	56	11	45
Орша	Слобода Песчанска	88	41	47
	Предмestье Ноздровщина	57	25	32
	Слобода Липки	33	14	19
	Успенский женский монастырь	127	17	110
	Богоявленский мужской монастырь	39	31	8
Сенно	Предмestье Гольипка	443	218	225
	Красная слобода	497	244	253
Чаусы	Заречье	1 025	503	522
Чериков	Предмestье Заровье	384	194	190
	Предмestье Пацков	494	260	234
	Предмestье Хватовка	144	69	75
Итого:		10 089	10 119	20 208

Имелось три города (Старый Быхов, Копысь, Рогачев), в состав которых пригороды не включались.

Что касается пригородов, которые при подсчете итогов переписи сохранили самостоятельность, то таковых было всего четыре: при Горках это были деревня Особняки (112 жителей) и село Шимановка (145 жителей), при Орше это деревня Поцианово (83 жителя), при Сенно – Туровская слобода (109 чел.) [3, приложение].

На эту особенность учета городского населения не дается указаний в предисловии, как и не отмечается включение населения пригородов в состав города при составлении тематических таблиц. Следовательно, если сравнивать результаты переписи со статистическими сведениями из иных источников, в том числе составленных уже после переписи на основе регулярно собиравшихся данных местных статистических органов, которые могли и не включать жителей пригородов в состав горожан, то информация о горожанах может давать определенную погрешность. Данная погрешность может присутствовать и при цитировании результатом переписи, т.к. информации о наличии среди статистики городов пригородных регионов нигде, кроме как в приложении к тому XXIII итогов Переписи, посвященному Могилевской губернии, не дается.

Если анализировать данные в отношении территории уездов, то следует сказать, что самую большую часть губернии занимал Рогачевский уезд (6 546,1 кв.верст* или $\approx 7\,449,5$ кв.км), затем шел Оршанский (4 813,9 кв.верст или $\approx 5\,478,2$ кв.км), Гомельский (4 719,4 кв.верст или $\approx 5\,370,7$ кв.км), Сененнский (4 268,8 кв.верст или $\approx 4\,857,9$ кв.км), Быховский (4 105,8 кв.верст или $\approx 4\,672,4$ кв.км), Чериковский (4 083,9 кв.верст или $\approx 4\,647,5$ кв.км), Климовичский (3 711,4 кв.верст или $\approx 4\,223,6$ кв.км), Могилевский (3 009,9 кв.верст или $\approx 3\,425,3$ кв.км), Горецкий (2 487 кв.верст или $\approx 2\,830,2$ кв.км), Мстиславский (2 220,4 кв.верст или $\approx 2\,526,8$ кв.км), Чаусский (2 168 кв.верст или $\approx 2\,468,3$ кв.км). Общий размер губернии составлял 42 134,6 кв.верст или $\approx 47\,950$ кв.км. [3, с. I].

Что касается плотности населения, то здесь лидировали Могилевский уезд (51,74 населения на версту), Горецкий (49,27 чел. на версту), Гомельский (47,63 чел. на версту)[3, с. I].

Общая численность населения Могилевской губернии, согласно сводной таблице, открывающей том, была установлена в количестве 1 686 764 чел[3, с.I]. Однако, был один нюанс, который был оговорен в предисловии и в общей сводной таблице: это количество населения, пребывавшее в день переписи именно на территории губернии. В его составе следует выделять подданных империи (местных) и иностранных подданных (иностранцах) и тех, кто постоянно проживал и временно находился (в день переписи) на территории региона (см. таблицу 2), а также тех, кто из постоянно проживавших отсутствовал в момент переписи на месте жительства. Как особенность стоит отметить, что в большинстве таблиц переписи такое деление не присутствует, и данные даются без деления на местных и иностранцев, постоянно проживавших и временно пребывавших респондентов.

Таблица 2 – Сведения о количестве населения Могилевской губернии с делением на подданных империи и иностранных подданных, а так же на постоянных жителей и временно пребывавших в регионе в момент переписи [3, с. I]

Наименование уезда	Население, учтенное в день переписи				в том числе на момент переписи	
	мужчи н	женщи н	всего	% от общего числа жители й	врем енно преб ывав ших	иностр анных поддан ных

* Верста русская единица измерения расстояния, равная пятистам саженьям или тысяче пятистам аршинам (что соответствует с XVIII века в русской системе мер 1 066,8 метра или 1,0668 километров). 1 кв. верста = 1,13802 кв. километров.

				губерн ии	(не прож иваю щих пост оянн о в губер нии) подд анны х импе рии	
Гомельский	109 382	115 341	224 723	13,323	3 174	132
<i>из них в г.Гомель</i>	<i>19 204</i>	<i>17 571</i>	<i>36 775</i>		<i>1 256</i>	<i>84</i>
Рогачевский	109 071	115 581	224 652	13,319	2 424	44
<i>из них в г.Рогачев</i>	<i>5 273</i>	<i>3 765</i>	<i>9 038</i>		<i>318</i>	<i>3</i>
Оршанский	92 520	94 548	187 068	11,09	2 905	190
<i>из них в г.Орша</i>	<i>6 414</i>	<i>6 647</i>	<i>13 061</i>		<i>409</i>	<i>27</i>
<i>в г.Бабиновичи</i>	<i>575</i>	<i>582</i>	<i>1 157</i>		<i>8</i>	<i>0</i>
Сенненский	80 521	81 131	161 652	9,58	2 041	61
<i>из них в г.Сенно</i>	<i>2 068</i>	<i>2 032</i>	<i>4 100</i>		<i>195</i>	<i>0</i>
Могилевский	77 248	78 492	155 740	9,23	2 152	110
<i>из них в г.Могилев</i>	<i>21 520</i>	<i>21 599</i>	<i>43 119</i>		<i>1 244</i>	<i>77</i>
Чериковский	73 484	76 793	150 277	8,91	1 464	15
<i>из них в г.Чериков</i>	<i>2 635</i>	<i>2 614</i>	<i>5 249</i>		<i>175</i>	<i>0</i>
Климовический	69 397	73 890	143 287	8,49	1 916	12
<i>из них в г.Климовичи</i>	<i>2 261</i>	<i>2 453</i>	<i>4 714</i>		<i>76</i>	<i>0</i>
Быховский	61 439	63 381	124 820	7,4	2 081	24
<i>из них в г.Старый Быхов</i>	<i>3 095</i>	<i>3 286</i>	<i>6 381</i>		<i>140</i>	<i>0</i>
Горецкий	60 356	62 203	122 559	7,27	1 332	106
<i>из них в г.Горки</i>	<i>3 491</i>	<i>3 244</i>	<i>6 735</i>		<i>134</i>	<i>4</i>
<i>в г.Копысь</i>	<i>1 789</i>	<i>1 595</i>	<i>3 384</i>		<i>114</i>	<i>22</i>
Мстиславский	50 471	52 829	103 300	6,12	1 234	8
<i>из них в г.Мстиславль</i>	<i>4 100</i>	<i>4 414</i>	<i>8 514</i>		<i>273</i>	<i>1</i>
Чаусский	43 801	44 885	88 686	5,26	1 427	5
<i>из них в г.Чаусы</i>	<i>2 475</i>	<i>2 485</i>	<i>4 960</i>		<i>1 427</i>	<i>5</i>
Всего по губернии,	827 690	859 074	1 686 764	100	<i>итого из общего числа жителей</i>	

					<i>губернии</i>	
					22 150	707
<i>из них в по</i> городам	74 900	72 287	147 187		4 515	218

Таким образом, в тройку лидеров по числу жителей входили Гомельский, Рогачевский и Оршанский уезды. На три этих региона приходилось почти 38% всех жителей Могилевщины.

Процент городских жителей был не более 9% от числа жителей губернии. Интересен тот факт, что жители всего двух городов (Могилева и Гомеля) составляли 53,3% от всех горожан губернии. Третьим городом по числу горожан был Оршанский уезд и, в частности, г.Орша. Всего же на два города Оршанского уезда приходилось 14 218 городских жителей. В Горецком уезде имелось городского населения 10 119 человек. В остальных регионах их было не более 10 тыс. Менее всего городских жителей приходилось на Сенненский уезд, а самым малочисленным был Бабиновичи.

Стоит отметить, что наибольшее число иностранцев приходилось всего на четыре уезда (Гомельский, Оршанский, Могилевский, Горецкий). Здесь они составляли 76,1 % от общего числа иностранцев. При этом среди городского населения лидировали всего два города - г.Гомель и г.Могилев (общее количество иностранцев 161 чел. или 73,6% от числа всех иностранцев, проживавших в городах или 22,8% от числа иностранцев губернии).

Также интересны данные о количестве распределения населения по месту рождения[3, с. 2]. Из общего числа жителей 1 537 036 относились к «местным», 78 014 чел. учтены в категории из «других уездов Могилевской губернии», 71 126 чел. – из «других губерний», 588 – из «других государств». Если соотнести эти показатели с данными из таблицы 2, то становится понятным, что часть иностранных подданных являлась уроженцами Могилевской губернии или иных губернии Российской империи.

Из опубликованных сведений о принадлежности к сословиям, очевидно, что основная масса (1 351 533 чел.) относилась к крестьянам, что в исторических реалиях конца XIX века является абсолютной закономерностью. В то же время интересно деление по иным сословиям. К дворянам относился 27 681 чел. ($\approx 1,64\%$ от числа жителей губернии), духовенству – 6 403 чел. ($\approx 0,4\%$), купечеству – 3 496 чел. ($\approx 0,2\%$), мещанам – 291 824 чел. ($\approx 17,3\%$)[3, с. 2 – 3]. Таким образом, в Могилевской губернии распределение населения по сословиям соответствовало общей тенденции в Российской империи: основную массу составляли крестьяне и мещане[2, с. 724].

Но при анализе таблиц переписи следует иметь в виду, что, согласно таблицы I «Наличное население и население постоянное» в губернии в день переписи было учтено 1 706 511 человек, из них 41 897 человек-«местных»

на момент переписи были «во временном отсутствии» [3, с. 4 – 5]. Сводная таблица о делении учтенного в губернии населения весьма красноречиво показывает сложность учета населения при переписи 1897 г.

Таблица 3 – Сведения о наличном населении Могилевской губернии с делением на подданных империи и иностранных подданных с учетом места постоянного проживания и места пребывания в день переписи [3, с. 4 – 5]

Наличное население (находившее в регионе в день переписи)							Постоянное население		
Русские подданные		Иностранн ые подданные		Русские и иностранн ые подданные		В с е г о	всего	В том числе во време нном отсутс твии	
Из постоян ного населени я	Временн о пребывав шее в месте переписи	Из пос тоян но го нас еле ния	Време нно пребы вавшие в месте переп иси	Из постоянн ого населени я	Време нно пребы вавшие в месте переп иси				
1 663 937	22 120	677	30	1 664 614	22 150	1 686 764	1 706 511	41 897	

Таким образом, согласно данным таблицы I «Наличное население и население постоянное» из тома XXIII итогов Переписи, посвященному Могилевской губернии, в губернии в 1897 г. все-таки имелось 1 706 511 человек постоянного населения (из его состава 1 664 614 чел. находилось в губернии в день переписи и 41 897 чел. за ее пределами), а не 1 686 764 чел., как указано в таблице «Состав наличного населения обоего пола» [3, с. I]. Но при этом все таблицы переписи исходят из количества 1 686 764 чел., которое включает число подданных Российской империи в целом, оказавших на территории Могилевской губернии на день переписи. Следовательно, в тематических таблицах по губернии может иметь место погрешность о числе собственно жителей губернии по тому или иному направлению.

Иными словами, принципы составления сводных таблиц Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года привели в ряде

случаев к тому, то статистика по регионам может иметь определенную погрешность, установить размер которой на основе таблиц, опубликованных в том или ином региональном томе, не представляется возможной. При этом, чем больший обобщается регион и чем более общие сведения даются, тем эта погрешность минимальна, т.к. акцент делался, прежде всего, на подданных империи, не зависимо от региона, в котором респондент пребывал в день переписи. И наоборот, чем более меньший регион рассматривается и чем более детальные данные приводятся, тем более вероятность погрешности. Исправить данную неточность можно путем сравнения информации из различных таблиц самой переписи и статистических источников, например, статистических ведомственных изданий, публикаций местных (региональных) статистических органов, на основе данных о естественном движении населения и т.п., собиравшихся и издававшихся уже после выхода итогов переписи 1897 г.

Литература:

1. Буюевіч, Т. В. Састав насельня могілеўскай губерніі па вероіспаведанію і роднаму мазку (па рэзультатам Першай ўсеагульнай перапісн насельня Расійскай імперіі 1897 года) / Т.В.Буюевіч // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XIII Міжнар. навук. канф., 28–29 чэрвеня 2023 г., г. Магілёў / уклад. І. А. Пушкін. – Мінск: РУП “ІВЦ Міністэрства фінансаў Рэспублікі Беларусь”, 2023. – 397 с.
2. Іванова Н.А., Желтова В.П. Сасловнае грамадства Расійскай імперіі (XVIII – пачатак XX стагоддзя) / Расійская акад. навук, Ін-т рос. гісторыі. – Масква: Новы хронграф, 2009. – 752 с.
3. Першая Усеагульная перапіс насельня Расійскай імперіі 1897 г. : [кн. 1-89] / пад рэдакцыяй Н. А. Тройніцкага. – [Санкт-Пецярбург] : выданне Цэнтральнага статыстычнага камітэта Міністэрства ўнутраных спраў, 1899-1905. – Том XXIII: Могілеўская губерня. – 1903. – [4], XVI, 276 с.

УДК: 340.12 С 34

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГУБЕРНСКОГО МОГИЛЕВА НАЧАЛА XX ВЕКА: Н. Н. ОСТАНКОВИЧ И ЕГО «ПОЕЗДКА В МОГИЛЕВСКУЮ ГУБЕРНИЮ»

Сидоренко Б. И.
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация: В статье анализируется информация в форме корреспонденции, собранная по итогам визита в Могилев сотрудником «Исторического вестника» Н. Н. Останковичем в самом начале XX века, неизвестная по другим повествовательным источникам, которая значительно

расширяет круг наших представлений об этом губернском центре Европейской России и особенностях его социально-экономического и политического развития. Автор старается отобразить объективную картину жизни города и позитивно оценивает происходящие в нем изменения.

Ключевые слова: Город, состав населения, транспорт, цены, евреи, торговля, достопримечательности.

Summary: The article analyzes information in the form of correspondence collected during a visit to Mogilev by the employee of the "Historical Bulletin" N. N. Ostankovich at the very beginning of the 20th century, unknown from other narrative sources, which significantly expands the range of our ideas about this provincial center of European Russia and the features of its socio-economic and political development. The author tries to display an objective picture of the city's life and positively evaluates the changes taking place in it.

Keywords: City, population structure, transport, prices, Jews, trade, attractions.

Современная источниковая база истории Могилева первого предвоенного десятилетия XX в. сформировалась с явным преобладанием в ней официальных актов, статистических и канцелярских документов, над немногочисленными письменными источниками нарративного характера. Но и в этом нарративе чрезвычайно малое место занимают впечатления и оценки современников, в которых хотя и субъективно, но тем не менее достаточно правдиво получила отражение городская повседневность, запечатленная в статьях, письмах, путевых записках, мемуарах, и очерках публицистического характера. Таких доступных источников очень немного, и к главным из них мы можем отнести творческое наследие могилевского вице-губернатора князя В. А. Друцкого-Соколинского [1, с. 8-41], могилевчанки М. Я. Белевской [2, с. 9-12], могилевского гимназиста А. А. Власова [3, с. 1-35], крайне тенденциозные замечания офицера Ставки Верховного главнокомандующего М. К. Лемке [4, с. 139-140] и не менее пристрастный образчик эпистолярного жанра полуанонима Битного Кушле Сувреновича [5, с. 208-212]. Одни из источников широко цитируются, другие, пока не выявленные, еще ждут своего открытия, описания и последующего введения в научный оборот.

На этом фоне очерк сотрудника «Исторического вестника» Н. Н. Останковича «Поездка в Могилевскую губернию», отличается не только удачно схваченными фактами и содержательностью, но и глубокими волнующими впечатлениями о губернском центре в наиболее драматичный период его предвоенного развития [6, с. 1072-1080]. Детальное знакомство автора с историографией Могилева советского и постсоветского периодов подводит к выводу, что, несмотря на упоминание этого источника в известном справочном издании П. А. Зайончковского [7, № 189, с. 41] в творческой лаборатории местных историков и краеведов этот ценнейший источник практически неизвестен. Поэтому целью данной работы является

акцентирование внимания на тех сторонах городской повседневности в очерке Н. Н. Останковича, отмеченных им в очень ограниченный период его пребывания в Могилеве, которые неизвестны по другим публикациям и которые оставили наиболее яркий след в памяти талантливого журналиста.

Н.Н. Останкович, скорее всего, по заданию редакции, прибыл в Могилев весной 1901 г., когда главный город одноименной губернии переставал быть транспортным феноменом, поскольку оставался к началу XX в. единственным губернским центром Европейской России, не имевшим железнодорожного сообщения. «Около станции на улице, названной громким именем Днепровского проспекта, – делился первыми впечатлениями визитер – оказалась гостиница «Лондон», конечно, еврейская, но довольно чистая и недорогая, где я и остановился, впредь до приискания себе квартиры, которую я скоро нашел на этой же улице, только в самом конце, близ заставы, где строится вокзал Витебско-Жлобинской железной дороги. В Могилеве квартиры, топливо и все вообще продукты очень дешевы, хотя с приездом строителей дороги все сразу вздорожало, как это и везде случается, но все же сравнительно с Москвой большая разница» [6, с. 1072].

Первые впечатления не обманули путешественника. «Так как Могилев расположен на очень гористом правом берегу, то издали красив, тем более, что на переднем плане виднеются лучшие постройки города... С апреля установилась прекрасная, теплая погода, деревья стали быстро одеваться зеленью, пароходы начали свои рейсы вниз до Киева и вверх до Орши, и Могилев ожил, принарядился, и жизнь пошла кипучая. На железной дороге возобновились работы по постройке, приехало много народа, но зато провизия вздорожала. Весь апрель я никуда не ездил из Могилева и в свободные часы гулял и осматривал город... С открытием весны и навигации по Днепру жизнь в Могилеве и торговля очень оживляются. Дешевизна сообщения, в особенности на еврейских пароходах, делает то, что даже, кому не нужно, ездят до Орши и вниз до Жлобина, просто для прогулки, после зимней замкнутости. От Могилева до Киева билет третьего класса стоит всего два рубля. До Орши же бывает время, что ради конкуренции на некоторых пароходах возят по десяти копеек с человека, хотя обыкновенная цена третьего класса – сорок копеек» [6, с. 1076].

Для журналиста, проживающего вне черты еврейской оседлости, яркое впечатление оставило еврейское население города и, бывшие по глазам его национальные проявления и бытовые особенности. «Евреи – сообщает Н. Н. Останкович – присутствуют в Могилеве на всех торжествах и парадах близ храмов, ибо они народ любопытный и надоедливый, да и количеством своим в Могилеве превышают православных и католиков втрое. Летом из-за евреев по субботам нельзя пройти по тротуарам; они просто кишат как муравьи, в особенности оборванные и грязные их ребятишки. Лавки в Могилеве почти тоже все еврейские, и если вы не запасетесь в пятницу до заката солнца тем, что вам нужно, то просидите голодными. В русских же лавках не все можно достать, да и дороже заплатите, и лавок-то две или три всего... Вся торговля,

все фольварки, т.е. имения, мельницы, заводы и т.д., - все это в руках евреев во всей губернии... Вообще они народ крайне подвижный, мало спят, замечательно мало едят и постоянно находятся в движении. Размножаются они поразительно... Благодаря этому, крестьяне белорусы до сих пор не могут оправиться и все почти бедные. Замечательно, что православный или католик у крестьян не может ничего купить так сходно, как у еврея.,, Белорусы относятся к евреям недружелюбно, постоянно ругают, но все же без еврея нигде не обойдутся и даже в прислуги к ним нанимаются охотнее, чем к русским или к католикам, исключая, конечно, богатых домов... Бедные рабочие евреи крайне трудолюбивы. Сапожники, портные и другие мастера берут за работу замечательно дешево, хотя работают неважно. Скорняжный и кожевенный промыслы также почти в руках евреев, хотя это производство в Могилевской губернии очень древнее и прежде всецело было в руках русских» [6, с. 1072-1076].

Преобладание евреев в губернском центре не было столь впечатляющим, что бы оставить равнодушным журналиста от живописно раскинувшегося над Днепром города: «В 1901 г., весна в Могилеве была дружная, и с 2-го апреля установилась сразу прекрасная, теплая, даже жаркая погода. Разлив Днепра был замечательно велик, и самое излюбленное место могилевцев, при разливе, для гулянья был сад пожарного общества, насаженный не очень давно на громадном так называемом валу, возвышающемся над Днепром, с которого вид вообще прекрасный, при разливе восхитительный... Из-за Днепра видны дома губернского правления и губернатора, внизу городской водопровод с высокой трубой. Правее высится городская башня – колокольня Братского монастыря и Спасская церковь; далее другие каменные дома. Как-то я взобрался на городской вал, возвышающийся высоко над Днепром, и любовался разливом Днепра, так как отсюда была видна вся залитая местность заднепровья... На площади, близ сада, расположены дома губернатора, губернского правления, окружного суда, казенной палаты с казначейством, музеем и библиотекой городской ратуши и другие. Городская ратуша с восьмиугольной на фронте башней, увенчанной гербом, построена в 1679 году. Внизу башни парадная дверь для входа в ратушу, или, так сказать думу. Австрийский император Иосиф II во время своего пребывания в Могилеве в 1780 г. с этой башни любовался общим видом на город, который летом утопает в зелени, а весной в мае прямо благоухает от цветов, так как в Могилеве масса фруктовых садов, в особенности на окраинах. От площади идут две почти прямые и самые лучшие улицы через весь город. Главная, Большая Садовая, на которой иные дома существуют еще с XVIII столетия, вторая, Днепровский проспект, в конце которого строится вокзал новой Витебско-Жлобинской железной дороги. На Днепровском проспекте находится Братский монастырь, театр, дом дворянства, Воскресенская церковь, кафедральный собор, женская гимназия, городское училище, клуб, управление строящейся дороги и другие казенные учреждения, а в середине и конце помещаются казармы и полковая

церковь. На Большой Садовой расположены архиерейский дом с домовою церковью и консисторией, духовная семинария, театральный сквер, который соединяет Садовую с Днепровским проспектом и называется Муравьевским садом. Здесь, по праздникам, играет музыка; вход бесплатный, и потому сад всегда набит евреями. Сад молодой, с фонтаном, и очень нарядный, но только гулять в нем можно днем, когда евреи заняты. Затем, против сквера, на пересекающей Садовую Дворянской улице находится реальное училище. Далее на Садовой находится главная еврейская синагога, мужская гимназия, управление акцизными сборами, лютеранская кирка, красный крест, банк и другие частные лучшие дома и лучшие магазины города, причем дом еврея Бобовика не испортил бы собою лучшую улицу Москвы.

Братский мужской монастырь основан в 1620 году Могилевским православным крестоносным братством, и главный Богоявленский храм его – самый большой в Могилеве, очень красивый внутри, а колокольня по высоте не уступит Ивану Великому в Москве, но в основании своем четырехугольная и много шире.

Театр построен в 1886-1888 годах, небольшой, но очень нарядный. На углу площади дом дворянства, где император Александр Николаевич, будучи еще наследником престола, в 1839 году, проезжая Могилев, заболел и пробыл в этом доме шесть недель. Дом в настоящее время довольно ветхий, низ под лавками каменный, а верх деревянный. Во дворе дома дворянства находится костел во имя Успения Пресвятой Богородицы, бывший до 1873 года кафедральным, а ныне приходской...

Против театра, от Днепровского проспекта направо, идет Дворянская улица, очень коротенькая, кончающаяся спуском к Днепру, где расположены слободы города, а налево идет Виленская улица, уже чисто еврейская. Она спускается вниз к речке, называемой Дубровенкой, которая в городе же, близ вала, впадает в Днепр; далее, за речкой, улица опять поднимается в гору и кончается слободой и русским и католическим кладбищами, где масса зелени...

На углу Виленской улицы и так называемой набережной речки Дубровенки построена и в нынешнем году открыта большая вторая каменная и довольно красивая еврейская синагога, в память древнейшей черты оседлости в этом месте евреев в Могилеве. Кроме того, от Днепровского моста, влево в гору идет еще Быховская улица, не большая, но довольно красивая. Здесь на горе находится женское епархиальное училище, помещающееся в громадном прекрасном здании, самом лучшем из всех учебных заведений Могилева» [6, с. 1078, 1080].

В описании Н. Н. Останковича губернского центра можно выделить три основные особенности городской жизни, на которые с точки зрения журналиста следовало бы обратить внимание российской читающей публики. Первый из них касается переизбытка еврейского населения в Могилеве, что отмечали все мемуаристы, посетившие губернский центр в означенный период, хотя согласно переписи 1897 г. из 43119 его жителей евреи и

преобладали (21453 чел.), но решающего перевеса не имели. «Размножаются они – сообщает журналист – поразительно... В Могилеве много еврейской бедноты, такой, что когда посмотришь, где и как живут, приходишь в ужас» [6, с. 1074]. Автор не скрывает неприязненного отношения к евреям со стороны белорусов, и считает его источником потенциальных конфликтов, что впоследствии и показал еврейский погром в городе в октябре 1904 г.

Вторая особенность, даже можно сказать проблема, по мнению автора получившая положительное разрешение, касается развития транспортной логистики, которая будучи связанной с завершением постройки Витебско-Жлобинской железной дороги, предоставила губернскому центру дополнительный и весомый импульс хозяйственного развития. В свою очередь Н. Н. Останкович обращает внимание на роль и место водного транспорта в жизни Могилева, связывающего его с Оршей и Киевом, тогда как его современники отмечают и хорошее состояние шоссейных путей, пересекающих город [8, с. 108].

Особое место в очерке отводится в целом позитивному восприятию и описанию внешнего облика Могилева и его достопримечательностей с точки зрения столичного жителя, что никак не коррелируется с аналогичными оценками и противоположными позициями еще одного, впоследствии не менее именитого жителя северной столицы. Такое несоответствие имеет свою историографическую предысторию, хотя до сих пор еще недостаточно воспринимается как научная проблема. Речь идет о М. К. Лемке, который в своем известном труде и вопреки фактам дал далекую от объективности нелестную характеристику губернского Могилева. В силу многих обстоятельств негативное восприятие и описание характерных отличительных черт, свойств и качеств, присущих городу под пером ставочного офицера если и не возобладало, то нашло своих почитателей и в наши дни. Один из литературных героев Бориса Акунина практически слово в слово воспроизводит впечатления, переданные М. К. Лемке. Это тем более вызывает удивление, что согласно данным официальных источников Могилев в начале XX в. по качеству жизни, жизненным стандартам своего времени и индустрии развлечений превосходил соизмеримые с ним по численности населения губернские города Центральной России [9, с. XIX-XX].

Закключение. В информационном отношении очерк Н. Н. Останковича способствовал формированию в читательской среде наиболее ярких и содержательных оценок днепровского города среди других губернских центров на общероссийском фоне в начале XX в., что притягательно и в наши дни. Как исторический источник очерк выделяет то, что он создавался не уроженцем Могилева, и следовательно, отразил наиболее выпуклые черты и самые свежие не избитые впечатления городской повседневности. Не лишним будет напомнить, что известные мемуары перечисленных авторов отражают события, происходившие в Могилеве с более чем десятилетним временным промежутком от выхода в свет очерка петербургского

журналиста, уже в самый канун войны, и создавались они с заметным хронологическим отрывом от описываемых событий.

Если принять к сведению, что «Исторический вестник» считался наиболее популярным ежемесячным историческим журналом в Российской империи и в 1913 г. насчитывал 12 тыс. подписчиков, [10, с. 554] то станет понятным, что «Поездка в Могилевскую губернию» Н. Н. Останковича не только повышала положительный имидж Могилева в глазах всероссийской читающей публики, но задавала тон и формировала интерес и читательский запрос на дальнейшие публикации о губернском центре западного региона России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Друцкой-Соколинский, В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914-1918 гг.) / В. А. Друцкой-Соколинский – Орел : РКФ «3 июля» РИГ «Невероятный мир», 1994 – 404 с.
2. Белявская (Летягина), М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915-1918. Личные воспоминания. / М. Я. Белявская – Минск: «Справа», 2012 – 48 с.
3. Власов, А.А. Воспоминания о Могилеве / А.А. Власов // Рукописи из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. – Режимдоступа: http://www/rpnet/ru/book/archiral-materials/vlasov/php?sphrase_id=55303/. Дата доступа. 20.07.2014 г.
4. Лемке, М.К. 250 дней в царской Ставке. 1914-1915. Воспоминания. Мемуары. / М.К. Лемке – Минск: Харвест, 2003 – 468 с.
5. См. Довляшевич, Е. В. Письма к тетеньке из Могилева губернского. / Е. В. Довляшевич // Шляхі Магілеускай гісторыі: зборнік навуковых прац / Уклад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілеу: Могилев. обл. укрup. тип., 2005. – 488 с.
6. Останкович, Н. Н. Поездка в Могилевскую губернию. / Н. Н. Останкович – Исторический вестник – 1902 – Т. 90 - № 12 – С. 1067-1090.
7. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. руковод., ред. и введ. проф. П. А. Зайончковский. – В 4-х т. – Т. 4. Ч. 1. 1895-1917 – М.: «Книга», 1983 – 363 с.
8. Гейман, В. По городам и весям родной земли (10000 верст на автомобиле) / В. Гейман – СПб.: Издание технического издательства инженера Кузнецова, Николаевская 77. – 126 с.
9. Список населенных мест Могилевской губернии / Издание Могилевского губернского статистического комитета под редакцией и. д. секретаря губернского статистического комитета Г. П. Пожарова. – Могилев губернский: Губернская типография, 1910. – С. XVII-XXI.
10. Исторический вестник. // Советская историческая энциклопедия. В 12 т. Т. 6. – М.: «Советская энциклопедия», 1965. – 1022 с.

ХРЫСЦІЯНСКІЯ КАШТОЎНАСЦІ Ў САЦЫЯКУЛЬТУРНЫМ
РАЗВІЦЦІ СТАРАБЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА X–XVI СТСТ.

Лагуноўская А.А.

Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А. С. Пушкіна»
(г. Брэст, Беларусь)

Вялічка Н.В.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. П. М.
Машэрава»
(г. Віцебск, Беларусь)

Аннатацыя. У артыкуле праводзіцца сацыяльна-філасофскі аналіз каштоўнасцяў хрысціянства і іх уплыву на духоўна-маральнае фарміраванне грамадства X–XVI стст., што дазваляе зрабіць выснову а стваральных арыентацыях этнаса і іх увасабленні ў яго духоўнай культуры на шляхах пабудовы старабеларускай дзяржаўнасці. Даследуюцца формы праяўлення каштоўнасцей хрысціянскай спадчыны як рэгулятывы і светапоглядных арыенціры культурнага развіцця старабеларускага грамадства і пераўтварэння сацыяльнай рэчаіснасці.

Ключавыя словы: хрысціянства, культура, каштоўнасныя арыентацыі, духоўна-маральны ідэал, прынцыпы.

The article conducts a socio-philosophical analysis of the values of Christianity and their influence on the spiritual and moral formation of society in the 10th–16th centuries, which allows us to draw conclusions about the creative orientations of the ethnic group and their embodiment in its spiritual culture on the path of building the Old Belarusian statehood. The forms of manifestation of the values of the Christian heritage as regulatory and worldview guidelines for the cultural development of the Old Belarusian society and the transformation of social reality are investigated.

Keywords: Christian heritage, culture, value orientations, spiritual and moral ideal, principles.

Характэрнай асаблівасцю Беларусі з’яўляецца поліканфесійная рэлігійная структура. Вызначальную ролю ў сацыякультурнай прасторы Беларусі іграе хрысціянства, і перш за ўсё дзве асноўныя канфесіі – праваслаўе і каталіцызм, гісторыя ўзаемаадносін якіх складаная і супярэчлівая. Ва ўмовах праходжання праз беларускія землі праваслаўна-візантыйскай і рымска-каталіцкай рэлігійных плыняў духоўны вопыт хрысціянства пачаў замацоўвацца як ва ўсходнім грэка-візантыйскім, так і ў заходнім рымска-лацінскім варыянтах. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца даследванне форм праяўлення каштоўнасцей хрысціянскай спадчыны як рэгулятываў і светапоглядных арыенціраў фарміравання духоўна-маральных асноў старабеларускага грамадства X–XVI стст. і яго культурнага развіцця, пераўтварэння сацыяльнай рэчаіснасці.

На этапе пераходу да феадальных адносінаў духоўны вопыт хрысціянства ўздзейнічаў на змяненне каштоўнасных арыентацый этнасу і яго маральнае самасцвярджанне, што выявілася ў цэласным, гарманічным спалучэнні кампанентаў матэрыяльнай і духоўнай культуры – у высокім узроўні дойлідства, выяўленчага мастацтва, пісьменства. Пісьменнасць пачынае распаўсюджвацца з заснаваннем у 992 г. князем Ізяславам у Полацкай епархіі (царкоўнай акругі, якой кіраваў біскуп), а першай кнігай з’яўляецца Тураўскае евангелле (XI ст.) – адзін з найстаражытнейшых усходнеславянскіх рукапісных помнікаў хрысціянскай культуры і найстаражытнейшым са створаных на тэрыторыі Беларусі. Яно было перапісана невядомым «спісацелем» у XI ст. і ўяўляе сабой кароткі апракос – богаслужбовы зборнік евангельскіх чытанняў, якія размешчаны ў ім па парадку чытання асобных фрагментаў падчас саборнага богаслужэння. Ад Тураўскага апракоса захаваліся толькі дзесяць лістоў, таму ў навуковым ужытку гэты помнік часта называецца «Тураўскія лісткі».

Старажытныя рукапісы часта мянялі сваё першапачатковае месцазнаходжанне: некаторыя кнігі ствараліся на заказ, іх як найвялікшую каштоўнасць перадавалі з аднаго манастыра, царквы ў іншыя, ахвяравалі або завяшчалі. Таму ў цяперашні час у сучаснай навуцы існуе праблема ўстанаўлення месца стварэння шматлікіх рукапісных кніг. На аснове параўнання некаторых асаблівасцяў тэхнікі ўтварэння і ўпрыгожання з высокай ступенню верагоднасці да кніг, якія з’явіліся на старажытнабеларускіх землях, адносяць таксама Полацкае евангелле (XII–XIV стст.), Аршанскае евангелле (XIII ст.), Лаўрышаўскае евангелле, Мсціжскае евангелле, Анежскі (Мсціслаўскі) псалтыр (усе XIII–XIV стст.). Важнымі помнікамі мастацкага афармлення беларускіх рукапісных кніг таксама з’яўляюцца Радзівілаўскі летапіс (XV ст.), Дзесяціглаў, Ваўкавыскае евангелле, Сапегаўскае евангелле (усе XVI ст.). Сымон Будны ў 1562 г. у заснаванай ім Нясвіжскай друкарні выдаў першую на тэрыторыі Беларусі друкаваную кнігу на старабеларускай літаратурнай мове – «Катэхізіс», а таксама кнігу «Аб апраўданні грахоўнага чалавека перад Богам».

Галоўная заповедзь хрысціянства аб любові да бліжняга, хрысціянскія ідэі аб клопаце пра тых, хто мае патрэбу, аказалі ўплыў на фарміраванне ўяўленняў аб сацыяльнай адказнасці, усталяванне прынцыпу сацыяльнай справядлівасці, далейшае развіццё сацыяльных інстытутаў на маральных падставах, у тым ліку інстытута мецэнацтва і яго спецыфікі на беларускіх землях. Творчыя людзі на тэрыторыі Беларусі валодалі свабодай у выбары не толькі сваёй духоўнай, але і сацыяльнай арыентацыі. Першы помнік пісьменства, створаны на беларускіх землях – «Жыццё Еўфрасінні Полацкай» – адлюстроўвае імкненне неардынарнай асобы пераадолець стэрэатыпы і забароны на шляху да самавыяўлення і творчасці. У жыцці ўнучкі князя Усяслава Чарадзея уладанне матэрыяльнымі каштоўнасцямі і ўладай, якія вынікалі з княжага становішча, не адыгрывала галоўнай ролі. У рад светапоглядных каштоўнасцяў Еўфрасінні Полацкай, якія вызначылі яе

стаўленне да чалавека, уяўленне аб яго месцы ў свеце, увайшлі гуманізм, індывідуальнасць, творчасць, свабода. Еўфрасіння стала першаю мецэнаткай на старабеларускіх землях і збірала вакол сябе таленты. На яе заказ мясцовы дойдзі Іаан у 50-х гг. XII ст. ў зусім новых архітэктурных формах збудаваў за сорок тыдняў храм Спаса – вяршыню полацкай архітэктурнай школы. З культурнай дзейнасцю Еўфрасінні звязана з'яўленне на беларускай зямлі крыжа Лазара Богшы, абраза Божай Маці (Адзігітрыі Полацкай), які быў прывезены з Візантыі, унікальных фрэсак Спасаўскай царквы, якія захаваліся да нашых дзён.

Ігумення Еўфрасіння ва ўмовах жорсткай міжусобнай барацьбы за ўладу на ўсходнеславянскіх землях, прытрымлівалася прынцыпам хрысціянства і імкнулася садзейнічаць устанавленню ўзаемаразумення паміж людзьмі, якія валодалі уладай, і выступала ў ролі міратворца. Праз вечы яна магла ўплываць на абранне біскупаў і князёў: у 1132 г. Полацк пазбавіў улады Святаполка, які быў стаўленікам прастола Кіева, і абраў князем роднага брата Еўфрасінні Васільку Святаславіча. У адпаведнасці з устаноўкамі хрысціянства («ўсе вы адно ў Хрысце Езусе» (Гал 3, 28), «Жыццё Еўфрасінні Полацкай» сцвярджае, што яна не хацела нікога бачыць ворагамі: «ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина со служанином – но всех хотяше имети, яко едину душу». Міратворчыя клопаты Еўфрасінні, нацэленыя на пераадоленне міжусобных рознагалоссяў Рагвалодавічаў, знайшлі сваё увасабленне ў царкоўных спевах, якія былі ў XII ст. створаны ў яе гонар: «Князем сродником друг на друга дерзающе подъяти мечь возбранила еси, яко оружие обоюдоостро словесем божим устрашающем...» [1]. Духоўнае пакліканне Еўфрасінні, якое вынікала з сілы яе веры, абумовіла стваральную працу падзвіжніцы хрысціянства на карысць сваіх суайчыннікаў і Радзімы на аснове духоўна-маральных каштоўнасцяў любові, сумлення і справядлівасці.

Іншы хрысціянскі падзвіжнік – мітрапаліт Клімент Смаляціч – у сваім жыцці і творчасці абгрунтоўвае неабходнасць злучэння ў жыцці манаха маральнага ўдасканалення шляхам паслухмянасці і цялеснага ўстрымання з грунтоўным вывучэннем Святога Пісання [2, с. 526].

Кірыл Тураўскі, кананізаваны Рускай праваслаўнай царквой у абліччы свяціцеля пісьменнік і прапаведнік, вялікую ўвагу надаваў неадпаведнасці маральным каштоўнасцям хрысціянства на паводніцкім узроўні ўсіх сацыяльных груп насельніцтва: як кіраўнікоў, святароў, так і простых людзей, і выказваў канкрэтныя рэкамендацыі і арыенціры для стварэння духоўна-маральнага жыцця [7].

У іерархіі хрысціянскіх каштоўнасцяў грамадскія, калектыўныя інтарэсы стаяць вышэй за асабістыя. Тым не менш у працэсе актыўнай сацыяльнай дзейнасці арыентацыя на духоўныя каштоўнасці хрысціянства спрыяе раскрыццю стваральнага патэнцыялу асобы, дасягненню яе маральных мэтай і максімальнай самарэалізацыі. Напрыклад, Мікола Гусоўскі, з'яўляючыся сынам лесніка, прадстаўляў інтарэсы Вялікага

Княства Літоўскага ў якасці дыпламатычнага амбасадара ў Ватыкане, які адыгрываў магутную ролю ў знешняй палітыцы таго часу. Сын купца «сярэдняй рукі» Францыск Скарына змог годна вытрымаць іспыт у адным з найстарэйшых і самых прэстыжных універсітэтаў Еўропы – Падуанскім, і атрымаць вучоную ступень доктара медыцыны. Знаходзячыся на вяршыні сярэднявяковай адукаванасці, Скарына прысвяціў жыццё служэнню свайму народу – «людзям паспалітым». Такім чынам, творчы пошук і актыўная жыццёвая пазіцыя Еўфрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Міколы Гусоўскага, Францыска Скарыны, Меленція Смятрыцкага, Афанасія Філіповіча і іншых прадстаўнікоў старабеларускай культуры паўстаюць як духоўны феномен, які вызначыў каштоўнасці хрысціянства на паводніцкім узроўні ў служэнні Радзіме і імкненні да духоўна-маральнай дасканаласці, множання сваіх ведаў, здольнасцяў і магчымасцяў незалежна ад сацыяльнага статусу, маёмаснага становішча і паходжання. Дадзеныя каштоўнасці арыентацыі, духоўна-маральныя нормы і прынцыпы старабеларускага грамадства сведчаць аб магчымасці раскрыцця творчага патэнцыялу чалавека ў працэсе рэалізацыі сваёй жыццёвай канцэпцыі на аснове канструктыўных, гуманістычных сродкаў і метадаў хрысціянства.

Творчы і духоўна-маральны патэнцыял каштоўнасцяў хрысціянства ў сваёй асветніцкай дзейнасці выкарыстоўвалі Еўфрасіння Полацкая, Клімент Смяляціч, Кірыла Тураўскі і іх паслядоўнікі. Кірыла Тураўскі сцвярджаў: «Аще бо в глубину Божиих книг внидох, ...Бог же мира многою милостию да створит вашему отчеству...» [6, с. 425]. Францыск Скарына імкнуўся данесці «людю простаму, паспалітаму» каштоўнасці хрысціянства, якія змяшчаюцца ў Бібліі. Такім чынам, выдатныя дзеячы беларускай культуры, важным структурным кампанентам якой з'яўляюцца каштоўнасці хрысціянства, ўпершыню ў нашым рэгіёне перанеслі хрысціянскую любоў, дабро і праўду на свой народ, сваю краіну і родную мову.

У эпоху Адраджэння індывідуалізм заходнееўрапейскага грамадства, заснаваны на антрапацэнтрызме, прывёў да ўзброенай барацьбы буржуазіі за свае правы, вынікам якой з'явілася стварэнне і развіццё права ў яго пазітывісцкім рэчышчы, якое не прызнае маральныя каштоўнасці ў праве. У пазітывісцкім варыянце сутнасць права вызначаецца тым, што правы чалавеку надаюцца дзяржавай пры ўмове, што ён з'яўляецца грамадзянінам, а цэнтральнымі паняццямі выступаюць «норма», «прымус», «аўтарытэт».

Францыск Скарына (1490–1541) даказваў, што ў мэтах стварэння найлепшага грамадскага ладу, неабходна дамагацца, каб усе правы ў цэлым і кожны закон паасобку былі справядлівымі, моцнымі, неабходнымі і карыснымі. Для ўдасканалення заканадаўства, на яго думку, неабходна, каб яно грунтавалася на «натуральным, прыродным законе» і зыходзіла з маральнага прынцыпу, выкладзенага ў Евангеллі: «Рабі людзям тое, што ты хацеў бы атрымаць ад іншых, і не рабі таго, чаго ты б не хацеў атрымаць ад іншых людзей». Неабходнасць жа «закона напісанага», гэта значыць права, выкліканая, на думку Скарыны, шматлікімі парушэннямі закона прыроднага.

Само права прызначана абараняць чалавека і грамадзянскую супольнасць ад прыгнёту, несправядлівасці і прыніжэння. Гэта значыць ён развіваў у сваіх працах ідэю натуральных правоў чалавека. Кожны чалавек, пісаў ён, нараджаецца вольным, усё якія з'явіліся на свет людзі роўныя паміж сабой.

Іншы беларускі гуманіст Сімяон Будны (1530–1593) у сваёй працы «Аб свецкай уладзе» пісаў, што кожны чалавек валодае побач з неад'емнымі уласцівасцямі, якія ўключаюць права на свабоднае выказванне думкі і ўласнага меркавання, памяркоўнасць да сваіх апанентаў, непрадузятасць і аб'ектыўнасць у ацэнцы іншых ідэй і меркаванняў і іншыя правы і свабоды чалавека.

Андрэй Волан (1530–1610), буйны пісьменнік і мысліцель Беларусі канца XVI – пачатку XVII стст., абапіраючыся на канцэпцыю натуральных правоў чалавека, абгрунтоўваў неабходнасць свабоды і роўнасці ўсіх людзей. Гэта магчыма, лічыў ён, пры ўмове ўвядзення разумных законаў, заснаваных на прынцыпе: «Нікому не рабіць крыўды, кожнаму аддаць тое, што яму належыць». На яго думку, галоўнай мэтай дзяржавы павінна быць забеспячэнне спакойнага і шчаслівага жыцця людзей, іх абарона ад гвалту і рабаванняў.

Згодна з натуральна-прававой канцэпцыяй, прыхільнікамі якой у Беларусі з'яўляліся Ф. Скарына, С. Будны, М. Літвін, А. Волан і інш. сутнасць права заключаецца ў ідэі права, гэта значыць у тым, якім права павінна быць, а яго змест раскрываецца праз паняцці «свабода», «розум», «справядлівасць» і інш. [3, с. 61]. Сама прыналежнасць да чалавечага роду з пункту гледжання натуральна-прававой канцэпцыі разглядаецца як галоўная ўмова для атрымання чалавекам права на жыццё, свабоду, асабістую недатыкальнасць. У гэтым асновы натуральна-прававой канцэпцыі адпавядаюць хрысціянству: правы чалавеку дадзеныя пры нараджэнні, таму што ён іх варты. Каштоўнасцю хрысціянства з'яўляецца годнасць ўсіх людзей, створаных па вобразе і падабенстве Божым. У хрысціянстве вобраз і падабенства Божае выступаюць як духоўна-маральны ідэал, дзейснае імкненне да якога праз самаўдасканаленне ўзвышае чалавека, спрыяе фарміраванню культуры адносінаў з людзьмі і грамадствам. Імкненне да дасягнення духоўна-маральнага ідэалу ў штодзённым жыцці спрыяе ўсталяванню ў грамадстве адзінадумства і адзінага імкнення, аб якім у Бібліі сказана як пра «адзінства духу ў саюзе міру» (Эф. 4:3).

На аснове хрысціянскіх каштоўнасцяў любові, сумлення і справядлівасці, паводле думкі Скарыны, павінны грунтавацца не толькі адносіны паміж людзьмі, але і складацца законы, ажыццяўляцца дзяржаўнае кіраванне і палітыка [4, с. 99–101]. Разумеючы сумленне як свабоду ад граху ў прымаемых рашэннях, Скарына прытрымліваўся ідэі вяршэнства народа ў дзяржаве і праватворчасці, што не адпавядала тагачаснай рэальнасці, але паўплывала на будучыню заканадаўства: ідэя вяршэнства надасабовых каштоўнасцяў (Бог, народ, дзяржава, сям'я), а не асобнага індывіда акцэнтавалася ў Статутах Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ).

У працэсе фарміравання духоўнай культуры беларускага этнасу і дзяржаўнасці каштоўнасці хрысціянства выступаюць як своеасаблівая ступень духоўна-маральнага асваення сацыяльнай рэчаіснасці, якая раскрывае стаўленне людзей да яе шматаблічных праяў. У адпаведнасці з дадзеным аспектам даследавання, праватворчасць у ВКЛ, і ў прыватнасці стварэнне Статутаў, паўстае як самабытная з’ява, выкліканая спецыфічнымі канкрэтна-гістарычнымі і сацыякультурнымі ўмовамі, у якіх хрысціянскія каштоўнасныя арыентацыі, прынцыпы і нормы маральнасці спрыялі развіццю ідэі дзяржаўнасці ВКЛ, выяўленню самасвядомасці «паспалітага народа». У рэчышчы хрысціянскай асветы Статуты замацоўвалі духоўна-маральныя каштоўнасці жыццядзейнасці грамадства на дзяржаўным узроўні. Падкрэсліваючы ўнікальнасць і самабытнасць краіны, у сацыякультурных умовах паліканфесійнасці стваральнікі Статутаў звязвалі развіццё дзяржавы менавіта з хрысціянскімі каштоўнасцямі. Прыярытэт каштоўнасцяў хрысціянства як маральных арыентыраў-регулятываў ў Статутах несумнеўны: хрысціянскі духоўна-маральны ідэал, біблейскія заповедзі і прынцыпы паводзін, любоў да бліжняга, талерантнасць, годнасць, сумленне, свабода, імкненне да самаўдасканалення разглядаюцца як аснова цэласнасці і стабільнасці грамадства. Зварот Жыгімонта I (1506–1548) да ўсіх карэнных жыхароў зямель ВКЛ, які адкрывае Статут 1529 г., паказвае на «грунтоўна прадуманы добры намер... надарыць хрысціянскімі законамі» ўсіх сваіх падданных незалежна ад іх саслоўя і паходжання, каталіцкага ці праваслаўнага веравызнання, у якім вялікі князь абавязваецца ўсе іх правы і царкоўныя прывілеі выконваць і захоўваць. Далей у Статуце абвяшчаецца роўнасць усіх саслоўяў перад законам, а менавіта: каб «усе нашы падданыя, як бедныя, так і багатыя, якога б саслоўя і становішча яны ні былі, як і той, аднолькава павінны быць судзімыя па гэтых пісаных законах» [5]. Пры гэтым усвядомлены выбар хрысціянскіх законаў, што вызначаюць адносіны чалавека з навакольным светам і сацыяльнай рэчаіснасцю, у якасці галоўнай крыніцы маральна-прававой рэгуляцыі штодзённых паводзін дазваляў Статутам ВКЛ выступіць сродкам падтрымання каштоўнасцяў хрысціянства ў маральнай культуры старабеларускага грамадства.

Функцыянаванне праваслаўя, каталіцызму, пратэстантызму з’явілася фактарам духоўна-маральнага стваральнага развіцця беларускага этнасу, нацыі, дзяржаўнасці, які вызначыў ролю і значэнне дадзеных канфесій для культуры старабеларускага грамадства Х–XVI стст. Важная роля ў ажыццяўленні гэтага працэсу на беларускіх землях належала прадстаўнікам эліты, якія ўспрынялі канструктыўны характар хрысціянства і сталі яго духоўнымі падзвіжнікамі. Па іх ініцыятыве ўзводзіліся храмы і манастыры. Усведамленне стваральнага патэнцыялу агульнахрысціянскіх каштоўнасцяў адказвала на творчыя запыты маладога беларускага этнасу.

Сацыяльна-філасофскі аналіз каштоўнасцяў хрысціянства і іх уплыву на маральнае фарміраванне грамадства Х–XVI стст. дазваляе зрабіць выснову аб стваральных здольнасцях народа, якія раскрыліся на шляхах пабудовы

старабеларускай дзяржаўнасці і ўвасобіліся ў яго духоўнай культуры (развіццё палітыкі і права, навукі і мастацтва, спосабаў гаспадарання). Каштоўнасці хрысціянства (любоў як галоўнае маральнае пачуццё і стан, біблейскія заповедзі, духоўна-маральны ідэал, прынцыпы, арыентацыі і нормы у адносінах да сацыяльнага свету, і перш за ўсё, да іншага чалавека, рэфлексійныя каштоўнасці асобы: годнасць, сумленне, свабода, імкненне да самаўдасканалення і інш.) ў найбольшай меры адпавядалі светапогляду і ўстаноўкам старабеларускага грамадства, агульнай накіраванасці праходжання працэсаў дзяржаўнага будаўніцтва, сталі базавымі каштоўнасцямі ў фарміраванні духоўнай і матэрыяльнай культуры старабеларускіх земляў X–XVI стст. У кантэксце еўрапейскіх працэсаў поспех у вырашэнні актуальных задач сацыякультурнага развіцця ў перыяд Полацкага княства і ВКЛ сведчыць пра канструктыўны характар абранага кірунку развіцця грамадства і дзяржавы, заснаванага на каштоўнасцях хрысціянства.

Духоўна-маральная спадчына гістарычнага мінулага Беларусі з’яўляецца найважнейшым фактарам, які ўплывае на фарміраванне структурных складнікаў нацыянальнай культуры беларускага народа: ідэалаў, ведаў, вопыту, пачуццяў. Асэнсаванне і аднаўленне гістарычнага мінулага звязана з неабходнасцю вырашэння надзённых задач сучаснасці, накіраваных як на выхаванне грамадзянскасці і патрыятызму, так і на развіццё даследванняў культуры Беларусі як часткі еўрапейскай культурнай цывілізацыі. Найбольш значным у сувязі з гэтымі задачамі уяўляецца зварот да генезісу беларускай дзяржаўнасці ў Полацкім княстве і ВКЛ, калі сапраўды грандыёзныя грамадскія праблемы вырашаліся на духоўна-маральных рэгулятыўных асновах. Вынікі працэса духоўнага фарміравання беларускай нацыі і дзяржавы, які працякаў у кантэксце агульнасусветных, еўрапейскіх заканамернасцяў, з’явіліся часткай маральнага фонду духоўных дасягненняў сусветнай культуры.

Літаратура:

1. Арлоў, У. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі / У. Арлоў [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <https://fb2.top/dzesyacy-vyako-belaruskay-g-story-862-1918-432581/read/part-3> – Дата доступа: 16.05.2025.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т філасофіі; рэдкал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2008. – Т. 1: Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.]. – 573 с.
3. Лагуноўская, А.А. Хрысціянскія каштоўнасці ў маральным патэнцыяле беларускага народа / А.А. Лагуноўская. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2016 – 200 с.
4. Скорина, Ф. Предисловия и послесловия / Ф. Скорина // Франциск Скорина и его время: энцикл. справ. / Белорус. сов. энцикл. ; редкол. : И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – С. 7–216.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года [Электронны рэсурс]. – Режим доступу: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_stranici_32-131.pdf. – Дата доступу: 16.05.2025.

6. Тураўскі, К. Творы Кірыла Тураўскага / К. Тураўскі // Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / склад. і навук. рэд. А. А. Мельнікаў. – Мінск, 2000. – С. 252–452.

7. Туровский, К. Сказание о черноризском чине от Ветхого и Нового Завета, из коих первый представляет прообраз иночества, а второй являет оное самым делом / К. Туровский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/skazanie-o-chernorizskom-chine. – Дата доступа: 06.05.2025.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.

УДК 93/94

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ВІЗІТАЦЫЯ МАГІЛЁўСКАГА ПАРАФІЯЛЬНАГА КАСЦЁЛА 1654 ГОДА

Прасаловіч А.В.

магістр філалагічных навук
(г. Магілёў, Беларусь)

Анатацыя. У дадзеным матэрыяле разгледжаная гісторыя парафіяльнага касцёла ў Магілёве ў разрэзе гісторыі самога горада, а таксама этнасацыяльнай сітуацыі, што склалася ва Ўсходняй Беларусі ў XVII стст.

Магілёў, каталіцызм, касцёл, парафія, ксяндзы, апісанне, алтар, фундуш, Еўдакімавічы

This article examines the history of the parish church in Mahiloŭ in the context of the history of the city, as well as the ethno-social situation in Eastern Belarus in the 17th century.

Mahiloŭ, Catholicism, church, parish, priests, description, altar, fund, donation, Jeŭdakimavičy

Дата генеральнай візітацыі (ці, інакш, інвентарнага апісання) парафіяльнага касцёла дакладна не пазначаная, але, зыходзячы з таго, што папярэдне, 7 сакавіка, была інспектаваная парафія ў Чавусах[8, 699], а пасля Магілёва 10 сакавіка быў наведаны касцёл у Шклове[8, 710], можна зрабіць выснову, што візітацыя адбылася 8 ці 9 сакавіка 1654 года, г. зн., амаль за паўгода да здачы магілёўцаў войску цара Аляксея Міхайлавіча 24 жніўня[5, 8]. Справаздача візітатара складаецца з некалькіх лагічных частак:

1) апісанне ўнутранай структуры:

- 2) апісанне касцельнага начыння, арнатаў і кніг;
- 3) апісанне канструкцыі бажніцы і іншых пабудоў;
- 4) звесткі пра гісторыю заснавання і фондуш касцёла;
- 5) апісанне плябаніі;
- 6) звесткі пра пробашча і вікарыя;
- 7) пастановы візітатара.

1) Унутры будынка выдзяляюцца:

а) цыборый (кiворый) (кубкавідны навес перад алтаром), размаляваны як вонку, так і знутры, са срэбнай чашай з пазалочанай знутры накрыўкай, а ў чашы — 16 асвятчонах да свята святога Казіміра гостый;

б) баптыстэрыі (хрысцільня) пасярэдзіне бажніцы, драўляны і непафарбаваны, абкружаны парэнчамі, арачнай і непрапарцыйнай канструкцыі, з адлітай з бронзы агароджай, пакрытай іржой. Там сама ў асобнай невялікай бляшанай ёмістасці захоўваўся ялей, пасвенчаны аршанскім дэканам;

с) алтары:

- галоўны разны алтар шэрага колеру, месцамі пазалочаны, абразы з выявамі Узнясення Збаўцы, святых Адальберта, Станіслава, Казіміра і Міхала, скульптуры святых апосталаў Пятра і Паўла, святых Стэфана і Лаўрэнція, а таксама анёлаў, над алтаром — балдахін з выявай Найсвяцейшай Тройцы, па баках — дзве шляхецкія эпітафіі;

- другі разны алтар шэрага колеру з залатым роспісам, абраз Маткі Боскай з Хрыстом на руках, упрыгожаны срэбнымі абразкамі па баках, статуі святых Апалоніі і Агнэсы, скульптура Збаўцы з чатырма евангелістамі па баках;

- трэці, меншы алтар з чатырма абразамі Найсвяцейшай Дзевы, выявамі Святога Крыжа, Найсвяцейшай Тройцы, Каранацыі Найсвяцейшай Маткі Боскай;

д) катэдра (амбон);

е) дзве сакрыстыі (рызніцы) з шафамі, сталамі, скрынямі для начыння;

2) Сярод касцельнага начыння:

а) срэбныя вырабы: манстранцыя (дараносіца) з пазалотай (вага пазначаная ў грыўнях (каля 200 г) і скойцах (1/24 грыўні)[3, 164], у пераводзе на кілаграмы — 2,5 кг), крыж з пазалотай (1,5 кг), чаша (0,8 кг), кадзіла (0,9 кг), 8 пазалочаных срэбных келіхаў вагой ад 0,5 да 0,75 кг, кандэлябры, ланцугі, пярэсцёнкi (2 залатыя, 1 срэбны), крыжыкі, 4 пазалочаныя кароны на абразях і г. д.;

б) вырабы з бронзы, жалеза, волава, медзі, у т. л. 5 званаў на званіцы, катлы і г. д.;

с) 15 арнатаў (казулаў) з расшытага золатам і срэбрам індыйскага шоўку, аксаміту, адамашку (дамасту) ды кітайкі беллага, фіялетавага, чырвонага, зялёнага, бурачковага ды чорнага колераў; 5 капаў з адамашку і аксаміту, антэпедыюмы, белыя хусты, свечы;

d) кнігі: тры старыя мшалы (місалы), старыя агенды (служэбнікі), антыфанарый, псалтыр;

3) Апісанне пабудоваў:

a) сам касцёл апісваецца як старая драўляная пабудова ў форме крыжа, уфундаваны ў свой час ён быў магілёўскім дзяржаўцам-старостам, канцлерам Вялікага Княства Літоўскага Львом Сапегам, пасярэдзіне над фасадам узвышалася адна вялікая, пакрытая бляхамі вежа з пазалочаным крыжам, абапал — дзве меншыя вежы з жалезнымі крыжамі, у канцы касцельнага даху — купал з крыжам і невялікім званам;

b) цвінтар абгароджаны вакол касцёла, з 2 брамамі (адна выходзіла ў горад, другая — на касцельны падворак);

c) званіца прапарцыйнай формы над галоўнай брамай з адным вялікім, трыма сярэднімі і адным маленькім званам;

d) школа на цвінтары каля агароджы з адным вялікім пакоем і сенцамі;

e) багадзельня (“шпіталь”) за агароджай на парафіяльнай зямлі каля кармеліцкага касцёлу: у ім прытулак знаходзілі знэнджаныя людзі, што жылі з нескладанай працы і міласціны;

4) Пра фондуш паведамляецца, што ён не з’яўляецца дастатковым, але праз адсутнасць на месцы падчас візітацыі пробашча дакладнай інфармацыі атрымаць не давялося, але на аснове наяўных дакументаў візітацый архідыякана рускага вызначалася, што касцёл быў заснаваны паводле прывілею караля Жыгімонта III Вазы, які надаў яму ў якасці фондушу 100 сялянскіх двароў, але пасля таго, як такія самыя 100 фондушавых двароў аршанскага парафіяльнага касцёлу былі перададзеныя аршанскім езуітам, Бенедыкт Война (віленскі біскуп у 1600-1615 гг.[2, 348]) падзяліў першапачатковы фондуш у 100 двароў, надаўшы аршанскаму і магілёўскаму парафіяльным касцёлам па палове.

Маёнтак знаходзіўся ў дзвюх мілях (каля 15 кіламетраў [5, 144]) ад Магілёва, на процілеглым беразе Дняпра. Заселеныя 39 валок, 4,5 валокі пустыя, 3,5 валокі адведзеныя пад фальварак, а 2 — пад карчму (у арыгінале ўсё гэта суміруецца чамусьці ў 52 валокі[8, 706]). З кожнай валокі штогод бярэцца чыншу 2 капы літоўскіх грошаў (1 капа раўнялася 60 грошам[4, 96]), бочка жыта і бочка аўса (што адпавядала прыблізна 295 кг і 165 кг, адпаведна[2, 63]), 2 курыцы, 10 яек, паншчына ж складала 2 дні на тыдзень.

Млын на рэчцы Азера (цяпер — Арціслаўка[1, 22]) штогод прыносіць 100 коп грошаў, мельнік кожны год аддае ўласніку 1 пуд мёду і адкормленага вепрука або 6 коп грошаў. Карчма ў Аўдакімавічах (у арыгінале — “Аўдаковічах”) у 1647 годзе прынесла 74 капы грошаў дабытку.

У Магілёве парафіі належалі 37 пляцаў, г. зн. стандартных зямельных забудаваных ці не забудаваных участкаў, з якіх, паводле словаў святара, у тым годзе атрымалі 42 капы грошаў і 9 фунтаў воску. Акрамя таго, на рынку мелася крама, якая штогод прыносіла 12 коп. Да таго ж, паводле дамовы паміж пробашчам з магілёўскім ландвойтам Мінвідам і гарадскімі карчмамі, апошнія штогод на Раство ахвяруюць касцёлу 80 коп літоўскіх

грошаў. А 9 магілёўскіх цэхаў (алейніцкі, шавецкі, кравецкі, рымарскі, злотніцкі, кажамяцкі, пякарскі, саладоўніцкі і мечніцкі разам з кавальскім) кожны год ахвяравалі парафіі па 20 фунтаў воску, што агулам складала 180 фунтаў на год.

5) Плябанія (дом пробашча[5, 515]) знаходзілася на поўдзень ад касцёла на вуліцы Ветранай (сучаснай Ленінскай), мела 2 паверхі, на кожным з якіх было па 2 печы, а таксама адна печ для гатавання ежы ў кухні. Агароджа вакол плябаніі пільна патрабавала рамонту.

6) Звесткі пра пробашча і вікарыя:

а) на момант візітацыі плябанам з'яўляўся канонік смаленскі Міхал Абрынскі, праз ягоную неабгрунтаваную адсутнасць дакладнай інфармацыі пра яго пасвячэнне не было, але, як стала вядома з дакументаў папярэдніх візітацый архідыякана рускага Тодара Скуміновіча (займаў гэтую пасаду з 1652 па 1668 гг.[7, 197]), ён быў прадстаўлены ў парафіі 28 ліпеня 1647 года. Адзначаецца, што пробашч — чалавек універсальных ведаў, але чужы святой маралі і сумленнаму жыццю, да таго ж, ён меў дрэнныя водгукі (цікава, што праз 20 год айцец Міхал сам у 1673-74 гг. будзе архідыяканам рускім, які ў яго час ужо называўся беларускім[6, 572]).

б) на момант візітацыі вікарыем з'яўляўся Пётр-Марцін Міневіч з Кракаўскай дыяцэзіі, які быў пасвячоны 30 студзеня 1643 года біскупам метонскім, біскупам-суфраганам віленскім Станіславам Няборскім, меў 40 гадоў, валодаў дастатковымі ведамі, але не вызначаўся строгасцю характару.

7) Пастановы візітатара:

Адзначалася вялікая заняббанасць і неахайнасць касцёлу, што тлумачылася частай адсутнасцю пробашча без ані найменшай патрэбы, як гэта сталася і ў час гэтай генеральнай візітацыі. Таму візітатар забараніў ксяндзу з'язджаць з парафіі без дазволу кіраўніцтва, а таксама пастанавіў наступнае:

- цягам аднаго года цалкам аднавіць дах пад пагрозай пакарання ў 60 злотых;
- плябанію, якую пробашч намерваўся перабудаваць і перанесці, пакінуць на сваім месцы, інакш — 100 злотых;
- не аддаваць у заставу ці арэнду фальварак, млын, раллю, сенажаці ці лес без адмысловага дазволу касцельнага кіраўніцтва пад пагрозай пазбаўлення ўсялякай дапамогі;
- пабудаваную ля званіцы стайню праз пагрозу ўзнікнення пажару перанесці ў больш аддаленае месца;
- не абцяжарваць прыгонных падводнымі перавозкамі ў Смаленск ды іншымі нязвыклымі для іх працамі пад пагрозай пакарання ў 20 злотых;
- пазбавіцца ад лянотных і бескарысных служак;
- грошы і адзенне для пеўчых павінны выдавацца штогод, інакш — 20 злотых;
- цягам двух гадоў набыць для касцёла пазітыў (невялікі пераносны арган) і наняць арганіста;

- адрамантаваць агароджы цвінтара і плябаніі цягам аднаго года пад пагрозай пакарання ў 20 злотых;
- адрамантаваць цягам двух месяцаў пашкоджаныя і разбураныя ходнікі вакол касцельных муроў;
- адвесці для захоўвання ялею новы, прыстойны посуд цягам двух месяцаў, інакш — 3 злотыя;
- завялікі, не адпаведны памерам касцёла баптыстэрыі цягам трох гадоў перабудаваць, надаўшы яму сярэднія габарыты, і пафарбаваць у больш прыстойныя колеры, заўжды падтрымліваць у ім чысціню і парадак;
- ялей павінны пастаянна захоўвацца побач з Евангеллем на галоўным алтары ў асобнай прыгожай скрынцы, прадпісана зрабіць гэта цягам трох месяцаў пад пагрозай пакарання ў 10 злотых;
- выкупіць закладзеныя келіх і кубкі на працягу двух месяцаў, інакш — 60 злотых;
- чавускія кармеліты абавязаны вярнуць 300 пазычаных талераў на працягу шасці месяцаў пад пагрозай ускладання на іх пакарання ў падвойным памеры;
- цягам года набыць алтарныя тканіны, а тыя, што ёсць цяпер, — памыць і ачысціць ад бруду;
- старанна складаць і трымаць у чысціні карпаралы і пурыфікатары, а таксама абнаўляць харальныя кнігі або купляць новыя кожныя два гады;
- пробашч не павінен заставацца ў маёнтку больш чым на чатыры дні ў тыдзень, абавязкова вяртаючыся ў касцёл у нядзелі і святочныя дні для правядзення набажэнстваў;

Вышэйпрыведзеная візітацыя Магілёўскага парафіяльнага касцёла, што захоўваецца ў Адзеле рукапісаў Бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта, з’яўляецца ўнікальнай крыніцай інфармацыі, здольнай праліць святло на стан рымска-каталіцкай супольнасці ў Магілёве ў сярэдзіне XVII ст.

Літаратура:

1. Природа Беларуси. Энциклопедия. В 3 томах. / Редкол.: В. Ю. Александров и др.; Гл. ред. Т. В. Белова. – Минск: Белорусская энциклопедия, 2010. – Т. 2. Климат и вода.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1994. – 537 с.: іл.
3. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1996. – 527 с.: іл.
4. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 4 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1997. – 432 с.: іл.
5. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – 592 с.: іл.
6. Fibek Jan o., kapucyn. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. Część I. Diecezja Witebska. Historie parafii i świątyń oraz kościołów klasztornych, wraz z kaplicami i majątkami kościelnymi, w obszarze dzisiejszej Diecezji

Witebskiej na Białorusi, na przestrzeni lat: 1396-2016 r. 765 lat od chrztu Mendoga i 630 lat od chrztu Jagiełły. Tom 1. Wschodnia część Diecezji Witebskiej, obszar dawnej diecezji wileńskiej i mohylewskiej, dekanaty: Witebski, Połocki, Lepelski, Orszański. Łomża, 2016.

7. Gauchat, P., Hierarchia Catholica Medii et Recentioris Aevi, vol. 4: A Pontificatu Clementis PP. VIII (1592) usque ad Pontificatum Alexandri PP. VII (1667) (Monasterii, 1935).

8. Vilniaus universiteto biblioteka. Rankraščių skyrius. – F57-Vilniaus kapitula. XVII-XIX a. F57-B53-42: Acta Visitationis Ecclesiarum Dioec. Vilnensis. – Vilnius, 1653–1654. - 474 lap.

УДК 101.8

ХРЫСЦІЯНСКІЯ КАШТОЎНАСЦІ Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫМ І ПРАВАВЫМ РАЗВІЦЦІ СТАРАБЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ X–XVI СТСТ.

Лагуноўская А. А.

Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А. С. Пушкіна»
(г. Брэст, Беларусь)

У артыкуле праводзіцца сацыяльна-філасофскі аналіз знешніх фактараў уплыву хрысціянскіх каштоўнасцяў і форм іх праяўлення на генезіс і станаўленне беларускай дзяржаўнасці ў Полацкім княстве і Вялікім Княстве Літоўскім. Даследуецца роля хрысціянскіх рэгулятываў ў фарміраванні духоўна-маральных асноў старабеларускага грамадства і яго грамадска-палітычным і прававым развіцці на гэтым падмурку.

Ключавыя словы: хрысціянскія каштоўнасці, духоўна-маральныя асновы, беларуская дзяржаўнасць, рэгулятывы, старабеларускае грамадства.

The article conducts a socio-philosophical analysis of external factors influencing Christian values and forms of their manifestation on the genesis and formation of Belarusian statehood in the Principality of Polotsk and the Grand Duchy of Lithuania. The role of Christian regulations in the formation of the spiritual and moral foundations of old Belarusian society and its socio-political and legal development on this foundation is investigated.

Keywords: Christian values, spiritual and moral foundations, Belarusian statehood, regulations, old Belarusian society.

Важную ролю ў грамадска-палітычным і прававым развіцці беларускіх зямель адыграла іх геаграфічнае становішча і прыродныя ўмовы пражывання іх першага насельніцтва: скрыжаванне розных культур і вераванняў дазволіла Беларусі стаць своеасаблівым геапалітычным, культурным і рэлігійным мастом паміж Усходам і Захадам. Дадзены знешні фактар аказаў уплыў на фарміраванне духоўна-маральных каштоўнасцей насельніцтва, замацаванню ў менталітэце беларускага народа талерантнасці, памяркоўнасці, стрыманасці ў меркаваннях, сістэмнасці мыслення, што, адпаведна, аказала

ўплыў на фарміраванне ўмоў фарміравання палітычнай і прававой сфер жыццядзейнасці старабеларускага грамадства. Пры гэтым асаблівасці асяроддзя пражывання, фармуючы дадзеныя характарыстыкі менталітэту, якія адпавядаюць хрысціянскім прынцыпам паводзін, зносін і дзейнасці, не толькі не перашкодзілі, а хутчэй спрыялі самаідэнтыфікацыі беларускага этнасу, якая адбывалася на аснове ўсведамлення сваіх вытокаў і крэўнага сваяцтва. Ужо ў першых дзяржаўных аб'яднаннях крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў фарміруюцца калектывізм, імкненне да адзінства, адсутнасць пачуцця перавагі і выключнасці. Яшчэ да прыняцця хрысціянства ў Полацкім княстве, якое ўзнікла на аснове аб'яднання крывічоў, замацаваліся прынцыпы народаўладдзя, якія выявіліся ў прызнанні годнасці чалавечай асобы, павазе да суайчыннікаў, адказнасці ў выкананні ўзятых на сябе абавязацельстваў, а таксама каштоўнасць свабоды выбару свайго жыццёвага шляху. Звяртаючыся да разгляду ролі хрысціянскіх каштоўнасцяў у станаўленні інстытута выбараў князя ў Полацку, які існаваў з язычніцкіх часоў, неабходна канстатаваць, што хрысціянства не перашкаджала і спадчынай перадачы ўлады ў Кіеве. У сувязі з гэтым варта адзначыць, што хрысціянства набыло пры сустрэчы з усходнеславянскай культурай пэўныя нацыянальныя формы. Хрысціянскія каштоўнасці своеасабліва выявіліся ў духоўна-маральным фарміраванні старабеларускіх зямель, спецыфічна адлюстроўваючы асаблівасці іх нацыянальна-культурнага развіцця, гістарычных умоў. Адпаведна прыняцце хрысціянства ў X ст. на старабеларускіх землях спрыяла замацаванню і развіццю маральных нормаў і гуманістычных устаноў, якія існавалі ў язычніцкі перыяд, у рэчышчы новага светапогляду. З іншага боку, на аснове духоўных каштоўнасцей хрысціянства працягнулася фарміраванне маральнай культуры старабеларускага грамадства, якая стварыла прынцыповыя рамкі светапогляднага, ідэалагічнага, палітычнага, сацыяльна-эканамічнага развіцця дзяржавы ў кантэксце еўрапейскіх працэсаў.

Аднак прынцыповая важнасць прыняцця хрысціянства на беларускіх землях складалася ў тым, што яго светапоглядныя каштоўнасці сталі асновай для пераўтварэння сацыяльнай рэчаіснасці і палітычна-прававога развіцця грамадства і дзяржавы. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца даследаванне форм праяўлення каштоўнасцей хрысціянства як рэгулятываў фарміравання духоўна-маральных асноў старабеларускага грамадства X–XVI стст. і яго грамадска-палітычнага і прававога развіцця на гэтым падмурку.

Каштоўнасці хрысціянства як рэгулятывы ўплыву на грамадска-палітычнае развіццё заклалі ідэю аб маральных падставах улады: «Усякая душа хай будзе пакорная вышэйшым уладам, бо няма ўлады не ад Бога... Бо начальствуючыя страшныя не для добрых спраў, але для злых. Ці хочаш не баяцца ўлады? Рабі дабро, і атрымаеш пахвалу ад яе» (Рым. 13: 13). Веравучэнне хрысціянства прапануе кіраўніку арыентавацца на каштоўнасці адказнасці, справядлівасці і міласэрнасці ў кіраванні сваім народам. На старабеларускіх землях у розны час існавала больш за 20 княстваў. Сярод іх

сваім значэннем вылучаліся Тураўскае і Полацкае, найбольш магутнае, якое падпарадкоўвала сваёй уладзе шэраг дробных княстваў. У той час, калі ў Кіеве замацаваўся заходнееўрапейскі прыклад перадачы ўлады ад бацькі да старэйшага сына, у Ноўгарадзе, Пскове і Полацку працягваліся традыцыі народаўладдзя і пасада князя заставалася выбарнай [2, с. 47]. Паўнамоцтвы князя знаходзіліся ў прамой залежнасці ад яго асабістых здольнасцяў. Асаблівай павагай, падтрымкай і любоўю жыхароў валодаў у час свайго княжання князь Полацкі Усяслаў (Чарадзея) (1044–1101), пры якім княства дасягнула найбольшай магутнасці, была пабудавана Полацкая Сафія – чацвёрты сярод усіх хрысціянскіх дзяржаў храм такога тыпу.

Маральная рэгуляцыя грамадска-палітычнага жыцця ў перыяд феадальнай раздробленасці і мангола-татарскага нашэсця на тэрыторыі ўсходніх славян (XII–XIV стст.) была абумоўлена мэтай захавання незалежнасці старабеларускіх зямель. У дадзены часовы перыяд тут, гэтак жа як і ў Заходняй Еўропе (Англіі, Францыі, Германіі), шляхам інтэграцыі адбывалася фарміраванне цэнтралізаванай дзяржавы, тады як дзяржаўныя аб'яднанні Кіеўскай Русі праходзілі этап феадальнай раздробленасці. У Заходняй Еўропе і Кіеўскай Русі перадача вярхоўнай улады ў дзяржаве па старшынстве абумоўлівала немагчымасць законным чынам прэтэндаваць на пасаду кіраўніка ўсім жадаючым. Часта асобы, пазбаўленыя магчымасці кіраваць, імкнуліся заняць гэтую пасаду з дапамогай любых сродкаў і метадаў, у тым ліку і гвалтоўных, аж да ваенных дзеянняў паміж насельнікамі адной дзяржавы. Зрушэнне манархаў было распаўсюджана ў перыяд Сярэднявечча ў Заходняй Еўропе і Кіеўскай Русі, і часцей за ўсё ў такіх выпадках іх пазбаўлялі жыцця. У X–XVI стст. сацыяльна-палітычныя асновы жыцця старабеларускіх зямель абумовілі функцыянаванне маральнай культуры як адзінства, якое замацоўвала фарміраванне агульных правіл, высвятляючых абавязкі ў дзейнасці асобы і грамадства, што у сваю чаргу, аказала, уплыў на развіццё грамадска-палітычнай, прававой і філасофскай думкі.

Спецыфіка сацыяльна-палітычнага развіцця старабеларускіх зямель пры адмове ад спадчыны па старшынстве ў той перыяд давала магчымасць прадстаўнікам эліты свабоднага выбару сваёй жыццёвай стратэгіі як накіраванасці на дасягненне жаданага сацыяльнага становішча і паўплывала на духоўна-маральную сферу жыццядзейнасці старабеларускага грамадства ў складзе розных дзяржаўных утварэнняў. Калі сын князя, які кіраваў, імкнуўся заняць пасаду, якая належала раней бацьку, ён, як і ўсе астатнія прэтэндэнты на вярхоўную ўладу ў дзяржаве, вылучаў сваю кандыдатуру. Толькі пры ўмове найбольшай адпаведнасці асобасных якасцяў і здольнасцяў пасадзе князя ў параўнанні з іншымі прэтэндэнтамі чалавек мог быць абраны. Свядомыя паводзіны, накіраваныя на дасягненне духоўна-маральных мэтай свайго жыцця, як каштоўнасць арыентацыя асобы спрыяюць ўмацаванню пачуцця адказнасці за свой выбар, добрасумленнасці ў выкананні абавязкаў, якія вынікаюць з яго.

Хрысціянства на беларускіх землях атрымала ў спадчыну традыцыі першых хрысціянскіх суполак, якія прывучалі сваіх членаў думаць не толькі пра сябе, але і пра лёс усяго свету, маліцца не толькі пра сваё асабістае, але і пра агульнае выратаванне. У ранні перыяд хрысціянства выявіўся ўласцівы яму ўніверсалізм: абшчыны, раскіданыя па велізарным прасторы Рымскай імперыі, адчувалі, тым не менш, сваё адзінства. Членамі абшчын становіліся людзі розных нацыянальнасцяў. Прытрымліванне прынцыпу роўнасці перад Богам усіх вернікаў, абвешчанаму ў Новым Запавеце, абумовіла далейшае развіццё верацярпімасці і ўмацаванне яе ў святдомасці беларускага народа. Менталітэт беларусаў адной з галоўных каштоўнасцяў прызнае адсутнасць пачуцця перавагі перад іншымі народамі, нацыянальнай выключнасці. Прынцып талерантнасці ў сферы канфесійных адносін адыграў таксама выключна важную ролю ў працэсе стварэння Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (ВКЛ). Пры ўключэнні ўсходнеславянскіх земляў у склад ВКЛ у сферы канфесійнай палітыкі часцей за ўсё выкарыстоўваўся прынцып «старіны не парушаць». Царква (як праваслаўная, так і каталіцкая) выбудоўвала маральныя арыенціры ў грамадска-палітычным і прававым развіцці грамадства, атрымліваючы ў гэтым падтрымку з боку дзяржаўнай улады [4, с. 52].

Спецыфіка гістарычных шляхоў развіцця Захаду і Усходу, а таксама геапалітычнае становішча старабеларускіх зямель абумовілі характар узаемадзеяння паміж асноўнымі канфесіямі хрысціянства. Асаблівасці ўзаемадзеяння паміж хрысціянскімі канфесіямі, кожная з якіх фарміравала свой культурны стэрэатып, фактычна па-свойму інтэрпрэтуючы зыходную хрысціянскую традыцыю і спрабуючы ў той ці іншай меры яе трансліраваць, былі абумоўлены тым, што ў культуры ВКЛ сутыкнуліся дзве не зусім чужародныя, але вельмі розныя паводле гістарычнага развіцця культуры, якія вядомы італьянскі славіст Р. Пікія вызначыў як *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Romana*, што прывяло да ўзаемадзеяння розных культурных стэрэатыпаў, розных хрысціянскіх традыцый і вымусіла так ці інакш парваць з адзінай хрысціянскай традыцыяй [3]. Такім чынам, у адзінай хрысціянскай традыцыі на беларускіх землях сфарміраваліся і развіваліся дзве традыцыі, несумяшчальныя адна з адной – ісіхазм і гуманізм, прасякнутыя вострай рэлігійнай палемікай ў эпоху «залатога стагоддзя».

Праваслаўныя беларускія землі, якія ўвайшлі ў XV–XVI стст. у арэал заходнееўрапейскай каталіцкай культуры, вымушаны былі захоўваць і адстойваць сваю культурную ідэнтычнасць у канфесійнай, бытавой, моўнай, творча-мастацкай, гістарыялагічнай, генеалагічнай, геапалітычнай і іншых сферах. Ісіхасцкае вучэнне (паламізм), якое заклікае да маўклівага разумнага дзеяння, і, як яго вынік, асабістыя зносіны з Богам і абагаўленне хрысціяніна ў яго яшчэ зямным быцці, аказала важны ўплыў на працэс духоўнага станаўлення беларускага народа. Нездарма цэнтральнай праблемай ісіхасцкай антрапалогіі стала праблема абагаўлення і асабістага богападабенства – праблема вобраза і падабенства Божага ў чалавеку як

падстаў чалавечай асобы. Ісіхазм і гуманізм – два шляхі развіцця хрысціянскай цывілізацыі, прадстаўленыя ў гістарычным развіцці Беларусі XIV–XVI стст. – знайшлі сваё адлюстраванне ў Статутах ВКЛ і развіцці грамадска-палітычнай і прававой думкі ў наступныя эпохі.

У працэсе фарміравання беларускай дзяржаўнасці каштоўнасці хрысціянства выступілі як своеасаблівая прыступка духоўна-маральнага асваення сацыяльнай рэчаіснасці, якая раскрывае стаўленне людзей да яе шматоблічных праяваў, у тым ліку да прынцыпаў палітычнага і прававога развіцця грамадства. У адпаведнасці з дадзеным кантэкстам гістарычныя персаны паўстаюць як выразнікі дасягнутага ўзроўню развіцця маральнай культуры грамадства. Носьбітам хрысціянскай свядомасці ў Полацкім княстве і ВКЛ быў перш за ўсё сацыяльны інстытут эліты, які імкнуўся ўвасобіць на практыцы хрысціянскі ідэал духоўна-маральнага жыцця (пра што сведчыць інстытуцыяналізацыя каштоўнасцяў хрысціянства ў Статутах ВКЛ). Рэпрэзентацыя духоўных каштоўнасцей хрысціянства на старабеларускіх землях, яе характар і формы залежалі ад канкрэтных геапалітычных, сацыяльна-эканамічных і сацыякультурных асаблівасцяў доследнага перыяду грамадскага развіцця. Што датычыцца сацыякультурнага феномену хрысціянскай спадчыны, які да гэтага часу адыгрывае значную ролю ў фарміраванні беларускага менталітэту, важна ўлічыць ўплыў звычаяў, нораваў, асаблівасцяў нацыянальнага характару, ступень усведамлення грамадствам неабходнасці свайго адзінства. Гісторыя распаралізавалася так, што Беларусь апынулася на мяжы дзвюх хрысціянскіх канфесій: праваслаўя і каталіцтва, паміж Усходам і Захадам. Гэта абумовіла фарміраванне такіх рысаў нацыянальнага характару беларусаў, як нацыянальная і рэлігійная талерантнасць і гасціннасць. Таму незалежна ад законаў, якія існавалі, а часам і насуперак ім, у старабеларускай грамадстве прысутнічала ўсведамленне каштоўнасці брацкай любові «каб усе ... гаварылі адно, і не было ... падзелаў, а каб вы спалучаны былі ў адным духу і ў адных думках» (1 Кар. 1, 10), бо «... мы ўпэўненыя, што маем добрае сумленне, бо ва ўсім хочам паводзіць сябе сумленна» (Гбр. 13, 18).

Усведамленне самабытнасці новай супольнасці і сваёй прыналежнасці да яе спачатку адбываецца ў асяроддзі найбольш адукаванай часткі ВКЛ. Гэта знаходзіць выяўленне ў росце цікавасці яе прадстаўнікоў да мінулага, сучаснасці і будучыні сваёй айчыны, у з'яўленні пачуцця любові да роднага краю, у клопаце аб захаванні і прымнажэнні духоўнай і матэрыяльнай культуры сваёй Айчыны. Усе гэтыя формы праявы самасвядомасці беларускай супольнасці з незвычайнай сілай адбыліся ў часы ВКЛ перш за ўсё ў асяроддзі гараджан, купецтва, праваслаўнага духавенства. Яны знайшлі адлюстраванне ў беларускіх летапісах, творах літаратуры і сачыненнях грамадска-палітычнай думкі. У 1529 г. выйшаў першы збор законаў у феадальнай Еўропе – Статут ВКЛ, распрацаваны навукоўцамі і юрыстамі-практыкамі старабеларускай дзяржавы на аснове кадыфікацыі і сістэматызацыі норм мясцовага права. Напісаны на старабеларускай мове, ён

быў даступны ўсім пісьменным людзям таго часу. Прававыя нормы, выкладзеныя ў Статуце, у сваёй сукупнасці складалі своеасаблівую феадальную канстытуцыю, у якой былі закладзены новыя прынцыпы адзінства права і прыярытэту пісанага права.

Такім чынам склалася парадаксальная сітуацыя: у Вялікім Княстве Літоўскім развіццё права апырэдзіла развіццё капіталістычных адносін. Феадальным адносінам таго часу была ўласцівая строгая іерархічнасць: эканамічныя, палітычныя, сацыяльныя правы належалі выключна першаму і другому саслоўям, у той час як трэцяе саслоўе, якое было бяспраўным, забяспечвала іх дабрабыт.

Менавіта з асяроддзя трэцяга саслоўя ў Заходняй Еўропе вылучылася буржуазія, барацьба якой за свае правы і прывяла пасля да падрыхтоўкі Канстытуцыі ЗША (1786), французскай Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна (1789), а на беларускай тэрыторыі ў гэты час адзначаліся нізкія тэмпы генезісу буржуазных адносін [2, с. 60]. Аднак узровень развіцця цэхавай вытворчасці, які падтрымліваецца прадстаўнікамі першага саслоўя ў ВКЛ, у тым ліку і самым буйным зямельным уласнікам – вялікім князем, аказаў дэтэрмінуючае ўздзеянне на дэмакратычныя нормы Статутаў, што адпавядала дзяржаўным працэсам таго часу.

Статуты з’яўляюцца найбольш значнымі помнікамі права ВКЛ (1529, 1566, 1588). Роўнасць усіх саслоўяў перад законам абвешчана ў Статуце 1529 г.: «Не павінны мы таксама аддаваць перавагу аднаму з бакоў, але будзем абавязаны адпраўляць правасуддзе і аказваць яго кожнаму» [5]. Статут 1566 г. замацаваў сацыяльна-эканамічныя і палітычныя змены ў дзяржаве, уключаў палажэнне, у якім сцвярджалася, што намеснік абавязваўся абараняць усе слаі насельніцтва, у тым ліку простых («паспалітых») людзей, «пры свабодах і вольнасцях хрысціянскіх» [1, с. 78]. Сын Жыгімонта I Жыгімонт II Аўгуст [1548–1572] са згоды вышэйшага дзяржаўнага органа (паноў-рады) і па жаданні ўсіх грамадзян вырашыў «паправіці, прыбавіці, расшырыці і дапоўніці» Статут 1529 г., абмяжаваў судовое свавольства ваяводаў, старастаў і іншых службовых асоб дзяржаўнага апарату і даў магчымасці для пашырэння дзейнасці прафесійных юрыстаў суддзяў і адвакатаў. Такім чынам, для дасягнення роўнай для ўсіх справядлівасці вышэйшыя службовыя асобы ВКЛ самастойна і добраахвотна дзеля агульнай справы, адмовіліся ад свайго права судзіць. Хрысціянскія маральныя прынцыпы арыентуюць дзяржаўных дзеячаў прымаць рашэнні зыходзячы з таго, што найлепшым чынам адпавядае патрабаванням дадзенай сітуацыі, а не толькі асабістым інтарэсам, таму што ў кожнага могуць быць уласныя прыярытэты ва ўнутранай і знешняй палітыцы. Адпаведнасць паводніцкіх пераваг маральным нормам хрысціянства ў сферы асноўных жыццёвых інтарэсаў, аформленая ў Статутах, сведчыць пра высокі ўзровень духоўнай сталасці соцыуму і ўплыву яго маральнай культуры, заснаванай на хрысціянскіх каштоўнасцях, на грамадска-палітычнае і прававое развіццё старабеларускіх зямель у X–XVI стст.

Непасрэдны ўдзел у распрацоўцы агульнай правай і грамадска-палітычнай канцэпцыі і фармулёўцы розных артыкулаў Статута 1588 г. браў выдатны дзеяч ВКЛ – Л.І. Сапега. У сістэме сацыяльна-палітычных і прававых поглядаў Сапегі, якая вызначына у «Прадмове» да Статуту 1588 г., важную ролю адыгрывае паняцце свабоды. Сапега асвятляе яе у сувязі з каштоўнасцямі хрысціянства праз катэгорыі права, асабістай бяспекі, свабоднага рэлігійнага і палітычнага выбару. У «Прадмове» да Статуту Сапега піша: «Там... дзікі звер пануе, дзе чалавек па сваім меркаванні ўладу ажыццяўляе, а дзе ізноў права або статут верх мае, там сам Бог усім валодае» [2, с. 64].

Статут 1588 г. адкрываюць біблейскія рэкамендацыі прытрымлівацца хрысціянскіх каштоўнасцяў: «Глядзіце, што павінны рабіць, бо не выстаўляйце суда чалавечага, але суд Божы. А што-небудзь асудзіце, усё на вас жа ўпадзе. Хай будзе ў вас страх Гасподні заўсёды. А рабіце вы ўсе ад чыстага сэрца, бо няма перад Госпадам Богам нашым няпраўды, ні заган асоб, ні пажаданні дароў» [6, с. 348]. У іерархіі хрысціянскіх каштоўнасцяў грамадскія інтарэсы, інтарэсы любога іншага чалавека стаяць вышэй за асабістыя, што абумоўлівае ідэю аб справядлівым і роўным судзе для ўсіх людзей, на якой прыступцы сацыяльнай лесвіцы яны б не знаходзіліся. Каштоўнасць свабоды актуалізуецца ў Статуце 1588 г. Л. Сапегам у звароце да ўсіх саслоўяў ВКЛ: «...усе мы паміж іншымі народамі хрысціянскімі хвалімся, што пана, каб згодна з воляй сваёй, а не згодна правах нашым кіраваў, над сабой ня маем, а як славай добрапрыстойнай, так жыццём і маёмасцю свабодна карыстаемся». Л. Сапега паказвае, што для захавання законаў і наяўнасці правоў у грамадстве іх неабходна ведаць кожнаму чалавеку і таму ён узяў на сябе выдаткі на друк, «дарогу зручную і лёгкую кожнаму да вывучэння права паказаўшы» [6, с. 350].

Хрысціянскія каштоўнасці, якія ўключаюць у сябе імкненне да адзінства, калектывізм, прызнанне годнасці чалавечай асобы, прадстаўлены ў прынцыпах Статутаў ВКЛ, што стала канчатковым вынікам развіцця грамадска-палітычнай і прававой думкі эліты старабеларускіх зямель Х–XVI стст. Выкарыстоўваючы нормы мясцовага права, палажэнні Статутаў замацавалі хрысціянскія ідэі пра свабоду асобы, роўнасць усіх людзей перад законам, клопат аб суайчынніках, што сведчыць пра імкненне іх стваральнікаў выконваць дзве галоўныя заповедзі хрысціянства, на якіх заснаваныя ўсе астатнія, – любоў да Бога (адсутнасць ганарыстасці, імкненне да самаўдасканалення, змены свайго уласнага ўнутранага і знешняга свету на пачатках добра) і любоў да бліжняга (здольнасць бачыць у кожным чалавеку самога сябе, здольнасць аддаць сваё жыццё за іншага чалавека). Трэці Статут дзейнічаў на працягу 250 гадоў, да 1840 г., і заклаў у ВКЛ асновы прававой дзяржавы, дзе панаваў закон, а не асабістая воля валадара. Прадугледжвалася абмежаванне ўлады вялікага князя праз такія дзяржаўныя інстытуты, як Сойм і Рада. Прынцып адзінства права для ўсяго насельніцтва быў новай з’явай у прававой і грамадска-палітычнай практыцы еўрапейскіх дзяржаў. Рэалізацыя

каштоўнасцяў хрысціянства ў грамадска-палітычнай і праватворчай дзейнасці вышэйшых службовых асоб давала магчымасці для далейшага развіцця грамадства на гэтым падмурку.

Літаратура:

1. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; Рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с. : іл.
 2. Лагуноўская, А.А. Хрысціянскія каштоўнасці ў маральным патэнцыяле беларускага народа / А.А. Лагуноўская. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2016 – 200 с.
 3. Левшун, Л. В. О слове преображенном и слове преображающем / Л. В. Левшун. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 896 с.
 4. Старостенко, В.В. Истоки религиозной толерантности в Беларуси / В.В. Старостенко // / Веснік МДУ імя А. А. Куляшова № 2 (44), 2014. – С. 52–58.
 5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года [Электронны ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_stranici_32-131.pdf. – Дата доступа: 16.05.2025.
 6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл.
- Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.

УДК 94 (476) «1633».

БОГОЯВЛЕНСКИЙ БРАТСКИЙ МОНАСТЫРЬ В Г. МОГИЛЕВЕ

Сухарьков В. В.

Учреждение культуры «Музей истории Могилёва»

(г. Могилёв, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается история строительства в Могилеве Богоявленского братского монастыря и религиозные отношения в городе в XVII в.

Ключевые слова: Могилевский Богоявленский братский монастырь, религия, история города.

In the article about the history Epiphany Monastery in the city Mogilev.

Key: Mogilev Orthodox Brotherhood, religion, history of the city.

В 1596 году в городе Брест проходил собор на котором решались вопросы объединения католической и православной церквей. Когда возвратились из Рима Потей и Терлецкий, то попытка их ввести унию встретила со стороны православных сильнейшее сопротивление. На первом же сейме в Варшаве князь К.Острожский, известный ревнитель православия, и все русские послы заявили, что они не признают Терлецкого и Потю своими епископами. Но король не обратил внимания на это заявление. Затем, при поддержке Сигизмунда III, созван был Собор в Бресте в 1596 г. (6-9 октября); на этот собор, кроме изменивших православию владык униатских, прибыли также львовский латинский архиепископ Соликовский, четыре иезуита, в том числе Скарга, и несколько светских вельмож-латинян. Униатский Собор под председательством латинского архиепископа утвердил унию. Соборная грамота этого синода (от 8 октября 1596 г.) о вступлении в союз с Римской Церковью подписана была, кроме митрополита и пяти епископов, лишь тремя архимандритами. Тем не менее униатский синод считал себя правоспособным действовать от имени всей Западно – Русской Церкви и своими грамотами (от 9 и 10 октября) предал анафеме оставшихся верными православию епископов Михаила Перемышльского и Гедеоны Львовского и всех архимандритов, игуменов, протопопов и священников, не принявших унию.

Решения православного и униатского Соборов в Бресте были обнародованы и представлены на утверждение королю. Таким образом, уния была заключена и утверждена. Король Сигизмунд III дал широкие права униатским владыкам и наделил их имениями и доходными монастырями. Митрополю и епископства могли получить на будущее время только лица, принявшие унию.

Кроме Потю и Рутского наиболее ревновал о насильственном распространении унии Иосафат Кунцевич, униатский иеромонах Виленского Троицкого монастыря, а с 1618 г. – униатский архиепископ Полоцкий. Он испросил у Сигизмунда III грамоту, на основании которой подчинялись его

власти все православные церкви и монастыри в пределах Полоцкой епархии. После этого он разослал по всей Полоцкой епархии грамоты, возвещавшие о соединении (унии) Православной Церкви с Католической, и потребовал, чтобы священники со своими прихожанами немедленно приняли унию. В случае неприятия ими унии Кунцевич угрожал лишить непокорных священников приходов и передать приходы вместе с церквями униатам. Его деятельность привела к тому, что у православных отбирали храмы и передавали униатам, что и произошло в Могилеве. [1,110 -111, 125 - 126]. Возникла необходимость создания нового храма и монастыря. Могилево – братский монастырь основан был в период времени с 1618 по 1633 православным могилевским братством.

Братство в Могилеве получило начало в 1588 г. и имело своим средоточием Спасскую церковь с монастырем при ней. Но в 1618 году по распоряжению полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича удалось отобрать церковь и монастырь у православных и назначить своим наместником и игуменом Гервасия Гостиловского. Тогда братчики решили организовать новый монастырь.[2,с.2-5].

После того как были решены вопросы приобретения земельного участка у княгини Соломерецкой и последующей дарственной Яна Огинского можно было приступить к строительству храма. Однако на протяжении нескольких лет не было возможности осуществить задуманное в связи с политическими обстоятельствами. Затем ситуация изменилась в лучшую сторону и можно было начать строительство храма.

Устройство монастыря под руководством Варлаама Половка пошло быстро. Братчики со всем усердием жертвовали на него «плацы» с домами, землею даже с крестьянами на ней, лес, так что с экономической стороны монастырь был обеспечен хорошо. Пожертвования особенно стали увеличиваться с 1635 г., когда Могилев посетил Петр Могила и, сам записавшись в «патроны» братства, возбудил весьма сильно религиозные чувства в жителях.

В течение 10 лет с 1634 по 1644 гг. благотворителями братства, преимущественно могилевскими мещанами, пожертвовано было монастырю, кроме денег, около 20 уволок земли, около 15 плацев большей частью с домами, постройками на них и садами.

При щедрых пожертвованиях братчиков в 1636 году уже оказалось возможным приступить к постройке каменной церкви Богоявления с двумя приделами Сошествия Св.Духа и Рождества Пресвятой Богородицы. 1-го августа этого года епископ Сильвестр Косов совершил торжественную закладку храма.

В построении храма, кроме Варлаама Половка, деятельное участие принимал инок монастыря Арсений Азарович. На его средства были сделаны столпы, двери, окна, а отчасти стены церковные и другие монастырские строения. На его же сумму положено (ранее 1652 г.) начало постройкам колокольни. Впрочем постройка колокольни была задержана тем, что

выведенный фундамент ее, во время осады г.Могилева в 1655 г. литовским гетманом князем Радзивиллом, разобран был для обороны. Продолжена была постройка колокольни в 1657 г.

Через несколько лет после окончания Богоявленской церкви, но когда именно не известно, рядом почти с названной церковью построена другая, тоже каменная, теплая, во имя Иоанна Богослова с деревянными кругом хорами, оканчивающимися алтарем в честь святителя Николая, находящихся над нижним алтарем. В 1669 г. при этой церкви утверждено королем младшее братство, состоявшее из молодых неженатых людей обоего пола, которые обязаны были делать посильные вклады на нужды и украшения этого храма.

Вскоре после устройства Богоявленской церкви братство возвело и другие необходимые монастырские здания, как то: кельи для иноков с церковью всех святых, школу (деревянную), дом для братских сходов и каменную богадельню. В то же время построен был братством девичий монастырь против мужского, на другой стороне Шкловской улицы. Он отдельной церкви не имел и был причислен к мужскому. Первые известия о нем восходят к 1643 г. [3. С.2-13].

Таким образом в течение 20-30 лет монастырь был благоустроен. Братство теперь могло несколько успокоиться после передачи Спасского монастыря униатам: оно теперь имело свой центр в новом монастыре. Главный храм последнего – первый каменный храм в Могилеве – служил символом твердости православия и стойкости его против напора латино – польского. Вскоре братчики еще более были утешены тем, что их монастырь был возвеличен помещением в нем иконы Богородицы, чудесно спасшей город во время осады его Радзивиллом в 1655 г.

Богоявленский храм Могилева был одним из крупнейших православных монастырей XVII – XVIII вв. В его комплекс входили церкви Богоявленская и Иоанна Богослова, колокольня, типография, магазины, школа, здание госпиталя, дом настоятеля и ряд хозяйственных построек. Все это было окружено каменной оградой с въездными воротами.[4с.582- 583].

Подводя итоги хочется отметить, что у храма была непростая судьба. Он пережил войны разных столетий, но все время восстанавливался. Однако XX век оказался губительным для него. Но несмотря ни на что его история показывает развитие нашего города и доказывает то, что наши предки умели ставить перед собой сложные задачи и решать их с успехом.

Список литературы и источников:

1. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Издательство Белорусского Экзархата. Мн. 2004. С.110 – 111, с. 125 – 126.
2. Там же. С. 2–5

3. Ф.А.Жудро. Богоявленский Братский монастырь в г.Могилев. Могилев – Губернский. Типография могилевского Губернского правления. 1899. С.2–13.

4. симаковБорисенко Н.С. Могилевщина – мой любимый Приднепровский край. Части I – II. УПКП «Могилевская областная укрупненная типография им. Спиридона Соболя». 2004. С. 582 -583.

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

НОВАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА МОГИЛЕВЩИНЕ В 2000-Е ГГ.

Старостенко В.В.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В контексте конфессионального пространства Республики Беларусь, в сопоставлении с другими регионами страны рассматриваются особенности динамики конфессиональных процессов в Могилевской области. Показано, что Могилевщина отличается наиболее низким уровнем конфессиональной активности населения, и в то же время ростом удельного веса религиозных общин региона в общей численности общин Республики Беларусь.

Ключевые слова. Могилевская область, религии, конфессиональные процессы, регион, Беларусь.

Summary. In the context of the confessional space of the Republic of Belarus, in comparison with other regions of the country, the features of the dynamics of confessional processes in the Mogilev region are considered. It is shown that the Mogilev region is distinguished by the lowest level of confessional activity of the population, and at the same time by the growth of the share of religious communities of the region in the total number of communities of the Republic of Belarus.

Keywords. Mogilev region, religions, confessional processes, region, Belarus.

В условиях характерной для Беларуси поликонфессиональности научно значимым является исследование процессов в конфессиональной сфере. Особое место среди актуальных проблем современного религиоведения занимает «анализ религиозной специфики регионов страны» [2, с. 543].

В период суверенной Беларуси в религиозной жизни страны произошли сущностные изменения, вызванные идейной трансформацией постсоветского общества, сложился феномен «религиозно-церковного ренессанса». Он нашел отражение в увеличении количества действующих религиозных организаций, формальном росте религиозности населения, а

также в усилении позиций религии в общественном сознании, а церковных институтов – в социальной жизни общества.

Религиозная жизнь современной Могилевской области представлена 293 общинами, которые входят в состав 20 конфессий. Для сравнения: в 2000 г. на Могилевщине действовали 180 общин 17 конфессий [4, с. 20], т.е. количество низовых религиозных организаций за период 2000-2020 гг. возросло в 1,6 раза (что превышает общереспубликанские показатели роста (в 1,35 раза) [5, с. 229]), число конфессий – в 1,2 раза. По сравнению с 1992 г. (62 общины и 6 конфессий), когда произошла легализация организаций, действовавших до этого времени де факто, количество общин увеличилось в 4,7 раза, а количество конфессий – в 3,3 раза. В целом по республике за период 1992 – 2021 гг. динамика была значительно более скромной: количество общин возросло в 2,5 раза, а конфессий – в 1,6 раза.

Конфессиональные процессы в Могилевской области в 2000-е гг., по сравнению с 1990-ми гг., отличались большей динамичностью. Если на 1990-е гг. (с 1 января 1991 г. по 1 января 2001 г.) приходится регистрация 179 религиозных общин, то на первое десятилетие 2000-е гг. (с 1 января 2001 г. по 1 января 2011 г.) – только 89 общин, а за второе десятилетие 2000-е гг. (с 1 января 2011 г. по 1 января 2021 г.) – 24 общины. Наиболее значительный годовой рост религиозных организаций в области пришелся на 1992 г. (59 общин). С 2000 г. наблюдается снижение положительной динамики роста. Если в 1998 и 1999 гг. создавались по 20 религиозных общин, то с 2000 г. ежегодно, как правило, не более 10. Если в 1990-е гг. средний ежегодный рост числа общин составлял 18, то в первое десятилетие 2000-е гг. – 9, а во второе десятилетие 2000-е гг. – только 2. Темпы роста числа общин снизились, таким образом, в 9 раз. Важно отметить, что данная тенденция отражает общую для Республики Беларусь закономерность существенного снижения динамики роста численности религиозных организаций.

За весь период статистических наблюдений Могилевщина по сравнению с другими регионами страны традиционно отличается наименьшей конфессиональной активностью, представленные здесь на начало 2020 г. религиозные организации составляют менее 9 % от их общей численности в Беларуси при около 11% населения страны. По сравнению с другими областями республики в Могилевской области наименьшее число культовых зданий (198 из 2725, т.е. около 7,3%) и наименьшая численность священнослужителей (252 из 3365, т.е. около 7,5%). Большей религиозной активностью традиционно отличаются западный и центральный регионы республики [1, с. 584]. Наибольшая численность религиозных общин на начало 2020 г. сохранялась в Брестской (около 23 %) и Минской (около 21 %) областях, где проживает только около 14% и 16% населения республики.

Сравнительная степень религиозно-церковной активности в областях Республики Беларусь может, наряду с другими показателями, быть проиллюстрирована индексом конфессиональной активности населения – соотношением численности населения к количеству религиозных общин.

Если в среднем в Беларуси на одну зарегистрированную общину приходится 2,78 тыс. человек, то в Могилевской области – 3,48 тыс., что является показателем наименьшей конфессиональной активности среди областей страны. Наиболее высокая конфессиональная активность населения фиксируется в Брестской области – 1,76, а данные по городу Минску (12,95) отражают особый статус наиболее урбанизированного населенного пункта республики.

Диаграмма 1 – Изменение количества религиозных общин Могилевской области в 2000-2021 гг. (на 1 января указанных лет)

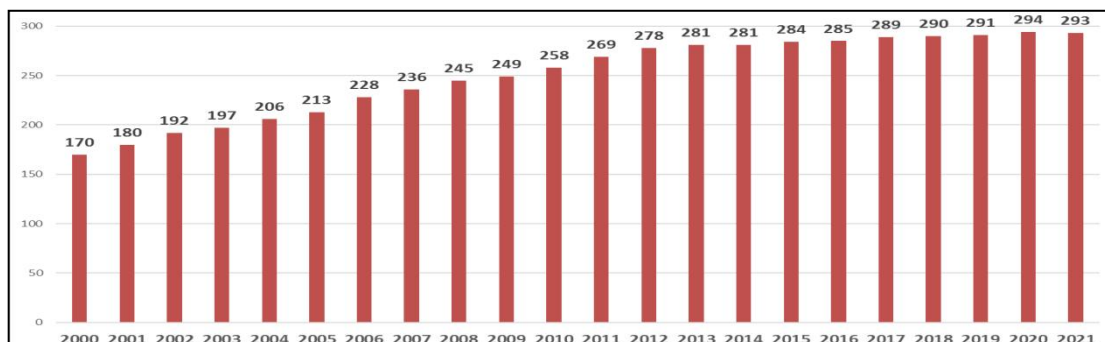
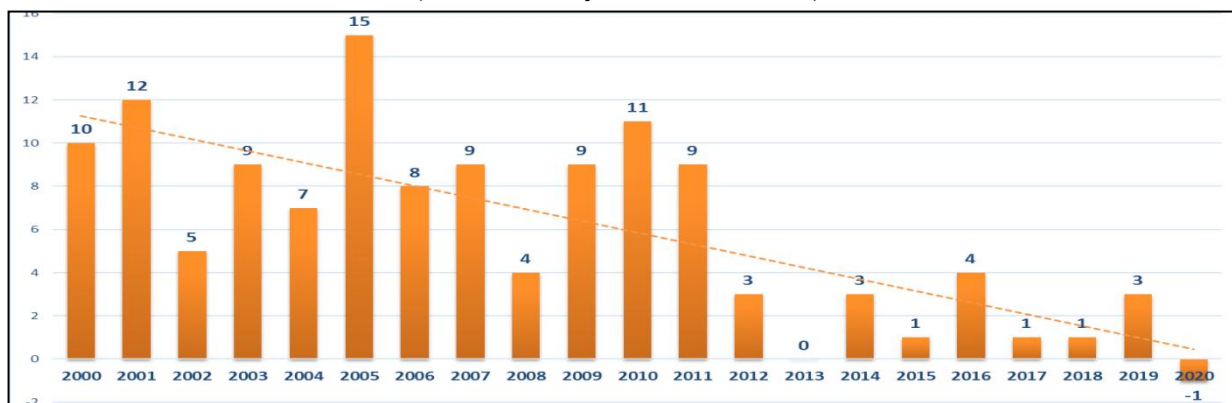

Диаграмма 2 – Динамика изменения численности религиозных общин Могилевской области за 2000-2020 гг. по годам (в течение указанных лет)

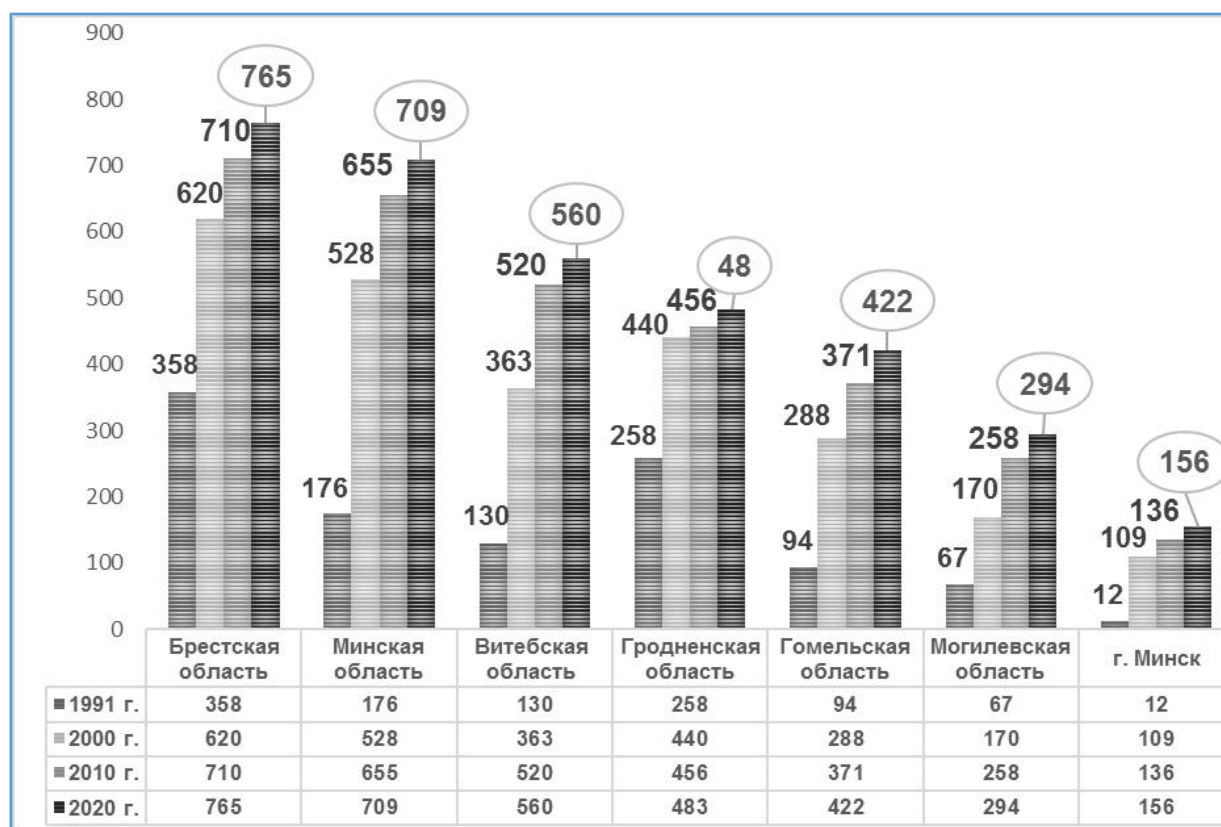
Важно также заметить, что удельный вес религиозных общин Могилевской области в общей численности религиозных общин Республики Беларусь не являлся статичным показателем. Имеет место ясно выраженная тенденция его роста. Так, на 1 января 1993 г. общины области составляли 4,1% общей совокупности религиозных общин республики, на 1 января 1996 г. – 5,1%, на 1 января 1999 г. – 6,2%. Сохранялась эта тенденция и в 2000-х гг. Удельный вес общин Могилевщины на 1 января 2000 г. составлял 6,75%, на 1 января 2006 г. – 7,9%, на 1 января 2012 г. – 8,66%, на 1 января 2020 г. – 8,68%. Иначе говоря, за период с 1993 г. по 2020 г. удельный вес религиозных общин Могилевской области в общей численности религиозных общин Республики Беларусь увеличился более чем в два раза.

Таблица 1 – Удельный вес религиозных общин Могилевской области в общей численности религиозных общин конфессий Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2000 – 2020 гг.)

№ п/п	Конфессии	Количество религиозных общин (в %)		
		2000	2010	2020
1.	Православная церковь (БПЦ)	6,06	7,75	8,02
2.	Старообрядческая церковь	17,14	18,75	20,59
3.	Римско-католическая церковь	4,20	4,89	4,82
4.	Греко-католическая церковь (униаты)	7,69	7,14	6,25
5.	Армянская апостольская церковь	0	0	50
6.	Пресвитерианская церковь	0	100	100
7.	Лютеранская церковь	0,00	14,81	16
8.	Христиане веры евангельской (ХВЕ)	7,00	7,98	8,02
9.	Христиане полного евангелия (ХПЕ)	1,85	5,45	4,84
10.	Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	11,89	14,34	14,23
11.	Адвентисты седьмого дня	6,25	8,33	8,22
12.	Свидетели Иеговы	4,76	7,69	11,11
13.	Новоапостольская церковь	10	9,52	9,52
14.	Церковь Христова	16,67	20	20
15.	Мормоны	0	25	25
16.	Иудейская религия	15,00	23,33	39,47
17.	Прогрессивный иудаизм	25	12,50	13,33
18.	Мусульманская религия	4,17	4	4,17
19.	Бахаи	16,67	20	20
20.	Кришнаиты	28,57	16,67	16,67
	Всего	6,75	8,31	8,68

Данная тенденция связана со сравнительно большей активностью в деле создания новых общин в Восточной Беларуси [3, с. 142]. Так, в 2000 – 2020-х гг. в общереспубликанской совокупности религиозных общин сократился удельный вес общин таких регионов, как Брестская область (с 24,62% до 22,57%) и Гродненская область (с 17,47% до 14,25%), и, напротив, увеличился сегмент Витебской (с 14,42% до 16,52%), Гомельской (с 11,44% до 12,45%) и Могилевской (с 6,75% до 8,68%) областей.

Диаграмма 3 – Численность религиозных общин в регионах Республики Беларусь в 1991, 2000, 2010 и 2020 гг.

На современном этапе в Могилевской области сохраняется высокая степень стабильности конфессиональной структуры. Значимый рост общего числа конфессий пришелся на 1990-е гг. Количество религиозных направлений увеличилось с 1 в 1990 и 1991 гг. до 6 в 1992 г., 10 в 1994 г., 15 в 1997 г., 17 в 2000 г., 19 в 2006 г., 20 с 2012 г. Все наиболее крупные конфессии Могилевской области, имеющие ныне более 10 общин, были институализированы уже в 1992 г. После 2000 г. оформились и прошли установленную процедуру государственной регистрации только четыре конфессии, имеющие до настоящего времени, как правило, лишь по одной общине – пресвитериане (2004 г.), мормоны (2005 г.), армяно-григориане (2012 г.). По сравнению с конфессиональной структурой Республики Беларусь в целом, в Могилевской области отсутствуют зарегистрированные организации католиков латинского обряда, реформатов, христиан веры апостольской, мессиан и буддизма.

В конфессиональной структуре Могилевской области наиболее прочные позиции по численности религиозных организаций занимают Белорусская православная церковь (БПЦ), Христиане веры евангельской (ХВЕ), Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) и Римско-католическая церковь (РКЦ). Для сравнения: в Республике Беларусь в несколько ином порядке: БПЦ, ХВЕ, РКЦ и ЕХБ. При этом все без исключения наиболее значимые в области конфессии имеют в конфессиональной структуре республики удельный вес, уступающий усредненному региональному

показателю (около 14,29%). Так, общины БПЦ в Могилевской области занимают 8,02% от общей численности общин БПЦ в Республике Беларусь, общины ХВЕ – 8,02%, общины ЕХБ – 14,23%, общины РКЦ – 4,82%.

Конфессиональное пространство Могилевской области демонстрирует в целом рост численности религиозных организаций. Наиболее стабильную положительную динамику развития как в республике в целом, так и в Могилевской области, имеет БПЦ. Если в 1990 г. она насчитывала 1 зарегистрированный церковный приход, то на начало 1993 г. – 46, на начало 1999 г. – 65, 2005 г. – 93, 2008 г. – 107, 2011 г. – 120, 2014 г. – 129, 2017 г. – 136, а на 1 января 2020 г. – 137. При этом в общем объеме религиозных общин области доля БПЦ в конкурентных условиях первого десятилетия суверенной Беларуси уменьшилась с 74,2% (на 1 января 1992 г.) до 40,0% (на 1 января 2001 г.), но затем, в преферентных условиях 2000-х гг., возросла до 45,9% (на 1 января 2013 г.) и до 46,60% на 1 января 2020 г. Другая православная конфессия – старообрядчество – с 2000 г. и до 2011 г. не имела положительной динамики роста числа общин (3 общины в 1999 г., 6 с 2000 г. до 2011 г., 7 с 2012 г. В общем объеме религиозных организаций области доля старообрядчества в 2000-х гг. даже уменьшилась с 3,53% (2000 г.) до 2,38% (2020 г.).

Существенно за годы суверенной Беларуси увеличилось в Могилевской области число общин РКЦ (на начало 1993 г. – 3, 1995 г. – 7, 1997 г. – 11, 1999 г. – 15, 2003 г. – 18, 2008 г. – 22, 2020 г. – 24). Однако если первоначально (в 1990-х гг.) доля общин РКЦ в общем объеме религиозных организаций области увеличилась с 4,4% (на 1 января 1993 г.) до 10,0% (на 1 января 1999 г.), то за последующий период уменьшилась до 8,16% (на 1 января 2020 г.). Если в 1990-х гг. ежегодный прирост римско-католических общин составлял в среднем 2 общины, то в первом десятилетии 2000-е гг. – в среднем 0,6 общин, а во втором десятилетии 2000-е гг. близок к нулю (0,1). Количество общин другого направления католицизма – униатства – неизменно с 1993 г., когда была зарегистрирована его могилевская организация. Доля униатства в общем объеме религиозных организаций области 0,34%.

Наиболее динамичной конфессией по росту численности религиозных организаций как в Республике Беларусь, так и в Могилевской области до начала 2000-х гг. являлся поздний протестантизм (неопротестантизм). Количество его направлений увеличилось с 4 (ЕХБ, ХВЕ, АСД, Свидетели Иеговы) в 1992 г. до 7 в 1995 г. до 8 в 2005 г. Число общин за тот же период выросло более чем в 7 раз – с 13 до 98, и они составляют ровно треть – 33,3% в общем объеме религиозных организаций области.

В настоящее время из неопротестантских направлений наибольшее число общин в Могилевской области имеют ХВЕ (42 с 1 января 2020 г.) и ЕХБ (40 с 1 января 2011 г. по настоящее время). По этому показателю ХВЕ вышли на первое место среди организаций протестантизма и второе – среди конфессий в области в целом, уступая только БПЦ. ЕХБ по численности общин являются третьей конфессией в области, после БПЦ и ХВЕ. При этом в общем объеме

религиозных организаций доля общин ХВЕ в 2000-х гг. уменьшилась с 18,24% (на 1 января 2000 г.) до 14,29% (на 1 января 2020 г.), а ЕХБ – уменьшилась за тот же период с 17,06% до 13,61%. Остальные направления неопротестантизма имеют в области от 1 до 6 общин, более 1% в общем объеме религиозных организаций области занимают лишь ХПЕ (1,02%), АСД (2,04%) и Свидетели Иеговы (1,02%).

Ранний протестантизм в форме лютеранства признается в республике «традиционной» религией, но не стал серьезным фактором конфессиональной жизни. Первая община лютеран на Могилевщине была зарегистрирована в 2000 г., с 2002 г. действовали две общины, с 2005 г. – 3, с 2006 г. – 4, как и в настоящее время. В общем объеме религиозных организаций области лютеранство увеличило свое представительство в период 2000-2020 гг. с 0,56% до 1,36%. Другая форма раннего протестантизма – пресвитерианство – имеет с 2004 г. в области одну общину.

Из нехристианских религий внимание заслуживает динамика развития ортодоксального иудаизма. На начало 1994 г. официальную регистрацию имела одна община этой религии, что составляло 1,3 % от общего объема религиозных организаций области. Удельный вес в области ортодоксального иудаизма в последующие годы увеличивался от 2% на 1 января 1999 г. до 2,54% на 1 января 2003 г., 2,97% на 1 января 2007 г., 4,63% на 1 января 2013 г., и до 5,1% на 1 января 2020 г. Общины «прогрессивного иудаизма», заняв в 1998 г. 1,3% конфессионального пространства области, в дальнейшем снизили свое присутствие почти вдвое: до 0,68% на 1 января 2020 г.

Литература

1. Пушкин, И. А. Национально-конфессиональные отношения / И. А. Пушкин, В. В. Старостенко // История белорусской государственности. В 5 т. Т. 5 / А. А. Коваленя [и др.]; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории – Минск: Беларуская навука, 2020. – С. 550-589.
2. Старостенко, В. В. Актуальные проблемы современного религиоведения в Беларуси / В. В. Старостенко // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого Белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 542-543.
3. Старостенко, В. В. Восточная Беларусь в конфессиональном измерении: монография / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 224 с.: ил.
4. Старостенко, В. В. Религии в Республике Беларусь в статистическом измерении: справочник / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 144 с. : ил.
5. Старостенко, В. В. Специфика конфессиональной структуры Могилевской области в контексте религиозного пространства Республики Беларусь 2000-х годах / В. В. Старостенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнар. навук.

канф., 25-26 чэрвеня 2021 г., г. Магілёў / уклад. І. А. Пушкін. – Магілёў : БДУТ, 2021. – С. 228-235.

УДК 316

РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОГИЛЕВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Юдин В. В., Козлова К. И.

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. Статья основана на результатах социологических исследований религиозности молодежи Могилева и Могилевской области Республики Беларусь. В статье речь идет о посещении богослужений белорусской молодежью в начале XXI века. Рассматривается мотивация молодежи при посещении религиозных служб.

Ключевые слова: религиозность, религия, семья, молодежь, идентичность, социализация.

Summary. The article describes the results of sociological studies of religiousness among the youth of Mogilev and Mogilev region. The article discusses the attendance of religious services by Belarusian youth at the beginning of the 21st century. The motivation of young people when attending religious services is considered.

Keywords: family, students, youth, identity, socialization, religiosity, religion.

В белорусской социологии в качестве «минимума определения» религиозности принято использовать следующие признаки: наличие веры в Бога; конфессиональная самоидентификация; ритуальное (культовое) поведение [1, с. 16]. Ритуальное поведение проявляется в посещении культовых зданий и религиозных служб, проходящих в этих зданиях. Динамика такого вида ритуального поведения молодежи в начале XXI, как посещение богослужений, представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика посещаемости молодежью богослужений в %

¹ Все данные, которые используются в статье, получены результаты исследований, проведенных в 2002-2007 гг. в рамках Государственной программы фундаментальных исследований НАН Беларуси «Социологическое исследование социальных и социально-культурных процессов в современной Беларуси (Социальные процессы)», по гранту БРФФИ (договор № Г03–346 от 15 апреля 2003 г.), в рамках темы «Социокультурные факторы становления гражданского общества (на примере Могилевской области) 2006–2010 гг.», включенной в Государственную комплексную программу научных исследований «Экономика и общество» на 2006-2010 гг. Использованы данные, полученные в рамках НИР «Социологический мониторинг социальных проблем в высшем учебном заведении № гос. рег. 20061288. В 2002 году выборочная совокупность составила 600 респондентов 16 – 30 лет. В 2004 году по однотипной методике были опрошены 679 представителей молодежи. В 2007г. опрошены 515 человек. В ходе исследований опрашивались представители учащейся и работающей молодежи Могилева

Частота посещения богослужений	2002 г.	2007 г.
От случая к случаю	30	36,2
По религиозным праздникам	18,1	22,6
Раз в месяц	2,3	2,5
Раз в неделю	1,5	1
Не посещают совсем	49,3	37

Анализ данных приведенных в таблице 1 позволяет сказать, что посещения богослужений молодежью не являются устойчивыми и периодичными, а характеризуются случайностью. Кроме того, значительная часть молодежи не принимает участия в этом виде религиозной деятельности.

В целом молодые люди не склонны обременять себя церковной дисциплиной и систематически ходить на богослужения. Наше исследование во многом подтвердило результаты исследования молодежи, проведенное в 1997г. социологами БГУ. В 1997 году было зафиксировано, что только 8,6% ходят на службы в церковь не реже одного раза в месяц, на Пасху или Рождество посещают богослужение – 26,7%, один раз в год и реже – 26, 8% молодежи Беларуси [2, с. 56].

В первое десятилетие двадцать первого века религиозные богослужения систематически, не менее одного раза в месяц посещали примерно 4% молодых могилевчан. По Белоруссии в целом в то время «в религиозную практику включены не более 6%» [3, с. 138].

Какими мотивами руководствуются молодые люди, когда посещают религиозные службы? По-видимому, у молодежи мотивировка посещения богослужений может носить как религиозной, так и не религиозный характер.

Каждый третий представитель могилевской молодежи, из числа опрошенных в 2002 (30,5%) и в 2004 (30,5%) годах, посещал богослужения, руководствуясь желанием посмотреть и послушать происходящее во время церковной службы, что не может считаться систематической религиозной практикой.

Практически каждый четвертый молодой человек (23,7%), по исследованию 2002 года и каждый пятый (19,2%) из опрошенных представителей молодежи в 2004 году, приходили в церковь на службу за компанию с родителями. В компании с друзьями посещали богослужение 9,7% опрошенных в 2002 году и 10,5% молодых людей опрошенных в 2004 году [4, с. 11].

В отдельную, но не многочисленную группу, можем выделить молодежь, которая, приходит в церковь на богослужения, с желанием преодолеть чувство одиночества и заброшенности. В 2004 при посещении церковных служб таким же мотивом руководствовались 1,5% опрошенных [4, с. 12]. Можем говорить, что молодежь начала XXI века в религиозных службах принимала участие, руководствуясь в основном не религиозными мотивами [5, с. 191]. Не религиозная мотивация участия в религиозных обрядах и праздниках среди населения СССР, в том числе и молодежи, была

в большинстве случаев преобладающей и на рубеже 80-х и 90-х годов XX века [6, с. 97].

По религиозным мотивам посещает богослужение примерно каждый третий молодой человек. Прийти на религиозную службу молодежь может, руководствуясь своей верой в бога, предписаниями вероучения, а также выполняя обязанности члена религиозной общины. Посещали богослужения, руководствуясь «верой в Бога» 24% молодежи опрошенной в 2002 году, и 27,5% молодых людей по данным опроса 2004 года [4, с. 12].

Посещали службы в церкви, соблюдая установленные вероучением правила, 6,5% представителей молодых поколений по результатам опроса 2002 года. Придерживались правил установленных вероучением и поэтому посещали богослужения 6,8% молодежи опрошенной в 2004 году. Стабильным остается количество молодежи, мотивирующей свою культовую практику обязанностью выполнять предписания веры. Можем сказать, что представители этой группы молодежи знают и стараются соблюдать некоторые церковные правила [4, с. 12].

В начале XXI века в систематической религиозной деятельности, проявлявшейся в посещении богослужений, была охвачена незначительная часть молодежи. Вместе с тем уменьшилось количество молодых людей, которые вообще не посещают богослужения.

Литература:

1. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект) / Л.Г. Новикова – Минск: «БТН-информ», 2001 – 132 с.
2. Ротман, Д.Г. Белорусская молодежь на рубеже веков: штрихи к портрету / Д.Г. Ротман // Социология 2004. – № 1. – С. 50 – 59
3. Земляков, Л.Е. Республика Беларусь в конфессиональном измерении. / Л.Е. Земляков, И.В. Котляров – Мн.: Изд-во МИУ, 2004. – 231 с.
4. Религиозный экстремизм в молодежной среде. Отчёт о НИР (заключительный) / Могилёв. гос. универ. продовольствия; Рук. Ю.М. Бубнов № ГР 20032104. – Могилёв, 2005. – 104 с.
5. Юдин, В.В. Религиозность и религиозное образование молодежи / В.В. Юдин // Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы. / Материалы международной научно-практической конференции.(2 – 3 июня 2005г., г. Горки) / Под общ. ред. А.Р.Цыганова, А.Н. Данилова. – Горки: БГСХА, 2005. – С. 190 – 192.
6. Кублицкая, Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социс. 1990. – № 5. – С. 95 – 103.

ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Лагуновская Е.А. , Кирпич А.А.

Учреждение образования «Брестский государственный университет им. А. С.
Пушкина»

(г. Брест, Беларусь)

В статье исследуются принятые документы о сотрудничестве между Республикой Беларусь и ее государственными органами и Белорусской Православной Церковью. Анализируется развитие правовой основы в области духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи на основе ценностей христианства в образовательном пространстве и возможностей ее воплощения в преподавании социо-гуманитарных дисциплин через призму осмысления смысла жизни как стержня ценностных ориентаций.

Ключевые слова: религия, христианство, Белорусская Православная Церковь, духовно-нравственные ценности, ориентации, смысл жизни.

The article examines the adopted documents on cooperation between the Republic of Belarus and its state bodies and the Belarusian Orthodox Church. It analyzes the development of the legal framework in the field of spiritual and moral education of student youth based on the values of Christianity in the educational space and the possibilities of its implementation in teaching social and humanitarian disciplines through the prism of understanding the meaning of life as the core of value orientations.

Keywords: religion, Christianity, Belarusian Orthodox Church, spiritual and moral values, orientations, meaning of life.

В соответствии с реализуемым принципом свободы совести и изменениями в Конституции, Республика Беларусь сотрудничает в области духовно-нравственного воспитания на основе традиционных ценностей, в том числе и ценностей христианства как важной части национальной культуры, с православной и католической церквями, другими традиционными религиями нашего государства. Все традиционные религии в области духовно-нравственного воспитания ориентируют молодежь на служение своему народу, защиту отечества, почитание родителей, уважение старших, активное участие в учебе, профессиональных и общественных делах, что является особенно актуальным для современного белорусского общества в условиях социальных трансформаций.

При этом необходимо учитывать, что православие является первой по времени появления на белорусских землях христианской конфессией, было и остается ведущим вероисповеданием в нашей стране. 20 сентября 1994 г. Министерство образования и науки Республики Беларусь и Белорусская Православная Церковь заключили соглашение о сотрудничестве с целью

возрождения духовности и нравственности белорусского народа, восстановления культурной традиции и утверждения исторической роли Православия в пределах действующего государственного законодательства. В данном документе отмечается необходимость сохранения нравственного и психического здоровья белорусского народа с опорой на признание социальной значимости деятельности Православной Церкви как культурно-формирующего фактора в обществе. Принципиальное значение в дальнейшем развитии образования и воспитания в нашем государстве на основе ценностей христианства имели положения соглашения о необходимости установления гармонии нравственного и рационально-информационного образования, а также признание важности утверждения в Республике Беларусь европейского принципа дифференцированного статуса религий, конфессий и вероучений в соответствии с их ролью в культуре и возможностями оптимального их влияния на государственно-образовательные программы [4].

Главным направлением социальной деятельности Белорусской Православной Церкви является народное воспитание, прежде всего, воспитание подрастающего поколения. С учетом влияния процессов социальных трансформаций на духовную сферу жизнедеятельности общества, в том числе на образование и воспитание молодежи, Православная Церковь в Основах социальной концепции раскрывает свою позицию в этой области: «С православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Тем не менее, Церковь, следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней исходя из признания человеческой свободы» [2]. Поэтому, ориентируясь на христианскую ценность свободы выбора в процессе принятия решений и мировоззренческих ориентиров, данное положение программного документа Православной Церкви соответствует принципу свободы совести.

10 февраля 2025 г. состоялась встреча А.Г. Лукашенко с конфессиональными представителями Республики Беларусь. Митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси высказался на встрече о необходимости сохранения традиционных христианских ценностей. Значимым фактором современной общественно-политической практики митрополит назвал участие традиционных конфессий в закреплении положений о духовных основах белорусского общества при подготовке новой редакции Основного закона, в Концепции национальной безопасности, в законодательных актах о культуре и др.

Более двадцати лет в Республике Беларусь действует Соглашение о сотрудничестве с Белорусской Православной Церковью. Подписанное Соглашение определяет принципы и основные направления сотрудничества Церкви и государства в областях взаимной заинтересованности и ответственности. В статье 2 данного документа отмечается, что отношение Церкви к государству основывается на принципе уважения к нему как

социальному институту, нацеленному на обеспечение общественного порядка, защиту национальных интересов, нравственности, охраны духовных и культурных ценностей народа. В статье 3 обозначены приоритетные направления сотрудничества государства и Церкви. Прежде всего указываются области общественной нравственности, воспитания и образования, культуры и творческой деятельности, охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия [5]. В соответствии с соглашением и принципом светского характера образования, Министерством образования и Церковью с 2003 г. в области воспитания и образования на основе Конституции, Кодекса об образовании, Закона «О свободе совести и религиозных организациях», Закона «О правах ребенка» Республики Беларусь и принципов международного права, разрабатываются и принимаются совместные программы с целью согласованного и результативного сотрудничества. Научно-методическое сопровождение реализации данных программ в учреждениях высшего образования возложено на «Республиканский институт высшей школы».

Таким образом, в Республике создана правовая основа для дальнейшего развития совместной деятельности государственных органов, образовательных учреждений и церковных структур с целью воспитания нравственно зрелой и духовно развитой личности, любящей свое Отечество. Как справедливо отмечал Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет, этой цели нельзя достичь, если не приобщить студенческую молодежь к духовно-нравственным, историко-культурным отечественным традициям белорусского народа. Поэтому раскрытие духовного потенциала христианских ценностей является одной из важнейших задач совместной деятельности государственных учреждений образования и структур Белорусской Православной Церкви [6]. Митрополит Филарет выделяет следующие направления для решения данной задачи и их конкретное содержание: 1). Сотрудничество церковных структур с государственными органами управления и учреждениями образования; 2). Дальнейшее развитие и совершенствование церковной системы образования. Среди форм взаимодействия двух социальных институтов митрополит Филарет выделяет, прежде всего, необходимость просветительской работы священнослужителей среди педагогов. Важное значение в современных условиях светского государства имеет тот факт, что священнослужители не могут подменять педагогов в образовательно-воспитательном процессе. Поэтому в области воспитания молодежи священнослужители призваны помочь педагогам овладеть православными духовно-нравственными, историко-культурными и социально-нормативными ценностями, накопленным в лоне Церкви педагогическим опытом.

В качестве стратегического компонента планирования развития образования и воспитания молодого поколения, стороны Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Белорусским Экзархатом, договорились совместными усилиями

разработать условия, методы и принципы участия в научном, учебном и административном процессах учебных заведений исторически традиционных для Белоруссии религий и конфессий на основе западноевропейской модели конфессиональной политики. В документе отмечается атеистическая основа философии, истории, этики, психологии, педагогики и других гуманитарных и обществоведческих наук и возможности для взаимодействия в совместной деятельности по разработке образовательных стандартов и по созданию учебников и методических материалов по данным дисциплинам. В документе подчеркивается необходимость, наряду с указанными дисциплинами в системе образования, присутствия курсов, основанных на исторически традиционном для Белоруссии религиозном мировоззрении. Несмотря на последовательно продолжающуюся в нашем государстве работу в данном направлении, и достигнутые результаты в начальной и средней школе, для высшей школы данная задача продолжает оставаться актуальной.

В Программе сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2021 – 2025 годы предусмотрено включение в учебные планы, программы учебных дисциплин вопросов духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи на основе православных традиций [1].

Ценности традиционных для Беларуси религий, как и гуманистические ценности нерелигиозного мировоззрения признаются на современном этапе в качестве одного из компонентов духовно-нравственного воспитания в образовательном пространстве. Однако проблема недостаточной образованности белорусской молодежи – социально активной части общества – о ценностях традиционных религий продолжает оставаться актуальной. Ценностные ориентации молодого поколения могут быть направлены на удовлетворение базовых потребностей, в первую очередь материальных, а его духовные запросы в большинстве случаев находятся на подсознательном уровне. В информационном обществе многообразие форм жизнедеятельности студенческой молодежи создает ситуацию, когда у одного и того же молодого человека может быть несколько ориентаций, отражающих основной круг его интересов (общественная, нравственная, научная и др.). В качестве основного фактора духовно-нравственного воспитания молодежи в образовательном пространстве могут занять христианские ценности, призванные оказать существенное позитивное воздействие на духовность, менталитет, нравственность и эстетическое восприятие молодежи, на ее гражданскую позицию, на отношение к добру и злу. Ценности христианства являются фундаментальными ценностями национальной культуры современного белорусского общества и создают базу для осмысления вызовов времени.

В процессе преподавания современных социо-гуманитарных дисциплин педагогу предоставляется возможность познакомить студентов с христианским пониманием смысла жизни как с общечеловеческим духовно-нравственным идеалом. Христианство как индивидуальная и социальная

практика не обрело бы мирового признания, если бы сводило понятие «духовность» к определенному религиозному содержанию. Духовные ценности не могут быть усвоены извне, но, будучи общечеловеческими, могут актуализироваться в значимой для человека ситуации. В современных условиях нельзя всю ответственность за информирование молодых белорусских граждан о ценностях христианства возложить исключительно на церковь. Необходима интеграция деятельности в данном направлении государственных органов, науки, образования, церкви и общественных организаций.

Важную роль в получении человеком определенной суммы знаний о христианских ценностях как предмете духовно-нравственного восприятия играет образование, предполагающее убеждение, внушение и заражение. Убеждение апеллирует к познанию и строится на последовательности личных выводов, при чем информация оценивается критично и для воспринимающего не может быть негативной. Внушение проявляется в воздействии на бессознательном уровне, без использования аргументации. Заражение, разновидностью которого является подражание, осуществляется путем передачи с усилением эмоционального состояния от человека к человеку. Образование предполагает освоение новой информации, а воспитание призвано удовлетворить духовные потребности людей в целостном мироощущении своего бытия. Педагог должен уметь построить «своеобразный резонансный контур, т.е. найти вовремя нужные слова, мысли, интонацию» (А.И. Осипов), чтобы бережно и осторожно воздействовать на чувственный компонент сознания. Только затронув внутренний мир и эмоциональную сторону формирующейся личности, можно рассчитывать на ее отклик.

Развитию духовно-нравственного воспитания на основе ценностей христианства в образовательном пространстве будет способствовать обращение к проблеме смысла жизни в процессе преподавания социо-гуманитарных дисциплин. Социо-гуманитарные науки и традиционные религии рассматривают смысл жизни как стержень ценностных ориентаций личности, обусловленный целями и интересами общества, к которым принадлежит человек. Однако, основная задача религии – нравственное воспитание личности, нацеленное на укрепление и развитие ее духовности, а социо-гуманитарное знание, эксплицируя человека в процессе социализации, ориентировано на лучшую организацию жизни. На современном этапе различие ценностных ориентаций, представленное в социо-гуманитарном знании, формирует многообразие подходов к определению смысла жизни, среди которых можно выделить философский, этический, социологический, психологический.

Проблема смысла жизни была и остается предметом дискуссий различных философских направлений. Идеализм смысл жизни связывает с трансцендентной сферой, а материализм утверждает, что смысл жизни человека нельзя искать вне самой его жизни. В материалистическом

понимании смысла жизни выделяют два разноречивых аспекта. В соответствии с философией марксизма, смысл жизни понимается как переустройство мира человеком на началах добра и справедливости. Человек здесь выступает средством для могущества будущего человечества, что противостоит христианскому принципу жить «здесь и сейчас». Другой философский подход основан на утверждении о том, что смысл жизни создается самим человеком: жизнь ставит перед ним ситуацию выбора из множества альтернативных потребностей и путей их реализации. Категория «ценность» отвечает на вопрос, во имя чего совершается данная деятельность, и выступает как основание выбора ее целей, средств и результатов. Однако необходимо обратить внимание на возможность насильственного установления деструктивных идеалов как в индивидуальном, так и в общественном сознании.

В определении смысла жизни философский аспект вытекает из общих принципов отношений человека и мира, а этический – из нравственных принципов отношений человека с миром и другими людьми, детерминированных многообразными представлениями о морали.

Гедонизм – направление в этике, провозглашающее удовольствие основой и целью жизни. В тесной связи с гедонизмом возник эвдемонизм, понимающий счастье (на основании различных индивидуальных представлений о нем) как высшую ценность. При отсутствии духовно-нравственных ценностных ориентаций человек может связать понимание счастья с удовлетворением первичных потребностей, и его жизнь в таком случае будет нацелена на угождение плоти, что внешне проявится в чревоугодии, лени, мечтах о праздном образе жизни, аморализме. В утилитаризме польза считается основой нравственности и критерием поступков человека, а смысл жизни сводится к получению личной выгоды. Удовлетворение низших потребностей при игнорировании заповедей в христианстве понимается как ориентация на моральное зло: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34).

Социологический подход к определению смысла жизни связан с освоением и воспроизводством общественных ценностей, детерминирующих тип деятельности человека. Главные стимулы поведения могут быть связаны с физическими, экономическими, социальными и духовными потребностями человека, причем неудовлетворенность первичных потребностей закрывает актуальность последующих. Необходимо констатировать, что, несмотря на возрастание обращений за профессиональной психологической помощью, число суицидов в экономически развитых странах не уменьшается. Данный факт свидетельствует о важности реализации духовных ценностей в жизни современного человека и при высоком уровне экономического развития страны в условиях материального благосостояния населения, так как без реализации высших потребностей наступает состояние экзистенциального вакуума: «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» (Еккл. 6, 7).

Психологический аспект определения смысла жизни связан с исследованием психологической структуры личности, ее свойств и особенностей, обусловленных как биологическими, так и социальными факторами. Высшим уровнем развития личности является ее направленность, включающая желания, интересы, склонности, идеалы, взгляды, убеждения человека, его мировоззрение, особенности характера и самооценки. Направленность наиболее полно отражает идеологию общности, в которую человек включен, и, в зависимости от воспитания, может быть сформирована как ориентация на индивидуализм, признающий превосходство отдельной личности, так и как ориентация на гармоничное взаимодействие с окружающим миром, соответствующая коллективизму традиционных для Республики Беларусь христианских конфессий. Любовь к Богу (стремление к самосовершенствованию) и к ближнему (способность видеть в каждом человеке самого себя и отдать свою жизнь за другого человека) как основа всех заповедей христианства предполагает реализацию духовно-нравственных ценностей на практике, что удерживает от аморальных поступков, направляет на совершенствование своих отношений с окружающим миром [1, с. 107].

Обращаясь к различным аспектам в определении смысла жизни, каждая наука вносит ценный вклад в его объяснение. В процессе преподавания дисциплин социо-гуманитарного цикла системный подход к проблеме смысла жизни, учитывающий духовно-нравственный потенциал ценностей христианства, призван способствовать молодому человеку в определении жизненной стратегии и стремлению к изменению себя и своей социальной действительности в соответствии с собственным проектом. В условиях воздействия на молодого человека различных информационных потоков, в том числе и деструктивных, образовательное пространство призвано способствовать ему в формировании духовно-нравственных ценностных ориентаций и социальной ответственности, конструктивного представления о смысле жизни.

Литература:

1. Лагуновская, Е.А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества: монография / Е.А. Лагуновская. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – 147 с.
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> – Дата доступа: 16.05.2025.
3. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/molodezhnaya-politika/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upravlenie-raboty/informatsiya/gosudarstvennye-programmy/>. – Дата доступа: 29.04.2025.

4. Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Белорусским Экзархатом 20 сентября 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turovobraz.by/upload/iblock/f5e/f5e0e16d8d5d9f7407e33ba99b57e0b3.pdf> – Дата доступа: 24.04.2025.

5. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/> – Дата доступа: 16.05.2025.

6. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. О содержании и формах сотрудничества Белорусской Православной Церкви с государственными органами управления и учреждениями образования Республики Беларусь / Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turovobraz.by/upload/iblock/3a2/3a26615452a9b1dda8bc6527cef54cdb.pdf> – Дата доступа: 16.05.2025.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.

Звесткі аб аўтарах

Авласович Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Центром археологии Беларуси института истории НАНБ, (г. Минск, Беларусь).

Баранов Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Россия).

Брыскин Никита – студент Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев, Беларусь).

Бувеч Татьяна Владимировна – заместитель директора учреждения «Государственный архив Витебской области» (г. Витебск, Беларусь).

Быковская Галина Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Россия).

Беспанский Сергей Иванович – директор УК «Музей истории Могилева» (г. Могилев, Беларусь).

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Воробьев Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев, Беларусь).

Галынскі Раман Дзмітрыевіч – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

Герасимович Андрей Сергеевич – студент учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет» (г. Минск, Беларусь).

Голуб Валерий Викторович – младший научный сотрудник культурно-образовательного отдела Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. (г. Минск, Беларусь).

Грибановский Сергей Петрович – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин и физической культуры Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (г. Могилев, Беларусь).

Грузицкий Юрий Леонтьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Беларуси IX-XVIII веков и археологии Института истории НАН Беларуси. (г. Минск, Беларусь).

Даниленко Сергей Иванович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и физической

культуры учреждения образования «Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий», (г. Могилев, Беларусь).

Дубицкая Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (Минск, Беларусь).

Жижиян Сергей Филиппович – магистр исторических наук, директор ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» (г. Быхов, Беларусь).

Заремский Владимир Константинович – преподаватель УО «Могилевский государственный медицинский колледж» (г. Могилев, Беларусь).

Зенько Аксана Леонидовна – зав. сектором научно-исследовательской, публикационной и выставочной деятельности Национального исторического архива Беларуси, (г. Минск, Беларусь).

Зиновьева Александра Александровна – экскурсовод, специалист по туризму «Мостовтур» (г. Гродно, Беларусь).

Капліеў Аляксей Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела наваейшай гісторыі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (г. Мінск, Беларусь).

Кирпич Артем Алексеевич – студент третьего курса факультета физического воспитания и спорта Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (г. Брест, Беларусь).

Ковалев Даниил Владиславович – научный сотрудник УК «Могилевский краеведческий музей им. Е. Р. Романова» (г. Могилев, Беларусь).

Ковалевский Ярослав Витальевич – курсант второго курса УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

Козлова Кристина Ивановна – студентка инженерно-инновационного факультета Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (г. Могилев, Беларусь).

Кондаков Михаил Сергеевич – аспирант Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия).

Костеров Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и физической культуры Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (г. Могилёв, Беларусь).

Лагуновская Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и истории Беларуси Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, (г. Брест, Беларусь).

Литвиновская Юлия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск, Беларусь).

Логвинова Дарья Сергеевна – младший научный сотрудник отдела археологии Средних веков и Нового времени Института истории НАНБ (г. Минск, Беларусь).

Марзалюк Алена Віктараўна – вядучы навуковы супрацоўнік УК “Музей гісторыі Магілёва” (г. Магілёў, Беларусь).

Мартыновская Александра Олеговна – учащаяся УО «Могилевский государственный медицинский колледж» (г. Могилев, Беларусь).

Мельникова Алеся Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», (г. Могилев, Беларусь).

Мядзведзеў Аляксандр Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік аддзела першабытнага грамадства ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі» (г. Мінск, Беларусь).

Орос Никита Иосифович – студент Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк, Россия).

Пазднякоў Валерый Сямёнавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела археаграфіі Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы (г. Мінск, Беларусь).

Петров Дмитрий Николаевич – навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск, Беларусь).

Петрукович Екатерина Юрьевна – учащаяся Могилевского государственного медицинского колледжа (г. Могилев, Беларусь).

Петухоў Аляксандр Васільевіч – магістр гісторыі, вядучы архівіст аддзела навуковага выкарыстання дакументаў і інфармацыі ўстанова “Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці” (г. Магілёў, Беларусь).

Поджаров Владислав Михайлович – УК «Могилёвский областной краеведческий музей им Е.Р. Романова» (г. Могилев, Беларусь).

Прасаловіч Анатолій Вадзімавіч – магістр філалагічных навук (г. Магілёў, Беларусь).

Прачакова Наталля Алегаўна – старшы навуковы супрацоўнік УК “Музей гісторыі Магілёва” (г. Магілёў, Беларусь).

Пушкін Ігар Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін і фізічнай культуры ўстанова адукацыі “Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій” (г. Магілёў, Беларусь).

Раемский Юрий Алексеевич – ученый секретарь УК «Могилевский областной краеведческий музей им. Е. Р. Романова», (г. Могилев, Беларусь).

Рудой Владимир Николаевич – ветеран вооруженных сил Российской Федерации, краевед (г. Смоленск, Россия).

Савосина Ирина Ивановна – фотокорреспондент ООО «Издательский дом «Толока» (г. Могилев, Беларусь).

Свинтицкий Фёдор Алексеевич – подполковник в отставке, военный историк (г. Могилев, Беларусь).

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев, Беларусь.)

Сімакоў Аляксандр Васільевіч – амерыканіст, краязнавец (г. Гомель, Беларусь).

Старостенко Виктор Владимирович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

Сугака Леанід Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук (г. Магілёў, Беларусь).

Сухарьков Виталий Васильевич – старший научный сотрудник УК “Музей истории Могилёва” (г. Могилев, Беларусь).

Тютюнков Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

Федорчук Евгения Игоревна – магистр искусствоведения, научный сотрудник ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» (г. Быхов, Беларусь).

Ціхаміраў Андрэй Уладзіміравіч – магістр культуралогіі, загадчык аддзела навукова-даследчай і экспазіцыйна-выставачнай работы УК “Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі” (г. Гродна, Беларусь).

Черных Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Россия).

Швырёв Алексей Иванович – архивист 1 квалификационной категории, отдел научного использования документов и информации учреждения «Государственный архив Могилевской области» (г. Могилев, Беларусь).

Шелковский Дмитрий Николаевич – старший научный сотрудник УК «Музей истории Могилёва» (г. Могилев, Беларусь).

Шершнева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Шимукенус Михаил Владимирович – учитель истории и обществоведения УО «Средняя школа № 42 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь).

Юдин Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин и физической культуры Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (г. Могилёв, Беларусь).

Юргенсон Всеволод Александрович – научный сотрудник отдела истории Беларуси IX-XVIII веков и археографии Института истории НАН Беларуси, (г. Минск, Беларусь).

Ятин Павел Николаевич – младший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества Института истории НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

Музей гісторыі Магілёва

Размешчаны ў адноўленым будынку помніка архітэктуры XVII стагоддзя – гарадской Ратушы, якая па-праву лічыцца перлінай і візітоўкай горада. Гэта самая высокая Ратуша ў Беларусі і цудоўны помнік эпохі барока.

Музей гісторыі Магілёва

Экспазіцыя музея дазваляе прасачыць асноўныя этапы ў развіцці горада, яна прысвечана часу найбольшага культурнага росквіту Магілёва з XVI па XVIII стагоддзе, калі горад быў адным з самых буйных і ўплывовых ва Усходняй Еўропе.

Побыт гараджан у XVI–XVIII стст., сымбалі ўлады і свабоды, канфесійнае жыццё, вопратка, узбраенне, прылады працы і упрыгожванні, мода і гульні – вядучыя тэмы галоўнай экспазіцыі музея. Выбітная каштоўнасць музейнай экспазіцыі – адзіны ў Беларусі экзэмпляр Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. У экспазіцыі можна пабачыць таксама найкаштоўнейшыя кнігі – “Апостал” друкара Спрыдона Собаля 1632 года і “Вялікае мастацтва артылерыі” Казіміра Семяновіча 1676 г. Мірныя стваральныя гады перарываліся крывапралітнымі войнамі. Іх ілюструюць калекцыя зброі і ўнікальны рыцарскі даспех кан. XV – пач. XVI стст. “Войтаўская зала” вяртае нас у часы магдэбургскага права. Фігуры ў гістарычных касцюмах дазваляюць наведвальнікам яскрава адчуць дух той эпохі.

Магілёўская Ратуша, як і стагоддзі таму, з’яўляецца цэнтрам гарадскога жыцця. Тут адбываюцца ўрачыстыя сустрэчы, падпісанні міжнародных пагадненняў, прэс-канферэнцыі і прыёмы старшыні гарвыканкама, культурныя імпрэзы і рэгістрацыі шлюбав. Для школьнікаў ладзяцца цікавыя музейныя заняткі.

Вежа магілёўскай Ратушы, узведзеная на вышыню 47 м., мае назіральную пляцоўку, з якой адкрываецца маляўнічы відарыс на пойму Дняпра. Бінокуляр з 25-кратным павелічэннем дазваляе дэталёва разгледзіць храмы і масты. На верхнім ярусе вежы усталяваны ўнікальны механічны гадзіннік, ягоны бой звонаў агалошвае наваколле.

УК “Музей гісторыі Магілёва”

212030 г. Магілёў, вул. Ленінская 1а

Тэл.(80222) 24 50 11, 78 59 68

info@museumhm.by

<https://museumhm.by/ru/>

Музей працуе

з 10.00 да 18.00

Выходныя дні:

панядзелак і аўторак

Навуковае выданне

ГІСТОРЫЯ МАГІЛЁВА: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў
XIV Міжнароднай навуковай канферэнцыі
27–28 чэрвеня 2025 г.

Укладальнік
С. І. Бяспанскі
Тэхнічны-рэдактар
Я. С. Арцёмчык
дызайн вокладкі
Я. С. Арцёмчык